UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00317809 2

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ **В. Я. БРЮСОВА**, БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ, ВАРІАНТАМИ, ФАКСИМИЛЕ И ПОРТРЕТОМЪ

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ, ВНОВЬ ПРОСМОТРѢННОЕ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
П. В. БЫКОВА.

ИЗДАНІЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

PG
3361
T5
1912

LIBRARY
DEC 13 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1030234

Самообманъ

Свѣтилъ Мѣсяцъ на небосклонѣ ярко
И День отгадавшій, землелюбивый,
Какъ золотой покровъ · онъ свѣтилъ
Покровомъ накинутымъ надъ бѣдой —
И какъ видѣнье, великій Міръ усталъ ....
И человѣкъ, какъ грѣшникъ безумный,
Смотритъ теперь и не можетъ и боль
Лицемѣрно къ лицу прижавъ [illegible]

На самомъ себѣ накинутый онъ —
Заразившій умъ и мысль ненужнымъ —
Не будетъ свой какъ во бѣдѣ нерадивой
И нѣтъ извѣстно опять имя [illegible] ....
И будетъ давно минувшимъ сномъ
Ему теперь все свѣтлое, дивное .....
И восстанетъ, перерожденный, тогда
Отъ [illegible] золотые розовые.

(1ое Марта. 1850)

Не чудо молвы прошелъ во народы,
Тотъ родилось не во нашемъ роде
То древний былъ, то Славный былъ
Семилетный тотъ умный походъ —
~~Жаркая Ева~~ — ~~историческая~~!
Свершился онъ — и грянулъ тамъ ....
1850 г. мая.

И Славы древнее Сокровище,
По возобновленной Византии
Вновь отнятъ Христовъ Алтарь! —
Пали предо нами, О Царь России —
И встань — Какъ Православный Царь.

А. Майковъ

Предисловіе.

Появившіяся въ 1900 году «Сочиненія Ѳ. И. Тютчева», быстро разошедшіяся, нынѣ стали библіографической рѣдкостью. Они были изданы его ближайшими родственниками, имѣвшими въ своемъ распоряженіи рукописи поэта, приведенныя въ порядокъ его первой супругой Эрнестиной Ѳедоровной Тютчевой,—и потому это изданіе отличалось отъ прежнихъ изданій (1868 и 1886 гг.) несравненно большей полнотою. Однако и въ немъ оказались пропуски, и кромѣ того текстъ стихотвореній редактированъ безъ всякой системы. Такъ, одни стихотворенія печатались по рукописямъ, въ первоначальномъ видѣ, несмотря на позднѣйшія поправки самого автора, другія въ исправленномъ видѣ. Не обошлось и безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Напримѣръ, за новыя стихотворенія выданы уже бывшія въ печати, и включено стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, давно помѣщенное въ собраніи сочиненій послѣдняго. Въ настоящемъ новомъ изданіи произведеній Тютчева недостатки предыдущаго изданія (1900 г.), все-таки достойнаго похвалы и вниманія, по возможности устранены. Включено около *пятнадцати* новыхъ стихотвореній, не вошедшихъ ни въ одно изъ прежнихъ изданій. Самый текстъ стихотвореній Тютчева тщательно провѣренъ и исправленъ, при чемъ руководящимъ изданіемъ, до извѣстной степени, принято вышедшее въ 1854 году, при участіи И. С. Тургенева, и уже получившее право гражданства. Что̀ касается стихотвореній дальнѣйшихъ годовъ (1854—1873) и прежнихъ, неизданныхъ, то бо̀льшая часть изъ нихъ напечатана здѣсь въ ихъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ они появились въ періодической печати.

Для достиженія возможной полноты настоящаго изданія и для провѣрки текста пересмотрѣны журналы, альманахи, сборники, газеты, столичные и провинціальные, за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ. Изъ помѣщеннаго въ приложеніяхъ къ настоящему собранію стихотвореній библіографическаго указателя можно видѣть—въ какихъ разнообразныхъ и часто совершенно малоизвѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ помѣщались стихотворенія Тютчева, въ особенности юношескія его попытки. Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, на основаніи рукописныхъ или печатныхъ данныхъ, за исключеніемъ немногихъ пьесъ, даты которыхъ установить трудно. Независимо отъ раздѣленія стихотвореній на оригинальныя и переводныя, выдѣлены, согласно указанію свѣдущихъ критиковъ, въ особую группу и такъ называемыя политическія стихотворенія Тютчева, о которыхъ И. С. Аксаковъ, первый біографъ поэта, сказалъ, что «они дороги только по имени автора, а не сами по себѣ». Въ приложеніяхъ настоящаго изданія помѣщены: 1) острословія Ѳ. И. Тютчева, 2) стихотворенія, посвященныя поэту и памяти его, и 3) примѣчанія и варіанты. Наконецъ стихотвореніямъ предпосланъ критико-біографическій очеркъ поэта, принадлежащій перу В. Я. Брюсова, извѣстнаго поэта и знатока исторіи нашей литературы, такъ много потрудившагося въ области изученія жизни и творчества Тютчева. Настоящее седьмое изданіе вновь просмотрѣно и исправлено, при чемъ приняты во вниманіе и нѣкоторыя указанія критики.

Петръ Быковъ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Критико-біографическій очеркъ В. Я. Брюсова.

1. Жизнь.

I.

Семья, въ которой родился Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, была обычной, русской барской семьей конца XVIII и начала XIX вѣка. Люди независимые, не принадлежащіе къ служилому чиновничеству, Тютчевы жили въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, широкой жизнью. Ихъ домъ, какъ многіе московскіе дома того времени, славился гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ. Въ семьѣ преобладалъ французскій языкъ, но свято сохранялись обычаи родной старины, особенно всѣ православные обряды.

Отецъ поэта, Иванъ Николаевичъ Тютчевъ, образованіе получилъ въ Греческомъ корпусѣ, основанномъ Екатериною Великою, и въ молодости служилъ въ военной службѣ. Онъ вышелъ въ отставку рано, въ чинѣ поручика, женился и ни на какую службу больше не поступалъ. Онъ отличался благодушіемъ и мягкостью характера, былъ человѣкъ простой, разсудительный, со здравымъ взглядомъ на вещи. Будучи въ общемъ чуждъ литературныхъ интересовъ, онъ былъ довольно близокъ съ Жуковскимъ и цѣнилъ его дарованіе.

Мать поэта, Екатерина Львовна, урожденная Толстая, напротивъ, была во многихъ отношеніяхъ женщина выдающаяся. Въ домѣ она господствовала и несомнѣнно имѣла главное вліяніе на воспитаніе сына, не считая того, что онъ унаслѣ-

довалъ многія ея душевныя свойства. При рѣдкомъ, остромъ умѣ, Екатерина Львовна обладала фантазіей, развитой до крайности, и была склонна къ припадкамъ крайняго унынія, близкаго къ ипохондріи. Она была въ то же время очень набожна, и въ ея спальнѣ постоянно читались на церковно-славянскомъ языкѣ псалтырь, часословъ, молитвенники. Вліянію матери можно приписать религіозность поэта, не оставлявшую его всю жизнь. Остается добавить, что Екатерина Львовна была воспитана своей теткой, графиней Остерманъ, и этимъ объясняется, почему герой Кульма, гр. А. И. Остерманъ-Толстой принималъ участіе въ судьбахъ Ѳедора Ивановича.

Лѣто Тютчевы большею частью проводили въ своемъ родовомъ имѣніи Овстугъ (Орловской губ., Брянскаго уѣзда), названіе котораго нѣсколько разъ встрѣчается подъ стихами Тютчева. Здѣсь-то, 23 ноября 1803 г., родился у Тютчевыхъ сынъ Ѳедоръ. Онъ былъ вторымъ ребенкомъ въ семьѣ. Старше его былъ сынъ Николай (р. 1800 г.), служившій впослѣдствіи въ военной службѣ. Н. И. Тютчевъ былъ человѣкъ умный, начитанный, но не надѣленный никакими особыми талантами. Ѳ. И. Тютчевъ въ теченіе всей своей жизни былъ связанъ съ братомъ тѣсной дружбой, и на смерть его, въ 1870 г., написалъ свои трогательные стихи: «Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ». Моложе двухъ братьевъ была сестра Дарья (р. 1806 г.), впослѣдствіи вышедшая замужъ за писателя Н. В. Сушкова и умѣвшая цѣнить дарованіе своего брата-поэта.

Говорятъ, что съ самаго ранняго возраста маленькій Ѳедя проявлялъ исключительныя способности. Онъ сдѣлался любимцемъ и баловнемъ бабушки, графини Остерманъ, и всей семьи. Можетъ-быть, это баловство уже съ дѣтства отучило Тютчева отъ усидчивой работы. Онъ рано привыкъ дѣлать все шутя, тѣмъ болѣе, что всякое ученіе давалось ему поразительно легко. Родители рѣшили дать ему лучшее, какое только могли, образованіе, и вскорѣ послѣ грозы 1812 года (которую Тютчевы пережидали въ Ярославлѣ), пригласили къ нему воспитателемъ Семена Егоровича Раича, для подготовки Тютчева къ поступленію въ университетъ.

Раичъ былъ тогда 20-лѣтнимъ юношей, недавно кончившимъ курсъ семинаріи (онъ былъ изъ духовнаго званія), преподавателемъ русской словесности въ московскомъ «Уни-

верситетскомъ пансіонѣ». Впослѣдствіи Раичъ составилъ себѣ видное имя переводами «Георгикъ» Виргилія, «Освобожденнаго Іерусалима» Тассо, и «Неистоваго Орланда» Аріосто. Человѣкъ своеобразный, даровитый, прекрасно образованный, Раичъ былъ изъ числа душъ, «не созданныхъ для міра». Его трогательное безкорыстіе граничило съ наивностью, его безпредѣльная преданность искусству могла многимъ казаться смѣшной. Онъ былъ совершенно чуждъ практической жизни, вовсе не умѣлъ «устраиваться» и старость встрѣтилъ въ большой бѣдности.

Въ домѣ Тютчевыхъ Раичъ провелъ шесть лѣтъ. Онъ быстро снискалъ любовь своего ученика, и Ѳедоръ Ивановичъ до конца жизни сохранилъ къ Раичу дружескія чувства. Изъ его уроковъ Тютчевъ вынесъ хорошее знаніе античной литературы, въ частности поэзіи. Подъ вліяніемъ Раича Тютчевъ и самъ началъ писать стихи. Самое раннее изъ дошедшихъ до насъ стихотвореній Тютчева связано съ именемъ Раича: это переводъ «Посланія Горація къ Меценату», представленный Раичемъ Обществу Любителей Россійской Словесности, которое, въ своемъ засѣданіи 30 марта 1818 года, почтило 14-лѣтняго переводчика званіемъ «сотрудника».

Мы мало знаемъ о тѣхъ годахъ жизни Тютчева, когда онъ находился подъ руководствомъ Раича. Сохранились однако извѣстія о томъ, что зимой 1817—1818 гг. Тютчевъ встрѣчался съ Жуковскимъ, который провелъ тогда въ Москвѣ всю зиму вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ. Раичъ, конечно, не могъ не объяснить своему воспитаннику значенія того поэта, которому Державинъ завѣщалъ свою «ветху лиру», и Тютчевъ могъ отнестись сознательно къ этимъ встрѣчамъ. 28 октября 1817 г. Жуковскій обѣдалъ въ домѣ Тютчевыхъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 17 апрѣля 1818 г., рано утромъ, отецъ водилъ молодого Тютчева къ Жуковскому, въ Чудовъ монастырь, гдѣ онъ тогда жилъ. То было въ ночь, когда родился Александръ Николаевичъ (впослѣдствіи императоръ Александръ II), и въ одномъ изъ своихъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Тютчевъ вспоминаетъ объ этой ночи («На раннихъ дней моихъ зарѣ...»).

Осенью 1818 г. кончилось домашнее воспитаніе Тютчева, и онъ поступилъ въ Московскій университетъ), по отдѣлу словесныхъ наукъ. Въ университетѣ Тютчевъ сошелся съ М. П. Погодинымъ, который былъ старше его на три года и старше

по курсу. Въ дневникахъ и воспоминаніяхъ Погодина сохранился для насъ образъ Тютчева-студента.

Въ воспоминаніяхъ, написанныхъ уже по смерти Тютчева, Погодинъ такъ разсказываетъ объ одной изъ ихъ первыхъ встрѣчъ: «Мнѣ представляется онъ въ воображеніи, какъ въ первый разъ пришелъ я къ нему, университетскому товарищу, на свиданіе во время вакаціи. Молоденькій мальчикъ, съ румянцемъ во всю щеку, въ зелененькомъ сюртучкѣ, лежитъ онъ, облокотясь на диванѣ, и читаетъ книгу.—«Что̀ это у васъ?»—«Виландовъ Агатодемонъ».

Въ дневникахъ, которые Погодинъ велъ въ годы студенчества, онъ постоянно восхищается «рѣдкими, блестящими дарованіями» Тютчева. Вотъ характерная запись изъ этого дневника: «Ходилъ въ деревню къ Тютчеву (дѣло тоже происходило «во время вакаціи», когда Погодинъ жилъ поблизости отъ Тютчевыхъ, учителемъ, въ домѣ кн. Трубецкого), разговаривалъ съ нимъ о нѣмецкой, русской, французской литературѣ, о религіи, о Моисеѣ, о божественности Іисуса Христа, объ авторахъ, писавшихъ объ этомъ, о Виландѣ, Лессингѣ, Шиллерѣ, Аддисонѣ, Паскалѣ, Руссо. Еще разговаривали о бѣдности нашей въ писателяхъ. Что̀ у насъ есть? Какія мы имѣемъ книги отъ нашихъ богослововъ, философовъ, математиковъ, физиковъ, химиковъ, медиковъ?—О препятствіяхъ у насъ къ просвѣщенію». Эта запись показываетъ, какъ широки и разнообразны были интересы Тютчева уже и въ эту пору.

Есть извѣстіе, что впечатлѣніе удивительной даровитости Тютчевъ-студентъ производилъ не на одного только Погодина. Во время пребыванія Тютчева въ университетѣ, его отецъ нашелъ нужнымъ приглашать къ себѣ въ домъ профессоровъ, и такимъ образомъ въ гостиной Тютчевыхъ появлялись и Мерзляковъ, и Оболенскій, и многіе другіе извѣстные ученые. Говорятъ, что они охотно вступали въ бесѣды и въ споры съ юношей-Тютчевымъ.

Въ то же время Тютчевъ сдѣлался виднымъ членомъ небольшого литературнаго общества, образовавшагося около С. Е. Раича, который не прерывалъ сношеній со своимъ бывшимъ воспитанникомъ. Это общество составляла цѣлая плеяда молодыхъ писателей, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи заслужили почетную извѣстность. Такъ, тамъ бывали: князь В. Ѳ. Одоевскій, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, Д. П.

Ознобишинъ, В. П. Титовъ, П. В. Путята, В. П. Оболенскій... Тютчевъ принималъ участіе въ ихъ собраніяхъ, на которыхъ обсуждались различные литературные вопросы, а позднѣе былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ альманаховъ, издававшихся С. Е. Раичемъ при содѣйствіи членовъ своего Общества.

Тогда же началась и литературная дѣятельность Тютчева. Тотъ его переводъ «Посланія Горація», за который онъ получилъ званіе «сотрудника» Общества Любителей Россійской Словесности, былъ напечатанъ въ 1819 г. въ «Трудахъ» Общества. Въ 1820 г. Тютчевъ читалъ на торжественномъ актѣ университета стихотвореніе «Уранія», которое затѣмъ было напечатано въ особой брошюрѣ, гдѣ были собраны всѣ рѣчи, читанныя на актѣ. Когда стала извѣстна «Ода на вольность» Пушкина, Тютчевъ написалъ въ отвѣтъ стихи («Огнемъ свободы пламенѣя»), получившіе нѣкоторое распространеніе въ спискахъ. Рядъ другихъ стихотвореній былъ написанъ Тютчевымъ въ началѣ 20-хъ годовъ и частью въ 20-хъ же годахъ появился въ печати. Лица, знавшія Тютчева, начинали смотрѣть на него, какъ на поэта.

Что̀ до хода занятій Тютчева, какъ студента, то, кажется, учился онъ въ университетѣ довольно небрежно. Погодинъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько разъ отмѣчаетъ, что Тютчевъ къ лекціямъ относился невнимательно, и разсказываетъ, что помогалъ Тютчеву при сдачѣ экзаменовъ, писалъ за него отвѣты на экзаменѣ по исторіи Востока. Это не помѣшало Тютчеву сдать экзамены, осенью 1821 г., «отлично».

Послѣдніе мѣсяцы 1821 г. Тютчевъ, покончивъ наконецъ съ «годами ученія», провелъ въ томъ, что̀ называется «разсѣянной жизнью». Онъ охотно посѣщалъ общество и пользовался въ немъ успѣхомъ. Въ началѣ 1822 г. Тютчева отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Но весной судьба его была перерѣшена: онъ отправился съ графомъ А. И. Остерманомъ-Толстымъ, для службы за границу. «Судьбѣ угодно было,—говорилъ позднѣе Тютчевъ: — вооружиться послѣдней рукой Толстого (онъ потерялъ руку на поляхъ Кульма), чтобы переселить меня на чужбину». Передъ отъѣздомъ Тютчевъ побывалъ въ Москвѣ и 11 іюля 1822 г. выѣхалъ въ Германію, чтобы провести, съ небольшими перерывами, двадцать два года на чужбинѣ.

II.

Первыя шестнадцать лѣтъ своей заграничной жизни Тютчевъ провелъ въ Мюнхенѣ, служа при нашемъ посольствѣ.

18-лѣтній юноша оказался въ чужой странѣ, въ большомъ городѣ почти совсѣмъ одинокимъ. Увѣряютъ, что нашъ посланникъ при Баварскомъ дворѣ, Потемкинъ (какъ впослѣдствіи и его преемникъ, князь Г. И. Гагаринъ), принималъ въ судьбѣ Тютчева большое участіе, но оно, конечно, не могло замѣнить уюта родного дома. Чувствомъ тоскливаго одиночества проникнуты первые стихи Тютчева, написанные имъ въ Мюнхенѣ («Друзьямъ» при посылкѣ «Пѣсни Радости» Шиллера и переводъ элегіи Ламартина). Изъ всѣхъ, съ дѣтства близкихъ къ Тютчеву лицъ, съ нимъ остался только его дядька, Николай Аѳанасьевичъ Хлоповъ, не захотѣвшій разстаться съ «дитятей», за которымъ ходилъ съ его 4-хъ лѣтняго возраста, и послѣдовавшій за нимъ въ Мюнхенъ. Изъ нѣмецкой квартиры Тютчева Хлоповъ сдѣлалъ русскій уголокъ, гдѣ къ столу подавались русскія кушанья, и гдѣ подъ праздникъ зажигались въ божницѣ лампады.

Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, Тютчевъ сумѣлъ найти свой путь въ жизни. Его не соблазнила возможность легкаго, поверхностнаго существованія, открывшаяся передъ нимъ. Онъ продолжалъ учиться и воспользовался своимъ пребываніемъ въ Германіи, чтобы прекрасно узнать современную нѣмецкую литературу. Именно отъ этой эпохи его жизни дошли до насъ его переводы изъ Гёте, Шиллера, Гейне, а также изъ Гюго, Ламартина, Байрона, Шекспира. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тютчевъ не только вошелъ въ избранное мюнхенское общество, но и сумѣлъ занять въ немъ видное мѣсто. Свободно владѣя иностранными языками, онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ и желаннымъ гостемъ въ мюнхенскихъ гостиныхъ.

Какой бы то ни было разгулъ былъ чуждъ существу Тютчева: ни въ чемъ подобномъ не обвиняетъ его никто, изъ лично знавшихъ его въ молодости. Но первые годы жизни Тютчева въ Мюнхенѣ были не бѣдны различными романтическими приключеніями. Тютчевъ увлекался женщинами легко, но съ истинной страстью. Смутные отголоски этихъ юношескихъ драмъ, пережитыхъ Тютчевымъ, дошли до насъ въ та-

кихъ его стихахъ, какъ «Въ толпѣ людей, въ нескромномъ шумѣ дня», «Къ Н...», «Я помню время золотое»... Намъ извѣстно и имя той, къ которой обращено послѣднее изъ названныхъ здѣсь стихотвореній. То была графиня Амалія Максимиліановна Лерхенфельдъ. Между прочимъ, дядька Хлоповъ сердито докладывалъ въ письмѣ матери Тютчева, что влюбленный поэтъ изволилъ обмѣняться съ красавицей-графиней часовыми цѣпочками, при чемъ вмѣсто своей золотой получилъ въ обмѣнъ только шелковую.

Послѣ трехъ лѣтъ жизни въ Мюнхенѣ, Тютчевъ, въ 1825 году, пріѣзжалъ въ отпускъ въ Россію. По тому впечатлѣнію, какое онъ произвелъ на знавшихъ его ранѣе, можно судить, какъ измѣнили его годы жизни за границей. Послѣ своей встрѣчи съ Тютчевымъ Погодинъ записалъ въ дневникѣ: «Говорилъ съ Тютчевымъ объ иностранной литературѣ, о политикѣ, объ образѣ жизни тамошней. Мечетъ словами, хотя и видно, что тамъ не слишкомъ много занимался дѣломъ. Онъ пахнетъ дворомъ. Отпустилъ мнѣ много остротъ. «Въ Россіи канцелярія и казарма, все движется около кнута и чина». Немного позже въ дневникѣ Погодина записано: «Говорилъ съ Тютчевымъ, съ которымъ мнѣ не говорится. Остро сравнивалъ Тютчевъ нашихъ ученыхъ съ дикими, кои бросаются на вещи, выброшенныя къ нимъ кораблекрушеніемъ». Изъ этихъ отзывовъ видно, что Тютчевъ, вернувшись въ Москву, живо ощущалъ свое превосходство, какъ европейца, передъ своими бывшими сотоварищами.

Въ Россіи, въ 1825 г., Тютчевъ провелъ болѣе полугода. Въ Россіи былъ онъ и 14 декабря (хотя, кажется, не въ Петербургѣ), такъ что его стихи къ декабристамъ написаны подъ болѣе или менѣе живымъ впечатлѣніемъ. Надо замѣтить, что въ юности Тютчевъ держался нѣсколько иныхъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ, нежели впослѣдствіи. Въ дневникѣ Погодина, напримѣръ, подъ 1820 г. записано: «Говорилъ съ Тютчевымъ о молодомъ Пушкинѣ, объ его одѣ на вольность, о свободномъ благородномъ духѣ, появляющемся у насъ». Этимъ духомъ проникнуты и стихи Тютчева, написанные въ отвѣтъ на оду Пушкина. О томъ же говорятъ и только-что приведенныя выраженія Тютчева въ разговорѣ съ Погодинымъ въ 1825 г.: «въ Россіи канцелярія и казарма, все движется около кнута и чина». Самые стихи къ

декабристамъ исполнены сочувствія къ этимъ «жертвамъ мысли безразсудной». Только послѣ 1825 г., не безъ вліянія, быть-можетъ, событій 14 декабря, взгляды Тютчева измѣнились, и онъ пришелъ къ своимъ позднѣйшимъ убѣжденіямъ.

Въ началѣ 1826 г. Тютчевъ вновь покинулъ Россію, и на этотъ разъ его разрывъ съ русской жизнью былъ еще болѣе рѣшительнымъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Мюнхенъ, Тютчевъ женился на вдовѣ Эмиліи-Элеонорѣ Петерсонъ, урожденной графинѣ Ботмеръ. Она была уже не первой молодости, но всѣ ее знавшіе называютъ ее милой, прелестной, умной. Кромѣ обширной семьи Ботмеровъ, Тютчевъ черезъ жену породнился еще съ ея родственниками по матери, Ганштейнами. Такимъ образомъ Тютчевъ сблизился сразу съ двумя старыми аристократическими фамиліями Баваріи. Постепенно гостиная Тютчевыхъ сдѣлалась виднымъ средоточіемъ мѣстнаго общества; здѣсь бывали нѣмецкіе родственники Тютчева, члены нашей миссіи, всѣ русскіе, попадавшіе въ Мюнхенъ, и многіе изъ иностранныхъ гостей.

Эта эпоха жизни Тютчева совпадала съ тѣмъ временемъ, когда вновь вступившій на престолъ (въ 1825 г.) король Баварскій Людовикъ I сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы придать Мюнхену блескъ, превратить его въ «нѣмецкія Аѳины». Баварское правительство начало организовывать въ Мюнхенѣ цѣлый рядъ научныхъ и образовательныхъ учрежденій: всевозможные музеи, пинакотеки, глиптотеки и т. п. Былъ основанъ университетъ, и для чтенія въ немъ лекцій были приглашены въ Мюнхенъ знаменитѣйшіе нѣмецкіе ученые, въ томъ числѣ—Окенъ и Шеллингъ. Оживленная духовная дѣятельность привлекла въ Мюнхенъ немало и другихъ ученыхъ и писателей. Тютчевъ такимъ образомъ оказался въ самомъ центрѣ нѣмецкой культурной жизни своего времени.

Опредѣлить весь кругъ лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться Тютчеву въ годы его мюнхенской жизни, было бы трудно. Но мы знаемъ, что онъ былъ близокъ съ Шеллингомъ, который высоко цѣнилъ Тютчева и охотно вступалъ съ нимъ въ длинные споры, отличавшіеся большой горячностью. Болѣе дружески сблизился Тютчевъ съ Гейне, который не разъ бывалъ въ Мюнхенѣ; Гейне называетъ, въ одномъ письмѣ, Тютчева «лучшимъ изъ своихъ мюнхенскихъ друзей». Въ числѣ своихъ друзей считалъ Тютчевъ двухъ братьевъ

бароновъ Мальтицевъ, изъ которыхъ одинъ былъ женатъ также на Ботмеръ, сестрѣ Тютчевой. Оба брата Мальтицы писали нѣмецкіе стихи и пользовались въ свое время нѣкоторой извѣстностью. Изъ лицъ, близкихъ Тютчеву, надо еще назвать нашего посланника (смѣнившаго Потемкина), князя Г. И. Гагарина, и баварскаго министра внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Шенка: и тотъ и другой были причастны литературѣ, и Гейне, не безъ преувеличенія, конечно, называлъ фонъ-Шенка своимъ «пэромъ», т.-е. «равнымъ по таланту».

Изъ русскихъ, которыхъ въ 20-хъ—30-хъ годахъ привлекала въ Мюнхенъ возраставшая слава новаго университета, было также нѣсколько лицъ выдающихся. Осенью 1829 г. пріѣхали въ Мюнхенъ братья П. и В. Кирѣевскіе и провели тамъ всю зиму. Они не только часто бывали у Тютчева, но оцѣнили его, и въ своихъ письмахъ не разъ говорятъ о его замѣчательныхъ дарованіяхъ, умѣ и познаніяхъ. П. В. Кирѣевскій сообщаетъ, между прочимъ, что пользовался книгами по философіи изъ библіотеки Тютчева. Въ 1830 г. жилъ въ Мюнхенѣ Н. М. Рожалинъ, многообѣщавшій, но рано умершій юноша, которому покровительствовала княгиня З. А. Волконская. Рожалинъ также много говоритъ въ своихъ письмахъ о Тютчевѣ, который оказалъ ему немало услугъ. Наконецъ, осенью 1833 г., на службу при нашемъ посольствѣ въ Мюнхенѣ поступилъ племянникъ посланника, князь П. С. Гагаринъ, который, сблизившись съ Тютчевымъ, сталъ пророкомъ его поэзіи въ Россіи.

Впрочемъ, Тютчевъ далеко небезвыѣздно жилъ въ Мюнхенѣ. Нѣсколько разъ онъ совершалъ маленькія поѣздки въ другія мѣстности Германіи и въ Швейцарію. Два раза предпринималъ онъ и болѣе отдаленныя путешествія. Въ 1830 г. онъ вторично ѣздилъ въ Россію, на этотъ разъ на болѣе короткое время, чтобы познакомить свою жену съ ея русскими родственниками. По пути, проѣзжая черезъ Гамбургъ, Тютчевы заѣзжали въ Вандсбекъ, навѣстить Гейне. Въ 1833 г. Тютчевъ, по собственному желанію, былъ отправленъ курьеромъ съ дипломатическимъ порученіемъ на Іоническіе острова, гдѣ познакомился, между прочимъ, съ Д. В. Полѣновымъ (сыномъ извѣстнаго В. А. Полѣнова). Кажется, въ Грецію Тютчевъ ѣхалъ черезъ Италію, впечатлѣнія которой дали ему поводъ написать его стихи «Mal'aria».

Движеніе по службѣ Тютчева шло тѣмъ временемъ своимъ чередомъ. Сначала Тютчевъ былъ сверхштатнымъ, потомъ штатнымъ чиновникомъ нашего посольства, наконецъ исполняющимъ должность «повѣреннаго въ дѣлахъ». Въ 1825 г. былъ онъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ (званіе, которое Пушкинъ, бывшій на три года старше, получилъ восемь лѣтъ спустя), въ 1835—камергеромъ. Семейство Тютчева все увеличивалось. У жены Тютчева были дѣти отъ перваго брака (три сына); отъ брака съ Тютчевымъ у нея родились три дочери. Сохранившаяся отъ того времени семейная переписка свидѣтельствуетъ, что Тютчевы, плохіе хозяева, при своей большой семьѣ и при своемъ общественномъ положеніи, часто нуждались въ средствахъ.

Что до поэтическаго творчества, то въ теченіе долгихъ лѣтъ Тютчеву приходилось работать, такъ сказать, въ пустотѣ. Въ два своихъ пріѣзда въ Россію онъ возобновлялъ отношенія съ нѣкоторыми кругами писателей. Стихи его, съ 1828 г. по 1835 г., печатались въ разныхъ изданіяхъ, въ альманахахъ Погодина и Ранча, «Ураніи», «Сѣверной Лирѣ», «Галатеѣ», «Розѣ Грацій», «Сироткѣ», затѣмъ въ «Телескопѣ», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»... Но большинство изъ этихъ изданій (кромѣ двухъ послѣднихъ) были очень мало распространены, и имя Тютчева въ Россіи оставалось почти неизвѣстнымъ. Да и напечатана была лишь небольшая часть стихотвореній, написанныхъ Тютчевымъ. Нѣмецкіе же друзья Тютчева хотя и знали, что онъ пишетъ стихи (Гейне называетъ его въ письмахъ поэтомъ), конечно, не могли оцѣнить его поэзіи, по незнанію языка.

Одинъ несчастный случай погубилъ немало раннихъ стихотвореній Тютчева. Вернувшись изъ Греціи, Тютчевъ сталъ жечь ненужныя бумаги и нечаянно бросилъ въ огонь тетрадь со стихами. Въ ней былъ, между прочимъ, переводъ части «Фауста». Разсказывая объ этомъ событіи, Тютчевъ говоритъ, что сначала былъ опечаленъ, замѣтивъ свою оплошность, но «довольно скоро утѣшился, вспомнивъ, что сгорѣла и Александрійская библіотека».

Впрочемъ, и въ уцѣлѣвшихъ стихахъ Тютчева этого періода вполнѣ выразилось своеобразіе его поэзіи. Это своеобразіе сумѣлъ оцѣнить князь И. С. Гагаринъ, который, узнавъ стихи Тютчева, первый призналъ его однимъ изъ лучшихъ

нашихъ поэтовъ. Вернувшись въ 1835 г. изъ Мюнхена въ Петербургъ, кн. Гагаринъ изумился, что Тютчевъ, какъ поэтъ, вовсе неизвѣстенъ въ Россіи, и взялъ на себя благодарный трудъ познакомить съ его стихами лучшихъ представителей тогдашней литературы. Послѣ настоятельныхъ просьбъ кн. Гагарина, Тютчевъ прислалъ ему въ Петербургъ свои тетради со стихами. Кн. Гагаринъ передалъ ихъ князю П. А. Вяземскому. Этимъ было положено начало извѣстности Тютчева.

«Черезъ нѣсколько дней, — разсказываетъ кн. Гагаринъ въ письмѣ: — невзначай прихожу къ князю Вяземскому за полночь и нахожу его вдвоемъ съ Жуковскимъ за вашими стихами. Они были вполнѣ увлечены поэтическимъ чувствомъ, которое дышитъ въ вашихъ стихахъ. Я былъ въ восхищеніи, въ восторгѣ, и каждое слово, каждое замѣчаніе, особенно Жуковскаго, убѣждало меня, что они вѣрно поняли всѣ оттѣнки и всю прелесть этой простой и глубокой мысли. Тутъ же рѣшено было напечатать пять-шесть, потомъ выпустить отдѣльной книжкой. На другой день узналъ о нихъ Пушкинъ. Я его потомъ видѣлъ; онъ цѣнитъ ихъ, какъ должно, и отзывался мнѣ о нихъ весьма сочувственно».

Тютчевъ не могъ остаться равнодушнымъ къ такому пріему, оказанному его творчеству поэтами, геній которыхъ онъ умѣлъ цѣнить. «Ваше послѣднее письмо, — писалъ онъ въ отвѣтъ князю Гагарину: — обрадовало меня исключительнымъ образомъ. И то была не суетная радость самовлюбленности (восторги этого рода прошли для меня), но радость сознанія, что другой понимаетъ твои идеи и сочувствуетъ имъ... Все же, дорогой другъ, я сильно сомнѣваюсь, чтобы мое бумагомараніе, посланное вамъ, заслуживало чести быть напечатаннымъ, и особенно отдѣльнымъ изданіемъ».

Отдѣльнаго изданія стиховъ Тютчева тогда не состоялось; но Пушкинъ далъ имъ почетное мѣсто въ своемъ «Современникѣ». Въ третьей книгѣ «Современника» за 1836 г. помѣщено 16 стихотвореній Тютчева подъ общимъ заглавіемъ: «Стихотворенія, присланныя изъ Германіи», и съ подписью: Ѳ. Т. Послѣ этого стихи Тютчева продолжали появляться въ «Современникѣ» какъ при жизни Пушкина, такъ и послѣ его смерти, до 1840 года включительно.

III.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ жизни Тютчева произошли большія перемѣны.

Въ 1837 г. состоялось его перемѣщеніе по службѣ въ Туринъ, тогдашнюю столицу королевства Сардинскаго. Тютчевъ былъ назначенъ старшимъ секретаремъ нашего посольства. Это измѣняло весь строй его жизни, съ которымъ онъ свыкся за 14 лѣтъ своего пребыванія въ Мюнхенѣ. Есть извѣстіе, что назначеніе въ Туринъ не совсѣмъ согласовалось съ желаніями Тютчева, который надѣялся получить постъ въ Вѣнѣ.

Прежде чѣмъ отправиться на мѣсто своего назначенія, Тютчевъ снова повезъ свою жену и дѣтей въ Петербургъ. То была его третья поѣздка изъ-за границы въ Россію, падающая на осенніе мѣсяцы 1837 г. Тютчевъ прожилъ въ Россіи до середины ноября и въ Туринъ прибылъ одинъ. Жена же его провела у родныхъ мужа всю зиму. Изъ Петербурга за границу она отправилась весной 1838 г., на пароходѣ «Николай I», на которомъ, недалеко отъ Любека, случился пожаръ, едва не стоившій жизни всѣмъ на немъ бывшимъ лицамъ. Тютчева, въ опасности, выказала немалое мужество. Однако потрясеніе, которое она перенесла, и простуда, которой она подверглась, такъ на нее подѣйствовали, что, по пріѣздѣ въ Туринъ, она расхворалась и умерла 9 (21) сентября того же 1838 года.

Смерть жены страшно поразила Тютчева. Говорятъ, что онъ отъ горя посѣдѣлъ. Въ одномъ письмѣ, написанномъ имъ въ то время, онъ говоритъ: «Есть ужасныя годины въ существованіи человѣческомъ. Пережить все, чѣмъ мы жили въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ. Что̀ обыкновеннѣе моей судьбы и что̀ ужаснѣе? Все пережить и все-таки жить!.. Ужасно, несказанно ужасно для бѣднаго человѣческаго сердца отречься навсегда отъ счастья»...

Нѣкоторой поддержкой для Тютчева была его встрѣча въ томъ же году съ Жуковскимъ, который совершалъ тогда съ наслѣдникомъ путешествіе по Европѣ. «Вы принесли съ собой,—писалъ Тютчевъ Жуковскому:—то, что̀ послѣ нея (т.-е. послѣ покойной жены) я болѣе всего любилъ въ мірѣ: отечество и поэзію». Тютчевъ не видалъ Жуковскаго съ дней своего ранняго дѣтства, но они встрѣтились, какъ люди близкіе. Вто-

рую половину октября 1838 г. и февраль 1839 г. они провели вмѣстѣ (такъ какъ Тютчевъ ѣздилъ представляться наслѣднику), частью въ Комо, частью въ Миланѣ. Тютчевъ произвелъ на Жуковскаго самое лучшее впечатлѣніе. Въ одномъ письмѣ того времени онъ писалъ: «Я прежде зналъ Тютчева ребенкомъ, а теперь полюбилъ созрѣвшимъ человѣкомъ. Онъ человѣкъ необыкновенно геніальный и весьма добродушный, мнѣ по сердцу».

Въ свитѣ наслѣдника и въ случайныхъ русскихъ путешественникахъ, присоединившихся къ ней, Тютчевъ нашелъ чуть ли не весь петербургскій «свѣтъ» переселившимся на берега Комо. Жуковскій, въ своемъ дневникѣ, перечисляя лицъ, участвовавшихъ въ одной увеселительной прогулкѣ, говоритъ: «Съ нами все русскіе, дамы и мужчины. Дамы: Ливенъ, Долгорукая, графиня Толстая, Кутузова, Ершова и Базилевская; мужчины, сверхъ нашихъ, Тютчевъ, Базилевскій, Ершовъ, графъ Васильевъ, Васильчиковъ, Ламбертъ, Шиповъ, делегатъ, Кутузовъ, Вьельгорскій, Татищевъ, Фрейгангъ, князь Голицынъ, Саблуковъ»...

Въ дневникѣ Жуковскаго того времени нѣсколько разъ говорится о Тютчевѣ. По большей части въ этихъ замѣткахъ разсказывается о той глубокой скорби, которую тогда переживалъ Тютчевъ. Такъ, подъ 25 октября Жуковскій записалъ: «Возвращаясь, встрѣтился съ Тютчевымъ. *Горе и воображеніе*». Была однако въ Тютчевѣ одна черта, которой Жуковскій, со своей дѣтски-наивной душой, не могъ понять. Въ одномъ мѣстѣ дневника Жуковскій, не безъ изумленія, записалъ: «Онъ (Тютчевъ) горюетъ о женѣ, которая умерла мученической смертью, а говорятъ, что онъ влюбленъ въ Мюнхенѣ».

Дѣйствительно, въ томъ же 1839 г. Тютчевъ женился вторымъ бракомъ на вдовѣ, баронессѣ Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ Дернгеймъ, урожденной баронессѣ Пфеффель. Съ семьей Пфеффелей, которые постоянно жили въ Мюнхенѣ, Тютчевъ былъ знакомъ уже давно. Второй женѣ Тютчева было въ годъ брака неполныхъ 29 лѣтъ; знавшіе ее называютъ ее женщиной «замѣчательной красоты и ума». Эрнестина Ѳедоровна пережила своего второго мужа и скончалась въ 1894 г.

Лѣтомъ того же 1839 г. Тютчевъ принужденъ былъ оставить свой постъ въ Туринѣ по поводу небольшой неисправности по службѣ (самовольная отлучка безъ разрѣшенія). Тют-

чева, въ видѣ наказанія, лишили чиновъ и званія камергера. Тютчевъ, хотя и не обладалъ достаточными средствами, чтобы жить независимо, рѣшилъ удалиться на нѣсколько лѣтъ отъ дѣлъ, надѣясь, что впослѣдствіи его проступокъ забудется, и ему удастся получить новое назначеніе. Онъ вернулся въ хорошо знакомый ему Мюнхенъ, гдѣ жили родственники его жены, и здѣсь, какъ частный человѣкъ, провелъ еще около четырехъ лѣтъ, возобновивъ прежнія знакомства и вернувшись къ той жизни, какую онъ велъ до переселенія въ Туринъ.

Между прочимъ, въ эти годы, когда у Тютчева былъ досугъ учиться, читать и мыслить, окончательно сложилось его міровоззрѣніе. Въ 1841 г. Тютчевъ совершилъ поѣздку въ Прагу, и тамъ были имъ написаны его стихи къ Ганкѣ, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе его славянофильскіе взгляды. Когда въ 1843 году появилась книга маркиза де-Кюстина о Россіи, возбудившая общее вниманіе въ Европѣ, Тютчевъ написалъ въ отвѣтъ на нее замѣчательную статью, въ которой изложилъ свои, уже строго продуманные, взгляды на великое всемірно-историческое назначеніе Россіи. Посѣтивъ въ томъ же году, въ Берлинѣ, извѣстнаго знатока русской литературы, Варнгагена фонъ-Энзе, Тютчевъ изумилъ его «необычайнымъ знаніемъ дѣла», съ какимъ говорилъ о Россіи, ея политическихъ судьбахъ и ея писателяхъ (выраженія изъ дневника Варнгагена фонъ-Энзе).

Статья Тютчева противъ Кюстина (написанная по-французски), которая теперь извѣстна подъ заглавіемъ «Россія и Германія», тогда же появилась въ печати. Тютчевъ самъ отослалъ ее въ «Аугсбургскую Всеобщую Газету» (одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ того времени), а затѣмъ она вышла въ Парижѣ отдѣльной брошюрой. Статья вызвала оживленнѣйшіе толки какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Кн. Вяземскій и А. И. Тургеневъ посвятили ей немало мѣста въ своей перепискѣ. Въ концѣ концовъ статья была представлена государю, которому понравилась; это, вѣроятно, не осталось безъ вліянія на судьбу самого Тютчева.

О своемъ возвращеніи на службу Тютчевъ началъ хлопотать съ 1843 года. Съ этой цѣлью онъ совершилъ поѣздку въ Петербургъ. Среди другихъ покровителей онъ разсчитывалъ на содѣйствіе великой княгини Маріи Николаевны, которая узнала Тютчева во время своего посѣщенія Мюнхена

въ 1840 году, и которой Тютчевъ посвятилъ стихи, содержащіе намекъ на его личную судьбу. Тютчевъ въ нихъ говоритъ о поэтѣ:

Пускай *служить* онъ не умѣетъ,
Боготворить умѣетъ онъ...

Кромѣ того Тютчеву оказала содѣйствіе его старая знакомая графиня Крюднеръ (бывшая Амалія Лерхенфельдъ), которая пользовалась большимъ вліяніемъ на графа Бенкендорфа... Тютчеву въ Петербургѣ удалось представить государю обширный мемуаръ о нашей восточной политикѣ, который былъ принятъ благосклонно.

Однако никакого опредѣленнаго назначенія Тютчевъ въ 1843 г. въ Петербургѣ не получилъ и вернулся въ Германію. Зиму 1843 и лѣто 1844 года онъ провелъ еще за границею, частью въ Мюнхенѣ, частью въ Парижѣ. Въ это время имъ и была обнародована его статья о Россіи и Германіи. Наконецъ осенью 1844 года, можетъ-быть, подъ вліяніемъ успѣха этой статьи, Тютчевъ окончательно рѣшилъ переселиться въ Россію. Зиму 1844—1845 гг. онъ жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ и былъ, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго, «львомъ сезона». Петербургское общество оцѣнило въ немъ блестящаго собесѣдника и замѣчательнаго острослова, и всѣ салоны наперерывъ спѣшили залучить къ себѣ этого выходца изъ Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ славянофильскіе круги, съ которыми и раньше Тютчевъ былъ въ сношеніяхъ, приняли его, какъ одного изъ своихъ. Тогда именно Тютчевъ коротко сошелся съ кн. П. А. Вяземскимъ и сблизился съ А. С. Хомяковымъ.

Въ 1842 г. Тютчеву были возвращены всѣ служебныя права и почетныя званія, и онъ принятъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ началѣ слѣдующаго 1846 г. онъ получилъ назначеніе состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ. Позже, въ 1848 г., Тютчевъ былъ опредѣленъ старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ... Передъ Тютчевымъ открылось «блестящее» поприще въ Петербургѣ. И годы его заграничной жизни сдѣлались для него, по его выраженію, «отнятымъ членомъ, о которомъ сомнѣваешься, былъ ли онъ когда-либо моимъ».

Въ одномъ письмѣ того времени Тютчевъ писалъ: «Какъ могли вы вообразить, что я опять оставлю Россію? Да если бъ меня назначили въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ покинуть Россію, я бы поколебался... И наконецъ, отчего же въ томъ не сознаться? Петербургъ, какъ общество, одно изъ самыхъ пріятныхъ мѣстопребываній въ Европѣ... Достигнувъ 40 лѣтъ, никогда, такъ сказать, и не живши въ русскомъ обществѣ, я очень доволенъ, что нахожусь теперь въ немъ, и очень отрадно пораженъ тѣмъ необычайнымъ благоволеніемъ, которое мнѣ оказываютъ». Это не мѣшало, впрочемъ, Тютчеву въ то же же время горько жаловаться въ стихахъ на мертвенность того міра, надъ которымъ колдуетъ чародѣй-сѣверъ:

О, сѣверъ, сѣверъ, чародѣй!
Иль я тобою околдованъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей!
О, если бъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый югъ!

Въ Петербургѣ Тютчевъ, съ самаго начала, повелъ ту «разсѣянную», свѣтскую жизнь, съ которой уже не разставался до самой своей предсмертной болѣзни. Нѣкоторое понятіе объ этой жизни даетъ письмо П. А. Плетнева, писанное въ 1848 г.: «У меня подъ бокомъ Вяземскій и Тютчевъ. Но разница въ образѣ жизни не даетъ мнѣ средствъ извлечь что-нибудь изъ ихъ общества: я встаю — они спятъ; я ложусь — они ѣдутъ кататься». И то положеніе, которое Тютчевъ первоначально занялъ въ обществѣ, осталось за нимъ на всю жизнь. Онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ всѣхъ вечеровъ и собраній, и его острыя «словечки» передавались изъ устъ въ уста...

Но, какъ поэта, Тютчева зналъ только небольшой кружокъ его близкихъ друзей. Это не покажется страннымъ, если вспомнить, что въ пушкинскомъ «Современникѣ» стихи Тютчева печатались безъ его имени, и что они оставались какъ бы похороненными въ старыхъ нумерахъ журнала. Самое появленіе въ печати стиховъ Тютчева почти совсѣмъ прекратилось съ 1840 года. Значительно ослабла даже и его творческая дѣятельность. За годы съ 1844 по 1848 имъ, кажется, было на-

писано всего одно стихотвореніе. Когда въ 1847 г. Тютчеву довелось вновь встрѣтиться съ Жуковскимъ, который читалъ ему свой переводъ «Одиссеи», — Тютчевъ съ удивленіемъ говорилъ, что въ немъ вновь проснулась «*давно заснувшая* способность свободно и безраздѣльно отдаваться наслажденію исключительно литературному».

Новый толчокъ къ литературной дѣятельности далъ Тютчеву 1848 годъ. Еще въ 1830 г., въ «іюльскіе дни» Тютчевъ предсказывалъ неизбѣжное наступленіе эпохи революціонныхъ взрывовъ, и поэтому «февральскія», «мартовскія» и «апрѣльскія» событія, по выраженію кн. Вяземскаго, «возбудили и подвигли все его нравственное существо». Кн. Вяземскій говоритъ, что былъ прямо «боленъ за Тютчева», боясь, что онъ «изнеможетъ подъ тяжестью впечатлѣній». Эти впечатлѣнія разбудили въ немъ его творчество, и въ 1848 — 49 гг. онъ написалъ длинный рядъ стихотвореній, въ числѣ которыхъ и свои наиболѣе извѣстные «политическіе» стихи: «Русская географія», «Разсвѣтъ», «Пророчество», «Тогда лишь въ полномъ торжествѣ», «Ужъ третій годъ», «Море и Утесъ»... Тогда же была написана Тютчевымъ его вторая политическая статья, «Россія и революція», немного позже — третья, «Папство и римскій вопросъ», и начатъ обширный трудъ, оставшійся неоконченнымъ, о политическихъ судьбахъ Европы. Позднѣе, такимъ же толчкомъ къ новой вспышкѣ литературной и поэтической дѣятельности Тютчева была наша Крымская война...

Къ рубежу сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ относится и начало настоящей извѣстности Тютчева, которой самъ онъ не искалъ, и которая пришла къ нему какъ бы противъ его воли. Давно переставъ печатать свои стихи, онъ не спѣшилъ обнародывать и новыя стихотворенія, предоставляя имъ распространяться въ спискахъ. Однако отрывокъ изъ стихотворенія «Море и утесъ» былъ напечатанъ безъ вѣдома автора въ «Русскомъ Инвалидѣ», и подъ стихами было указано, что они принадлежатъ тому поэту, «чьи прекрасныя стихотворенія, печатавшіяся въ «Современникѣ» при жизни Пушкина, конечно, памятны читающей публикѣ». Въ 1849 г. отдѣльной брошюрой была напечатана въ Парижѣ статья Тютчева «Россія и революція». Вслѣдъ затѣмъ, въ № отъ 1 января 1850 г., въ распространеннѣйшемъ европейскомъ журналѣ „Revue des deux Mondes“ появилась статья «Папство и римскій вопросъ» (обѣ статьи

были написаны по-французски). Доставленная въ журналъ безъ всякаго содѣйствія автора и напечатанная безъ подписи, статья о папствѣ вызвала живѣйшій интересъ въ политическихъ кругахъ, и имя автора стало извѣстнымъ... Одновременно съ появленіемъ этой статьи во французскомъ журналѣ, въ обновленномъ «Современникѣ», который издавался тогда Н. А. Некрасовымъ и И. И. Панаевымъ, появилась (въ 1 № 1850 г.) восторженная статья о поэзіи Тютчева.

Эта статья, написанная Некрасовымъ, имѣла для исторіи тютчевской поэзіи громадное значеніе. Въ ней были внимательно разобраны тѣ стихи, которые печатались въ «Современникѣ» съ 1837 по 1840 г. за подписью Ѳ. Т., и сдѣлана восторженная характеристика всей поэзіи Тютчева. Основныя особенности дарованія Тютчева опредѣлены въ этой статьѣ чрезвычайно вѣрно. «Уловить именно тѣ черты,—говорится въ статьѣ: — по которымъ въ воображеніи читателя можетъ возникнуть и нарисоваться сама собой данная картина, дѣло величайшей трудности. Г-нъ Ѳ. Т. въ совершенствѣ владѣетъ этимъ искусствомъ... Его стихотворенія очень коротки, а между тѣмъ ни къ одному изъ нихъ рѣшительно нечего прибавить. Каждое слово мѣтко, полновѣсно». Въ статьѣ было перепечатано двадцать два стихотворенія Тютчева.

Статья Некрасова произвела впечатлѣніе въ русскихъ литературныхъ кругахъ. Тютчевъ былъ наконецъ оцѣненъ по справедливости болѣе широкой публикой. Вѣроятно, оказала вліяніе статья Некрасова и на самого Тютчева. Съ 1850 г. онъ сталъ охотнѣе отдавать свои стихи въ печать, въ «Москвитянинъ» Погодина и въ «Раутъ» Сушкова. Въ 1852 г. Тютчевъ намѣревался собрать свои стихи въ отдѣльной книжкѣ, но и это изданіе, по причинамъ, которыхъ мы не знаемъ, не состоялось. Только въ 1854 г., И. С. Тургеневъ, постоянный сотрудникъ «Современника», познакомившись съ Тютчевымъ, получилъ отъ него разрѣшеніе сдѣлать первое изданіе его стихотвореній. Было собрано свыше ста пьесъ, которыя сначала вновь были напечатаны въ «Современникѣ», а потомъ вышли въ видѣ маленькой книжки, со скромнымъ заглавіемъ: «Стихотворенія Ѳ. Тютчева».

Восторженно встрѣченное всей печатью, это изданіе сдѣлало наконецъ имя Тютчева извѣстнымъ и широкимъ кругамъ читателей.

IV.

Жизни Тютчева не суждено было однако завершиться безбурнымъ закатомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ Тютчеву пришлось пережить сильное потрясеніе, въ значительной степени измѣнившее все направленіе его жизни. То было чувство, о которомъ Тютчевъ говорилъ:

О, ты, послѣдняя любовь,
Блаженство ты и безнадежность!

Начало этой «послѣдней» любви относится къ 1850 году. Въ этомъ году Тютчевъ сблизился съ г-жей Денисьевой, бывшей классной дамой въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ воспитывались дочери Тютчева. Любовь Тютчева была не мимолетной вспышкой, но могущественнымъ чувствомъ, которому онъ остался вѣренъ до самой своей кончины. Можно даже сказать, что то было самое яркое страстное чувство, испытанное имъ въ жизни.

«Тютчеву въ то время, — разсказываетъ одно лицо, которое могло имѣть вполнѣ точныя свѣдѣнія объ этой сторонѣ жизни Тютчева: — было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ; но онъ сохранилъ еще такую свѣжесть сердца и цѣльность чувствъ, такую способность къ безразсудной, не помнящей себя и слѣпой ко всему окружающему любви, что, читая его дышащія страстью письма, положительно отказываешься вѣрить, что они вышли изъ-подъ пера не впервые полюбившаго 25-лѣтняго юноши». О томъ же свидѣтельствуютъ стихи Тютчева этого періода: «Любовь, любовь, гласитъ преданье», «Послѣдняя любовь», «Чему молилась ты съ любовью», «О, не тревожь меня укорой справедливой», «Не говори, меня онъ какъ и прежде любитъ», «О, какъ убійственно мы любимъ», «Въ часы, когда бываетъ» и др. Въ нихъ страстность чувства соединена съ глубокой нѣжностью и высокой человѣчностью...

Понятно, къ какимъ тягостнымъ затрудненіямъ должна была привести Тютчева его любовь, при его общественномъ положеніи. Прежде всего она нарушила строй его семейной жизни, создавъ длинный рядъ крайне мучительныхъ условій, осложнявшихся еще денежными затрудненіями... Въ то же время противъ Тютчева оказалось общественное мнѣніе Петербурга и явно выраженное неудовольствіе двора. Послѣднее повело къ тому, что движеніе Тютчева по службѣ остановилось, и отъ

«блестящаго» служебнаго будущаго ему пришлось отказаться. При всемъ томъ Тютчевъ не въ силахъ былъ создать для любимой женщины сколько-нибудь достойныхъ условій жизни. Въ стихахъ онъ говоритъ самому себѣ:

Судьбы *ужаснымъ приговоромъ*
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженнымъ *позоромъ*
На жизнь ея она легла.

А въ другомъ стихотвореніи онъ обращаетъ отъ ея лица самому себѣ тяжкіе упреки:

Онъ мѣритъ воздухъ мнѣ такъ бережно и скудно,
Не мѣрятъ такъ и лютому врагу...

«Какъ захваченный водоворотомъ,—говоритъ тотъ же свидѣтель, на котораго мы только-что ссылались:—Тютчевъ безцѣльно метался въ заколдованномъ положеніи, являясь въ одно и то же время и палачомъ и жертвой». Эти метанія продолжались четырнадцать лѣтъ, до самой смерти г-жи Денисьевой (4 августа 1864 г.). За эти годы единственнымъ отдыхомъ для Тютчева были лишь его заграничныя поѣздки,—частью по служебнымъ порученіямъ, частью съ лѣчебными цѣлями,—падающія на годы 1859, 1860 и 1862... Между прочимъ, въ одну изъ этихъ поѣздокъ Тютчевъ вновь посѣтилъ полуродной ему Мюнхенъ. «Во мнѣ уже недостаточно жизни,—писалъ онъ тогда:—чтобы переносить такія впечатлѣнія».

Смерть любимой женщины, завершившая этотъ періодъ жизни Тютчева, была для него тяжкимъ ударомъ. Какъ остро воспринялъ онъ это событіе, показываютъ такіе его стихи, какъ: «Весь день она лежала въ забытьи», «Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ», «Опять стою я надъ Невой», «Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло», «Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла», «Вотъ бреду я вдоль большой дороги»... А въ одномъ письмѣ, относящемся къ тому же времени, Тютчевъ такъ опредѣляетъ свои чувства: «Мое душевное состояніе ужасно. Я изнываю день за днемъ все больше и больше въ мрачной бездонной пропасти... Смыслъ моей жизни утраченъ, и для меня ничего болѣе не существуетъ»...

Неудивительно, что за всѣ эти четырнадцать лѣтъ Тютчевъ не находилъ въ себѣ силъ, чтобы заняться правильно литературной работой. Подъ вліяніемъ сильныхъ переживаній,

онъ вернулся къ поэтическому творчеству, и въ петербургскій періодъ жизни имъ создано значительное число лучшихъ стихотвореній. Но именно въ тѣ годы, когда писатели начинаютъ подводить итоги всему, ими сдѣланному, Тютчевъ относился съ величайшимъ равнодушіемъ къ своей возраставшей извѣстности. Онъ довольствовался тѣмъ, что отдавалъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній въ печать, предоставляя другія ихъ случайной судьбѣ. И когда въ 60-хъ годахъ выяснилось, что первое изданіе его стиховъ разошлось, онъ не могъ принудить себя заняться подготовкой къ печати второго, которое и было напечатано (въ 1868 г.) безъ всякаго его содѣйствія. Самъ онъ объяснялъ это своей «лѣнью праздной», но, конечно, причины его равнодушія лежали глубже.

Съ такимъ же равнодушіемъ относился Тютчевъ и къ своей служебной дѣятельности. Послѣднія двадцать лѣтъ жизни онъ довольствовался должностью старшаго цензора при особой канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. На этомъ поприщѣ Тютчеву, конечно, было негдѣ приложить свои замѣчательныя способности, знанія и умъ. Въ дневникѣ сослуживца Тютчева, А. В. Никитенко, не разъ и подробно разсказывается о тѣхъ попыткахъ, какія дѣлалъ Тютчевъ, чтобы ослабить цензурный гнетъ своего времени, ради чего онъ даже написалъ особую «Записку» («О цензурѣ въ Россіи»). Но объ этихъ попыткахъ можно сказать словами И. С. Аксакова: «Трудно защититься отъ чувства соболѣзнованія къ положенію просвѣщеннаго, высокаго ума, вынужденнаго унизиться до уровня почти дѣтски-наивнаго разумѣнія». Въ концѣ концовъ Тютчевъ хорошо сознавалъ свое безсиліе измѣнить что-либо въ дѣлахъ своего вѣдомства и всю свою честь видѣлъ въ томъ, чтобы, «стоя на часахъ у мысли», порѣже грозить оружіемъ; мы, говоритъ онъ, —

Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней...

Но, отказавшись отъ успѣховъ литературныхъ и служебныхъ, Тютчевъ не могъ подавить въ себѣ энергію мысли и дѣятельности, которая искала себѣ примѣненія. Эту потребность удовлетворялъ онъ, до извѣстной степени, въ постоянномъ живомъ общеніи съ самыми разнообразными кругами лицъ. Наперекоръ возраставшимъ недугамъ старости, онъ съ

годами все раздвигалъ предѣлы своихъ знакомствъ и отношеній, въ постоянной жаждѣ участвовать въ обмѣнѣ мыслей и сужденій. Старѣя, онъ не только не отказывался отъ постоянныхъ посѣщеній всевозможныхъ вечеровъ, обществъ, собраній, но, напротивъ, пристрастился къ нимъ гораздо болѣе. Рѣшительно каждый день появлялся онъ или въ великосвѣтскомъ салонѣ, или въ гостиной писателя, или въ кружкѣ молодежи, не стѣсняясь разностью воззрѣній, всегда готовый отстаивать свои убѣжденія въ свободномъ, рыцарски-благородномъ спорѣ.

«То не былъ маститый, величавый, почтенный старецъ, — говоритъ о послѣднихъ годахъ жизни Тютчева И. С. Аксаковъ:— такихъ эпитетовъ не рѣшился бы приложить къ нему ни одинъ изъ самыхъ рьяныхъ его хвалителей, инстинктивно чувствуя, какъ неумѣстны они въ отношеніи къ Тютчеву... Въ разговорахъ съ этимъ сѣдовласымъ или почти безвласымъ, нерѣдко хворымъ, чуть не 70-лѣтнимъ старикомъ, почти всегда зябнувшимъ и согрѣвавшимъ спину пледомъ, не помнилось объ его лѣтахъ. Выдающеюся, преобладающею стихіей въ Тютчевѣ была мысль, — а мысль, по самому существу своему, не то что вѣчно юна, но вѣчно зрѣла или, точнѣе сказать, не вѣдаетъ возраста... Всякое самодовольство было противно его природѣ, онъ не только не зналъ пресыщенія, но сытости никогда не давала ему никакая умственная трапеза. Это былъ пламень, мгновенно пожиравшій всякое, встрѣчавшееся ему и имъ самимъ творимое, явленіе мысли, и непрерывно вновь самъ изъ себя возгоравшій».

Другой современникъ, старый другъ Тютчева, М. П. Погодинъ, оставилъ намъ его живое изображеніе въ свѣтскомъ собраніи: «Низенкій, худенькій старичокъ, съ длинными, отставшими отъ висковъ посѣдѣлыми волосами, которые никогда не приглаживались, одѣтый небрежно, ни на одну пуговицу не застегнутый какъ надо, вотъ онъ входитъ въ ярко освѣщенную залу. Музыка гремитъ, балъ кружится въ полномъ разгарѣ... Старичокъ пробирается нетвердою поступью вдоль стѣны, держа шляпу, которая сейчасъ, кажется, упадетъ изъ его рукъ. Изъ угла прищуренными глазами окидываетъ все собраніе... Къ нему подходитъ кто-то и заводитъ разговоръ... слово за слово, его что-то задѣло, онъ оживился, и потекла потокомъ рѣчь увлекательная, блистательная, настоящая импро-

визація... ее надо бы записать... Вотъ онъ роняетъ, самъ того не примѣчая, нѣсколько выраженій, запечатлѣнныхъ особой силой ума, нѣсколько остротъ, которыя тутъ же подслушиваются сосѣдями и передаются шопотомъ по всѣмъ гостинымъ».

Въ свѣтскихъ кругахъ Тютчевъ былъ гораздо больше извѣстенъ именно этими своими остротами (да еще, пожалуй, своей феноменальной разсѣянностью), чѣмъ своими стихами. Къ сожалѣнію, громадное большинство острыхъ словъ Тютчева затеряно безнадежно; изъ сохранившихся многія относятся къ такимъ частнымъ случаямъ, что для своего пониманія требуютъ теперь длиннаго комментарія. Нѣсколько выраженій однако могутъ служить образцами острословія Тютчева. Такъ, Австрію онъ называлъ «Ахилломъ, у котораго пятка повсюду»; о кн. А. М. Горчаковѣ говорилъ, что онъ — «Нарциссъ чернильницы»; о Франціи,—что «у нея—ахъ!—двѣ души живутъ въ одной груди» (стихъ Гёте) и т. д.

Блестящія бесѣды Тютчева до нѣкоторой степени сохранились для насъ въ его письмахъ. Написанныя прекраснымъ французскимъ языкомъ, полныя неожиданныхъ сопоставленій и оригинальныхъ мыслей, письма Тютчева примѣчательны почти столько же, какъ его стихи. Тютчевъ мало говоритъ въ своихъ письмахъ о повседневномъ и житейскомъ, но охотно касается важнѣйшихъ вопросовъ современной жизни и политики. Еще въ 1854 г., въ годъ Крымской войны, французскій журналистъ Форкадъ опубликовалъ въ своей статьѣ, въ «Revue des deux Mondes», отрывки изъ писемъ Тютчева (не называя его имени). Эти отрывки произвели большое впечатлѣніе въ Петербургѣ, ихъ авторъ былъ узнанъ, и слава тютчевскихъ писемъ, въ свѣтскихъ кругахъ, была упрочена. Корреспонденты Тютчева стали не только хранить, какъ драгоцѣнность, получаемыя отъ него письма, но часто распространяли ихъ, тотчасъ по полученіи, въ спискахъ. Это, въ свою очередь, побуждало Тютчева высказывать свои мнѣнія путемъ писемъ, и его переписка, въ послѣдніе годы жизни, достигла огромныхъ размѣровъ.

Послѣ 1864 года жизнь Тютчева начала явно клониться къ концу. Могучая жизненность его духа помогла ему справиться съ той потерей, которую онъ понесъ въ этомъ году. Послѣ долговременнаго пребыванія за границей (зима 1864—

1865 гг.), Тютчевъ вернулся къ своей обычной жизни и еще нашелъ въ себѣ силы для цѣлаго ряда новыхъ поэтическихъ созданій, среди которыхъ есть шедевры его поэзіи: «Какъ хорошо ты, о, море ночное», «Какъ неожиданно и ярко», «Ночное небо такъ угрюмо», «Тихо въ озерѣ струится», «Въ небѣ таютъ облака», «По дорогѣ во Вщижъ» и др. Но себя въ это время онъ вѣрно характеризовалъ въ одномъ стихотворномъ посланіи: «Безпомощный и убогій»... сознаваясь, что «дряхлѣющія силы» ему «начинаютъ измѣнять». И когда, въ 1870 г., скончался его братъ Николай, Тютчевъ въ прощальномъ стихотвореніи высказалъ о себѣ грустное пророчество:

На роковой стою очереди.

Новое заграничное путешествіе, 1870 г., было уже послѣднимъ въ жизни Тютчева. Важныя событія того времени (Франко-прусская война) еще разъ увлекли его мысль въ область широкихъ историческихъ соображеній, и его письма съ пути исполнены юношеской силы. Но, по возвращеніи въ Россію, черезъ два года, 1-го января 1873 г., Тютчева постигъ апоплексическій ударъ. Утромъ Тютчевъ вышелъ изъ дому для новогоднихъ визитовъ. Вскорѣ его привезли назадъ разбитаго параличомъ. Вся лѣвая часть тѣла была безвозвратно поражена.

«Первымъ дѣломъ Тютчева, — разсказываетъ И. С. Аксаковъ: — по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ приходить въ сознаніе, было — ощупать свой умъ. Жить — значило для него мыслить, и съ первымъ, еще слабымъ возвратомъ силъ, его мысль задвигалась, заиграла и засверкала, какъ бы тѣшась своей живучестью. Прикованный къ постели, съ ноющей и сверлящей болью въ мозгу, не имѣя возможности ни приподняться ни перевернуться безъ чужой помощи, съ голосомъ едва внятнымъ, онъ истинно дивилъ и врачей и посѣтителей блескомъ своего остроумія и живостью участія къ отвлеченнымъ интересамъ... «Это лишь возбужденіе, это ненормальное явленіе,— увѣряли доктора: — засимъ несомнѣнно послѣдуетъ постепенное ослабленіе умственныхъ силъ...» Доктора обманулись въ своихъ научныхъ расчетахъ... Мыслительность была въ Тютчевѣ природною, существеннѣйшею жизненною стихіей,—могла угаснуть и угасла только послѣднею».

Еще полгода прожилъ Тютчевъ, обреченный на постель или

кресло. Онъ пытался работать, диктовалъ обширныя письма на серьезныя темы, старался писать стихи. Стихъ уже плохо поддавался его волѣ, но въ его письмахъ того времени много интересныхъ мыслей.

Въ іюнѣ послѣдовалъ второй ударъ, сильно ухудшившій положеніе Тютчева. 15 іюля 1873 г. его не стало.

---

2. Творчество.

I.

Книжка въ триста небольшихъ стихотвореній, изъ которыхъ около трети переводныхъ, четыре статьи да рядъ писемъ,— вотъ все литературное наслѣдіе Тютчева. Но Фетъ, въ своей надписи на сборникѣ стиховъ Тютчева, справедливо сказалъ столько разъ послѣ повторенныя слова:

Муза, правду соблюдая,
Глядитъ, и на вѣсахъ у ней
Вотъ эта книжка небольшая
Томовъ премногихъ тяжелѣй.

Поэзія Тютчева принадлежитъ къ самымъ значительнымъ, самымъ замѣчательнымъ созданіямъ русскаго духа.

Къ поэзіи Тютчева можно подходить съ трехъ разныхъ точекъ зрѣнія: можно обратить вниманіе на выраженныя въ ней мысли, можно постараться выявить ея философское содержаніе, можно наконецъ остановиться на ея чисто-художественныхъ достоинствахъ. Со всѣхъ трехъ точекъ зрѣнія, поэзія Тютчева заслуживаетъ величайшаго вниманія.

И. С. Аксаковъ указалъ, что для Тютчева «жить—значило мыслить». Неудивительно поэтому, что его стихи всегда полны мысли. Въ каждомъ его стихотвореніи чувствуется не только острый глазъ и чуткій слухъ художника, но и умъ мыслителя.

Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній Тютчева мысль даже стоитъ на первомъ мѣстѣ. Это тѣ его стихи, въ которыхъ онъ излагаетъ свои излюбленные политическіе взгляды. Параллельно онъ развивалъ ихъ въ своихъ статьяхъ. Эти взгляды образуютъ стройную систему убѣжденій о провиденціальной роли славянства и Россіи въ судьбахъ міра и приближаются къ ученію славянофиловъ 40-хъ и 50-хъ годовъ. Болѣе или менѣе

исчерпываются эти взгляды Тютчева увѣренностью, что Россіи предстоитъ собрать воедино «славянъ родныя поколѣнья» и образовать великое православное государство, спаянное единой вѣрой и «любовью». Исполненіе этого ожиданія связано съ темнымъ «пророчествомъ» о томъ, что столицей славянскаго міра должна стать «возобновленная Византія», а ея святыней — христіанскій алтарь, вновь поставленный въ святой Софіи.

Пади предъ нимъ, о, царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!—

восклицалъ Тютчевъ въ 1850 году, незадолго до Крымской войны.

Иногда у Тютчева мысль просто изложена въ стихотворной формѣ, и это, безспорно, самыя слабыя изъ его созданій («Тогда лишь въ полномъ торжествѣ», «Ватиканская годовщина», «Хотя бъ она сошла съ лица земного», «Славянамъ»). Чаще у Тютчева мысль облекается въ образъ, становится символомъ («Смотри, какъ западъ загорѣлся», «Море и утесъ», «Разсвѣтъ», «Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами»). Нѣкоторыя изъ такихъ стихотвореній говорятъ даже больше, чѣмъ хотѣлъ сказать самъ поэтъ. Такъ, напримѣръ, въ образахъ «моря» и «утеса» Тютчевъ думалъ представить безсиліе революціонныхъ силъ передъ мощью русскаго міра. Но мы въ правѣ подставить подъ это стихотвореніе иное, болѣе широкое содержаніе, и стихи не утратятъ для насъ своего очарованія.

Отдѣльно стоятъ стихотворныя раздумія Тютчева, не связанныя съ какими-либо политическими событіями. Это, по большей части, размышленія по поводу вѣковѣчныхъ загадокъ міра и человѣческой жизни («Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля», «Близнецы», «Два голоса», «Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы», «Природа — сфинксъ», «По дорогѣ во Вщижъ»). Ихъ строфы, двустишія и отдѣльные стихи образуютъ блестящіе афоризмы, давно вошедшіе въ обиходъ русской рѣчи. Кто, напримѣръ, не знаетъ такихъ выраженій, какъ: «Мысль изреченная есть ложь», «Въ Россію можно только вѣрить», «День пережитъ, и слава Богу», любовь—«поединокъ роковой», природа «о дняхъ былыхъ молчитъ» и т. д. Такіе же афоризмы порой вкраплены у Тютчева и въ тѣ стихи, въ которыхъ въ цѣломъ надъ мыслью преобладаетъ чувство.

Есть у Тютчева и два-три стихотворенія, которыя—какъ это

обычно у французскихъ поэтовъ XVIII вѣка — держатся исключительно на остроуміи, и среди нихъ такое значительное, какъ «Я лютеранъ люблю богослуженье»...

Однако, какъ ни интересны, какъ ни замѣчательны тѣ мысли, которыя Тютчевъ прямо высказываетъ въ своихъ стихахъ, мысли, продуманныя имъ, осознанныя,—гораздо замѣчательнѣе то сокровенное содержаніе его поэзіи, которое вложено имъ въ стихи «безсознательно» т.-е. въ силу тайной творческой интуиціи. Это, такъ сказать, тѣ подземные ключи, которыми питается его поэзія, которые ей даютъ ея несокрушимую силу и ея несравненную красоту. Тютчевъ въ своихъ статьяхъ, въ своихъ разсудочныхъ стихотвореніяхъ—остроумный, хотя немного парадоксальный діалектикъ; въ метафизической основѣ своей поэзіи Тютчевъ — глубокій мыслитель, самостоятельно, подъ своимъ угломъ зрѣнія, освѣщающій тайны міра.

II.

Исходную точку міровоззрѣнія Тютчева, кажется намъ, можно найти въ его знаменательныхъ стихахъ, написанныхъ «По дорогѣ во Вщижъ»:

Природа знать не знаетъ о быломъ,
Ей чужды наши призрачные годы,
И передъ ней мы смутно сознаёмъ
Себя самихъ—лишь грезою природы.
Поочередно всѣхъ своихъ дѣтей,
Свершающихъ свой подвигъ безполезный,
Она равно привѣтствуетъ своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Подлинное бытіе имѣетъ лишь природа въ ея цѣломъ. Человѣкъ—лишь «греза природы». Его жизнь, его дѣятельность—лишь «подвигъ безполезный». Вотъ философія Тютчева, его сокровенное міросозерцаніе. Этимъ широкимъ пантеизмомъ объясняется едва ли не вся его поэзія.

Вполнѣ понятно, что такое міросозерцаніе прежде всего приводитъ къ благоговѣйному преклоненію передъ жизнью природы.

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ!—

говоритъ Тютчевъ о природѣ. Эту душу природы, этотъ языкъ и эту ея свободу Тютчевъ стремится уловить, понять и

объяснить во всѣхъ ея проявленіяхъ. Съ поразительнымъ проникновеніемъ въ тайны стихійной жизни изображаетъ Тютчевъ и «Первую встрѣчу весны», и «Весеннія воды», и «Лѣтній вечеръ», и «Кротость осеннихъ вечеровъ», и «Чародѣйкою зимою околдованный лѣсъ», и «Утро въ горахъ», и «Полдень мглистый», и «Ночные голоса», и «Свѣтозарный мѣсяцъ», и «Первую грозу», и «Грохотъ лѣтнихъ бурь», и «Радугу», и «Дождь», и «Зарницы»... Все въ природѣ для Тютчева живо, все говоритъ съ нимъ «понятнымъ сердцу языкомъ», и онъ жалѣетъ тѣхъ, при комъ лѣса молчатъ, предъ кѣмъ ночь нѣма, съ кѣмъ въ дружеской бесѣдѣ не совѣщается гроза...

Стихи Тютчева о природѣ—почти всегда страстное признаніе въ любви. Тютчеву представляется высшимъ блаженствомъ, доступнымъ человѣку, — любоваться многообразными проявленіями жизни природы. Его завѣтное желаніе—«въ бездѣйствіи глубокомъ», весь день «пить весенній, теплый воздухъ» да «слѣдить на высокомъ небѣ облака». Онъ утверждаетъ, что передъ «цвѣтущимъ блаженствомъ мая» ничто самыя утѣхи рая. Онъ говоритъ объ «умильной прелести» осеннихъ вечеровъ, объ «обаятельной тайнѣ» іюньской ночи, объ «ослѣпительной красѣ» оснѣженнаго лѣса. О веснѣ восклицаетъ онъ: «Что устоитъ передъ дыханьемъ и первой встрѣчею весны!», о радугѣ—«Какая нѣга для очей!», о грозѣ—«Люблю грозу въ началѣ мая!», о морѣ—«Какъ хорошо ты, о, море ночное!». Наконецъ онъ и прямо исповѣдуетъ свою любовь къ природѣ, въ восторженныхъ стихахъ:

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля!

И не только «блаженство», «прелесть», «обаяніе» видитъ Тютчевъ въ явленіяхъ природы, но и нѣчто высшее, чѣмъ человѣческая жизнь, нѣчто божественное, святое. Весну онъ прямо называетъ «божествомъ» («Какъ ни гнететъ рука судьбины»). Такъ же «божествами родными» называетъ онъ горныя вершины. Монбланъ кажется ему «откровеньемъ неземнымъ», во вспышкахъ зарницъ угадываетъ онъ рѣшеніе какого-то «таинственнаго дѣла»; даже осенняя дремота засыпающаго передъ зимой лѣса представляется ему «вѣщей». Вотъ почему «непорочные лучи» звѣздъ противоставляетъ онъ «смертнымъ взглядамъ» людскихъ безумныхъ толпъ; вотъ по-

чему высоты, на которыхъ «смертной жизни мѣста нѣтъ» и гдѣ «слышна лишь жизнь природы», считаетъ онъ странами болѣе «чистыми», нежели нашъ міръ,—странами, гдѣ витаютъ «ангелы» («Надъ виноградными холмами», «Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ»). Вотъ почему также странникъ, который отдался міру природы, становится лицомъ священнымъ, «гостемъ благихъ боговъ».

Напротивъ, въ жизни человѣческой все кажется Тютчеву ничтожествомъ, безсиліемъ, рабствомъ. Для него человѣкъ передъ природой — это «сирота бездомный», «немощный» и «голый». Только съ горькой насмѣшкой называетъ Тютчевъ человѣка «царемъ земли» («Съ поляны коршунъ поднялся»). Скорѣе онъ склоненъ видѣть въ человѣкѣ случайное порожденіе природы, ничѣмъ не отличающееся отъ существъ, сознаніемъ не одаренныхъ. «Мыслящій тростникъ» — вотъ какъ опредѣляетъ человѣка Тютчевъ въ одномъ стихотвореніи. Въ другомъ, какъ бы развивая эту мысль, онъ спрашиваетъ «Что̀ жъ негодуетъ человѣкъ, сей *злакъ земной?*» О природѣ, въ ея цѣломъ, Тютчевъ говоритъ опредѣленно: «въ ней есть свобода», въ человѣческой жизни видитъ онъ лишь «призрачную свободу». Въ веснѣ, въ горныхъ вершинахъ, въ лучахъ звѣздъ Тютчевъ видѣлъ божества, напротивъ, о человѣкѣ говоритъ онъ:

...не дано *ничтожной пыли*
Дышать божественнымъ огнемъ.

Но человѣкъ не только—ничтожная капля въ океанѣ жизни природы, онъ еще въ ней начало дисгармонирующее. Человѣкъ стремится утвердить свою обособленность, свою отдѣльность отъ общей міровой жизни, и этимъ вноситъ въ нее разладъ. Сказавъ о той пѣвучести, какая «есть въ морскихъ волнахъ», о «стройномъ мусикійскомъ шорохѣ», струящемся въ камышахъ, о «полномъ созвучіи» во всей природѣ, Тютчевъ продолжаетъ:

Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаёмъ...

Въ другомъ, не менѣе характерномъ, стихотвореніи Тютчевъ изображаетъ старую «Итальянскую виллу», покинутую много вѣковъ назадъ и слившуюся вполнѣ съ жизнью природы. Она кажется ему «блаженной тѣнью, тѣнью елисей-

ской»... Но едва вступилъ въ нее вновь человѣкъ, какъ сразу «все смутилось», по кипарисамъ пробѣжалъ «судорожный трепетъ», замолкъ фонтанъ, послышался нѣкій невнятный лепетъ... Тютчевъ объясняетъ это тѣмъ, что—

злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла.

Чтобы побѣдить въ себѣ «злую жизнь», чтобы не вносить въ міръ природы «разлада», надо съ нею слиться, раствориться въ ней. Объ этомъ опредѣленно говоритъ Тютчевъ въ своемъ славословіи веснѣ:

Игра и жертва жизни частной,
Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!..
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

Въ другомъ стихотвореніи («Когда что̀ звали мы своимъ»), онъ говоритъ о послѣднемъ утѣшеніи—исчезнуть въ великомъ «все» міра, подобно тому, какъ исчезаютъ отдѣльныя рѣки въ морѣ. И самъ Тютчевъ то восклицаетъ, обращаясь къ сумраку: «Дай вкусить уничтоженья, съ міромъ дремлющимъ смѣшай!», то высказываетъ желаніе «всю потопить свою душу» въ обаяніи ночного моря, то наконецъ съ великой простотой признаётся: «Безслѣдно все, и такъ легко не быть!..»

Тютчевъ спрашивалъ себя:

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что̀ море,
И ропщетъ мыслящій тростникъ!

Онъ могъ бы и дать отвѣтъ на свой вопросъ: оттого, что человѣкъ не ищетъ сліянія съ природой, не хочетъ «отвергнуть чувствъ обманъ», т.-е. вѣру въ обособленность своей личности. Предугадывая ученіе индійской мудрости,—въ тѣ годы еще мало распространенное въ Европѣ,—Тютчевъ признавалъ истинное бытіе лишь у міровой души и отрицалъ его у индивидуальныхъ «я». Онъ вѣрилъ, что бытіе индивидуальное есть призракъ, заблужденіе, отъ котораго освобождаетъ смерть, возвращая насъ въ великое «все». Вполнѣ опредѣленно говоритъ объ этомъ одно стихотвореніе («Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ»), въ которомъ жизнь людей срав-

нивается съ рѣчными льдинами, уносимыми потокомъ «во всеобъемлющее море». Онѣ всѣ тамъ, большія и малыя, «утративъ прежній образъ свой», сливаются «съ роковой бездной». Тютчевъ самъ и объясняетъ свое иносказаніе:

О, нашей мысли обольщенье,
Ты—человѣческое „я“:
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя!

Истинное безсмертіе принадлежитъ лишь природѣ, въ ея цѣломъ, той природѣ, которой «чужды наши призрачные годы». Когда «разрушится составъ частей земныхъ», все зримое будетъ покрыто водами,—

И Божій ликъ изобразится въ нихъ.

Даже любимыя дѣти природы, не знающія съ ней разлада: лѣсъ, рѣка, поля,—приближаются къ этому безсмертію. Имъ дана жизнь многихъ столѣтій. Они, словно «съ бреговъ иного свѣта», доходятъ до насъ изъ прошлыхъ вѣковъ («Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля»). Въ далекомъ будущемъ они останутся такими же, каковы они сегодня:

Пройдутъ вѣка,
Такъ же будетъ въ вѣчномъ строѣ
Течь и искриться рѣка,
И поля дышать на зноѣ...

Между тѣмъ человѣка ждетъ полное исчезновеніе. «Всепоглощающей и миротворной бездной» привѣтствуетъ природа «безполезный подвигъ» людей. «*Безслѣдно* все»,—говоритъ Тютчевъ о судьбѣ людей и добавляетъ съ безнадежностью:

то уйдетъ *всецѣло*,
Чѣмъ ты и дышишь и живешь...

Замѣчательно, что въ пантеистическомъ обожествленіи природы Тютчевъ-поэтъ какъ бы теряетъ ту свою вѣру въ личное Божество, которую со страстностью отстаивалъ онъ, какъ мыслитель. Такъ, въ ясный день при обрядѣ погребенія, проповѣдь ученаго, сановитаго пастора о крови Христовой уже кажется Тютчеву только «умною, пристойной рѣчью», и онъ противополагаетъ ей «нетлѣнно-чистое» небо и «голосистореющихъ въ воздушной безднѣ» птицъ. Въ другую минуту, «лѣниво дышащимъ полднемъ», Тютчеву сказывается и самое

имя того божества, которому дѣйствительно служитъ его поэзія,—имя «великаго Пана», дремлющаго въ пещерѣ нимфъ... И кто знаетъ, не къ кругу ли этихъ мыслей относится странное восклицаніе, вырвавшееся у Тютчева въ какой-то тяжелый мигъ:

Мужайся, сердце, до конца:
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ!

III.

Изъ противоположенія безсилія личности и всемогущества природы возникаетъ страстное желаніе хотя на краткое мгновеніе заглянуть въ тайныя глубины космической жизни, въ ту ея душу, для которой все человѣчество лишь минутная греза. Тютчевъ это желаніе называетъ жаждою «слиться съ безпредѣльнымъ» («О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной»). Ему кажется, что человѣческая душа—«въ узахъ заключенный духъ», который «на волю просится и рвется» («Ю. Ѳ. Абазѣ»).

Отсюда—тяготѣніе Тютчева къ «древнему, родимому хаосу». Этотъ хаосъ представляется ему исконнымъ началомъ всякаго бытія, изъ котораго вырастаетъ и сама природа. Хаосъ—сущность, природа—его проявленіе. Всѣ тѣ минуты въ жизни природы, когда «за оболочкой зримой» можно узрѣть «ее самоё», ея темную сущность, Тютчеву дороги и желанны.

Такія минуты чаще всего представляются въ темнотѣ ночи. Днемъ стихія хаоса незрима, такъ какъ между человѣкомъ и ею наброшенъ «покровъ златотканный», «золотой коверъ»,—всѣ проявленія жизни природы. Ночью этотъ коверъ падаетъ, и человѣкъ стоитъ —

Лицомъ къ лицу предъ пропастію темной.

Тютчевъ добавляетъ: «Вотъ отчего намъ ночь страшна». Но для него самого ночь была скорѣе соблазнительна. Онъ былъ увѣренъ, что ночью, «въ тиши всемірнаго молчанья»,

Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ.

Ночью можно подглядѣть таинственную жизнь хаоса, потому что ночью въ пристани оживаетъ «волшебный челнъ» грезы, сновидѣнія и уноситъ насъ—

Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.

Не менѣе дороги были Тютчеву тѣ явленія природы, въ которыхъ «хаотическое» выступало наружу,—и прежде всего гроза. Грозѣ посвящено нѣсколько лучшихъ стихотвореній Тютчева. Въ бѣглыхъ зарницахъ, загорающихся надъ землею, усматривалъ онъ взоръ какихъ-то «грозныхъ зѣницъ». Другой разъ казалось ему, что этими зарницами ведутъ между собою бесѣду какіе-то «глухонѣмые демоны», рѣшающіе нѣкое «таинственное дѣло». Или наконецъ угадывалъ онъ гигантскую незримую пяту, подъ которой гнутся, въ минуты лѣтнихъ бурь, лѣсные исполины. И, прислушиваясь къ сѣтованіямъ ночного вѣтра, къ его пѣснямъ «про древній хаосъ про родимый», сознавался Тютчевъ, что его ночная душа *жадно*

Внимаетъ повѣсти *любимой*...

Но подсмотрѣть хаосъ можно не только во внѣшней природѣ, но и въ глубинѣ человѣческой души. Подобно тому, какъ ночь, какъ гроза, какъ буря, какъ ночной вѣтеръ, влекло къ себѣ Тютчева все хаотическое, что̀ таится и порою вскрывается въ нашихъ душахъ, въ нашей жизни. Во всѣхъ основныхъ проявленіяхъ нашей жизни, въ любви и въ смерти, во снѣ и въ безуміи, усматривалъ Тютчевъ священное для него начало хаоса.

Любовь для Тютчева не свѣтлое, спасающее чувство, не «союзъ души съ душой родной», какъ «гласитъ преданье», но «поединокъ роковой», въ которомъ—

Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что̀ сердцу нашему милѣй.

Любовь для Тютчева всегда страсть, такъ какъ именно страсть близитъ насъ къ хаосу. «Пламенно-чудесной игрѣ» глазъ Тютчевъ предпочитаетъ «угрюмый, тусклый огнь *желанья*»; въ немъ находитъ онъ «очарованіе сильнѣй». Соблазнъ тайной, запретной любви онъ ставитъ выше, чѣмъ «невозвратный румянецъ стыдливости», т.-е. любовь «грѣховную» выше «невинной», и оправдываетъ свой выборъ тѣмъ, что, полныя, какъ бы кровью, своимъ сокомъ виноградныя ягоды прекраснѣе, чѣмъ чистыя, ароматныя розы... Самую страсть Тютчевъ называетъ «буйной слѣпотой» и тѣмъ какъ бы отожествляетъ ее съ ночью. Какъ слѣпнетъ человѣкъ во мракѣ ночи, такъ слѣпнетъ онъ и во мракѣ страсти, потому что и тутъ и тамъ онъ вступаетъ въ область хаоса.

Въ то же время смерть для Тютчева, хотя онъ склоненъ былъ видѣть въ ней полное и безнадежное исчезновеніе, исполнена была тайнаго соблазна. Въ замѣчательномъ стихотвореніи «Близнецы», онъ ставитъ на одинъ уровень смерть и любовь, говоря, что обѣ онѣ «обворожаютъ сердца своей неразрѣшимой тайной».

И въ мірѣ нѣтъ четы прекраснѣй,
И обаянья нѣтъ ужаснѣй
Ей предающаго сердца.

Можетъ-быть, этотъ соблазнъ смерти заставлялъ Тютчева находить красоту во всякомъ умираніи. Онъ видѣлъ «таинственную прелесть» въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ, ему нравился «ущербъ», «изнеможенье», «кроткая улыбка увяданья». «Какъ увядающее мило!»—воскликнулъ онъ однажды. Но онъ и прямо говорилъ о красотѣ смерти. Въ стихотвореніи «Mal'aria», любовно изобразивъ «высокую безоблачную твердь», «теплый вѣтръ, колышущій верхи деревъ», «запахъ розъ», онъ добавляетъ:

... и это все есть смерть!

И тутъ же восклицаетъ восторженно:

Люблю сей Божій *гнѣвъ, люблю* сіе незримо
Во всемъ разлитое, таинственное *зло*...

Вмѣстѣ со смертью влекло къ себѣ Тютчева все роковое, все сулящее гибель. Съ нѣжностью говоритъ онъ о «сердцѣ, жаждущемъ бурь». Съ такой же нѣжностью изображаетъ душу, которая, «при роковомъ сознаніи своихъ правъ», сама идетъ навстрѣчу гибели («Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы»). Въ исторіи привлекаютъ его «минуты роковыя» («Цицеронъ»). Въ глубинѣ самаго нѣжнаго чувства усматриваетъ онъ губительную, роковую силу. Любовь поэта должна погубить довѣрившуюся ему «дѣву» («Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва»); птичка должна погибнуть отъ руки той дѣвушки, которая вскормила ее «отъ первыхъ перышекъ» («Недаромъ милосердымъ Богомъ»), при чемъ поэтъ добавляетъ:

Настанетъ день, день *непреложный*,
Питомецъ твой неосторожный
Погибнетъ подъ ногой твоей.

И почти тономъ гимна, столь для него необычнымъ, Тют-

чевъ славитъ безнадежную борьбу съ Рокомъ человѣка, заранѣе осужденнаго на пораженіе:

Мужайтесь, о, други, боритесь прилежно,
Хоть бой и не равенъ, борьба безнадежна!
Пускай Олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердецъ!

Въ этомъ постоянномъ влеченіи къ хаосу, къ роковому для человѣка, Тютчевъ чувствовалъ свою душу «жилицею двухъ міровъ». Она всегда стремилась переступить порогъ «второго» бытія. И Тютчевъ не могъ не задавать себѣ вопроса, возможно ли переступить этотъ порогъ, доступно ли человѣку «слиться съ безпредѣльнымъ».

Уже въ одномъ юношескомъ стихотвореніи («Проблескъ») Тютчевъ далъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Заглянуть въ хаосъ можно лишь на краткое мгновеніе:

Мы въ небѣ скоро устаемъ,
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Развивая эту мысль, Тютчевъ приходитъ къ выводу, что всякое человѣческое знаніе обречено на недостовѣрность. Сущность бытія—хаосъ, тайна; человѣку хаосъ недоступенъ; слѣдовательно міръ для человѣка непостижимъ. Поэтическое выраженіе этой мысли Тютчевъ нашелъ въ сравненіи «смертной мысли» съ фонтаномъ. Струя водомета можетъ достигнуть лишь опредѣленной, «завѣтной» высоты, послѣ чего осуждена «пылью огнецвѣтной ниспасть на землю». То же и человѣческая мысль:

Какъ жадно къ небу рвешься ты,
Но длань незримо-роковая
Твой лучъ упорный, преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

Отсюда былъ уже одинъ шагъ до послѣдняго вывода: «Мысль изреченная есть ложь!» И Тютчевъ этотъ выводъ сдѣлалъ...

Но если «мысль», т.-е. всякое разсудочное познаніе есть ложь, то приходится цѣнить и лелѣять всѣ не-разсудочныя формы постиженія міра. И дѣйствительно, Тютчевъ съ исключительнымъ пристрастіемъ относился къ мечтѣ, къ фантазіи, ко сну. Онъ говоритъ, что поэтъ въ мірѣ живетъ, «какъ въ царствѣ сновъ» («На камень жизни роковой»). Онъ клянетъ «разсудокъ», который «все опустошилъ» («А. Н. Муравьеву»). Въ

стихотвореніи «Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной» сны названы особой «стихіей», неодолимо влекущей къ себѣ человѣка. Въ замѣчательномъ стихотвореніи «Сонъ на морѣ» Тютчевъ рисуетъ новый міръ, открывающійся въ сновидѣніяхъ: сады, лабиринты, чертоги, столпы, невѣдомыя лица, волшебныя твари, таинственныя птицы... Въ посланіи «Е. Н. Анненковой» Тютчевъ прямо прославляетъ міръ фантазіи, въ которомъ «другую видимъ мы природу», говоря:

Все лучше тамъ, свѣтлѣе, шире,
Такъ отъ земного далеко,
Такъ розно съ тѣмъ, что̀ въ нашемъ мірѣ...

Наконецъ въ стихахъ о «Безуміи» есть темное влеченіе къ этому состоянію души, которое хотя и названо «жалкимъ», но при которомъ все же возможно «мнить», что слышишь, угадываешь тайную жизнь природы...

Изъ сознанія непостижимости міра вытекаетъ другое—невозможности выразить свою душу, разсказать свои мысли другому.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?

Какъ безсильна человѣческая мысль, такъ безсильно и человѣческое слово. Передъ прелестью природы Тютчевъ живо ощущалъ это безсиліе и сравнивалъ свою мысль съ «подстрѣленной птицей». Неудивительно поэтому, что въ одномъ изъ самыхъ своихъ задушевныхъ стихотвореній онъ оставилъ намъ такіе суровые совѣты:

Молчи, скрывайся и таи
И думы и мечты свои.
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй...

Въ полномъ согласіи съ этимъ своимъ ученіемъ, Тютчевъ говорилъ о себѣ:

Душа моя, элизіумъ тѣней!
Что̀ общаго межъ жизнью и тобою?

Это — второй полюсъ міросозерцанія Тютчева. Отправляясь отъ принятія всѣхъ проявленій жизни, отъ восторженнаго «пристрастія» къ матери-землѣ, Тютчевъ кончаетъ какъ бы полнымъ отрицаніемъ жизни. Прекрасенъ міръ, но истинная сущность его красоты недоступна человѣку, который лишь

напрасно порывается къ ней. Такъ «ива», своими «дрожащими листами», «словно жадными устами», ловитъ бѣглую струю, которая безнадежно убѣгаетъ мимо и «смѣется» надъ ней...

«Міръ дневной, въ полномъ блескѣ проявленій» и «хаосъ ночной», «древній», «родимый»,—вотъ тѣ два міра, жилицею которыхъ одновременно была душа Тютчева. Поэтому и лиры у Тютчева было двѣ, впрочемъ, дивно согласованныхъ между собою. Первая была посвящена поэзіи, воспѣвающей «блескъ проявленій» дневного міра, поэзіи умиротворяющей, явной. Это о ней сказалъ Тютчевъ:

Она съ небесъ слетаетъ къ намъ,
Небесная — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

Другая была посвящена хаосу и стремилась повторить «страшныя пѣсни», взрывающія въ сердцѣ «порой неистовые звуки». Эта поэзія хотѣла говорить о роковомъ, о тайномъ, и ей, чтобы пробудиться, нуженъ былъ «оный часъ видѣній и чудесъ», когда душа *теряетъ память* о своемъ дневномъ существованьи. О часѣ такихъ вдохновеній говоритъ Тютчевъ:

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ,
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу,
Лишь Музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ...

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, предпосылки поэзіи Тютчева, частью несознанныя имъ самимъ; таковы берега и подводныя теченія его творчества.

IV.

Что̀ касается того внѣшняго выраженія, какое нашла эта поэзія въ стихахъ Тютчева, то прежде всего надо принять во вниманіе, что онъ воспитался на образцахъ нѣмецкой поэзіи. Гейне, Ленау, Эйхендорфъ, отчасти Шиллеръ, и, въ очень сильной степени, царь и богъ нѣмецкой поэзіи, Гёте,— вотъ его главные учители. Тютчевъ цѣнилъ Гюго, Ламартина, кое-кого еще изъ французовъ, но духъ ихъ поэзіи, ихъ «манера» были ему чужды. Поэзія Тютчева, въ лучшихъ своихъ созданіяхъ, жива не метафорами и антитезами, какъ поэзія

французская, но цѣлостностью замысла и пѣвучестью строфы, какъ поэзія нѣмецкая...

У своихъ русскихъ предшественниковъ Тютчевъ почти ничему не учился. Въ раннихъ его стихахъ есть вліяніе Жуковскаго и отчасти Державина; позднѣе Тютчевъ кое-что воспринялъ у Пушкина. Но въ цѣломъ его стихъ крайне самостоятеленъ, своеобыченъ. У Тютчева совершенно свои пріемы творчества и пріемы стиха, которые въ его время, въ началѣ XIX вѣка, стояли вполнѣ особнякомъ. Въ этомъ, можетъ-быть, кроется и причина того, что такъ долго не умѣли оцѣнить поэзію Тютчева.

Самый любимый и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно самостоятельный пріемъ тютчевскаго творчества состоитъ въ проведеніи полной параллели между явленіями природы и состояніями души. Въ стихахъ Тютчева граница между тѣмъ и другимъ какъ бы стирается, исчезаетъ, одно непримѣтно переходитъ въ другое. Нигдѣ не сказалось это такъ ясно, какъ въ стихотвореніи «Въ душномъ воздухѣ молчанье», гдѣ предчувствіе грозы, томленіе природы, насыщенной электричествомъ, такъ странно гармонируетъ съ непонятнымъ волненіемъ дѣвы, у которой «мутится и тоскуетъ» влажный блескъ очей. Столь же замѣчательны въ этомъ отношеніи стихи «Слезы людскія, о, слезы людскія» и «Дума за думой, волна за волной». Можетъ-быть, менѣе тонко, рѣзче, проведено сравненіе въ стихотвореніи «Фонтанъ». Нерѣдко второй членъ сравненія у Тютчева опущенъ, и передъ нами только символъ, только образъ изъ міра природы, а то, что̀ ему соотвѣтствуетъ въ мірѣ души, предоставляется угадать. Таковы стихи «Что̀ ты клонишь надъ водами».

На этомъ совпаденіи явленій внѣшняго міра и міра внутренняго основана особенность эпитетовъ Тютчева. Пушкинъ умѣлъ опредѣлять предметы по ихъ существу; Тютчевъ стремился ихъ опредѣлять по впечатлѣнію, какое они производятъ въ *данный мигъ*. Именно этотъ пріемъ, который теперь назвали бы «импрессіонистическимъ», и придаетъ стихамъ Тютчева ихъ своеобразное очарованіе, ихъ магичность.

Сливая внѣшнее и внутреннее, Тютчевъ можетъ говорить о «всемірномъ благовѣстѣ солнечныхъ лучей», о «румяномъ, громкомъ восклицаньи» утренняго луча, о томъ, какъ «небо протекло по жиламъ эѳирною струею», какъ звѣзды «небес-

ный сводъ приподняли своими влажными главами», какъ «живыя благовонья бродятъ въ сумрачной тѣни», какъ «море баюкаетъ сны тихоструйною волною». Этимъ объясняется, почему у Тютчева звѣзды—«чуткія», луна—«магическая», мгла—«очарованная», день—«какъ бы хрустальный», тьма—«гремящая», станъ—«оправленъ въ магнитъ», голосъ жаворонка—«гибкій, рѣзвый», сонъ—«волшебно-нѣмой», часъ—«мертвый»; почему у него деревья «поютъ», воздухъ «растворенъ любовью», вершины (деревъ) «бредятъ», лазурь «льется» (на отдыхающее поле), луна «очаровываетъ мглу». Этимъ объясняются и странныя опредѣленія Тютчева въ нарѣчіяхъ: край неба «дымно гаснетъ», что-то порхнуло въ окно «дымно-легко, мглисто-лилейно», долина «вьется росисто», дубрава «дрожитъ широколиственно», фонтаны «брызжутъ тиховѣйно», золотой мѣсяцъ «свѣтитъ сладко», птицы «рѣютъ голосисто» и т. п.

Другой любимый пріемъ Тютчева, которымъ, впрочемъ, онъ пользовался рѣже, состоитъ въ сопоставленіи предметовъ, повидимому, совершенно разнородныхъ, и въ стремленіи найти между ними сокровенную связь. Характерно въ этомъ отношеніи его стихотвореніе «Такъ здѣсь-то суждено намъ было». Тютчевъ изображаетъ всю роскошь южной страны, «гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ», и гдѣ «позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ декабрьскій воздухъ разогрѣтъ»,—и въ этомъ краю, который онъ самъ въ другомъ мѣстѣ назвалъ «раемъ», изображаетъ послѣднее прощаніе двухъ любящихъ... Тотъ же пріемъ находимъ мы въ стихотвореніяхъ «Mal'aria» и «Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ». Встрѣчаемъ мы его и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, гдѣ это приводитъ къ такъ называемой «оксюморности». Такъ, Тютчевъ говоритъ, что «въ волшебномъ снѣ онъ узналъ» много «невѣдомыхъ лицъ», что вѣтеръ «понятнымъ» языкомъ твердитъ о «непонятной» мукѣ и т. д.

Самая форма стиха у Тютчева, при первомъ взглядѣ, кажется небрежной. Но это впечатлѣніе ошибочное. За исключеніемъ немногихъ (преимущественно написанныхъ на политическія злобы дня), большинство стихотвореній Тютчева облечено въ очень изысканные метры. Напомнимъ, напримѣръ, стихи «Грустный видъ и грустный часъ». При бѣгломъ чтеніи не замѣчаешь въ ихъ построеніи ничего особеннаго. Лишь потомъ открываешь тайну прелести ихъ формы. Въ нихъ

средніе два стиха первой строфы (3-й и 4-й) риѳмуются со средними стихами второй строфы (9-мъ и 10-мъ). Притомъ, чтобы ухо уловило это созвучіе, раздѣленное четырьмя стихами, Тютчевъ выбралъ риѳмы особенно полныя, въ которыхъ согласованы не только буквы послѣ ударяемой гласной, но и предыдущая согласная (которую французы называютъ consonne d'appui): «гробовой—живой», «тумана—Лемана». Примѣрами не менѣе утонченнаго построенія могутъ служить стихотворенія: «Поэзія», «Вдали отъ солнца и природы», «Слезы людскія, о, слезы людскія», «Двумъ сестрамъ», «Венеція», «Первый листъ», «Конченъ пиръ, умолкли хоры».

Не меньше изысканности у Тютчева и въ самомъ строеніи стиха. Онъ съ величайшей заботливостью примѣнялъ къ своей поэзіи всѣ тѣ вторичныя средства изобразительности, которыя были хорошо знакомы поэтамъ античнымъ, но которыми пренебрегаютъ многіе изъ выдающихся современныхъ поэтовъ. Такъ, онъ охотно употреблялъ внутреннія риѳмы и ассонансы, напримѣръ: «Въ какой-то *нѣгѣ онѣмѣнья*», «И вѣтры свистѣли и пѣли валы», «Кто *скрылся*, *зарылся* въ цвѣтахъ?», «И безъ *вою* и безъ *бою*», «Подъ вами *нѣмые*, *глухіе* гроба», «*Неодолимъ*, *неудержимъ*», «*Неистощимыя*, *неисчислимыя*» и т. п. Хорошо понималъ Тютчевъ и то значеніе, какое имѣетъ въ стихахъ опредѣленное чередованіе гласныхъ и согласныхъ, особенно начинающихъ слово (то, что̀ въ схоластической поэтикѣ называлось анафорой). Вотъ нѣсколько болѣе яркихъ примѣровъ: «Какъ *пл*яшутъ *п*ылинки въ *пол*дневныхъ *л*учахъ», «*В*ѣтрило *в*есело *зв*учало», «Объятый *н*ѣгой *н*очи», *С*ладкій *с*умракъ полу*с*онья», «*Т*ихій, *т*омный, благовонный», «*З*емля *з*еленѣла»... Эта заботливость приводила Тютчева иногда къ настоящимъ звукоподражаніямъ, какъ, напримѣръ, въ стихахъ: «*К*ругомъ, *к*акъ *ким*валы, *зв*учали *ск*алы», «Хле*щ*етъ, сви*щ*етъ и реветъ», «Блескъ и движеніе, *гр*охотъ и *гр*омъ»...

Все это дѣлаетъ Тютчева однимъ изъ величайшихъ мастеровъ русскаго стиха, «учителемъ поэзіи для поэтовъ», какъ выразился Аркадій Георгіевичъ Горнфельдъ. Въ поэзіи Тютчева русскій стихъ достигъ той утонченности, той «эѳирной высоты» (слова Фета), которая до него не была извѣстна. Рядомъ съ Пушкинымъ, создателемъ у насъ истинно классической поэзіи, Тютчевъ стоитъ, какъ великій мастеръ и родо-

начальникъ поэзіи намековъ. У Тютчева не было настоящихъ преемниковъ, можно назвать лишь одного Фета, который, впрочемъ, развился безъ его непосредственнаго вліянія. Только въ концѣ XIX вѣка нашлись у Тютчева истинные послѣдователи, которые восприняли его завѣты и попытались приблизиться къ совершенству имъ созданныхъ образцовъ.

Валерій Брюсовъ.

Москва, 1911 г.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1819 — 1873).

ПОСЛАНІЕ КЪ ПУШКИНУ.

(По поводу его „Оды на вольность“).

Огнемъ свободы пламенѣя
И заглушая звукъ цѣпей,
Проснулся въ лирѣ духъ Алцея,—
И рабства пыль слетѣла съ ней.
Отъ лиры искры побѣжали
И вседержащею струей,
Какъ пламень Божій, ниспадали
На чела блѣдныя . . . . .

Счастли́въ—кто гласомъ твердымъ, смѣлымъ,
Забывъ ихъ санъ, забывъ ихъ тронъ,
Вѣщать тиранамъ закоснѣлымъ
Святыя истины рожденъ!
И ты великимъ симъ удѣломъ
О, музъ питомецъ, награжденъ?

Воспой и силой сладкогласья
Разнѣжь, растрогай, преврати
Друзей холодныхъ самовластья
Въ друзей добра и красоты!

Но гражданъ не смущай покоя
И блеска не мрачи вѣнца,
Пѣвецъ! Подъ . . . . . парчою
Смягчай, а не тревожь сердца.

УРАНІЯ.

Открылось!—Не мечта ль? Свѣтъ новый! Нова сила
Мой духъ восторженный, какъ пламень, облекла!..
Кто, отроку, мнѣ далъ пареніе орла!—
Се музъ безцѣнный даръ!—се вдохновенья крыла!
—Несусь,—и дольній міръ исчезъ передо мной;—
Сей міръ, туманною и тѣсной
Волненій и суетъ обвитый пеленой,—
Исчезъ!—Какъ солнца лучъ златой,
Коснулся вѣждъ эѳиръ небесный
И свѣялъ прахъ земной...
Я зрю превыспреннихъ селенія чудесны...
Отсель—отверзшимся таинственнымъ вратамъ —
Благоволеніемъ судьбины
Текутъ къ намъ дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народамъ и вѣкамъ!..

Безбрежное море лежитъ подъ стопами,
И въ свѣтлой лазури спокойныхъ валовъ,
Съ горящими небо пылаетъ звѣздами,
Какъ въ чистомъ сердцѣ—ликъ боговъ,
Какъ тихій трепетъ—ожиданье;
Окрестъ священное молчанье.

И се! какъ луна изъ-за облакъ, встаетъ
Уранія-островъ изъ сребряной пѣны;
Разлился вокругъ неморцающій свѣтъ,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лиръ;
Въ очарованьяхъ тонетъ міръ!..

Эѳирнаго тѣни сложивъ покрывала
И поясъ волшебный всесильныхъ Харитъ.
Здѣсь образъ *Уранія* свой воспріяла,
И звѣздный вѣнецъ на богинѣ горитъ!
И что̀ на землѣ насъ *мечтою* плѣняло,
Какъ *Истина*, то̀ намъ и здѣсь предстоитъ!

Токмо здѣсь подъ яснымъ небосклономъ
Прояснится жизни мрачный токъ;
Токмо здѣсь, забытый Аквилономъ,
Льется онъ, и свѣтелъ и глубокъ!
Токмо здѣсь прекрасенъ жизни геній,
Здѣсь, гдѣ вѣчны розы чистыхъ наслажденій,
Вѣчно юнъ Поэзіи вѣнокъ!..

Какъ Фаросъ для душъ и умовъ освященныхъ,
Высоко воздвигнутъ *Небесныя* храмъ;—
И *Мудрость* привѣтствуетъ горнимъ плѣненныхъ
Вкусить отъ трапезы питательной тамъ.

Окрестъ благодатной въ заряхъ златоцвѣтныхъ,
На тронахъ высокихъ, въ сіяньи боговъ,
Сидятъ велелѣпно спасители смертныхъ,
Создатели блага, устройства градо̀въ;
Се *Миръ* вѣчно-юный, златыми цѣпями
Связавшій семейства, народы, царей;

Судъ правый съ недвижными вѣчно вѣсами;
Страхъ, Божій хранитель Святыхъ Алтарей;
И ты, *Благосердіе*, скорби отрада!
Ты, *Вѣрность*, на якорь склоненна челомъ,
Любовь ко отчизнѣ,—отчизны отрада,
И хладная *Доблесть* съ горящимъ мечомъ;
Ты, съ свѣтлыми вѣчно очами, *Терпѣнье*,
И *Трудъ*, неуклонный твой врачъ и клевретъ...
Такъ Вышнія Силы свой держатъ совѣтъ!..
Средь нихъ, вкругъ нихъ въ святомъ благоговѣньи
Свершаетъ по холмамъ облаковидныхъ горъ
Въ кругахъ таинственныхъ теченье
Наукъ и знаній свѣтлый хоръ...
Уранія одна, какъ солнце межъ звѣздами,
Хранитъ Гармонію и правитъ ихъ путями:
По манію ея могучаго жезла,
Изъ края въ край течетъ благое просвѣщенье:
Гдѣ прежде мрачна ночь была,
Тамъ свѣтозарно дня явленье;
Какъ звѣздъ рѣка, по небосклону вкругъ
Простершися, оно вселенну обнимаетъ
И блага жизни изливаетъ
На Западъ, на Востокъ, на Сѣверъ и на Югъ...

Откройся предо мной, протекшихъ лѣтъ вселенна!
Уранія, вѣщай, гдѣ первый былъ твой храмъ,
Твой тронъ и твой народъ, учитель всѣмъ вѣкамъ?—
Востокъ таинственный!—Чреда твоя свершенна!..
Твой ранній день протекъ! Изъ ближнихъ Солнце вратъ
Рожденья своего обителью надменно
Исходитъ и течетъ, царь томный и сомнѣнный?..

Гдѣ Вавилоны здѣсь, гдѣ Ѳивы?—гдѣ мой градъ?
Гдѣ славный Персеполь?—гдѣ Мемнонъ, мой глашатай?
Ихъ нѣтъ!—Лучи его теряются въ степяхъ,
Гдѣ скорбно встрѣтитъ ихъ ловецъ или оратай,
Безплодно поющій во пламенныхъ пескахъ;
Или, стыдливые, скользятъ они печально
По мшистымъ ребрамъ пирамидъ...
Сокройся, бреннаго величья мрачный видъ!..
И солнце въ путь стремится дальный:
Эгея на брегахъ привѣтственной главой
Къ нему склонился лавръ, и на холмахъ Эллады
Его алтарь обвилъ зеленый миртъ Паллады;
Его во гимнахъ звалъ Пѣвецъ къ себѣ слѣпой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставившихъ Олимпъ собраніе боговъ,
Удары гибельны Ареевой десницы
И сладки пѣсни пастуховъ;—
Римъ всталъ,—и Марсовъ громъ и пѣсни сладкогласны
Стократъ на Тибровыхъ раздалися холмахъ;
И лебедь Мантуи, взрывъ Трои пеплъ злосчастный,
Вознесся и разлилъ свѣтъ вѣчный на моряхъ!..
Но что̀ срѣтаетъ взоръ?—Куда, куда ты скрылась,
Небесная!—Бѣжишь, какъ блѣдный въ мглѣ призра̀къ,
Денница свѣта закатилась,
Вездѣ хаосъ и мракъ!
«Нѣтъ!—вѣченъ свѣтъ наукъ; его не обнимаетъ
Бунтующая мгла; его нетлѣненъ плодъ
И не умретъ!..» —
Рекла *Уранія* и скиптромъ помаваетъ,
И блѣдную изъязвленну главу
Италія отъ склепъ желѣзныхъ свобождаетъ,

Рветъ узы лютыхъ змѣй, на выю ставши льву!..
Всего начало здѣсь!.. Земля благословенна,
Долины, нѣдра горъ, источники, лѣса,
И ты, Везувій самъ! ты, бездна раскаленна.
Природы грозныя ужасная краса!
Все возвратили вы, что̀ въ ярости несытой
Неистовый Сатурнъ укрыть отъ насъ хотѣлъ!
Эллады, Рима цвѣтъ изъ пепела изшелъ!
И солнце потекло вновь въ путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозныхъ боевъ рядъ,
Ни чарованія, ни прелести томимы,
Ни полчищъ тысячи, ни злобствующій адъ
Превыспреннихъ путей нигдѣ не воспретятъ:
На пламенныхъ крылахъ принесъ онъ въ храмъ Солимы
Побѣду и вѣнецъ;—
Тамъ Нимфы Тага, тамъ валы Гвадалквивира
Во срѣтенье текутъ тебѣ, младой Пѣвецъ,
Принесшій пѣсни къ намъ съ бреговъ другого міра!—
Но кто сіи два генія стоятъ?
Какъ свѣтоносны Серафимы,
Хранители Эдемскихъ вратъ,
И тайнъ жрецы непостижимыхъ?
Единъ съ Британскихъ водъ, другой съ Альпійскихъ горъ,
Другъ другу подаютъ чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносятъ къ небу взоръ,
Въ огнѣ божественныхъ мечтаній!..
Почто горитъ лицо морскихъ пучинъ?
Куда восторженны бѣгутъ Тамизы воды?
Что̀ въ трепетѣ святомъ вы, Альпы, Аппенинъ!..
Благоговѣй, земля! Склоните слухъ, народы!

Пѣвцы безсмертные вѣщаютъ Бога вамъ:
Единъ, какъ громовъ сынъ, гремитъ средь васъ паденье;
Другой, какъ благодать, благовѣститъ спасенье
И путь, ведущій къ небесамъ.
И се! среди снѣговъ Полунощи глубокой,
Подъ блескомъ хладныхъ зорь и свистомъ льдистыхъ вьюгъ,
Возсталъ отъ Холмогоръ,—какъ сильный кедръ высокій,
Встаетъ, возносится и все объемлетъ вкругъ
Своими крѣпкими вѣтвями:
Подъемлясь къ облакамъ, глава его блеститъ
Безсмертными плодами.
И тамо, гдѣ металлъ блистательный сокрытъ,
Тамъ роетъ землю онъ глубокими корнями,—
Тамъ Росскій Пиндаръ всталъ! взнесъ руку къ небесамъ,
Да воспретитъ пылающимъ громамъ;
Минервы копіемъ бьетъ нѣдра онъ земныя.—
И истекли сокровища златыя;
Онъ повелительный простеръ на море взоръ,—
И свѣтъ его горитъ, какъ Поллюксъ и Касторъ!..
Пѣвецъ, на гробъ *Отца*, *Царя-Героя*
Онъ лавры свѣжіе склонилъ
И дни безцѣнные блаженства и покоя
Елисаветы озарилъ!

Тогда, разлившись, свѣтъ отъ сѣверныхъ сіяній
Далъ отблескъ на крутыхъ Аракса берегахъ;
И геніи туда простерли взоръ и длани,
И Ѳивы новыя зардѣлися въ лучахъ...
Тамъ, тамъ, въ странѣ денницы,
Возникъ *Пѣвецъ Фелицы*!..

Таинственникъ судебъ прорекъ

Царя-героя въ колыбели...
Онъ съ нами днесь! Онъ съ неба къ намъ притекъ,
Соборы геніевъ съ Нимъ царственныхъ слетѣли;
Престолъ Его обстали вкругъ;
Надъ Нимъ почіетъ Божій духъ!
И музы радостно воспѣли
Тебя, о, Царь сердецъ, *на тронѣ Человѣкъ*!..

Твоей всесильною рукою
Закрылись Януса врата!
Ты оградилъ насъ тишиною,
Ты слава наша, красота!
Смиренно къ Твоему склоняяся Престолу,
Перуны спятъ горѣ и долу.—

И здѣсь, гдѣ все—отъ благости Твоей,
Здѣсь паки геній просвѣщенья,
Блистая свѣтомъ обновленья,
Блажитъ своихъ веселье дней!
Здѣсь клятвы онъ даетъ священны!—
Что постоянный, неизмѣнный,
Въ своей блестящей высотѣ,
Монарха слѣдуя завѣтамъ и примѣру,
Взнесется, опершись на Вѣру,
Къ своей божественной метѣ.

(С. Е. Раичу).

Невѣрныя преодолѣвъ пучины,
Достигъ пловецъ желанныхъ береговъ,
И въ пристани, окончивъ бѣгъ пустынный,
Съ веселостью знакомится онъ вновь!
Ужель тогда челнокъ свой многомощный,
Восторженный, цвѣтами не увьетъ?
Подъ блескомъ ихъ и зеленью роскошной
Слѣдовъ не скроетъ мрачныхъ бурь и водъ?
И ты разсѣкъ съ отважностью и славой
Моря обширныя своимъ рулемъ,
И днесь, о, другъ, спокойно, величаво
Влетаешь въ пристань съ вѣрнымъ торжествомъ.
Скорѣй на брегъ и дружеству на лоно
Склони, пѣвецъ, склони главу свою,
Да вѣтвію отъ древа Аполлона
Его питомца я увью!

А. Н. Муравьеву.

Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ.
Разсудокъ все опустошилъ
И, покоривъ законамъ тѣснымъ
И воздухъ, и моря, и сушу,
Какъ плѣнниковъ, ихъ обнажилъ;
Ту жизнь до дна онъ изсушилъ,
Что̀ въ дерево вливала душу,
Давала тѣло безтѣлеснымъ.

Счастли́вы древніе народы!
Ихъ міръ былъ храмомъ всѣхъ боговъ,
И книгу матери-природы
Они читали безъ очковъ...
Нѣтъ, мы не древніе народы!
Нашъ вѣкъ, о, други, не таковъ!

О, родъ ученой суеты
И скованный своей наукой!

Напрасно, критикъ, гонишь ты
Ихъ златокрылыя мечты.
Повѣрь, — самъ опытъ въ томъ порукой, —
Чертогъ волшебныхъ, добрыхъ фей
И въ сновидѣньи веселѣй,
Чѣмъ наяву — томиться скукой
Въ убогой хижинѣ твоей!..

СЛЕЗЫ.

O, lacrimarum fons!
Gray.

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпуръ искрометныхъ винъ.
Или плодовъ между листами
Благоухающій рубинъ.

Люблю смотрѣть, когда созданье
Какъ бы погружено въ веснѣ,
И міръ заснулъ въ благоуханьи
И улыбается во снѣ!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенній воздухъ пламенитъ,
То кудрей шелкъ взвѣваетъ сладострастный.
То въ ямочки впивается ланитъ.

Но что̀ всѣ прелести паоосскія царицы,
И гроздій сокъ, и запахъ розъ,
Передъ тобой, святой источникъ слезъ,
Роса Божественной денницы.

Небесный лучъ играетъ въ нихъ
И, преломясь о капли огневыя,
Рисуетъ радуги живыя
На тучахъ жизни громовыхъ.

И только смертнаго зеницъ
Ты, ангелъ слезъ, дотронешься крылами,
Туманъ разсѣется слезами,
И небо серафимскихъ лицъ
Вдругъ разовьется предъ очами.

КЪ Н.

Твой милый взоръ, невинной страсти полный —
Златой расцвѣтъ небесныхъ чувствъ твоихъ,
Не могъ, — увы! — умилостивить ихъ —
Онъ служитъ имъ укорою безмолвной.

Сіи сердца, въ которыхъ правды нѣтъ,
Они, о, другъ, бѣгутъ, какъ приговора,
Твоей любви младенческаго взора:
Онъ страшенъ имъ, какъ память дѣтскихъ лѣтъ.

Но для меня сей взоръ благодѣянье.
Какъ жизни ключъ, въ душевной глубинѣ
Твой взоръ живетъ и будетъ жить во мнѣ;
Онъ нуженъ ей, какъ небо и дыханье.

Таковъ горѣ — духовъ блаженныхъ свѣтъ;
Лишь въ небесахъ сіяетъ онъ небесный;
Въ ночи грѣха, на днѣ ужасной бездны,
Сей чистый огнь, какъ пламень адскій, жжетъ.

ВЕЧЕРЪ.

Какъ тихо вѣетъ надъ долиной
Далекій колокольный звонъ,
Какъ шорохъ стаи журавлиной,
И въ шумѣ листьевъ замеръ онъ.

Какъ море вешнее въ разливѣ,
Свѣтлѣя, не колышетъ день,
И торопливѣй, молчаливѣй
Ложится по долинѣ тѣнь.

ПРОБЛЕСКЪ.

Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ
Воздушной арфы легкій звонъ,
Когда полуночь ненарокомъ
Дремавшихъ струнъ встревожитъ сонъ?

То потрясающіе звуки,
То замирающіе вдругъ...
Какъ бы послѣдній ропотъ муки
Въ нихъ, отозвавшися, потухъ.

Дыханье каждое зефира
Взрываетъ скорбь въ ея струнахъ...
Ты скажешь: ангельская лира
Груститъ, въ пыли, по небесахъ.

О, какъ тогда съ земного круга
Душой къ безсмертному летимъ!
Минувшее, какъ призракъ друга,
Прижать къ груди своей хотимъ.

Какъ вѣримъ вѣрою живою,
Какъ сердцу радостно, свѣтло!
Какъ бы эѳирною струею
По жиламъ небо протекло!

Но, ахъ, не намъ его судили!
Мы въ небѣ скоро устаемъ, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Едва усиліемъ минутнымъ
Прервемъ на часъ волшебный сонъ
И взоромъ трепетнымъ и смутнымъ,
Привставъ, окинемъ небосклонъ, —

И отягченною главою,
Однимъ лучомъ ослѣплены,
Вновь упадаемъ, не къ покою,
Но въ утомительные сны.

ПОСЛАНІЕ КЪ А. В. ШЕРЕМЕТЕВУ.

Насилу добрый геній твой,
Мой братъ по крови и по лѣни,
Увелъ тебя подъ кровъ родной
Отъ всѣхъ маневровъ и ученій,
Казармъ, тревогъ и заточеній,
Отъ жизни мирно-боевой.
Въ кругу своихъ, въ халатѣ, дома,
И съ службой согласивъ покой,
Ты праздный мечъ повѣсилъ свой
Въ саду героя-агронома.
Но что̀ жъ? Ты могъ ли на просторѣ
Мечтѣ любимой измѣнить?
Ты знаешь, братъ, что праздность — горе,
Коль не съ кѣмъ намъ ее дѣлить.
Прими жъ мой дружескій совѣтъ —
Оракулъ говорилъ стихами
И убѣждалъ, бывало, свѣтъ, —
Между московскими красами

Найти легко, сомнѣнья нѣтъ,
Красавицу въ пятнадцать лѣтъ,
Съ умомъ, душою и душàми.
Оставь на время плугъ Толстова,
Забудь химеры и чины,
Женись и въ полномъ смыслѣ слова
Будь адъютантъ своей жены.
Тогда предамся вдохновенью;
Разбудитъ Музу Гименей,
Своей пожертвую я лѣнью,
Лишь ты свою преодолѣй!

ВЕСНА.

(Посвящается друзьямъ).

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухаетъ намъ!..
Творенью пиръ даетъ природа,
Свиданья пиръ даетъ сынамъ!..

Духъ жизни, силы и свободы
Возноситъ, обвѣваетъ насъ!..
И радость въ душу пролилась,
Какъ отзывъ торжества природы,
Какъ Бога животворный гласъ!

Гдѣ вы, Гармоніи сыны?..
Сюда!.. и смѣлыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагрѣтой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..

О, вы, чей взоръ столь часто освѣщенъ
Благоговѣнія слезами,
Природы храмъ отверстъ, пѣвцы, предъ вами!
Всѣмъ ключъ къ нему Поэзіей врученъ!
Въ пареніи своемъ высокомъ
Не измѣняйтесь никогда!..
И вѣчная природы красота
Не будетъ вамъ ни тайной, ни упрекомъ!

Какъ полнымъ, пламеннымъ расцвѣтомъ,
Омытыя Авроры свѣтомъ,
Блистаютъ розы и горятъ,
И зефиръ, радостнымъ полетомъ
Ихъ разливаетъ ароматъ:

Такъ разливайся жизни сладость,
Пѣвцы!.. за вами по слѣдамъ!..
Такъ порхай ваша, други, младость
По свѣтлымъ счастія цвѣтамъ!..

Вамъ, вамъ сей бѣдный даръ признательной любви,
Цвѣтокъ простой, не благовонной,
Но вы, наставники мои,
Вы примете его съ улыбкой благосклонной.
Такъ слабое дитя — любви своей въ залогъ,
Приноситъ матери на лоно
Въ лугу имъ сорванный цвѣтокъ!..

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ. Мы были двое.
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ, бѣлѣя,
Руина зàмка вдаль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой;
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ зàмкомъ, и съ тобой.

И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла...
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
День догоралъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты, съ веселостью безпечной,
Счастливый провожала день...
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

Еще земли печаленъ видъ,
А воздухъ ужъ весною дышетъ,
И мертвый въ полѣ стебль колышетъ,
И елей вѣтви шевелитъ.

Еще природа не проснулась,
Но сквозь рѣдѣющаго сна
Весну прослышала она
И ей невольно улыбнулась.

Душа, душа, спала и ты...
Но что̀ же вдругъ тебя волнуетъ,
Твой сонъ ласкаетъ и цѣлуетъ
И золотитъ твои мечты?

Блестятъ и таютъ глыбы снѣга,
Блеститъ лазурь, играетъ кровь...
Или весенняя то нѣга?
Или то женская любовь?

Въ толпѣ людей, въ нескромномъ шумѣ дня,
Порой мой взоръ, движенья, чувства, рѣчи,
Твоей не смѣютъ радоваться встрѣчѣ;
Душа моя, о, не вини меня!

Смотри, какъ днемъ туманисто-бѣло,
Чуть брезжитъ въ небѣ мѣсяцъ свѣтозарный,
Наступитъ ночь и въ чистое стекло
Вольетъ елей душистый и янтарный.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(При посылкѣ „Пѣсни Радости“ Шиллера).

Что̀ пѣлъ божественный, друзья,
Въ порывѣ пламенномъ свободы,
И въ полномъ чувствѣ бытія,
Когда на пиршество природы
Пѣвецъ, любимый сынъ ея,
Сзывалъ въ единый кругъ народы;
И съ восхищенною душой,
Во взорахъ — лучъ животворящій,
Изъ чаши генія кипящей
Онъ пилъ за здравіе людей.

И мнѣ ли пѣть сей гимнъ веселый.
Отъ близкихъ сердцу вдалекѣ,
Въ нераздѣляемой тоскѣ,
Мнѣ ль радость пѣть на лирѣ онѣмѣлой?
Веселья въ ней не сыщешь звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена̀,
И порвала ее разлука.

Но вамъ, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткій мигъ въ сердечномъ упоеньи
Я жребій свой невольно забывалъ
(Минутное, но сладкое забвенье!),
Къ протекшему душою улеталъ
И радость пѣлъ, пока о васъ мечталъ.

На камень жизни роковой
Природою заброшенъ,
Младенецъ пылкій и живой
Игралъ неостороженъ;

Но Муза сираго взяла
Подъ свой покровъ надёжный,
Поэзіи разостлалà
Коверъ подъ нимъ роскошный.

Какъ скоро Музы подъ крыломъ
Его созрѣли годы,
Поэтъ, избыткомъ чувствъ влекомъ,
Предсталъ во храмъ свободы;

Но мрачныхъ жертвъ не приносилъ.
Служа ея кумиру, —
Онъ горсть цвѣтовъ ей посвятилъ
И пламенную лиру.

Еще другое божество
Онъ чтилъ въ младыя лѣта:
Амуръ рѣзвился вкругъ него
И дани бралъ съ поэта.

Стрѣлу ему на память далъ,
И въ сладкіе досуги
Онъ ею повѣсть начерталъ
Орфеевой супруги.

И въ мірѣ семъ, какъ въ царствѣ сновъ,
Поэтъ живетъ, мечтая;
Онъ такъ достигъ земныхъ вѣнцовъ
И такъ достигнетъ рая...

Умъ скоръ и смѣтливъ, вѣренъ глазъ,
Воображенье быстро,
А спорилъ въ жизни только разъ
На диспутѣ магистра.

СУМЕРКИ.

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движенье разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ...
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ ночномъ...
Часъ тоски невыразимой!
Все во мнѣ, — и я во всемъ...

Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства—мглой самозабвенья
Переполни черезъ край!..
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай!

Вчера, въ мечтахъ обворожённыхъ,
Съ послѣднимъ мѣсяца лучомъ
На вѣждахъ томно-озарённыхъ,
Ты позднимъ позабылась сномъ.

Утихло вкругъ тебя молчанье,
И тѣнь нахмурилась темнѣй,
И груди ровное дыханье
Струилось въ воздухѣ слышнѣй.

Но сквозь воздушный зàвѣсъ оконъ
Недолго лился мракъ ночной,
И твой, взвѣваясь, сонный локонъ
Игралъ съ незримою мечтой.

Вотъ тихоструйно, тиховѣйно,
Какъ вѣтеркомъ занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдругъ что-то пòрхнуло въ окно.

Вотъ невидимкой пробѣжало
По темно-брезжущимъ коврамъ;

Вотъ, ухватясь за одѣяло,
Взбираться стало по краямъ;

Вотъ, словно змѣйка извиваясь.
Оно на ложе взобралось,
Вотъ, словно лента развѣваясь,
Межъ пологами развилось.

Вдругъ животрепетнымъ сіяньемъ
Коснувшись персей молодыхъ,
Румянымъ, громкимъ восклицаньемъ
Раскрыло шелкъ рѣсницъ твоихъ.

ВЕСНА.

Зима недаромъ злится:
Прошла ея пора,
Весна въ окно стучится
И гонитъ со двора.

И все засуетилось,
Все гонитъ зиму вонъ,
И жаворонки въ небѣ
Ужъ подняли трезвонъ.

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ
И пуще лишь шумитъ!

Взбѣсилась вѣдьма злая
И, снѣгу захватя,
Пустила, убѣгая,
Въ прекрасное дитя.

Веснѣ и горя мало:
Умылася въ снѣгу
И лишь румянѣй стала
Наперекоръ врагу.

Какъ птичка раннею зарей,
Міръ, пробудившись, встрепенулся...
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣетъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ!

О, какъ пронзительны и дики,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня!
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь, о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?..

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пеней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
Навстрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

Люблю глаза твои, мой другъ,
Съ игрой ихъ пламенно-чудесной,
Когда ихъ приподнимешь вдругъ
И словно молніей небесной
Окинешь бѣгло цѣлый кругъ...

Но есть сильнѣй очарованье:
Глаза потупленные ницъ,
Въ минуты страстнаго лобзанья,
И сквозь опущенныхъ рѣсницъ
Угрюмый, тусклый огнь желанья...

КЪ ***

Уста съ улыбкою привѣтной,
Румянецъ дѣвственныхъ ланитъ
И взоръ твой свѣтлый, искрометный —
Все къ наслажденію манитъ...

Ахъ! этотъ взоръ, пылая страстью,
Любовь на легкихъ крыльяхъ шлетъ,
И нѣкою волшебной властью
Сердца въ чудесный плѣнъ влечетъ.

КОНЬ МОРСКОЙ.

О, рьяный конь, о, конь морской,
Съ блѣдно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бѣшено-игривый!
Ты буйнымъ вихремъ вскормленъ былъ
Въ широкомъ Божьемъ полѣ;
Тебя онъ прядать научилъ,
Играть, скакать по волѣ!

Люблю тебя, когда стремглавъ,
Въ своей надменной силѣ,
Густую гриву растрепавъ,
И весь въ пару и въ мылѣ,
Къ брегамъ направивъ бурный бѣгъ,
Съ веселымъ ржаньемъ мчишься.
Копыта кинешь въ звонкій брегъ
И въ брызги разлетишься...

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля!
Духовъ безплотныхъ сладострастья,
Твой вѣрный сынъ, не жажду я.
Что̀ предъ тобой утѣхи рая,
Пора любви, пора весны,
Цвѣтущее блаженство мая,
Румяный свѣтъ, златые сны?

Весь день, въ бездѣйствіи глубокомъ,
Весенній, теплый воздухъ пить,
На небѣ чистомъ и высокомъ
Порою облака слѣдить;
Бродить безъ дѣла и безъ цѣли
И, ненарокомъ, на лету,
Набресть на свѣжій духъ синели
Или на свѣтлую мечту!..

СТРАННИКЪ.

Угоденъ Зевсу бѣдный странникъ,
Надъ нимъ святой его покровъ!
Домашнихъ очаговъ изгнанникъ,
Онъ гостемъ сталъ благихъ боговъ!

Сей дивный міръ, ихъ рукъ созданье,
Съ разнообразіемъ своимъ,
Лежитъ развитый передъ нимъ
Въ утѣху, въ пользу, въ назиданье.

Чрезъ веси, грады и поля,
Свѣтлѣя, стелется дорога;
Ему отверста вся земля,
Онъ видитъ все и славитъ Бога!

ПОЛДЕНЬ.

Лѣниво дышитъ полдень мглистый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

ВЪ ДОРОГѢ.

Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный
На землю тощую глядитъ,
Здѣсь, погрузившись въ сонъ желѣзный,
Усталая природа спитъ.

Лишь кой-гдѣ блѣдныя березы,
Кустарникъ мелкій, мохъ сѣдой,
Какъ лихорадочныя грезы,
Смущаютъ мертвенный покой.

Душа хотѣла бъ быть звѣздой,—
Но не тогда, какъ съ неба полунòчи
Сіи свѣтила, какъ живыя очи,
Глядятъ на сонный міръ земной,—

Но днемъ, когда, сокрытыя какъ дымомъ
Палящихъ солнечныхъ лучей,
Они, какъ божества, горятъ свѣтлѣй
Въ эѳирѣ чистомъ и незримомъ.

СОНЪ НА МОРѢ.

И море и буря качали нашъ челнъ:
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ;
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ,—
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы,
И вѣтры свистѣли, и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ.
Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ,
Земля зеленѣла, свѣтился эѳиръ...
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ,—
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые!
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА.

Душой весны природа ожила,
И блещетъ все въ торжественномъ покоѣ:
Лазурь небесъ, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругомъ покрылись новымъ цвѣтомъ,
И тѣни ихъ, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханіемъ волны
На мраморѣ, весною разогрѣтомъ.

Давно ль умолкъ Перунъ его побѣдъ,
И гулъ отъ нихъ стоитъ доселѣ въ мірѣ...
. . . . . .
. . . . . .
И умъ людей великой тѣнью полнъ,
А тѣнь его, одна, на брегѣ дикомъ,
Чужда всему, внимаетъ шуму волнъ,
И тѣшится морскихъ пернатыхъ крикомъ.

Сижу задумчивъ и одинъ,
На потухающій каминъ
Сквозь слезъ гляжу,
Съ тоскою мыслю о быломъ
И словъ, въ унынiи моемъ,
Не нахожу.

Былое—было ли когда?
Что̀ нынѣ—будетъ ли всегда?
Оно пройдетъ!
Пройдетъ оно, какъ все прошло,
И канетъ въ темное жерло
За годомъ годъ.

За годомъ годъ, за вѣкомъ вѣкъ...
Что̀ жъ негодуетъ человѣкъ,
Сей злакъ земной?..
Онъ быстро, быстро вянетъ... Такъ!
Но съ новымъ лѣтомъ новый злакъ
И листъ иной.

И снова будетъ все, что̀ есть,
И снова розы будутъ цвѣсть,
И терны тожъ...
Но ты, мой блѣдный, бѣдный цвѣтъ,
Тебѣ ужъ возрожденья нѣтъ:
Не расцвѣтешь!

Ты сорванъ былъ моей рукой,
Съ какимъ блаженствомъ и тоской,
То знаетъ Богъ!..
Останься жъ на груди моей,
Пока любви не замеръ въ ней
Послѣдній вздохъ!

CACHE-CACHE.

Вотъ арфа ея въ обычайномъ углу,
Гвоздики и розы стоятъ у окна,
Полуденный лучъ задремалъ на полу:
Условное время! Но гдѣ же она?

О, кто мнѣ поможетъ шалунью сыскать,
Гдѣ, гдѣ пріютилась сильфида моя?
Волшебную близость, какъ бы благодать
Разлитую въ воздухѣ, чувствую я.

Гвоздики недаромъ лукаво глядятъ,
Недаромъ, о, розы, на вашихъ листахъ
Жарчѣе румянецъ, свѣжѣй ароматъ:
Я понялъ, кто скрылся, зарылся въ цвѣтахъ!

Не арфы ль твоей мнѣ послышался звонъ?
Въ струнахъ ли мечтаешь укрыться златыхъ?
Металлъ содрогнулся, тобой оживленъ,
И сладостный трепетъ еще не затихъ.

Какъ пляшутъ пылинки въ полдневныхъ лучахъ,
Какъ искры живыя въ родимомъ огнѣ!
Видалъ я сей пламень въ знакомыхъ очахъ,
Его упоенье извѣстно и мнѣ.

Влетѣлъ мотылекъ, и съ цвѣтка на другой,
Притворно-безпечный, онъ началъ порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Ужъ солнца раскаленный шаръ
Съ главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожаръ
Волна морская поглотила.

Ужъ звѣзды свѣтлыя взошли,
И тяготѣющій надъ нами
Небесный сводъ приподнялй
Своими влажными главами.

Рѣка воздушная полнѣй
Течетъ межъ небомъ и землею,
Грудь дышитъ легче и вольнѣй,
Освобожденная отъ зною.

И сладкій трепетъ, какъ струя,
По жиламъ пробѣжалъ природы,
Какъ бы горячихъ ногъ ея
Коснулись ключевыя воды!

СРЕДСТВО И ЦѢЛЬ.

Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу,
Но ваши похвалы люблю,
Коль на пути своемъ ихъ встрѣчу.
Баластъ хотя не назначаетъ,
Куда и какъ плыть кораблю,
Но ходъ его онъ облегчаетъ.

ВИДѢНІЕ.

Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья,
И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто ка̀тится въ святилищѣ небесъ.

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ...
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу;
Лишь музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ!

Какое дикое ущелье!
Ко мнѣ навстрѣчу ключъ бѣжитъ:
Онъ въ долъ спѣшитъ на новоселье,
Я лѣзу вверхъ, гдѣ ель стоитъ.

Вотъ взобрался я на вершину,
Сижу здѣсь радостенъ и тихъ...
Ты къ людямъ, ключъ, спѣшишь въ долину,
Попробуй—каково у нихъ!

Съ поляны коршунъ поднялся,
Высоко къ небу онъ взвился;
Все выше, далѣ вьется онъ,
И вотъ ушелъ за небосклонъ.

Природа-мать ему дала
Два мощныхъ, два живыхъ крыла;
А я здѣсь въ потѣ и пыли,
Я, царь земли, приросъ къ земли!

БЕЗСОННИЦА.

Часовъ однообразный бой—
Томительная ночи повѣсть!—
Языкъ для всѣхъ равно чужой
И внятный каждому, какъ совѣсть!

Кто безъ тоски внималъ изъ насъ,
Среди всемірнаго молчанья,
Глухія времени стенанья,
Пророчески-прощальный гласъ?

Намъ мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ,
И мы, въ борьбѣ съ природой цѣлой,
Покинуты на насъ самихъ.

И наша жизнь стоитъ предъ нами,
Какъ призракъ, на краю земли —
И съ нашимъ вѣкомъ и друзьями
Блѣднѣетъ въ сумрачной дали.

И новое, младое племя
Межъ тѣмъ на солнцѣ расцвѣло,
А насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло

Лишь изрѣдка, обрядъ печальный
Свершая въ полуночный часъ,
Металла голосъ погребальный
Порой оплакиваетъ насъ!

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скатъ,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палитъ отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Синѣютъ озера струи,
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь спѣшатъ ручьи.

И между тѣмъ какъ полусонный
Нашъ дольній міръ, лишенный силъ,
Проникнутъ нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ,—

Горѣ, какъ божества родныя,
Надъ усыпленною землей,
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

Ты любишь, ты притворствовать умѣешь:
Когда въ толпѣ, украдкой отъ людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мнѣ отвѣтъ даешь и не краснѣешь.

Все тотъ же видъ разсѣянный, бездушный,
Движенье персей, взоръ, улыбка та жъ...
Межъ тѣмъ твой мужъ, сей ненавистный стражъ,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людямъ и судьбѣ,
Ты тайнымъ радостямъ узнала цѣну,
Узнала свѣтъ... Онъ ставитъ намъ въ измѣну
Всѣ радости... Измѣна льститъ тебѣ...

Стыдливости румянецъ невозвратный,
Онъ улетѣлъ съ младыхъ твоихъ ланитъ...
Такъ съ юныхъ розъ Авроры лучъ бѣжитъ
Съ ихъ чистою душою ароматной.

Но такъ и быть... въ палящій лѣтній зной
Лестнѣй для чувствъ, приманчивѣй для взгляда
Смотрѣть, въ тѣни, какъ въ кисти винограда
Сверкаетъ кровь сквозь зелени густой.

АЛЬПЫ.

Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альпы снѣжныя глядятъ;
Помертвѣлыя ихъ очи
Льдистымъ ужасомъ разятъ.
Властью нѣкой обаянны
До восшествія зари,
Дремлютъ, грозны и туманны,
Словно падшіе цари!

Но востокъ лишь заалѣетъ,
Чарамъ гибельнымъ конецъ:
Первый, въ небѣ, просвѣтлѣетъ
Брата старшаго вѣнецъ.
И съ главы большого брата
На меньшихъ бѣжитъ струя,
И блеститъ въ вѣнцахъ изъ злата
Вся воскресшая семья.

ЛИСТЬЯ.

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и мятели
Закутавшись, спятъ.
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хотъ ввѣкъ не желтѣетъ,
Но ввѣкъ не свѣжа.

Мы жъ, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ,
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!

Но птички отпѣли
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры ушли.

Такъ что же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше ль за ними
И намъ улетѣть?
О, буйные вѣтры,
Скорѣе, скорѣй!
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей.
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ!
Летите, летите,
Мы съ вами летимъ!

Сей день, я помню, для меня
Былъ утромъ жизненнаго дня:
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ея волною,
Алѣли щеки, какъ заря,
Все жарче рдѣя и горя...
И вдругъ, какъ солнце золотое,
Любви признанье молодое
Исторглось изъ груди ея,
И новый міръ увидѣлъ я!

MAL'ARIA.

Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо
Во всемъ разлитое, таинственное зло—
Въ цвѣтахъ, въ источникѣ, прозрачномъ, какъ стекло,
И въ радужныхъ лучахъ, и въ самомъ небѣ Рима!
Все та жъ высокая, безоблачная твердь,
Все такъ же грудь твоя легко и сладко дышетъ,
Все тотъ же теплый вѣтръ верхи деревъ колышетъ,
Все тотъ же запахъ розъ... и это—все есть смерть!

Какъ вѣдать? Можетъ-быть, и есть въ природѣ звуки,
Благоуханія, цвѣта и голоса, —
Предвѣстники для насъ послѣдняго часа
И усладители послѣдней нашей муки.
И ими-то судебъ посланникъ роковой,
Когда сыновъ земли изъ жизни вызываетъ,
Какъ тканью легкою свой образъ прикрываетъ,
Да утаитъ отъ нихъ приходъ ужасный свой!

Песокъ сыпучій по колѣни...
Мы ѣдемъ поздно; меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще боръ глубокій...
Какія грустныя мѣста!..
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля.
Вокругъ меня все было такъ уныло;
Безцвѣтный грунтъ небесъ, песчаная земля,—
Все нà душу раздумье наводило.

Я вспомнилъ о быломъ печальной сей земли—
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ея, простертые въ пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И глядя на тебя, пустынная рѣка,
И на тебя, прибрежная дуброва,
Вы,—мыслилъ я,—пришли издалека,
Вы, сверстники сего былова!

Такъ, вамъ однѣмъ лишь удалось
Дойти до насъ съ бреговъ другого свѣта.
О, если бъ про него хоть на одинъ вопросъ
Могъ допроситься я отвѣта!..

Но твой, природа, міръ о дняхъ былыхъ молчитъ,
Съ улыбкою двусмысленной и тайной:
Такъ отрокъ, чаръ ночныхъ свидѣтель бывъ случайной,
Про нихъ и днемъ молчаніе хранитъ.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ,
Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной.
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Ты зналъ его въ кругу большого свѣта:
То своенравно веселъ, то угрюмъ,
Разсѣянъ, дикъ иль полонъ тайныхъ думъ,
Таковъ поэтъ—и ты презрѣлъ поэта!

На мѣсяцъ взглянь: весь день, какъ облакъ тощій,
Онъ въ небесахъ едва не изнемогъ;
Настала ночь, и, свѣтозарный богъ,
Сіяетъ онъ надъ усыпленной рощей!

На древѣ человѣчества высокомъ
Ты лучшимъ былъ его листомъ,
Воспитанный его чистѣйшимъ сокомъ,
Развитъ чистѣйшимъ солнечнымъ лучомъ.

Съ его великою душою
Созвучнѣй всѣхъ на немъ ты трепеталъ,
Пророчески бесѣдовалъ съ грозою
Иль весело съ зефирами игралъ.

Не поздній вихрь, не бурный ливень лѣтній
Тебя сорвалъ съ родимаго сучка:
Былъ многихъ краше, многихъ долголѣтнѣй,
И самъ собою палъ, какъ изъ вѣнка!

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ.
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ...

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней!

НОЧНЫЕ ГОЛОСА.

Какъ сладко дремлетъ садъ темно-зеленый,
Объятый нѣгой ночи голубой;
Сквозь яблони, цвѣтами убѣленной,
Какъ сладко свѣтитъ мѣсяцъ золотой!

Таинственно, какъ въ первый день созданья,
Въ бездонномъ небѣ звѣздный сонмъ горитъ,
Музы́ки дальной слышны восклицанья,
Сосѣдній ключъ слышнѣе говоритъ.

На міръ дневной спустилася завѣса;
Изнемогло движенье, трудъ уснулъ;
Надъ спящимъ градомъ, какъ въ вершинахъ лѣса,
Проснулся чудный, еженочный гулъ...

Откуда онъ, сей гулъ непостижимый?
Иль смертныхъ думъ, освобожденныхъ сномъ,
Міръ безтѣлесный, слышный, но незримый,
Теперь роится въ хаосѣ ночномъ?..

ЦИЦЕРОНЪ.

Ораторъ римскій говорилъ,
Средь бурь гражданскихъ и тревоги:
«Я поздно всталъ и на дорогѣ
Застигнутъ ночью Рима былъ!»
Такъ: но, прощаясь съ римской славой,
Съ Капитолійской высоты
Во всемъ величьѣ видѣлъ ты
Закатъ звѣзды его кровавой!..
Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали всеблагіе,
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
И заживо, какъ небожитель
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

УСПОКОЕНІЕ.

Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ, перунами сраженный,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени, грозою освѣженной.

А ужъ давно звучнѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣснь по рощѣ раздалася,
И радуга концомъ дуги своей
Въ зеленыя вершины уперлася!..

Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ.
Какъ онъ упалъ, никто не знаетъ нынѣ.
Сорвался ль онъ съ вершины самъ собой,
Или низвергнутъ мыслящей рукой?
Столѣтье за столѣтьемъ пронеслося:
Никто еще не разрѣшилъ вопроса.

ПОСЛѢДНІЙ КАТАКЛИЗМЪ.

Когда пробьетъ послѣдній часъ природы,
Составъ частей разрушится земныхъ:
Все зримое опять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ нихъ.

БЕЗУМІЕ.

Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой
Слился, какъ дымъ, небесный сводъ,
Тамъ въ беззаботности веселой
Безумье жалкое живетъ.

Подъ раскаленными лучами,
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищетъ въ облакахъ.

То вспрянетъ вдругъ и, чуткимъ ухомъ
Припавъ къ растреснувшей землѣ,
Чему-то внемлетъ жаднымъ слухомъ
Съ довольствомъ тайнымъ на челѣ.

И мнитъ, что слышитъ струй кипѣнье,
Что слышитъ токъ подземныхъ водъ,
И колыбельное ихъ пѣнье,
И шумный изъ земли исходъ.

Я лютеранъ люблю богослуженье,
Обрядъ ихъ строгій, важный и простой;
Сихъ голыхъ стѣнъ, сей храмины пустой
Понятно мнѣ высокое ученье.

Но видите ль? Собравшися въ дорогу,
Въ послѣдній разъ вамъ Вѣра предстоитъ:
Еще она не перешла порогу,
А домъ ея ужъ пустъ и голъ стоитъ;

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь.
Но часъ насталъ, пробилъ... Молитесь Богу:
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ
Судьба, какъ вихрь, людей мятетъ,
И радъ ли ты, или не радъ,
Что̀ нужды ей?.. Впередъ, впередъ!

Знакомый звукъ намъ вѣтръ принесъ:
Любви послѣднее прости...
За нами много, много слезъ,
Туманъ, безвѣстность впереди!

О, оглянися, о, постой,
Куда бѣжать, зачѣмъ бѣжать?
Любовь осталась за тобой;
Гдѣ жъ въ мірѣ лучшаго сыскать?

Любовь осталась за тобой,
Въ слезахъ, съ отчаяньемъ въ груди...
О, сжалься надъ своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство столькихъ, столькихъ дней
Себѣ на память приведи...
Все милое душѣ твоей
Ты покидаешь на пути!..»

— Не время выкликать тѣней:
И такъ ужъ мраченъ этотъ часъ!
Усопшихъ образъ тѣмъ страшнѣй,
Чѣмъ въ жизни былъ милѣй для насъ.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ
Могучій вихрь людей мятетъ,
И радъ ли ты, или не радъ,
Не спроситъ онъ... Впередъ, впередъ!

Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ;
Снѣгъ растаялъ и ушелъ;
Вешній злакъ блеститъ въ равнинѣ,
Злакъ увянетъ и уйдетъ.

А который вѣкъ бѣлѣетъ
Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ?
А заря и нынѣ сѣетъ
Розы свѣжія на нихъ!..

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораетъ,
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираетъ;

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьѣ нестерпимомъ...

О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы—и погасъ!

ДВУМЪ СЕСТРАМЪ.

Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ,
И всю тебя узналъ я въ ней:
Та жъ тихость взора, нѣжность гласа,
Та жъ прелесть утренняго часа,
Что̀ вѣяла съ главы твоей!

И все, какъ въ зеркалѣ волшебномъ,
Все обозначилося вновь:
Минувшихъ дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

Потокъ сгустился и тускнѣетъ,
И прячется подъ твердымъ льдомъ,
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмѣетъ
Въ оцѣпенѣньи ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всесильный хладъ не можетъ:
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожитъ.

Такъ и въ груди осиротѣлой,
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ,
И внятно слышится порой
Ключа таинственнаго шопотъ.

Востокъ бѣлѣлъ... Ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинутое небо,
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... Она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало;
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало...

Востокъ вспылалъ... Она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя...

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что̀ значитъ странный голосъ твой
То глухо-жалобный, то шумной?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И воешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!..

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.

Чу! за бѣлой, душной тучей
Прокатился глухо громъ,
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ...

Жизни нѣкій преизбытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлитъ,
Какъ божественный напитокъ,
Въ жилахъ млѣетъ и горитъ...

Дѣва, дѣва, что̀ волнуетъ
Дымку персей молодыхъ?
Что̀ мутится, что̀ тоскуетъ
Влажный блескъ очей твоихъ?

Что̀, блѣднѣя, замираетъ
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?
Что̀ такъ грудь твою спираетъ
И уста твои палитъ?

Сквозь рѣсницы шелковыя
Проступили двѣ слезы...
Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы?..

Что́ ты клонишь надъ вода̀ми,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей...
Но струя бѣжитъ и плещетъ
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ
И смѣется надъ тобой.

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

И гробъ опущенъ ужъ въ могилу,
И все столпилося вокругъ.
Толкутся, дышатъ черезъ силу,
Спираетъ грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ
Ученый пасторъ сановитой
Рѣчь погребальную гласитъ.

Вѣщаетъ бренность человѣчью,
Грѣхопаденье, кровь Христа;
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята...

А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой...

Не то, что́ мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ.
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ,
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?..

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ впотьмахъ,
Для нихъ и солнцы, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!

И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Орга̀на жизнь, глухонѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой.

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.

О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

Вечеръ мглистый и ненастный..
Чу! не жаворонка ль гласъ?
Ты ли, утра гость прекрасный,
Въ этотъ поздній, мертвый часъ?
Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный
Въ этотъ мертвый, поздній часъ,
Какъ безумья смѣхъ ужасный,
Онъ всю душу мнѣ потрясъ!

Душа моя—элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ годины буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Душа моя—элизіумъ тѣней,
Чтó общаго межъ жизнью и тобою?
Межъ вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,
И сей безчувственной толпою?

НА КОНЧИНУ ПУШКИНА.

29 января 1837.

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
Навѣкъ онъ Высшею рукою
Въ цареубійцы заклейменъ.

А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о, тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!..
На зло людскому суесловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой:
Ты былъ боговъ орга̀нъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолилъ
И, осѣненный, опочилъ,
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тотъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь,
Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Надъ виноградными холмами
Плывутъ златыя облака;
Внизу зелеными волнами
Шумитъ померкшая рѣка;
Взоръ постепенно изъ долины,
Подъемлясь, всходитъ къ высотàмъ
И видитъ, на краю вершины,
Круглообразный, свѣтлый храмъ.

Тамъ въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда взлетая, звукъ нѣмѣетъ;
Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.

Тамъ, гдѣ горы, убѣгая,
Въ свѣтлой тянутся дали,
Пресловутаго Дуная
Льются вѣчныя струи.

Тамъ-то, молвятъ, въ стары годы,
По лазуревымъ ночамъ
Фей вилися хороводы
Подъ водой и по водамъ.

Мѣсяцъ слушалъ, волны пѣли,
И, навѣсясь съ горъ крутыхъ,
Зàмки рыцарей глядѣли
Съ сладкимъ ужасомъ на нихъ.

И лучами неземными
Заключенъ и одинокъ,
Перемигивался съ ними
Съ древней башни огонекъ.

Звѣзды въ небѣ имъ внимали,
Проходя за строемъ строй,
И бесѣду продолжали
Тихомолкомъ межъ собой.

Въ панцырь дѣдовскій закованъ,
Воинъ—сторожъ на стѣнѣ —
Слушалъ, тайно очарованъ,
Дальній гулъ какъ бы во снѣ.

Чуть дремотой забывался,
Гулъ яснѣлъ и грохоталъ...
Онъ съ молитвой просыпался
И дозоръ свой продолжалъ.

Все прошло, все взяли годы:
Поддался и ты судьбѣ,
О, Дунай, и пароходы
Нынче рыщутъ по тебѣ.

Такъ здѣсь-то суждено намъ было
Сказать послѣднее прости,—
Прости всему, чѣмъ сердце жи́ло,
Что̀, жизнь убивъ, ее испепелило
Въ твоей измученной груди!

Прости... Чрезъ много, много лѣтъ
Ты будешь помнить съ содроганьемъ
Сей край, сей брегъ съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ,
Гдѣ позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ
Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ.

Давно ль, давно ль, о, югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И, какъ эдемъ ты растворенный,
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу!
Давно ль,—хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ недаромъ полнъ,—
Я тамъ заслушивался пѣнья
Великихъ средиземныхъ волнъ!

И пѣснь ихъ, какъ во время óно
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ родного лона
Киприда свѣтлая всплыла...
Онѣ все тѣ же и понынѣ,
Все такъ же блещутъ и звучатъ;
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я... я съ вами распростился,
Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.

Здѣсь воздухъ колетъ: снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ.

Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
Тамъ, тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
Еще я вижу васъ вдали:
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходитъ до души моей.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВИЛЛА.

И, распростясь съ тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью—тѣнью Елисейской,
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ, тому ужъ вѣка два иль болѣ,
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ, южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

Попрежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечетъ...
И спитъ она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли: все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!

Фонтанъ журчалъ, недвижимо и строино
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепетъ
По вѣтвямъ кипарисным пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепетъ,
Какъ бы сквозь сонъ, невнятно прошепталъ.

Что̀ это, другъ? Иль злая жизнь недаромъ,
Та жизнь—увы!—что́ въ насъ тогда текла,
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Смотри, какъ западъ разгорѣлся
Вечернимъ заревомъ лучей,
Востокъ померкнувшій одѣлся
Холодной, сизой чешуей!

Въ враждѣ ль они между собою?
Иль солнце не одно для нихъ
И, неподвижною средою
Дѣля, не съединяетъ ихъ?

АРФА СКАЛЬДА.

О, арфа скальда, долго ты спала
Въ тѣни, въ тиши забытаго угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свѣтъ блеснулъ въ твоемъ углу,
Вдругъ чудный звонъ затрепеталъ въ струнѣ,
Какъ бредъ души, встревоженной во снѣ.

Какой онъ жизнью на тебя дохнулъ?
Иль старину тебѣ онъ вспомянулъ,
Какъ по ночамъ здѣсь сладострастныхъ дѣвъ
Давно минувшій вторился напѣвъ?
Иль въ сихъ цвѣтущихъ и поднесь садахъ
Ихъ легкихъ ногъ скользитъ незримый шагъ?

ВЕСНА

Какъ ни гнететъ рука судьбины,
Какъ ни томитъ людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни пòлно ранъ,
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены,
Чтó устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны!

Весна—она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,
И ни морщины на челѣ...
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ,
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

Цвѣтами сыплетъ надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна;
Была ль другая передъ нею,
О томъ не вѣдаетъ она.

По небу много облакъ бродитъ,
Но эти облака ея:
Она ни слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ весенъ бытія.

Не о быломъ вздыхаютъ розы,
И соловей въ ночи поетъ;
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора льетъ,
И страхъ кончины неизбѣжной
Не свѣетъ съ древа ни листа;
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,
Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди, струей его эѳирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

ДЕНЬ И НОЧЬ.

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной,
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.
День—сей блистательный покровъ,
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь;
Пришла—и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!

НЕ ВѢРЬ, НЕ ВѢРЬ ПОЭТУ!

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови,
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ, какъ стихія,
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодыя
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поноситъ или хвалитъ
Поэта суетный народъ:
Онъ не змѣею сердце жалитъ,
Но какъ пчела его сосетъ.

Твоей святыни не нарушитъ
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ жизнь задушитъ
Иль унесетъ за облака.

ЛЕБЕДЬ.

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полетъ
И неподвижными очами
Въ себя впиваетъ солнца свѣтъ;

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О, лебедь чистый, твоего!
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.

Она между двойною бездной
Лелѣетъ твой всезрящій сонъ,
И полной славой тверди звѣздной
Ты отовсюду окруженъ.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ;
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что̀ въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Живымъ сочувствіемъ привѣта,
Съ недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта,
Не искушай его мечты!

Всю жизнь въ толпѣ людей затерянъ,
Порой доступенъ ихъ страстямъ,
Поэтъ, я знаю, суевѣренъ,
Но рѣдко служитъ онъ властямъ.

Передъ кумирами земными
Проходитъ онъ, главу склонивъ,
Или стоитъ онъ передъ ними
Смущенъ и гордо-боязливъ.

Но, если вдругъ живое слово
Съ ихъ устъ, сорвавшись, упадетъ,
И сквозь величія земного
Вся прелесть женщины мелькнетъ,

И человѣческимъ сознаньемъ
Ихъ всемогущей красоты
Вдругъ озарятся, какъ сіяньемъ,
Изящно-дивныя черты,

О, какъ въ немъ сердце пламенѣетъ!
Какъ онъ восторженъ, умиленъ!
Пускай служить онъ не умѣетъ,
Боготворить умѣетъ онъ.

Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный
Твой взоръ, твой страстный взоръ изнемогалъ на немъ!..
Безсмысленно-нѣма, нѣма, какъ опаленный
Небесной молніи огнемъ,
Вдругъ, отъ избытка чувствъ, отъ полноты сердечной,
Вся трепетъ, вся въ слезахъ, ты повергалась ницъ;
Но скоро добрый сонъ, младенчески-безпечный,
Сходилъ на шелкъ твоихъ рѣсницъ.
И на руки къ нему глава твоя склонялась,
И матери нѣжнѣй тебя лелѣялъ онъ...
Стонъ замиралъ въ устахъ, дыханье уравнялось...
И тихъ и сладокъ былъ твой сонъ.
А днесь... О, если бы тогда тебѣ приснилось,
Что̀ будущность для насъ обоихъ берегла...
Какъ уязвленная, ты бъ съ воплемъ пробудилась.
Иль въ сонъ иной бы перешла.

12 НОЯБРЯ 1844 ГОДА.

Глядѣлъ я, стоя надъ Невой,
Какъ Исаака-великана,
Во мглѣ морознаго тумана,
Свѣтился куполъ золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Бѣлѣла въ мертвенномъ покоѣ
Оледянѣлая рѣка.

Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣетъ,
Теперь на солнцѣ пламенѣетъ
Роскошной Генуи заливъ...

О, сѣверъ, сѣверъ-чародѣй!
Иль я тобою околдованъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?

О, если бъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый югъ.

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста печальныя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые,
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О, бѣдный призракъ, немощный и смутный,
Забытаго, загадочнаго счастья!..
О, какъ теперь безъ вѣры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меньшой, умершій въ пеленахъ!

Ахъ, нѣтъ! Не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ,
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслѣдъ плыветъ.

На солнцѣ ль радужно блистая,
Иль ночью въ поздней темнотѣ,
Но всѣ, неизбѣжимо тая,
Онѣ плывутъ къ одной метѣ.

Всѣ вмѣстѣ—малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,
Всѣ безразличны, какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты—человѣческое я!
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

О ЛАМАРТИНѢ.

Какъ онъ любилъ родныя ели
Своей Савойи дорогой!
Какъ мелодически шумѣли
Ихъ вѣтви надъ его главой!
Ихъ мракъ торжественно-угрюмый
И дикій, заунывный шумъ
Какою сладостною думой
Его обворожали умъ!

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой,
И въ сумракѣ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой, —
Твой милый образъ, незабвенный...
Онъ предо мной вездѣ, всегда,
Недостижимый, неизмѣнный,
Какъ ночью на небѣ звѣзда.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ!
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ...
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленныя луной!

ГРОЗА ДОРОГОЙ.

Неохотно и несмѣло
Солнце смотритъ на поля...
Чу! За тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порой...
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ-за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣглый и летучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей,
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля.

БЛИЗНЕЦЫ.

Есть близнецы—для земнородныхъ
Два божества—то смерть и сонъ,
Какъ братъ съ сестрою дивно сходныхъ—
Она угрюмѣй, кротче онъ...

Но есть другихъ два близнеца,
И въ мірѣ нѣтъ четы прекраснѣй,
И обаянья нѣтъ ужаснѣй,
Ей предающаго сердца...

Союзъ ихъ кровный, не случайный,
И только въ роковые дни
Своей неразрѣшимой тайной
Обворожаютъ насъ они.

И кто въ избыткѣ ощущеній,
Когда кипитъ и стонетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній,-
Самоубійство и любовь!

ПЛАВАНІЕ.

На равнинѣ водъ лазурной
Шли мы вѣрною стезей;
Огнедышущій и бурный
Уносилъ насъ змѣй морской.

Съ неба звѣзды намъ свѣтили,
Снизу искрилась волна,
И мятелью влажной пыли
Обдавала насъ она.

Мы на палубѣ сидѣли...
Многихъ сонъ одолѣвалъ...
Все звучнѣй колеса пѣли,
Разгребая шумный валъ.

Пріутихъ нашъ кругъ веселый,
Женскій говоръ, женскій шумъ...
Подпираетъ локоть бѣлый
Много милыхъ, сонныхъ думъ.

Сны играютъ на просторѣ
Подъ магической луной,
И баюкаетъ ихъ море
Тихоструйною волной.

ПОЭЗІЯ.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ—
Небесная—къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

Вновь твои я вижу очи,
И одинъ твой южный взглядъ
Киммерійской грустной ночи
Вдругъ развѣялъ сонный хладъ..
Воскресаетъ предо мною
Край иной,—родимый край,
Словно прадѣдовъ виною
Для сыновъ погибшій рай.

Лавровъ стройныхъ колыханье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтній зной;
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной былью вѣетъ
Изъ-подъ мраморныхъ аркадъ.

Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной.
Снова жадными очами
Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ!
Какъ тѣнь внизу скользитъ неуловимо!
«Вотъ наша жизнь,—промолвила ты мнѣ.—
Не свѣтлый дымъ, блестящій при лунѣ,
А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма!»

Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
Намъ все мерзитъ, и жизнь, какъ камней груда,
Лежитъ на насъ,—вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнетъ,
Минувшимъ насъ обвѣетъ и обниметъ
И страшный грузъ минутно приподниметъ.
Такъ иногда, осеннею порой,
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе долы,
Вдругъ вѣтръ подуетъ, теплый и сырой,
Опавшій листъ погонитъ предъ собою
И душу намъ обдастъ какъ бы весною.

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви,
Мелькнутъ твои младые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты развѣются твои.

И жизнь твоя пройдетъ незрима
Въ краю безлюдномъ, безымянномъ,
На незамѣченной землѣ,—
Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тускломъ и туманномъ,
Въ осенней безпредѣльной мглѣ.

СЛЕЗЫ.

Слезы людскія, о, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Святая ночь на небосклонъ взошла,
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой покровъ, она свила,—
Покровъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ пропастію темной.
На самого себя покинутъ онъ,
Упразднёнъ умъ и мысль осиротѣла;
Въ душѣ своей, какъ въ безднѣ, погруженъ,
И нѣтъ извнѣ опоры, ни предѣла.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Ему теперь все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаётъ наслѣдье родовое...

РИМЪ НОЧЬЮ.

Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ.
Взошла луна и овладѣла имъ,
И спящій градъ безлюдно-величавый
Наполнила своей безмолвной славой...
Какъ сладко дремлетъ Римъ въ ея лучахъ,
Какъ съ ней сроднился Рима вѣчный прахъ!
Какъ будто лунный міръ и градъ почившій,
Все тотъ же міръ волшебный, но отжившій!.

ВЕНЕЦІЯ.

Дожъ Венеціи свободной
Средь лазоревыхъ зыбей,
Какъ женихъ порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
Съ Адріатикой своей.

И недаромъ въ эти воды
Онъ кольцо свое бросалъ:
Вѣки цѣлые, не годы,
Дивовалися народы...
Чудный перстень воеводы
Ихъ вязалъ и чаровалъ.

И чета въ любви и мирѣ
Много славы нажила:
Вѣка три или четыре,
Все могучѣе и шире,
Разрасталась въ цѣломъ мірѣ
Тѣнь отъ львинаго крыла.

А теперь въ волнахъ забвенья
Сколько брошенныхъ колецъ!
Миновались поколѣнья,
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цѣпи наконецъ!

Конченъ пиръ, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты въ кубкахъ вины,
На главахъ вѣнки измяты;
Лишь курились ароматы
Въ опустѣвшей свѣтлой залѣ.
Кончивъ пиръ, мы поздно встали:
Звѣзды на небѣ сіяли,
Ночь достигла половины...

Какъ надъ безпокойнымъ градомъ,
Надъ дворцами, надъ домами,
Шумнымъ уличнымъ движеньемъ,
Съ тускло-рдянымъ освѣщеньемъ
И безумными толпами,—
Какъ надъ этимъ дольнимъ чадомъ,
Въ черномъ, выспреннемъ предѣлѣ,
Звѣзды чистыя горѣли,
Отвѣчая смертнымъ взглядамъ
Непорочными лучами!

Не разсуждай, не хлопочи...
Безумство ищетъ, глупость судитъ;
Дневныя раны сномъ лѣчи,
А завтра быть тому, что̀ будетъ.

Живя, умѣй все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу,
Чего желать, о чемъ тужить?
День пережитъ—и слава Богу!

Какъ ни дышетъ полдень знойный
Въ растворенное окно,
Въ этой храминѣ спокойной,
Гдѣ все тихо и темно,

Гдѣ живыя благовонья
Бродятъ въ сумрачной тѣни,
Въ сладкій сумракъ полусонья
Погрузись и отдохни.

Здѣсь фонтанъ неутомимый
День и ночь поетъ въ углу
И кропитъ росой незримой
Очарованную мглу.

И въ мерцаньи полусвѣта.
Тайной страстью занята,
Здѣсь влюбленнаго поэта
Вѣетъ легкая мечта.

НА НЕВѢ.

И опять звѣзда ныряетъ
Въ легкой зыби невскихъ волнъ,
И опять любовь ввѣряетъ
Ей таинственный свой челнъ.

И межъ зыбью и звѣздою
Онъ скользитъ, какъ бы во снѣ,
И два призрака съ собою
Вдаль уноситъ по волнѣ.

Дѣти ль это праздной лѣни
Тратятъ здѣсь досугъ ночной,
Иль блаженныя двѣ тѣни
Покидаютъ міръ земной?

Ты, разлитая, какъ море,
Пышноструйная волна,
Пріюти въ твоемъ просторѣ
Тайну скромнаго челна!

ВЪ ІЮЛѢ 1850 года.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ, свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разраслись;
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по знойной мостовой.

АВГУСТЪ 1850 года.

Подъ дыханьемъ непогоды,
Вздувшись, потемнѣли воды
И подернулись свинцомъ,
И сквозь глянецъ ихъ суровый
Вечеръ пасмурно-багровый
Свѣтитъ радужнымъ лучомъ.

Сыплетъ искры золотыя,
Сѣетъ розы огневыя—
И уноситъ ихъ потокъ.
Надъ волной темно-лазурной
Вечеръ пламенный и бурной
Обрываетъ свой вѣнокъ...

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.

Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что̀ такъ цвѣло и жило,
Теперь, такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!..

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ. 1850 года.

(Въ отвѣтъ на ея письмо).

Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни,
Какъ околдованный зимой,
Какимъ-то сномъ усопшей тѣни
Я спалъ зарытый, но живой!

И вотъ я чую, надо мною,
Не наяву и не во снѣ,
Какъ бы повѣяло весною,
Какъ бы запѣло о веснѣ...

Знакомый голосъ, голосъ чудный,
То лирный звукъ, то женскій вздохъ...
Но я, лѣнивецъ безпробудный,
Я вдругъ откликнуться не могъ.

Я спалъ въ оковахъ тяжкой лѣни,
Подъ осьмимѣсячной зимой,
Какъ дремлютъ праведныя тѣни
Во мглѣ Стигійской роковой.

Но этотъ сонъ полумогильный
Какъ надо мной ни тяготѣлъ,
Онъ самъ же, чародѣй всесильный,
Ко мнѣ на помощь подоспѣлъ.

Пріязни давней выраженья
Ихъ для меня онъ уловилъ
И въ музыкальныя видѣнья
Знакомый голосъ воплотилъ...

Вотъ вижу я, какъ бы сквозь дымки
Волшебный садъ, волшебный домъ...
И въ зàмкѣ феи-невидимки
Вдругъ очутились мы вдвоемъ.

Вдвоемъ! И пѣснь ея звучала
И отъ завѣтнаго крыльца
Гнала и буйнаго нахала,
Гнала и пошлаго льстеца.

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

Лѣсъ зеленѣетъ молодой.
Смотри, какъ листьемъ молодымъ
Стоятъ обвѣяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, какъ дымъ.

Давно имъ грезилось весной,
Весной и лѣтомъ золотымъ;
И вотъ живыя эти грезы,
Подъ первымъ небомъ голубымъ,
Пробились вдругъ на свѣтъ дневной.

О, первыхъ листьевъ красота,
Омытыхъ въ солнечныхъ лучахъ,
Съ новорожденною ихъ тѣнью!
И слышно намъ по ихъ движенью,
Что въ этихъ тысячахъ и тьмахъ
Не встрѣтишь мертваго листа.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Любовь, любовь—гласитъ преданье—
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ съединенье, сочетанье,
И роковое ихъ сліянье,
И поединокъ роковой.
И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердецъ,
Тѣмъ неизбѣжнѣй и вѣрнѣе,
Любя, страдая, грустно млѣя,
Оно изноетъ наконецъ.

Недаромъ милосердымъ Богомъ
Пугливой птичка создана:
Спасенья вѣрнаго залогомъ
Ей робость чуткая дана.

И нѣтъ для бѣдной птички проку
Въ свойствѣ съ людьми, съ семьей людской:
Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ ближе къ року—
Не сдобровать подъ ихъ рукой...

Вотъ птичку дѣвушка вскормила
Отъ первыхъ перышекъ съ гнѣзда,
Взлелѣяла и возрастила
И не жалѣла, не щадила
Для ней ни ласки ни труда.

Но какъ съ любовію тревожной
Ты, дѣва, ни пеклась о ней,
Настанетъ день, день непреложный:
Питомецъ твой неосторожный
Погибнетъ подъ ногой твоей...

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ

Поютъ деревья, блещутъ воды
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ.

Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй—
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутитъ небесную лазурь,
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ,
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой
Лѣсные гнутся исполины;
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой,
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу...

14 ІЮЛЯ 1851 ГОДА.

Дума за думой, волна за волной—
Два проявленья стихіи одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь—въ заключеніи, тамъ—на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же все призракъ тревожно-пустой!

14 ІЮЛЯ, ВЪ НОЧЬ.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

Въ разлукѣ есть высокое значенье,
Какъ ни люби, хоть день одинъ, хоть вѣкъ,
Любовь есть сонъ, а сонъ—одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль будетъ пробужденье,
А долженъ наконецъ проснуться человѣкъ.

День вечерѣетъ, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь,
На небѣ гаснутъ облака...
Ужъ поздно. Вечерѣетъ день.

Но мнѣ не страшенъ мракъ ночной,
Не жаль скудѣющаго дня,—
Лишь ты, волшебный призракъ мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Какъ рѣшить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, можетъ-быть,
Но съ страстной женскою душой.

Чему молилась ты съ любовью,
Что̀ какъ святыню берегла,—
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей.

Ахъ, если бы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Ее спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской!

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Повѣрь, изъ насъ изъ двухъ завиднѣй часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я—
Я на тебя гляжу съ досадою ревнивой.

И, жалкій чародѣй передъ волшебнымъ міромъ
Мной созданнымъ самимъ, безъ вѣры я стою
И самого себя, краснѣя, сознаю
Живой души твоей безжизненнымъ кумиромъ.

Не говори: меня онъ, какъ и прежде, любитъ,
Какъ прежде мною дорожитъ...
О, нѣтъ! онъ жизнь мою безчеловѣчно губитъ,
Хоть, вижу, ножъ въ рукѣ его дрожитъ.

То въ гнѣвѣ, то въ слезахъ, тоскуя, негодуя,
Увлечена, въ душѣ уязвлена,
Я стражду, не живу... имъ, имъ однимъ живу я,
Но эта жизнь... о, какъ горька она!

Онъ мѣритъ воздухъ мнѣ такъ бережно и скудно
Не мѣрятъ такъ и лютому врагу...
Охъ, я дышу еще болѣзненно и трудно,
Могу дышать, но жить ужъ не могу.

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что̀ сердцу нашему милѣй!

Давно ль, гордясь своей побѣдой,
Ты говорилъ: она моя...
Годъ не прошелъ, спроси и свѣдай,
Что̀ уцѣлѣло отъ нея?

Куда ланитъ дѣвались розы,
Улыбка устъ и блескъ очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрѣчѣ,
При первой встрѣчѣ роковой,
Ея волшебный взоръ и рѣчи
И смѣхъ младенчески-живой?

И что̀ жъ теперь? И гдѣ все это?
И долговѣченъ ли былъ сонъ?
Увы, какъ сѣверное лѣто,
Былъ мимолетнымъ гостемъ онъ!

Судьбы ужаснымъ приговоромъ
Твоя любовь для ней была
И незаслуженнымъ позоромъ
На жизнь ея она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья
Въ ея душевной глубинѣ...
Ей оставались вспоминанья,
Но измѣнили и онѣ.

И на землѣ ей дико стало,
Очарованіе ушло...
Толпа, нахлынувъ, въ грязь втоптала
То, что̀ въ душѣ ея цвѣло.

И что̀ жъ отъ долгаго мученья,
Какъ пеплъ, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль, безъ отрады и безъ слезъ!

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что̀ сердцу нашему милѣй!

MOBILE COMME L'ONDE.

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Какъ, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бьешься
Въ одичалой безднѣ водъ!

Сладокъ мнѣ твой тихій шопотъ,
Полный ласки и любви;
Внятенъ мнѣ и буйный ропотъ,
Стоны вѣщіе твои.

Будь вѣрна стихіи бурной,
То угрюма, то свѣтла;
Но въ ночи твоей лазурной
Сбереги, что̀ ты взяла.

Не кольцо, какъ даръ завѣтный,
Въ зыбь твою я опустилъ,
И не камень самоцвѣтный
Я въ тебѣ похоронилъ.

Нѣтъ, въ минуту роковую,
Тайной прелестью влекомъ,
Душу, душу я живую
Схоронилъ на днѣ твоемъ.

НА СМЕРТЬ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Я видѣлъ вечеръ твой. Онъ былъ прекрасенъ;
Послѣдній разъ прощаяся съ тобой,
Я любовался имъ; и тихъ, и ясенъ,
И весь проникнутъ теплотой...
О, какъ они и грѣли и сіяли—
Твои, поэтъ, прощальные лучи...
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужъ звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи ни раздвоенья...
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ Омировы читалъ!
Цвѣтущія и радужныя были
Младенческихъ первоначальныхъ лѣтъ!
А звѣзды между тѣмъ на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

Поистинѣ, какъ голубь, чистъ и цѣлъ
Онъ духомъ былъ; хоть мудрости змѣиной
Но презиралъ, понять ее умѣлъ,
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто-голубиный.
И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтлѣлъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ...

И этотъ-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникшій лиру,
Какъ лучшій плодъ, какъ лучшій подвигъ свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ ли міръ, оцѣнитъ ли его?
Достойны ль мы священнаго залога?
Иль не про насъ сказало Божество:
„Лишь сердцемъ чистые—тѣ узрятъ Бога“.

Чародѣйкою-зимою
Околдованъ лѣсъ стоитъ,
И подъ снѣжной бахромою,
Неподвижною, нѣмою,
Чудной жизнью онъ блеститъ.

И стоитъ онъ околдованъ,
Не мертвецъ и не живой,
Сномъ волшебнымъ очарованъ,
Весь опушенъ, весь окованъ,
Легкой тѣнью пуховой.

Солнце зимнее ли мещетъ
На него свой лучъ косой,
Въ немъ ничто не затрепещетъ,
Онъ лишь вспыхнетъ и заблещетъ
Ослѣпительной красой.

Я очи зналъ,—о эти очи!
Какъ я любилъ ихъ, знаетъ Богъ!
Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не могъ.

Въ непостижимомъ этомъ взорѣ,
Жизнь обнажающемъ до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышалъ онъ грустный, углубленный
Въ тѣни рѣсницъ ея густой,
Какъ наслажденье, утомленный
И, какъ страданье, роковой.

И въ эти чудныя мгновенья
Ни разу мнѣ не довелось
Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья
И любоваться имъ безъ слезъ.

НАШЪ ВѢКЪ.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ...
И сознаётъ погибель онъ
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.

Не скажетъ вѣкъ, съ молитвои и слезой,
Какъ не скорбитъ предъ замкнутою дверью:
«Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему невѣрью!..»

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй..
Сіяй, сіяй прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

Полнеба охватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ брежжитъ сіянье,
Помедли, помедли, вечерній день,
Продлись, продлись, очарованье!

Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность...
О ты, послѣдняя любовь!
Блаженство ты и безнадежность.

А. С. НОРОВУ.

(При посылкѣ сборника стихотвореній).

Тому, кто съ вѣрой и любовью
Служилъ землѣ своей родной,
Служилъ ей мыслію и кровью,
Служилъ ей словомъ и душой.
И кто недаромъ Провидѣньемъ,
На многотрудномъ семъ пути,
Поставленъ новымъ поколѣньямъ
Въ благонадежные вожди...

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала;

И доносилися порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ сливалось строй,
Строй звучный, шумный и невнятный.

Весенней нѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье.
Не знаю, долгъ ли былъ сонъ,
Но странно было пробужденье.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ,
И воцарилося молчанье;
Ходили тѣни по стѣнамъ
И полусонное мерцанье;

Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,
И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

Какое лѣто, что̀ за лѣто!
Да это просто колдовство;
И какъ, спрошу, далось намъ это
Такъ ни съ того и ни съ сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этотъ блескъ, на этотъ свѣтъ:
Не издѣваются ль надъ нами?
Откуда намъ такой привѣтъ?

Увы, не такъ ли молодая
Улыбка женскихъ устъ и глазъ,
Не восхищая, не прельщая,
Подъ старость лишь тревожитъ насъ!..

Увы, что̀ нашего незнанья
И безпомощнѣй и грустнѣй?
Кто смѣетъ молвить: до свиданья!
Чрезъ бездну двухъ или трехъ дней?

Такъ въ жизни есть мгновенія,
Ихъ трудно передать,
Они самозабвенія
Земного благодать.
Шумятъ верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесныя
Бесѣдуютъ со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло такъ далеко
Все мило-невозможное
Такъ близко и легко.
И любо мнѣ, и сладко мнѣ,
И миръ въ моей груди,
Дремотою обвѣянъ я—
О время, погоди!

Пламя рдѣетъ. пламя пышетъ,
Искры брызжутъ и летятъ,
А на нихъ прохладой дышетъ
Изъ-за рѣчки темный садъ.
Сумракъ тутъ, тамъ жаръ и крики,
Я брожу какъ бы во снѣ,
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мнѣ.

Трескъ за трескомъ, дымъ за дымомъ,
Трубы голыя торчатъ
А въ покоѣ нерушимомъ
Листья вѣютъ и шуршатъ.
Я, дыханьемъ ихъ обвѣянъ,
Страстный говоръ твой ловлю;
Слава Богу, я съ тобою,
А съ тобой мнѣ, какъ въ раю.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что̀ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Вотъ отъ моря и до моря
Нить желѣзная скользитъ
Много славы, много горя
Эта нить порой гласитъ.

И, за ней слѣдя глазами,
Путникъ видитъ, какъ порой
Птицы вѣщія садятся
Вдоль по нити вѣстовой.

Вотъ съ поляны воронъ черный
Прилетѣлъ и сѣлъ на ней,
Сѣлъ, и каркнулъ, и крылами
Замахалъ онъ веселѣй.

И кричитъ онъ, и ликуетъ,
И кружится все надъ ней:
Ужъ не кровь ли воронъ чуетъ
Севастопольскихъ вѣстей?

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ.

О, въ эти дни, дни роковые,
Дни испытаній и утратъ,
Отраденъ будь для ней возвратъ
Въ мѣста душѣ ея родныя!

Пусть добрый, благосклонный геній
Скорѣй ведетъ навстрѣчу къ ней
И горсть живыхъ еще друзей,
И столько милыхъ, милыхъ тѣней!

О, вѣщая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!..

Такъ, ты жилица двухъ міровъ,
Твой день—болѣзненный и страстный,
Твой сонъ—пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ...

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть.

Н. Ѳ. ЩЕРБИНѢ.

Вполнѣ понятно мнѣ значенье
Твоей болѣзненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Предъ идеаломъ красоты...

Такъ узникъ эллинскій, порою
Забывшись сномъ среди степей,
Подъ скиѳской вьюгой снѣговою
Свободой бредилъ золотою
И небомъ Греціи своей.

Смотри, какъ роща зеленѣетъ,
Палящимъ солнцемъ облита,
И въ ней какою нѣгой вѣетъ
Отъ каждой вѣтки и листа!

Пойдемъ и сядемъ надъ корнями
Деревъ, поимыхъ родникомъ,
Тамъ, гдѣ обвѣянный ихъ мглами,
Онъ шепчетъ въ сумракѣ нѣмомъ.

Надъ нами бредятъ ихъ вершины,
Въ полдневный зной погружены,
И лишь порою крикъ орлиный
Къ намъ долетаетъ съ вышины...

1857.

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ
И сонъ разгонитъ и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Что̀ гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа...

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Прозрачный воздухъ, день хрустальный,
И лучезарны вечера...

Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все—просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Въ часы, когда бываетъ
Такъ тяжко на груди,
И сердце изнываетъ,
И тьма лишь впереди,

Безъ силъ и безъ движенья,
Мы такъ удручены,
Что даже утѣшенья
Друзей намъ не смѣшны,

Вдругъ солнца лучъ привѣтный
Войдетъ украдкой къ намъ
И брызнетъ искрометной
Струею по стѣнамъ;

Со тверди благосклонной,
Съ лазуревыхъ высотъ
Вдругъ воздухъ благовонный
Въ окно на насъ пахнетъ...

Уроковъ и совѣтовъ
Они намъ не несутъ,
И отъ судьбы навѣтовъ
Они насъ не спасутъ.

Но силу ихъ мы чуемъ,
Ихъ слышимъ благодать,
И меньше мы тоскуемъ,
И легче намъ дышать...

Такъ много благодатна,
Воздушна и свѣтла,
Душѣ моей стократно
Любовь твоя была.

Она сидѣла на полу
И груду писемъ разбирала,
И, какъ остывшую золу,
Брала ихъ въ руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно такъ на нихъ глядѣла,
Какъ души смотрятъ съ высоты
На ими брошенное тѣло.

И сколько жизни было тутъ,
Невозвратимо пережитой,
И сколько горестныхъ минутъ,
Любви и радости убитой.

Стоялъ я молча въ сторонѣ
И пасть готовъ былъ на колѣни,
И страшно грустно было мнѣ,
Какъ отъ присущей милой тѣни.

Осенней позднею порою
Люблю я Царскосельскій садъ,
Когда онъ тихой полумглою
Какъ бы дремотою объятъ.
И бѣлокрылыя видѣнья,
На тускломъ озера стеклѣ,
Въ какой-то нѣгѣ онѣмѣнья
Коснѣютъ въ этой полумглѣ...

И на порфирныя ступени
Екатерининскихъ дворцовъ
Ложатся сумрачныя тѣни
Октябрьскихъ раннихъ вечеровъ.
Сады темнѣютъ, какъ дубровы,
И при звѣздахъ изъ тьмы ночной,
Какъ отблескъ славнаго былова,
Выходитъ куполъ золотой.

Е. Н. АННЕНКОВОЙ.

И въ нашей жизни повседневной
Бываютъ радужные сны,
Въ край незнакомый, въ край волшебный,
И чуждый намъ и задушевный,
Мы ими вдругъ увлечены.

Мы видимъ: съ голубого своду
Нездѣшнимъ свѣтомъ вѣетъ намъ,
Другую видимъ мы природу,
И безъ заката, безъ восходу
Другое солнце свѣтитъ тамъ...

Все лучше тамъ, свѣтлѣе, шире,
Такъ отъ земного далеко...
Такъ равно съ тѣмъ, что̀ въ нашемъ мірѣ,
И въ чистомъ пламенномъ эѳирѣ
Душѣ такъ радостно, легко.

Проснулись мы,—конецъ видѣнью,
Его ничѣмъ не удержать,
И тусклой, неподвижной тѣнью,
Вновь обреченныхъ заключенью,
Жизнь обхватила насъ опять

Но долго звукъ неуловимый
Звучитъ надъ нами въ вышинѣ,
И предъ душой, тоской томимой,
Все тотъ же взоръ неотразимый,
Все та жъ улыбка, что̀ во снѣ.

ДОРОГА ИЗЪ КЕНИГСБЕРГА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

I.

Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ
  Огромной тучи снѣговой;
Синѣетъ даль съ ея угрюмымъ лѣсомъ,
  Окутаннымъ осенней мглой!

Все голо такъ и пусто, необъятно
  Въ однообразіи нѣмомъ,
Мѣстами лишь проглядываютъ пятна
  Стоячихъ водъ, покрытыхъ первымъ льдомъ.

Ни звуковъ здѣсь, ни красокъ, ни движенья;
  Жизнь отошла, и, покорясь судьбѣ,
Въ какомъ-то забытьи изнеможенья,
  Здѣсь человѣкъ лишь снится самъ себѣ.

Какъ свѣтъ дневной, его тускнѣютъ взоры;
  Не вѣритъ онъ, хоть видѣлъ ихъ вчера,
Что есть края, гдѣ радужныя горы
  Въ лазурныя глядятся озера...

II.

Грустный видъ и грустный часъ!
Дальній путь торопитъ насъ...
Вотъ, какъ призракъ гробовой,
Мѣсяцъ всталъ и изъ тумана
Освѣтилъ безлюдный край...
Путь далекъ, не унывай!

Ахъ, и въ этотъ самый часъ,
Тамъ, гдѣ нѣтъ теперь ужъ насъ,
Тотъ же мѣсяцъ, но живой,
Дышетъ въ зеркалѣ Лемана!
Чудный видъ и чудный край...
Путь далекъ, не вспоминай!

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО.

Не движется ночная тѣнь,
Высоко въ небѣ мѣсяцъ свѣтитъ,
Царитъ себѣ и не замѣтитъ,
Что ужъ родился юный день,

Что хоть лѣниво и несмѣло
Лучъ возникаетъ за лучомъ,
А небо такъ еще всецѣло
Ночнымъ сіяетъ торжествомъ.

Но не пройдетъ двухъ-трехъ мгновеній,
Ночь испарится надъ землей,
И въ полномъ блескѣ проявленій
Вдругъ насъ охватитъ міръ дневной.

N. N.

(При полученіи отъ него въ подарокъ очковъ).

Есть много мелкихъ безымянныхъ
Созвѣздій въ горней вышинѣ,
Для нашихъ слабыхъ глазъ туманныхъ
Недосягаемы онѣ...

И какъ они бы ни свѣтили,
Не намъ о блескѣ ихъ судить,
Лишь телескопа дивной силѣ
Они подвластны, можетъ-быть.

Но есть созвѣздія иныя,
Отъ нихъ иные и лучи:
Какъ солнца пламенно-живыя,
Они сіяютъ намъ въ ночи.

Ихъ бодрый, радующій души,
Свѣтъ путеводный, свѣтъ благой,
Вездѣ и въ морѣ и на сушѣ,
Вездѣ мы видимъ предъ собой.

Для міра дольняго отрада,
Они краса небесъ родныхъ,
Для этихъ звѣздъ очковъ не надо:
И близорукій видитъ ихъ.

И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ,
И правды нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ,
И нѣтъ души въ тебѣ.
Мужайся, сердце, до конца:
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ!

MEMENTO.

(Императрицы Александры Өеодоровны).

Ея послѣдніе я помню взоры
На этотъ край, на озеро и горы,
Въ роскошной славѣ западныхъ лучей:
Какъ сквозь туманъ болѣзни многотрудной,
Она, порой, ловила призракъ чудный,
Весь этотъ міръ былъ такъ сочувственъ ей!

Какъ эти горы, волны и свѣтила
И въ полутьмѣ своей она любила
Своею чуткой, любящей душой!
И предъ грозой, ужъ близкой, разрушенья,
Какія въ ней бывали умиленья
Предъ этой жизнью вѣчно-молодой!

Свѣтились Альпы, озеро дышало,
И тутъ же намъ, сквозь слезъ, понятно стало,
Что чья душа такъ царственно свѣтла,
Кто до конца сберегъ ее живую,
И въ страшную минуту роковую
Все той же будетъ, чѣмъ была!..

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

У Музы есть различныя пристрастья,
Дары ея даются не равно;
Стократъ она божественнѣе счастья,
Но своенравна, какъ оно:

Иныхъ она лишь на зарѣ лелѣетъ,
Цѣлуетъ шелкъ ихъ кудрей молодыхъ,
Но вѣтерокъ чуть жарче лишь повѣетъ,
И съ первымъ сномъ она бѣжитъ отъ нихъ.

Тамъ у ручья, на луговинѣ тайной,
Нежданная является порой,
Порадуетъ улыбкою случайной,
Но послѣ первой встрѣчи—нѣтъ второй!

Не то отъ ней присуждено вамъ было:
Васъ юношей настигнувъ въ добрый часъ,
Она въ душѣ васъ крѣпко полюбила
И долго всматривалась въ васъ.

Досужная, она не мимоходомъ
О васъ пеклась, ласкала, берегла,
Учила васъ, и съ каждымъ годомъ
Любовь ея все крѣпла и росла.

И какъ, старѣя, пламенный напитокъ
Все пламеннѣй, и чище, и сильнѣй,
Такъ и на васъ даровъ ея избытокъ
Все съ каждымъ годомъ нисходилъ полнѣй.

И никогда такимъ виномъ, какъ нынѣ,
Вашъ славный кубокъ вѣнчанъ не бывалъ.
Давайте жъ, князь, подымемъ въ честь богини
Вашъ полный, пѣнистый фіалъ!

Богинѣ въ честь, хранящей благородно
Залогъ всего, что̀ свято для души,
Родную рѣчь... расти она свободно,
И подвигъ свой великій доверши!

Потомъ мы всѣ, въ молитвенномъ молчаньѣ,
Священные поминки совершимъ,
Мы сотворимъ тройное возліянье
Тремъ незабвенно-дорогимъ.

Нѣтъ отклика на голосъ ихъ зовущій,
Но въ свѣтлый праздникъ вашихъ именинъ,
Кому жъ они не близки, не присущи,
Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ!..

Такъ вѣримъ мы, незримыми гостями
Теперь они, покинувъ горній міръ,
Сочувственно витаютъ между нами
И освящаютъ этотъ пиръ.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносимъ вамъ заздравное вино,
И долго-долго, въ этой свѣтлой чашѣ,
Пускай кипитъ и искрится оно!

Я зналъ ее еще тогда,
Въ тѣ баснословные года,
Какъ передъ утреннимъ лучомъ
Первоначальныхъ дней звѣзда
Ужъ тонетъ въ небѣ голубомъ.

И все еще была она
Той свѣжей прелести полна,
Той доразсвѣтной темноты,
Какъ бы незрима, неслышна,
Роса ложилась на цвѣты.

И жизнь ея тогда была
Такъ совершенна, такъ цѣла,
И такъ средѣ земной чужда,
Что, мнится, и она зашла,
А не погибла,—какъ звѣзда.

А. А. ФЕТУ.

Тебѣ сердечный мой поклонъ
И мой, какой ни есть, портретъ,
И пусть, сочувственный поэтъ,
Тебѣ, хоть молча, скажетъ онъ:
Какъ дорогъ былъ мнѣ твой привѣтъ,
Какъ имъ въ душѣ я умиленъ.

Инымъ достался отъ природы
Инстинктъ пророчески-слѣпой;
Они имъ чуютъ, слышатъ воды
И въ темной глубинѣ земной...

Великой матерью любимый,
Стократъ завиднѣй твой удѣлъ,
Не разъ подъ оболочкой зримой
Ты самоё ее узрѣлъ...

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тѣсный кругъ друзей,
Но вся великая природа
Вашъ торжествуетъ юбилей.

Смотрите, на какомъ просторѣ
Она устроила свой пиръ,—
Весь этотъ берегъ, это море,
Весь этотъ чудный лѣтній міръ.

Смотрите, какъ, облитый свѣтомъ,
Ступивъ на крайнюю ступень,
Съ своимъ прощается поэтомъ
Великолѣпный этотъ день...

Фонтаны брызжутъ тиховѣйно,
Прохладой сонной дышетъ садъ,
И такъ надъ вами юбилейно
Петровы липы здѣсь шумятъ!

ПРИ ПОСЫЛКѢ НОВАГО ЗАВѢТА.

Не легкій жребій, не отрадный,
Былъ вынутъ для тебя судьбой,
И рано съ жизнью безпощадной
Вступила ты въ неравный бой.

Ты билась съ мужествомъ немногихъ
И въ этомъ роковомъ бою
Изъ испытаній самыхъ строгихъ
Всю душу вынесла свою.

Нѣтъ, жизнь тебя не побѣдила,
И ты въ отчаянной борьбѣ
Ни разу, другъ, не измѣнила
Ни правдѣ сердца ни себѣ.

Но скудны всѣ земныя силы:
Разсвирѣпѣетъ жизни зло,
И намъ, какъ на краю могилы,
Вдругъ станетъ страшно тяжело.

Вотъ, въ эти-то часы, съ любовью,
О книгѣ сей ты вспомяни.
И всей душой, какъ къ изголовью,
Къ ней припади—и отдохни.

Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ,
Но чувствую порой и я,
Какъ животворно на вершинѣ
Бѣжитъ воздушная струя,
Какъ рвется изъ густого слоя,
Какъ жаждетъ горнихъ наша грудь,
Какъ все удушливо-земное
Она хотѣла бъ оттолкнуть!

На недоступныя громады
Смотрю по цѣлымъ я часамъ,
Какія росы и прохлады
Оттуда съ шумомъ льются къ намъ!
Вдругъ просвѣтлѣютъ огнецвѣтно
Ихъ непорочные снѣга:
По нимъ проходитъ незамѣтно
Небесныхъ ангеловъ нога...

Играй, покуда надъ тобою
Еще безоблачна лазурь,
Играй съ людьми, играй съ судьбою,
Ты, жизнь, назначенная къ бою,
Ты, сердце, жаждущее бурь!

Какъ часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взоръ туманится слезами...
Зачѣмъ? Что̀ общаго межъ нами?
Ты жить идешь, я ухожу.

Я слышалъ утреннія грезы
Лишь пробудившагося дня,
Но позднія, живыя грозы,
Но взрывъ страстей, но страсти слезы,
Нѣтъ, это все не для меня.

Но, можетъ-быть, подъ зноемъ лѣта
Ты вспомнишь о своей веснѣ.
О, вспоминай про время это,
Какъ о забытомъ, до разсвѣта
Намъ смутно грезившемся снѣ.

СВЯТЫЯ ГОРЫ.

Тихо, мягко надъ Украйной.
Обаятельною тайной
Ночь іюньская лежитъ:
Небо такъ ушло глубоко,
Звѣзды свѣтятъ такъ высоко,
И во тьмѣ Донецъ блеститъ.

Сладкій часъ успокоенья:
Звонъ, литіи, псалмопѣнья
Святогорскія молчатъ;
Подъ обительской стѣною,
Озаренные луною,
Богомольцы мирно спятъ.

И громадою отвѣсной
Въ бѣлизнѣ своей чудесной
Надъ Донцомъ утесъ стоитъ,
Къ небу крестъ свой возвышая,
И, какъ стража вѣковая,
Богомольцевъ сторожитъ.

Говорятъ, въ его утробѣ,
Затворившись какъ во гробѣ,
Чудный инокъ обиталъ,
Много лѣтъ въ искусѣ строгомъ
Сколько слезъ онъ передъ Богомъ,
Сколько вѣры расточалъ!..

Оттого ночной порою,
Силой и поднесь живою
Надъ Донцомъ утесъ стоитъ,
И молитвъ его святыней,
Благодатной и донынѣ,
Спящій міръ животворитъ.

Н. С. АКИНФІЕВОЙ.

1.

Какъ лѣтней иногда порою
Вдругъ птичка въ комнату влетитъ,
И жизнь и свѣтъ внесетъ съ собою,
Все огласитъ и озаритъ;

Весь міръ, цвѣтущій міръ природы,
Въ нашъ уголъ вноситъ за собой,
Зеленый лѣсъ, живыя воды
И отблескъ неба голубой:

Такъ мимолетной и воздушной
Явилась гостьей къ намъ она,
Въ нашъ міръ и чопорный и душный,
И пробудила всѣхъ отъ сна.

Ея присутствіемъ согрѣта,
Жизнь встрепенулася живѣй,
И даже питерское лѣто
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодѣла,
И опытъ сталъ ученикомъ,
Она вертѣла, какъ хотѣла,
Дипломатическимъ клубкомъ.

2.

И самый домъ нашъ будто ожилъ,
Ее жилицею избравъ;
И насъ ужъ менѣе тревожилъ
Неугомонный телеграфъ.

Но кратки всѣ очарованья,
Имъ не дано у насъ гостить,
И вотъ сошлись мы—для прощанья;
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милыхъ впечатлѣній,
Тѣ ямки розовыхъ ланитъ,
Ту нѣгу стройную движеній
И станъ, оправленный въ магнитъ.

Радушный смѣхъ и звучный голосъ,
Полулукавый свѣтъ очей,
И этотъ длинный тонкій волосъ,
Едва доступный пальцамъ фей...

3.

Какъ ни бѣсилося злорѣчье,
Какъ ни трудилося надъ ней,
Но этихъ глазъ чистосердечье,
Оно всѣхъ демоновъ сильнѣй.

Все въ ней такъ искренно и мило,
Такъ всѣ движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ея безоблачной души.

Къ ней и пылинка не пристала
Отъ глупыхъ сплетней, злыхъ рѣчей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелкъ ея кудрей.

Сентябрь холодный бушевалъ,
Съ деревьевъ ржавый листъ валился,
День потухающій дымился,
Сходила ночь, туманъ вставалъ.

И все для сердца и для глазъ
Такъ было холодно-безцвѣтно,
Такъ было грустно-безотвѣтно,
Но чья-то пѣснь вдругъ раздалась...

И вотъ, какимъ-то обаяньемъ,
Туманъ, свернувшись, улетѣлъ;
Небесный сводъ поголубѣлъ
И вновь подернулся сіяньемъ.

И все опять зазеленѣло,
Все обратилося къ веснѣ...
И эта греза снилась мнѣ,
Пока мнѣ птичка ваша пѣла.

НА СМЕРТЬ ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

И тихими послѣдними шагами
Онъ подошелъ къ окну. День вечерѣлъ
И чистыми, какъ благодать, лучами
На западѣ свѣтился и горѣлъ.
И вспомнилъ онъ годину обновленья,
Великій день, новозавѣтный день!
И на лицѣ его отъ умиленья
Предсмертная вдругъ озарилась тѣнь.

И разъ еще два образа родные—
Ихъ, какъ святыню, въ сердцѣ онъ носилъ—
Предстали передъ нимъ—Царь и Россія,
И отъ души онъ ихъ благословилъ.
Потомъ главой припалъ онъ къ изголовью;
Послѣдняя свершалася борьба,
И самъ Спаситель отпустилъ съ любовью
Послушнаго и вѣрнаго раба!..

Весь день она лежала въ забытьи,
И всю ее ужъ тѣни покрывали;
Лилъ теплый лѣтній дождь, его струи
По листьямъ весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться къ шуму,
И долго слушала—увлечена,
Погружена въ сознательную думу...

И вотъ, какъ бы бесѣдуя съ собой,
Сознательно она проговорила
(Я былъ при ней, убитый, но живой):
«О, какъ все это я любила!»

Любила ты, и такъ, какъ ты любить—
Нѣтъ, никому еще не удавалось!
О Господи!.. и это пережить!..
И сердце на клочки не разорвалось!

ЖЕНЕВА 11 (23) ОКТЯБРЯ 1864 г.

Утихла буря, легче дышетъ
Лазурный сонмъ Женевскихъ водъ,
И лодка вновь по нимъ плыветъ,
И снова лебедь ихъ колышетъ.

Весь день, какъ лѣтомъ, солнце грѣет
Деревья блещутъ пестротой,
И воздухъ ласковой волной
Ихъ пышность ветхую лелѣетъ.

А тамъ, въ торжественномъ покоѣ,
Разоблаченная съ утра,
Сіяетъ Бѣлая Гора,
Какъ откровенье неземное...

Здѣсь сердце такъ бы все забыло,
Забыло бъ муку всю свою,—
Когда бы тамъ, въ родномъ краю
Одной могилой меньше было...

ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

1.

Кто бъ ни былъ ты, но, встрѣтясь съ ней,
Душою чистой иль грѣховной,
Ты вдругъ почувствуешь живѣй,
Что есть міръ лучшій, міръ духовный.

2.

Какъ неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышетъ въ ней;
Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ
На тихій свѣтъ ея очей.

Земное ль въ ней очарованье
Иль неземная благодать?
Душа хотѣла бъ ей молиться,
А сердце рвется обожать.

НИЦЦА, ДЕКАБРЬ.

О, этотъ югъ! о, эта Ницца!..
О, какъ ихъ блескъ меня тревожитъ!
Жизнь, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ...
Нѣтъ ни полета ни размаху;
Висятъ поломанныя крылья,
И вся она, прижавшись къ праху,
Дрожитъ отъ боли и безсилья...

НИЦЦА, 2 (14) ЯНВАРЯ 1865 Г.

Какъ хорошо ты, о, море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-темно...
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходитъ, и дышетъ, и блещетъ оно.

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьѣ ночномъ!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...

Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяньи,
Весь какъ во снѣ, я потерянъ стою,
О, какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ бы я душу свою!

ДОЧЕРИ Д. Ѳ. ТЮТЧЕВОЙ.

Когда на то нѣтъ Божьяго согласья,
Какъ ни страдай она, любя,
Душа—увы!—не выстрадаетъ счастья,
Но можетъ выстрадать себя!

Душа, душа, которая всецѣло
Одной завѣтной предалась любви
И ей одной дышала и болѣла,
Господь тебя благослови!

Онъ милосердный, всемогущій,
Онъ грѣющій Своимъ лучомъ
И пышный цвѣтъ на воздухѣ цвѣтущій
И чистый перлъ на днѣ морскомъ!..

НА КОНЧИНУ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Все рѣшено, и онъ спокоенъ,
Онъ, претерпѣвшій до конца...
Знать, онъ предъ Богомъ былъ достоенъ
Другого лучшаго вѣнца!

Другого лучшаго наслѣдства,
Наслѣдства Бога своего,
Онъ, наша радость съ малолѣтства,
Онъ былъ не нашъ, онъ былъ Его...

Но между нимъ и между нами
Есть связи естества сильнѣй:
Со всѣми русскими сердцами
Теперь онъ молится о ней,

О ней, чью горечь испытанья
Пойметъ, измѣритъ только Та,
Кто, освятивъ собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

Est in aruudineis moduiatio musica ripis.

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ,
И стройный мусикійскій шорохъ
Струится въ зыбкихъ камышахъ.

Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ;
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что̀ море,
И ропщетъ мыслящій тростникъ?

И отъ земли до крайнихъ звѣздъ,
Все безотвѣтенъ и понынѣ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ,
Души отчаянный протестъ.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Нѣтъ болѣ искръ живыхъ на голосъ твой привѣтный,
Во мнѣ глухая ночь, и нѣтъ для ней утра!
И скоро улетитъ, во мракѣ незамѣтный,
Послѣдній скудный дымъ съ потухшаго костра.

ТЕЛЕГРАММА ВЪ ПЕТЕРГОФЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Безпомощный и убогій,
И съ усильемъ и съ тревогой,
Къ вамъ пишу, съ одра привставъ,
И привѣтъ мой хромоногой
Окрылитъ пусть телеграфъ.

Пусть умчитъ его, играя,
Въ дивный, свѣтлый уголъ тотъ,
Гдѣ весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая,
Въ купахъ зелени поетъ.

15 ІЮЛЯ 1815 ГОДА.

Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло
Съ того блаженно-рокового дня,
Какъ душу всю свою она вдохнула,
Какъ всю себя перелила въ меня.

И вотъ ужъ годъ, безъ жалобъ, безъ упреку,
Утративъ все, привѣтствую судьбу...
Быть до конца такъ страшно одиноку,
Какъ буду одинокъ въ своемъ гробу.

НАКАНУНѢ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1865 ГОДА.

Вотъ бреду я вдоль большой дороги
Въ тихомъ свѣтѣ гаснущаго дня,
Тяжело мнѣ, замираютъ ноги!
Другъ мой милый, видишь ли меня?

Все темнѣй, темнѣе надъ землею...
Улетѣлъ послѣдній отблескъ дня...
Вотъ тотъ міръ, гдѣ жили мы съ тобою,
Ангелъ мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня;
Ангелъ мой, гдѣ бъ души ни витали,
Ангелъ мой, ты видишь ли меня?

23 НОЯБРЯ 1865 ГОДА.

Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала бъ о быломъ,—
Искала словъ, не находила,—
И сохла, сохла съ каждымъ днемъ.

Какъ тотъ, кто жгучею тоскою
Томился по краю родномъ
И вдругъ узналъ бы, что волною
Онъ схороненъ на днѣ морскомъ.

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ
Часы и дни ужаснѣе другихъ...
Ихъ тяжкій гнетъ, ихъ бремя роковое
Не выскажетъ, не выдержитъ мой стихъ.

Вдругъ все замретъ. Слезамъ и умиленью
Нѣтъ доступа, все пусто и темно,
Минувшее не вѣетъ легкой тѣнью,
А подъ землей, какъ трупъ, лежитъ оно.

Ахъ, и надъ нимъ въ дѣйствительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же міръ бездушный и безстрастный,
Не знающій, не помнящій о ней.

И я одинъ съ моей тупой тоскою
Хочу сознать себя и не могу—
Разбитый челнъ, заброшенный волною,
На безыменномъ дикомъ берегу.

О, Господи, дай жгучаго страданья
И мертвенность души моей разсѣй—
Ты взялъ ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мнѣ оставь по ней,—

По ней, по ней, свой подвигъ совершившей
Весь до конца въ отчаянной борьбѣ,
Такъ пламенно, такъ горячо любившей
Наперекоръ и людямъ и судьбѣ.

По ней, по ней, судьбы не одолѣвшей,
Но и себя не давшей побѣдить;
По ней, по ней, такъ до конца умѣвшей
Страдать, молиться, вѣрить и любить.

Какъ неожиданно и ярко,
По влажной неба синевѣ,
Воздушная воздвиглась арка
Въ своемъ минутномъ торжествѣ.
Одинъ конецъ въ лѣса вонзила,
Другимъ за облака зашла;
Она полнеба охватила
И въ высотѣ изнемогла!

О, въ этомъ радужномъ видѣньѣ
Какая нѣга для очей!
Оно дано намъ на мгновенье,
Лови его, лови скорѣй!
Смотри: оно ужъ поблѣднѣло;
Еще минута, двѣ — и что̀ жъ?
Ушло, какъ то уйдетъ всецѣло,
Чѣмъ ты и дышешь и живешь.

18 АВГУСТА 1865 Г. ДОРОГОЙ.

Ночное небо такъ угрюмо
Заволокло со всѣхъ сторонъ:
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сонъ.
Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.

Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
И быстро выступятъ изъ мраку
Поля и дальніе лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ—на высотѣ...

ГРАФИНѢ А. Д. БЛУДОВОЙ.

Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе,
Какъ ни пришлось намъ уяснить
То, что̀ намъ съ каждымъ днемъ яснѣе,
Что пережить—не значитъ жить...

Во имя милаго былова,
Во имя вашего отца,
Дадимъ же мы другъ другу слово—
Не измѣняться до конца.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Два разнородныя стремленья
Въ себѣ соединяешь ты:
Юродство безъ душеспасенья
И шутовство безъ остроты.

Сама природа, знать, хотѣла
Тебя устроить и обречь
На безотвѣтственное дѣло,
На безнаказанную рѣчь.

И въ Божьемъ мірѣ то жъ бываетъ,
И въ маѣ снѣгъ идетъ порой,
А все жъ весна не унываетъ
И говоритъ: «чередъ за мной!
Безсильна, какъ она ни злися,
Несвоевременная дурь!
Мятели, вьюги улеглися,
Ужъ близко время лѣтнихъ бурь».

Тихо въ озерѣ струится
Отблескъ кровель золотыхъ,
Много въ озерѣ глядится
Достославностей былыхъ.
Жизнь играетъ, солнце грѣетъ,
Но подъ нею и подъ нимъ
Здѣсь былое чудно вѣетъ
Обаяніемъ своимъ.

Солнце свѣтитъ золотое,
Блещутъ озера струи!
Здѣсь великое былое
Словно дышетъ въ забытьи;
Дремлетъ сладко, беззаботно,
Не смущая дивныхъ сновъ
И тревогой мимолетной
Лебединыхъ голосовъ.

СЕНТЯБРЬ 1866.

Небо блѣдно-голубое
Дышетъ свѣтомъ и тепломъ,
Что-то радостно-родное
Вѣетъ, свѣтится во всемъ.

Воздухъ, полный теплой влаги,
Зелень свѣжую поитъ
И привѣтственные флаги
Зыбью тихою струитъ.

Плескъ горячій солнце сѣетъ
Вдоль по невской глубинѣ—
Югомъ блещетъ, югомъ вѣетъ,
И живется, какъ во снѣ...

Все привольнѣй, все привѣтнѣй
Умаляющійся день—
И согрѣта нѣгой лѣтней
Вечеровъ осеннихъ тѣнь.

Ночью тихо пламенѣютъ
Разноцвѣтные огни...
Очарованныя ночи,
Очарованные дни!

Словно строгій чинъ природы
Уступилъ права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновеніямъ любви.

Словно вѣкъ ненарушимый
Былъ нарушенъ вѣчный строй
И любившей и любимой—
Человѣческой душой.

Въ этомъ ласковомъ сіяньѣ,
Въ этомъ небѣ голубомъ
Есть улыбка, есть сознанье,
Есть сочувственный пріемъ.

И живое умиленье,
Съ благодатью чистыхъ слезъ,
Къ намъ сошло, какъ откровенье,
И во всѣхъ отозвалось.

Небывалое доселѣ
Понялъ вѣщій нашъ народъ,
И Дагмарина недѣля
Перейдетъ изъ рода въ родъ.

ЕЩЕ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Когда дряхлѣющія силы
Намъ начинаютъ измѣнять,
И мы должны, какъ старожилы,
Пришельцамъ новымъ мѣсто дать,—

Спаси тогда насъ, добрый геній,
Отъ малодушныхъ укоризнъ,
Отъ клеветы, отъ озлобленій
На измѣняющую жизнь!

Отъ чувства затаенной злости
На новый, современный міръ,
Гдѣ новые садятся гости
За уготованный имъ пиръ;

Ото всего, что̀ тѣмъ задорнѣй,
Чѣмъ глубже крылось съ давнихъ поръ,
И старческой любви позорнѣй
Сварливый старческій задоръ.

Отъ желчи горькаго сознанья,
Что насъ потокъ ужъ не несетъ,
И что другія есть призванья,
Другіе вызваны впередъ.

ГРАФИНѢ А. Д. БЛУДОВОЙ.

(При полученіи отъ нея книги съ замѣтками ея отца).

Какъ этого посмертнаго альбома
Мнѣ дороги завѣтные листы,
Какъ все на нихъ такъ родственно-знакомо,
Какъ полно все душевной теплоты!

Какъ этихъ строкъ сочувственная сила
Всего меня обвѣяла былымъ:
Храмъ опустѣлъ, потухъ огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дымъ.

ДЫМЪ.

(Романъ И. С. Тургенева).

Здѣсь нѣкогда, могучій и прекрасный,
Шумѣлъ и зеленѣлъ волшебный лѣсъ,
Не лѣсъ, а цѣлый міръ разнообразный,
Исполненный видѣній и чудесъ.

Лучи сквозили, трепетали тѣни,
Не умолкалъ въ деревьяхъ птичій гамъ,
Мелькали въ чащѣ быстрые олени,
И ловчій рогъ взывалъ по временамъ.

На перекресткахъ, съ рѣчью и привѣтомъ,
Навстрѣчу намъ, изъ полутьмы лѣсной,
Обвѣянный какимъ-то чуднымъ свѣтомъ,
Знакомыхъ лицъ слетался цѣлый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувствъ роскошный, свѣтлый пиръ!
Намъ чудилось не здѣшнее созданье,
Но близокъ былъ намъ этотъ дивный міръ.

И вотъ опять къ таинственному лѣсу
Мы съ прежнею любовью подошли.
Но гдѣ же онъ? Кто опустилъ завѣсу,
Спустилъ ее отъ неба до земли?

Что̀ это: призракъ, чары ли какія?
Гдѣ мы? И вѣрить ли глазамъ своимъ?
Здѣсь дымъ одинъ, какъ пятая стихія,
Дымъ безотрадный, безконечный дымъ!

Кой-гдѣ насквозь торчатъ, по обнаженнымъ
Пожарищамъ, уродливые пни,
И бѣгаютъ по сучьямъ обожженнымъ
Съ зловѣщимъ трескомъ бѣлые огни.

Нѣтъ, это сонъ! Нѣтъ, вѣтерокъ повѣетъ
И дымный призракъ унесетъ съ собой...
И вотъ опять вашъ лѣсъ зазеленѣетъ,
Все тотъ же лѣсъ—волшебный и родной.

Въ небѣ таютъ облака,
И, лучистая, на зноѣ
Въ искрахъ катится рѣка,
Словно зеркало стальное...

Часъ отъ часу жаръ сильнѣй,
Тѣнь ушла къ нѣмымъ дубровамъ,
И съ бѣлѣющихъ полей
Вѣетъ запахомъ медовымъ.

Чудный день!—Пройдутъ вѣка,
Такъ же будутъ въ вѣчномъ строѣ—
Течь и искриться рѣка
И поля дышать на зноѣ.

ІЮНЬ 1868 г.

Опять стою я надъ Невой,
И снова, какъ въ былые годы,
Смотрю и я, какъ бы живой,
На эти дремлющія воды.

Нѣтъ искръ въ небесной синевѣ,
Все стихло въ блѣдномъ обаяньѣ,
Лишь по задумчивой Невѣ
Струится лунное сіянье.

Во снѣ ль все это снится мнѣ,
Или гляжу я въ самомъ дѣлѣ,
На что при этой же лунѣ
Съ тобой живые мы глядѣли?

ПОЖАРЫ.

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дымъ за дымомъ, бездна дыма
Тяготѣетъ надъ землей.
Мертвый стелется кустарникъ,

Гравы тлятся, не горятъ,
И сквозитъ на краѣ неба
Обожженныхъ елей рядъ.

На пожарищѣ печальномъ
Нѣтъ ни искры, дымъ одинъ:
Гдѣ жъ огонь, злой истребитель,
Полномочный властелинъ?

Лишь украдкой, лишь мѣстами,
Словно красный звѣрь какой,
Пробираясь межъ кустами,
Пробѣжитъ огонь живой!

Но, когда наступитъ сумракъ,
Дымъ сольется съ темнотой,
Онъ потѣшными огнями
Весь освѣтитъ лагерь свой.

Предъ стихійной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человѣкъ стоитъ уныло,—
Безпомощное дитя.

М. П. ПОГОДИНУ.

Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный;
Но все равно, дарю теперь имъ васъ,
Не могъ склонить своей я лѣни праздной,
Чтобы она хоть вскользь имъ занялась.

Въ нашъ вѣкъ стихи живутъ два-три мгновенья,
Родились утромъ, къ вечеру умрутъ...
Такъ что̀ жъ тутъ хлопотать? Рука забвенья
Свершитъ и здѣсь свой корректурный трудъ.

Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы.
Всю жизнь свою у нихъ мы подъ рукой.
Отъ колыбельныхъ дней и до могилы,—
Одна есть смерть, другая—судъ людской.

И та и тотъ равно неотразимы
И безотвѣтственны и тотъ и та.
Пощады нѣтъ, протесты нетерпимы.
Ихъ приговоръ смыкаетъ всѣмъ уста...

Но смерть честнѣй, чужда лицепріятью,
Не тронута ничѣмъ, не смущена,
Смиренную иль ропчущую братью,
Своей косой равняетъ всѣхъ она.

Свѣтъ не таковъ: борьбы, разноголосья
Ревнивый властелинъ, не терпитъ онъ.
Не коситъ сплошь, но лучшіе колосья
Нерѣдко съ корнемъ вырываетъ вонъ.

И горе ей—увы!—двойное горе
Той гордой силѣ, гордо-молодой,
Вступающей съ рѣшимостью во взорѣ,
Съ улыбкой на устахъ, въ неравный бой!

Когда она при роковомъ сознаньѣ
Всѣхъ правъ своихъ, съ отвагой красоты
Безтрепетно, въ какомъ-то обаяньѣ
Идетъ сама навстрѣчу клеветы.

Личиною чела не прикрываетъ,
И не даетъ принизиться къ челу,
И съ ку́дрей молодыхъ, какъ пыль, свѣваетъ,
Угрозы, брань и страшную хулу.

Да, горе ей! И чѣмъ простосердечнѣй,
Тѣмъ кажется виновнѣе она...
Таковъ ужъ свѣтъ: онъ тамъ безчеловѣчнѣй,
Гдѣ человѣчно-искреннѣй вина.

Намъ не дано предугадать
Какъ слово наше отзовется—
И намъ сочувствіе дается,
Какъ намъ дается благодать...

А. Н. МУРАВЬЕВУ.

Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва
Воздушный, свѣтозарный храмъ
Уходитъ выспрь—очамъ на диво—
Какъ бы парящій къ небесамъ;
Гдѣ Первозваннаго Андрея
Еще поднесь сіяетъ крестъ,
На небѣ кіевскомъ бѣлѣя,
Святой блюститель здѣшнихъ мѣстъ;

Къ стопамъ его свою обитель
Благоговѣйно прислоня,
Живешь ты тамъ—не праздный житель,
На склонѣ трудового дня.
И кто бы могъ, безъ умиленья,
И нынѣ не почтить въ тебѣ
Единства жизни и стремленья
И твердость стойкую въ борьбѣ?

Да, много-много испытаній
Ты перенесъ и одолѣлъ!
Живи жъ не въ суетномъ сознаньи
Заслугъ своихъ и добрыхъ дѣлъ;
Но для любви, но для примѣра,
Да убѣждаются тобой,
Что̀ можетъ дѣйственная вѣра
И мысли неизмѣнный строй...

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Нападеніе собаки, друга дома, на стаю гусей).

Что̀ за отчаянные крики,
И гамъ, и трепетанье крылъ?
Кто этотъ гвалтъ безумно-дикій
Такъ неумѣстно возбудилъ?
Ручныхъ гусей и утокъ стая
Вдругъ одичала и летитъ,
Летитъ—куда, сама не зная,
И какъ шальная голоситъ.

Какой внезапною тревогой
Звучатъ всѣ эти голоса!
Не песъ, а бѣсъ четвероногій,
Бѣсъ, обернувшійся во пса,
Въ порывѣ буйства, для забавы,
Самоувѣренный нахалъ,
Смутилъ покой ихъ величавый
И ихъ размыкалъ, разогналъ!

И словно самъ онъ, вслѣдъ за ними,
Для довершенія обидъ,
Съ своими нервами стальными,
На воздухъ взвившись, полетитъ!
Какой же смыслъ въ движеньѣ этомъ?
Зачѣмъ вся эта трата силъ?
Зачѣмъ испугъ такимъ полетомъ
Гусей и утокъ окрылилъ?

Да, тутъ есть цѣль! Въ лѣнивомъ стадѣ
Замѣченъ страшный былъ застой,
И нуженъ сталъ, прогресса ради,
Внезапный натискъ роковой.—
И вотъ благое Провидѣнье
Съ цѣпи спустило сорванца,
Чтобъ крылъ своихъ предназначенье
Не позабыть имъ до конца.

Такъ современныхъ проявленій
Смыслъ иногда и безтолковъ,—
Но тотъ же современный геній
Всегда ихъ выяснить готовъ.
Иной, ты скажешь, просто лаетъ,
А онъ свершаетъ высшій долгъ,
Онъ, осмысляя, развиваетъ
Утиный и гусиный толкъ!

Природа—сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй
Своимъ искусомъ губитъ человѣка,
Что, можетъ статься, никакой отъ вѣка
Загадки нѣтъ и не было у ней.

Корабль въ густомъ, сыромъ туманѣ
Какъ бы затерянный стоитъ...
Недавней бурей въ океанѣ
Компасъ изломанный молчитъ.
И цѣпи якорей порвались...
Теченье жъ все несетъ, несетъ...
Бросаютъ поминутно лотъ,
Уже на камни натыкались...
Другъ друга—подлѣ не видать.
Ужель, о, Боже, погибать!—
И въ экипажѣ—ужасъ дикій...
А мгла густѣй и все густѣй,
И глухо раздаются въ ней
Пловцовъ взыванія и клики...
Спаси ихъ, Господи, спаси!
Пошли ты имъ въ сей часъ великій
Хоть лучъ единый съ небеси!

Ю. Ѳ. АБАЗѢ.

Такъ гармоническихъ орудій
Власть безпредѣльна надъ душой,
И любятъ всѣ живые люди
Языкъ ихъ темный, но родной.

Въ нихъ что-то стонетъ, что-то бьется,
Какъ въ узахъ заключенный духъ,
На волю просится и рвется
И хочетъ высказаться вслухъ...

Не то совсѣмъ при вашемъ пѣньѣ,
Не то мы чувствуемъ въ себѣ:
Тутъ полнота освобожденья,
Конецъ и плѣну и борьбѣ...

Изъ тяжкой вырвавшись юдоли
И всѣ оковы разрѣша,
На всей своей ликуетъ волѣ
Освобожденная душа.

По всемогущему призыву
Свѣтъ отдѣляется отъ тьмы,
И мы на звуки душу живу,
Въ нихъ вашу душу слышимъ мы.

К. Б.

Я встрѣтилъ васъ, и все былое
Въ отжившемъ сердцѣ ожило,
Я вспомнилъ время золотое,
И сердцу стало такъ тепло.

Какъ поздней осени порою
Бываютъ дни, бываетъ часъ,
Когда повѣетъ вдругъ весною
И что-то встрепенется въ насъ.

Такъ, весь обвѣянъ дуновеньемъ
Тѣхъ лѣтъ душевной полноты,
Съ давно забытымъ упоеньемъ
Смотрю на милыя черты.

Какъ послѣ вѣковой разлуки,
Гляжу на васъ, какъ бы во снѣ,
И вотъ слышнѣе стали звуки,
Не умолкавшіе во мнѣ.

Тутъ не одно воспоминанье,
Тутъ жизнь заговорила вновь,
И то же въ васъ очарованье,
И та жъ въ душѣ моей любовь.

Надъ русской Вильной стародавной
Родные теплются кресты,
И звономъ мѣди православной
Всѣ огласились высоты.

Минули вѣки искушенья,
Забыты страшныя дѣла,
И даже мерзость запустѣнья
Здѣсь райскимъ криномъ расцвѣла.

Преданье ожило святое
Первоначальныхъ лучшихъ дней,
И только позднее былое
Здѣсь въ царство отошло тѣней.

Оттуда смутнымъ сновидѣньемъ
Еще дано ему порой
Передъ всеобщимъ пробужденьемъ
Живыхъ тревожить здѣсь покой.

Въ тотъ часъ, какъ съ неба мѣсяцъ сходитъ
Въ холодной, ранней полумглѣ,
Еще какой-то призракъ бродитъ
По оживающей землѣ.

НА КОНЧИНУ БРАТА.

(Н. И. Тютчева).

Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ,
И ты ушелъ, куда мы всѣ уйдемъ,
И я теперь на голой вышинѣ
Стою одинъ,—и пусто все кругомъ.

И долго ль мнѣ стоять здѣсь одному?
День, годъ другой,—и пусто будетъ тамъ,
Гдѣ я теперь,—смотрю въ ночную тьму
Но что̀ со мной, не сознаю я самъ...

Безслѣдно все, и такъ легко не быть!
При мнѣ иль безъ меня—что̀ нужды въ томъ?
Все будетъ то же—и вьюга такъ же выть,
И тотъ же мракъ, и та же степь кругомъ.

Дни сочтены; утратъ не перечесть;
Живая жизнь давно ужъ позади;
Передового нѣтъ, и я, какъ есть,
На роковой стою очереди.

А. В. ПЛЕТНЕВОЙ.

Чему бы жизнь насъ ни учила,
Но сердце вѣритъ въ чудеса:
Есть нескудѣющая сила,
Есть и нетлѣнная краса.

И, увяданіе земное
Цвѣтовъ не тронетъ неземныхъ,
И отъ полуденнаго зноя
Роса не высохнетъ на нихъ.

И эта вѣра не обманетъ
Того, кто ею лишь живетъ,
Не все, что̀ здѣсь цвѣло, увянетъ,
Не все, что̀ было здѣсь, пройдетъ!

Но этой вѣры для немногихъ
Лишь тѣмъ доступна благодать,
Кто въ искушеньяхъ жизни строгихъ
Какъ вы, умѣлъ, любя, страдать.

Чужіе врачевать недуги
Своимъ страданіемъ умѣлъ,
Кто душу положилъ за други
И до конца все претерпѣлъ.

ПО ДОРОГѢ ВО ВЩИЖЪ.

Отъ жизни той, что̀ бушевала здѣсь,
Отъ крови той, что̀ здѣсь рѣкой лилась,
Что̀ уцѣлѣло, что̀ дошло до насъ?
Два-три кургана видимъ мы по-днесь...

Да два-три дуба выросли на нихъ,
Раскинувшись и широко и смѣло,
Красуются, шумятъ, и нѣтъ имъ дѣла,
Чей прахъ, чью память кроютъ корни ихъ.

Природа знать не знаетъ о быломъ,
Ей чужды наши призрачные годы,
И передъ ней мы смутно сознаемъ
Себя самихъ—лишь грезою природы.

Поочередно всѣхъ своихъ дѣтей,
Сворша̂ющихъ свой подвигъ безполезный,
Она равно привѣтствуетъ своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

НА ЮБИЛЕЙ М. П. ПОГОДИНА.

Врагъ отрицательности узкой,
Всегда онъ въ уровень шелъ съ вѣкомъ:
Онъ въ человѣчествѣ былъ русскій,
Въ наукѣ былъ онъ человѣкомъ.

Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ,—
Та непонятная для насъ
Истома смертнаго страданья,—
Но для души еще страшнѣй
Слѣдить, какъ вымираютъ въ ней
Всѣ лучшія воспоминанья.

СВѢТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ.

День православнаго Востока,
Святой, святой, великій день,
Разлей свой благовѣстъ широко
И всю Россію имъ одѣнь.

Но и святой Руси предѣломъ
Его призыва не стѣсняй:
Пусть слышенъ будетъ въ мірѣ цѣломъ,
Пускай онъ льется черезъ край,

Своею дальнею волною
И ту долину захватя,
Гдѣ бьется съ немощію злою
Мое родимое дитя.

Тотъ свѣтлый край, куда въ изгнанье
Она судьбой увлечена,
Гдѣ неба южнаго дыханье,
Какъ врачество, лишь пьетъ она.

О, дай болящей исцѣленье,
Отрадой въ душу ей полей,
Чтобы въ Христово Воскресенье
Всецѣло жизнь воскресла въ ней...

ПАМЯТИ М. К. ПОЛИТКОВСКОЙ.

Многозначительное слово
Тобою оправдалось вновь,
Въ крушеніи всего земного
Была ты—кротость и любовь.

Въ самомъ преддверьи тьмы могильной
Не оскудѣлъ въ послѣдній часъ
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запасъ...

И та же любящая сила
Съ какой, себѣ не измѣня,
Ты до конца переносила
Весь жизни трудъ, всю злобу дня,

Та жъ торжествующая сила
Благоволенья и любви,
Не отступивъ, пріосѣнила
Часы послѣдніе твои.

И ты смиренна и послушна,
Всѣ страхи смерти побѣдивъ,
Навстрѣчу ей шла благодушно,
Какъ на отеческій призывъ.

О, сколько душъ, тебя любившихъ,
И сколько родственныхъ сердецъ,
Сердецъ, твоею жизнью жившихъ,
Твой ранній поразитъ конецъ.

Я поздно встрѣтился съ тобою
На жизненномъ моемъ пути,
Но съ задушевною тоскою
Я говорю тебѣ: прости.

Въ нашъ вѣкъ отчаянныхъ сомнѣній,
Въ нашъ вѣкъ невѣріемъ больной,
Когда все гуще сходятъ тѣни
На одичалый міръ земной,

О, если въ страшномъ раздвоеньѣ,
Въ которомъ жить намъ суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцѣлѣвшее звено

Съ великой тайною загробной,
Такъ это—видимъ, вѣримъ мы,—
Исходъ души, тебѣ подобной,
Ея исходъ изъ нашей тьмы.

ШЕНШИНОЙ.

Тебѣ, болящая въ далекой сторонѣ,
Болящему и страждущему мнѣ
Пришло на мысль отправить этотъ стихъ,
Чтобы съ веселымъ плескомъ волнъ морскихъ
Влетѣлъ бы онъ тебѣ въ окно
Далекій отголосокъ водъ родныхъ,
И слово русское, хоть на одно мгновенье,
Прервало для тебя волнъ средиземныхъ пѣнье...
Изъ той среды, далеко не чужой,
Которой ты была любовью и душой,
Гдѣ и по-днесь съ усиленнымъ вниманьемъ
Слѣдятъ твою болѣзнь сердечнымъ состраданьемъ,
Будь ближе, чѣмъ когда, душѣ твоей присущъ
Добрѣйшій изъ людей, чистѣйшая изъ душъ,
Твой милый, добрый, незабвенный мужъ!
Душа, съ которою твоя была слита,
Хранившая тебя отъ всѣхъ соблазновъ зла,
Съ которой заодно всю жизнь ты перешла,
Свершая честно трудный подвигъ твой
Примѣрно христіанскою вдовой!
Привѣтъ тебѣ отъ тѣни той,

Обоимъ намъ и милой и святой,
Которая такъ мало здѣсь гостила,
Страдала храбро такъ и горячо любила,
Ушла стремглавъ изъ сей юдоли слезъ,
Гдѣ ей—увы!—ничто не удалось,
По долгой, тяжкой, истомительной борьбѣ,
Прощая все и людямъ и судьбѣ.
И свой родимый край такъ пламенно любила,
Что, хоть она и воинъ не была,
Но жизнь свою отчизнѣ принесла;
Во время съ нею не могла разстаться,
Когда бъ иная жизнь спасти ее могла.

17 АПРѢЛЯ 1818 ГОДА.

На ранней дней моихъ зарѣ,
То было рано поутру, въ Кремлѣ,
То было въ Чудовомъ монастырѣ,
Въ уютной кельѣ, темной и смиренной,
Тамъ жилъ тогда Жуковскій незабвенный,
Я ждалъ его и, въ ожиданьѣ,
Колоколовъ Кремля я слушалъ завыванье.
За мѣдною слѣдилъ я бурей,
Поднявшейся съ безоблачной лазури
И вдругъ смѣненной пушечной пальбой...
Свѣтло, хоругвью голубой
Весенній первый день, лазурно-золотой,
Такъ свѣтозаренъ былъ надъ праздничной Москвой.
Тутъ первая меня достигла вѣсть,
Что въ мірѣ новый житель есть,
И новый Царскій гость въ Кремлѣ!
Ты въ этотъ день дарованъ былъ землѣ!..
Съ тѣхъ поръ воспоминанье это
Въ душѣ моей всю жизнь согрѣто;
Въ теченье столькихъ лѣтъ оно не измѣняло,
Какъ вѣрный спутникъ мой, повсюду провожало,

И нынѣ, въ раннiй утра часъ,
Оно еще, какъ столько разъ,
Все такъ же дорого и мило.
И днесь, у самыхъ дней моихъ заката,
Мой одръ печальный посѣтило,
Мою всю душу осѣнило
И благодатный праздникъ возвѣстило.
И мнилось мнѣ всегда,
Что этотъ раннего событья часъ
Мнѣ будетъ на всю жизнь благимъ знаменованьемъ.
И не ошибся я: вся жизнь моя прошла
Подъ этимъ кроткимъ, благостнымъ вліяньемъ.
Благодарю мою судьбу,
Что ей мнѣ было суждено
Весь вѣкъ мой видѣть надъ собою
Созвѣздіе все то же и одно,
Созвѣздіе Его, и будь же до конца оно
Моей единственной звѣздою,
И много, много разъ порадуй этотъ день
И человѣчество и насъ!..

БЕЗСОННИЦА.

(Ночной моментъ).

Ночной порой въ пустынѣ городской
Есть часъ одинъ, проникнутый тоской.
Когда на цѣлый городъ ночь сошла,
И всюду водворилась мгла,
Все тихо и молчитъ. И вотъ луна взошла,
И вотъ при блескѣ лунной ночи
Лишь нѣсколько церквей, потерянныхъ вдали,
Блескъ золоченыхъ главъ, унылый тусклый зѣвъ
Пустынно бьетъ въ недремлющія очи,
И сердце въ насъ подкидышемъ бываетъ.
И также плачется и также изнываетъ,
О жизни и любви отчаянно взываетъ,
Но тщетно плачется и молится оно:
Все вкругъ него и пусто и темно!
Часъ и другой все длится жалкій стонъ,
Но наконецъ, слабѣя, утихаетъ онъ.

А. В. НИКИТЕНКО.

Бываютъ роковые дни
Лютѣйшаго тѣлеснаго недуга
И страшныхъ нравственныхъ тревогъ;
И жизнь надъ ними тяготѣетъ
И душитъ насъ, какъ кошемаръ.
Счастливъ, кому въ такіе дни
Пошлетъ Всемилосердый Богъ
Неоцѣненный, лучшій даръ,
Сочувственную душу друга,
Кого живая, чистая рука
Коснется насъ, хотя слегка,
Оцѣпенѣніе разсѣетъ
И сдвинетъ съ насъ ужасный кошемаръ,
И отвратитъ судебъ ударъ,
Воскреснетъ жизнь, кровь заструится вновь,
И вѣритъ сердце въ правду и любовь.

Э. Ѳ. ТЮТЧЕВОЙ.

I.

Все, что̀ сберечь мнѣ удалось
Надежды, вѣры и любви,
Въ одну молитву все слилось:
Пережиби, пережиби!

II.

Все отнялъ у меня казнящій Богъ:
Здоровье, силу воли, воздухъ, сонъ,
Одну тебя при мнѣ оставилъ Онъ,
Чтобъ я Ему еще молиться могъ.

III.

(Pour vous à déchiffrer toute seule).

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болѣзненно-грѣховной,
Удастся ль ей воскреснуть и возстать,
Пройдетъ ли обморокъ духовный?

Но если бы душа могла
Здѣсь, на землѣ, найти успокоенье,
Мнѣ благодатью ты бъ была
Ты, ты, мое земное провидѣнье.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

(1829—1873).

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Молитва магометанъ.

«Аллахъ! пролей на насъ твой свѣтъ!
Краса и сила правовѣрныхъ!
Гроза гяуровъ лицемѣрныхъ!
Пророкъ твой—Магометъ!»...

Молитва славянъ.

«О, наша крѣпость и оплотъ!
Великій Богъ! веди насъ нынѣ,
Какъ нѣкогда Ты велъ въ пустынѣ
Свой избранный народъ!»...

* * *

Глухая полночь! Все молчитъ!
Вдругъ... изъ-за тучъ луна блеснула
И надъ воротами Стамбула
Олеговъ озарила щитъ.

ДЕКАБРИСТАМЪ.

(14 декабря 1825 г.).

Васъ развратило самовластье,
И мечъ его васъ поразилъ,
И въ неподкупномъ безпристрастьѣ
Сей приговоръ законъ скрѣпилъ.

Народъ, чуждаясь вѣроломства,
Поноситъ ваши имена,
И ваша память для потомства,
Какъ трупъ въ землѣ, схоронена.

О, жертвы мысли безразсудной!
Вы уповали, можетъ-быть,
Что станетъ вашей крови скудной,
Чтобъ вѣчный полюсъ растопить.

Едва дымясь, она сверкнула
На вѣковой громадѣ льдовъ:
Зима желѣзная дохнула,
И не осталось и слѣдовъ.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

(26 августа 1831 г.).

Какъ дочь родную на закланье
Агамемнонъ богамъ принесъ,
Прося попутныхъ бурь дыханья
У негодующихъ небесъ:
Такъ мы надъ горестной Варшавой
Ударъ свершили роковой,
Да купимъ сей цѣной кровавой
Россіи цѣлость и покой.

Но прочь отъ насъ, вѣнецъ безславья,
Сплетенный рабскою рукой:
Не за коранъ самодержавья
Кровь русская лилась рѣкой.
Нѣтъ, насъ одушевляло въ боѣ
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вѣра
У русскихъ билася въ груди:
Грозой спасительной примѣра
Державы цѣлость соблюсти,
Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.

И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.
Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ,
И неуклонно за звѣздою
Идетъ къ таинственной метѣ.

Ты жъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!
Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пеплъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ Фениксъ, возродится въ немъ!

НАПОЛЕОНЪ.

1.

Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ:
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!..
Бой невозможный, трудъ напрасный:
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!..

2.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ орлы парили,
Въ его груди змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ!
Но освѣщающая сила,
Непостижимая уму,

Души его не озарила
И не приблизилась къ нему.
Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ...

3.

И ты стоялъ,—передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:
Судьба откликнулась на голосъ твой,
Но новою загадкою въ изгнаньѣ
Ты возразилъ на отзывъ роковой.
Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
На берегахъ рѣки, тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты наконецъ...
Но чутокъ сонъ и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на Востокъ,
И вдругъ, смутясь, бѣжишь, какъ бы почуя
Передразсвѣтный вѣтерокъ.

КЪ ГАНКѢ.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ,
Не пора ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки,
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Вѣки мы слѣпцами были
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

А случалось ли, порою,
Намъ столкнуться какъ-нибудь,
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезъязычилъ нѣмецъ,
Этихъ турокъ осрамилъ.

Вотъ среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ впотьмахъ.

О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края!
Обличилась передъ ними
Вся Славянская земля.

Горы, степи и поморья
День чудесный осіялъ,
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ за Уралъ.

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.

И нарѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ.
Наяву увидятъ внуки
То, что̀ снилося отцамъ!

(Приписка, сдѣланная въ 1867 году).

Такъ взывалъ я, такъ гласилъ я.
Тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ ушло:
Все упорнѣе насилье,
Все назойливѣе зло.

Ты, стоящій днесь предъ Богомъ,
Мужъ добра, святая тѣнь,
Будь вся жизнь твоя залогомъ.
Что придетъ желанный день.

За твое же постоянство
Въ нескончаемой борьбѣ,
Первый праздникъ *всеславянства*
Приношеньемъ будь тебѣ!..

МОРЕ И УТЕСЪ.

1848 года.

И бунтуетъ, и клокочетъ,
Плещетъ, свищетъ и реветъ,
И до звѣздъ допрянуть хочетъ
До незыблемыхъ высотъ!
Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь геенскій разложила,
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

Волнъ неистовыхъ прибоемъ
Безпрерывно валъ морской
Съ ревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой!
Но, спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуянъ,
Неподвижный, неизмѣнный,
Мірозданью современный,
Ты стоишь, нашъ великанъ!

И, озлобленныя боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ воемъ
На гранитъ громадный твой.
Но, о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ...

Стой же ты, утесъ могучій!
Обожди лишь часъ, другой:
Надоѣстъ волнѣ гремучей
Воевать съ твоей пятой!
Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣетъ вновь она,
И безъ вою, и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

РУССКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Москва и градъ Петровъ, и Константиновъ градъ—
Вотъ царства русскаго завѣтныя столицы...
Но гдѣ предѣлъ ему? и гдѣ его границы
На сѣверъ, на востокъ, на югъ и на закатъ?
Грядущимъ временамъ судьбы ихъ обличатъ...

Семь внутреннихъ морей и семь великихъ рѣкъ...
Отъ Нила до Невы, отъ Эльбы до Китая—
Отъ Волги по Евфратъ, отъ Ганга до Дуная...
Вотъ царство русское... и не прейдетъ вовѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ.

РАЗСВѢТЪ.

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ;
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ Востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай, Христовой службы ради!
Ужъ не пора ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будитъ онъ:
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполинъ державный!..
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ—
То древній гласъ, то свыше гласъ:
«Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ—
Свершится онъ, и грянетъ часъ!
И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!..»
Пади предъ нимъ, о, царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ Славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся жъ эти двѣ
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ...

Ужъ третій годъ бѣснуются языки.
Вотъ и весна, и съ каждою весной,
Какъ стая дикихъ птицъ передъ грозой,
Тревожнѣй шумъ, разноголоснѣй крики.

Въ раздумьѣ грустномъ князи и владыки
И держатъ вожжи трепетной рукой,
Подавленъ умъ зловѣщею тоской;
Мечты людей, какъ сны больного, дики.

Но съ нами Богъ!.. Сорвавшися со дна,
Вдругъ одурѣвъ, полна грозы и мрака,
Стремглавъ на насъ рванулась глубина,
Но твоего не помутила зрака...
Вѣтръ свирѣпѣлъ: но... «Да не будетъ тако»,
Ты рекъ—и вспять отхлынула волна.

ДВА ГОЛОСА.

Мужайтесь, о, други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна!
Надъ вами свѣтила молчатъ въ вышинѣ
Подъ вами могилы, молчатъ и онѣ.

Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги.
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги,
Тревога и трудъ лишь для смертныхъ сердецъ...
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.

Мужайтесь, боритесь, о, храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба!
Надъ вами безмолвные звѣздные круги,
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.

Пускай Олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердецъ.
Кто, ратуя, палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ.

НА ГРАФА НЕССЕЛЬРОДЕ.

Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный,
Ты, какъ ни жмися, какъ ни трусь,
Своей душою маловѣрной
Не соблазнишь Святую Русь.

Иль всѣ святыя упованья,
Всѣ убѣжденья истребя,
Она отъ своего призванья
Вдругъ отречется для тебя?..

Иль такъ ты дорогъ Провидѣнью,
Такъ друженъ съ нимъ, такъ заодно,
Что, дорожа твоею лѣнью,
Вдругъ остановится оно?..

Не вѣрь въ Святую Русь кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой—
И Богъ побѣды не отсрочитъ
Въ угоду трусости людской.

То, что̀ обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Что̀ ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей,—

То, что̀ Олеговы дружины
Ходили добывать мечомъ,
То, что̀ орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ крыломъ,

Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить!
Всемірную судьбу Россіи,
Нѣтъ, вамъ ея не запрудить!..

ПРОѢЗЖАЯ ЧЕРЕЗЪ КОВНО.

(1853 г.).

Ты ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лѣтъ съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты супостата къ ней впустилъ
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли былое, Нѣманъ
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ,—могучій, южный демонъ?—
И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь Одного онъ не видалъ!
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ Другой—стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать,
Все грозно-боевыя лица,
И неизбѣжная Десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

Теперь тебѣ не до стиховъ,
О, слово русское, родное!
Созрѣла жатва, жнецъ готовъ,
Настало время неземное...

Ложь воплотилася въ булатъ;
Какимъ-то Божьимъ попущеньемъ
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозитъ ниспроверженьемъ...

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы,
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя свѣта и свободы!

Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ пророчатъ посрамленье,
Ты—лучшихъ, будущихъ временъ
Глаголъ, и жизнь, и просвѣщенье!

О, въ этомъ испытаньи строгомъ,
Въ послѣдней, роковой борьбѣ,
Не измѣни же ты себѣ
И оправдайся передъ Богомъ...

НА НОВЫЙ 1855 ГОДЪ.

Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою:
Не намъ сорвать съ нея покровъ...
Я не свое тебѣ открою,
Но бредъ пророческій духовъ.

Еще намъ далеко до цѣли:
Гроза реветъ, гроза растетъ,
И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ, родится новый годъ.

Черты его ужасно-строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
Несетъ онъ міру на землѣ.

Не просто будетъ онъ воитель;
Но исполнитель тяжкихъ каръ,—
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно обдуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкиру палача.

Но на кого?.. Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?..
Слова неясны роковыя,
И смутенъ замогильный стонъ.

ПО СЛУЧАЮ ПРІѢЗДА АВСТРІЙСКАГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безстыдству также мѣра есть..
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенесть!

И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кличъ тоски:
Прочь, прочь австрійскаго Іуду
Отъ гробовой его доски!

Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
И весь «апостольскій» ихъ родъ
Будь заклейменъ однимъ прозваньемъ:
Искаріотъ, Искаріотъ!

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,—
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью...

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похоронъ.

Осьмой ужъ мѣсяцъ длятся эти битвы,
Геройскій пылъ, предательство и ложь,
Притонъ разбойничій въ дому молитвы,
Въ одной рукѣ распятіе и ножъ.

И цѣлый міръ, какъ опьяненный ложью,
Всѣ виды зла, всѣ ухищренья зла!..
Нѣтъ, никогда такъ дерзко правду Божью
Людская кривда къ бою не звала!..

И этотъ кличъ сочувствія слѣпого,
Всемірный кличъ къ неистовой борьбѣ,
Развратъ умовъ и искаженье слова—
Все поднялось и все грозитъ тебѣ.

О, край родной!—такого ополченья
Міръ не видалъ съ первоначальныхъ дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!

КНЯЗЮ А. А. СУВОРОВУ.

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь!..

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему;

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ,
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ?..

Кто, избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ, спокойно, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло—увы!—и пошлостямъ роднымъ.

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великій
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ.

Вамъ выпало призванье роковое,
Но тотъ, кто призвалъ васъ, и соблюдетъ.
Все лучшее въ Россіи, все живое
Глядитъ на васъ и вѣритъ вамъ, и ждетъ.

Обманутой, обиженной Россіи
Вы честь спасли,—и выше нѣтъ заслугъ;
Днесь подвиги вамъ предстоятъ иные:
Отстойте мысль ея, спасите духъ...

ENCYCLICA.

Былъ день, когда Господней правды молотъ
Громилъ, дробилъ ветхозавѣтный храмъ,
И, собственнымъ мечомъ своимъ заколотъ,
Въ немъ издыхалъ первосвященникъ самъ.

Еще страшнѣй, еще неумолимѣй
И въ наши дни, дни Божьяго суда,
Свершится казнь въ отступническомъ Римѣ
Надъ лже-намѣстникомъ Христа.

Столѣтья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темныя дѣла;
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.

Не отъ меча погибнетъ онъ земного,
Мечомъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ!
Его погубитъ роковое слово:
«Свобода совѣсти есть бредъ».

ИЗДАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ «ВѢСТЬ».

Вы не родились полякомъ,
Но шляхтичъ вы по направленью,
И русскій вы, сознайтесь въ томъ,
По Третьему лишь Отдѣленью.

Слуга вліятельныхъ господъ,
Съ какой отвагой благородной
Громите рѣчью вы свободной
Всѣхъ тѣхъ, кому зажали ротъ!

Недаромъ вашимъ вы перомъ
Аристократіи служили,
Въ какой лакейской изучили
Вы этотъ рыцарскій пріемъ?

МОСКВИЧАМЪ.

Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россіею разладъ!
Куда вамъ въ члены англійскихъ палатъ?
Вы просто члены англійскаго клуба.

Какъ вѣрно здравый смыслъ народа
Значенье словъ опредѣлилъ!
Не даромъ, видно, отъ «ухода»
Онъ вывелъ слово «уходилъ».

ВОСХОДЪ СОЛНЦА.

Молчитъ сомнительно востокъ,
Повсюду чуткое молчанье...
Что̀ это,—сонъ иль ожиданье,
И близокъ день или далекъ?

Чуть-чуть бѣлѣетъ темя горъ,
Еще въ туманѣ лѣсъ и долы,
Спятъ города и дремлютъ селы...
Но къ небу подымите взоръ.

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдѣя,
Она все ярче, все живѣе—
Вся разгорается она!

Еще минута,—и во всей
Неизмѣримости эѳирной
Раздастся благовѣстъ всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей...

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Такъ! Онъ спасенъ! Иначе быть не можетъ!
И чувство радости по Руси разлилось...
Но посреди молитвъ, средь благодарныхъ слезъ,
Мысль неотступная невольно сердце гложетъ:
Все этимъ выстрѣломъ, все въ насъ оскорблено!
И оскорбленію какъ будто нѣтъ исхода:
Легло—увы!—легло позорное пятно
На всю исторію Россійскаго народа!

НА СМЕРТЬ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Немного было бъ у него враговъ,
Когда бы не твои, Россія.

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать —
Въ Россію можно только вѣрить.

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА.

Великій день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что̀ скажемъ здѣсь передъ отчизной,
На что бъ откликнулась она?

Какой хвалой благоговѣйной,
Какимъ сочувствіемъ живымъ,
Мы этотъ славный день почтимъ —
Народный праздникъ и семейный?

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ,
Тебѣ, нашъ добрый, чистый геній,
Средь колебаній и сомнѣній
Многотревожныхъ этихъ лѣтъ?

При этой смѣси безобразной
Безсильной правды, дерзкой лжи,
Такъ ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной,

Души, какой твоя была,
Какъ здѣсь она еще боролась,
Но на призывный Божій голосъ
Неудержимо къ цѣли шла?

Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой;
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренно-свободный,

Умѣвшій все совокупить
Въ непарушимомъ, полномъ строѣ,
Все человѣчески-благое,
И русскимъ чувствомъ закрѣпить, —

Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И до конца служить Россіи,

ДВА ЕДИНСТВА.

Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши
Кровь льется черезъ край, и Западъ тонетъ въ ней.
Но не смущайтесь, братья наши,—
Славянскій міръ, сомкнись тѣснѣй...

«Единство,—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней:—
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью»...
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что̀ прочнѣй...

Ты долго ль будешь за туманомъ
Скрываться, Русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсыплются лучи?

Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ!
Проснись теперь, иль никогда...

Хотя бъ она сошла съ лица земного,
Въ душѣ царей для правды есть пріютъ.
Кто не слыхалъ торжественнаго слова?
Вѣка вѣкамъ его передаютъ.

И что̀ жъ теперь? Увы, что̀ видимъ мы?
Кто пріютитъ, кто призритъ гостью Божью?
Ложь, злая ложь растлила всѣ умы,
И цѣлый міръ сталъ воплощенной ложью!..

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью!..
Опять рѣзня... повсюду вой и плачъ,
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью!

О, этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ,
Вѣкъ безъ души, съ озлобленнымъ умомъ,
На площадяхъ, въ палатахъ, на престолахъ,
Вездѣ онъ правды личнымъ сталъ врагомъ!

Но есть еще одинъ пріютъ державный,
Для правды есть одинъ святой алтарь:
Въ твоей душѣ онъ, Царь нашъ православный,
Нашъ благодушный, честный, Русскій Царь!

Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь:
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе;
Цивилизація для нихъ фетишъ,
Но недоступна имъ ея идея.

Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуги просвѣщенья, а холопы.

СЛАВЯНАМЪ.

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ,
Привѣтъ нашъ всѣмъ вамъ, безъ изъятья!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!
Недаромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви,
Но знайте, гости дорогіе,
Вы здѣсь — не гости, вы — свои!

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей, —
Здѣсь, гдѣ господство незнакомо
Иноязыческихъ властей!
Здѣсь. гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ.

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народъ единый,
Единой матери сыны;

Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что̀ ненавидятъ въ насъ:
Вамъ—не прощается Россія,
Россіи—не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ, и до испугу,
Что вся Славянская семья
Въ лицо и недругу и другу
Впервые скажетъ—это я!
При неотступномъ вспоминаньѣ
О длинной цѣпи обидъ,
Славянское самосознанье,
Какъ Божья кара, ихъ страшитъ!

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разраслась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для насъ—законъ и равноправность,
Для нихъ—насилье и обманъ...
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе славянъ.

И то, что̀ дѣлалось вѣками,
Не истощилось и по-днесь,
И тяготѣетъ и надъ нами —
Надъ нами, собранными здѣсь...
Еще болитъ отъ старыхъ болей
Вся современная пора:
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Бѣлая Гора!

А между тѣмъ позоръ немалый
Въ Славянской всѣмъ родной средѣ,—
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ опалы
И не подвергся ихъ враждѣ,
Кто для своихъ всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Іуду
Честятъ лобзаніемъ своимъ.

Опально-міровое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,
И грянетъ крикъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что̀ дѣлитъ насъ?..
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...
Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ...
И слово «Царь-Освободитель»
За русскій выступитъ предѣлъ!..

СЛАВЯНАМЪ.

«Man muss die Slaven an die Wand drücken!..»
(Славянъ должно прижать къ стѣнѣ).
Слова австрійскаго министра фонъ-Бейста.

Они кричатъ, они грозятся:
«Вотъ къ стѣнкѣ мы славянъ прижмемъ!»
Но какъ бы имъ не оборваться
Въ отважномъ натискѣ своемъ!

Да, стѣнка есть,—стѣна большая,
И васъ нетрудно къ ней прижать,
Да польза-то для нихъ какая?
Вотъ, вотъ что̀ трудно угадать.

Ужасно та стѣна упруга,
Хоть и гранитная скала,
Шестую часть земного круга
Она давно ужъ обошла...

Ее не разъ и штурмовали,
Кой-гдѣ срывали камня три,
Но напослѣдокъ отступали
Съ разбитымъ лбомъ богатыри...

Стоитъ она, какъ и стояла,
Твердыней смотритъ боевой;
Она не то, чтобъ угрожала,
Но... каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же съ бѣшенымъ напоромъ
Тѣснятъ васъ нѣмцы и прижмутъ
Къ ея бойницамъ и затворамъ,
Посмотримъ, что̀ они возьмутъ?

Какъ ни бѣсись вражда слѣпая,
Какъ ни грози вамъ буйство ихъ:
Не выдастъ васъ стѣна родная
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится предъ вами
И, какъ живой для васъ оплотъ,
Межъ вами станетъ и врагами
И къ нимъ поближе подойдетъ.

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ А. М. ГОРЧАКОВА.

Въ тѣ дни кроваво-роковые,
Когда, прервавъ борьбу свою,
Въ ножны вложила мечъ Россія,
Свой мечъ, иззубренный въ бою, —
Онъ волей призванъ былъ державной
Стоять на стражѣ, — и онъ сталъ
И бой отважный, бой неравный
Одинъ съ Европой продолжалъ.

И вотъ двѣнадцать лѣтъ ужъ длится
Упорный поединокъ тотъ,
Иноплеменный міръ дивится,
Одна лишь Русь его пойметъ.
Онъ первый угадалъ, въ чемъ дѣло,
И имъ впервые русскій духъ
Союзной силой признанъ смѣло, —
И вотъ вѣнецъ его заслугъ.

Свершается заслуженная кара
За тяжкій грѣхъ, тысячелѣтній грѣхъ...
Не отвратить, не избѣжать удара,
И правда Божья видима для всѣхъ.

То Божьей правды праведная кара,
И ей въ отпоръ чью помощь ни зови,
Свершится судъ... и папская тіара
Въ послѣдній разъ купается въ крови!

А ты, ея носитель неповинный,
Спаси тебя Господь и отрезви!
Молись Ему, чтобы твои сѣдины
Не осквернились въ пролитой крови.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(По прочтеніи депешъ Императорскаго Кабинета, напечатанныхъ въ «Journal de St.-Pétersbourg»).

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Востокъ,
О, какъ поймутъ тогда значенье
Великолѣпныхъ этихъ строкъ!

Какъ первый яркій лучъ денницы,
Коснувшись ихъ, воспламенитъ
И эти вѣщія страницы
Озолотитъ и освѣтитъ!

И въ изліяньи чувствъ народныхъ,
Какъ Божья чистая роса,
Племенъ признательно-свободныхъ
На нихъ затеплится слеза!

На нихъ записана вся повѣсть
О томъ, что̀ было и что̀ есть;
Изобличивъ Европы совѣсть,
Онѣ спасли Россіи честь.

ПАМЯТИ ЕГОРА ПЕТРОВИЧА КОВАЛЕВСКАГО.

И вотъ въ рядахъ отечественной рати
Опять не стало смѣлаго бойца,
Опять вздохнутъ о горестной утратѣ
Всѣ честныя, всѣ русскія сердца.

Душа живая, онъ необоримо
Всегда себѣ былъ вѣренъ и вездѣ,
Живое пламя, часто не безъ дыма
Горѣвшее въ удушливой средѣ.

Но въ правду вѣрилъ онъ, и не смущался
И съ пошлостью боролся весь свой вѣкъ,
Боролся — и ни разу не поддался,
Онъ на Руси былъ рѣдкій человѣкъ.

И не Руси одной по немъ сгрустнется;
Онъ дорогъ былъ и тамъ, въ землѣ чужой,
И тамъ, гдѣ кровь такъ безотрадно льется,
Почтутъ его признательной слезой.

Насъ всѣхъ, собравшихся на общій праздникъ снова,
Учило нынче насъ Евангельское слово,
Въ своей священной простотѣ:
«Не утаится градъ отъ зрѣнія людского,
Стоя на горной высотѣ».

Будь это и для насъ возвѣщено не всуе,
Завѣтомъ будь оно и намъ,
И мы, великій день здѣсь братски торжествуя,
Поставимъ нашъ союзъ на высоту такую,
Чтобъ всѣмъ онъ виденъ былъ, всѣмъ братскимъ племенамъ.

Какъ насажденія Петрова
Въ Екатерининской долинѣ,
Деревья пышно разрослись,
Такъ насаждаемое нынѣ
Здѣсь русское живое слово,
Расти и глубже коренись!..

ЧЕХАМЪ, ВЪ ГОДОВЩИНУ ГУСА.

(При посылкѣ Московскимъ Славянскимъ Комитетомъ чаши въ Прагу).

На ваши, братья, празднества,
Навстрѣчу вашимъ ликованьямъ,
Навстрѣчу вамъ идетъ Москва
Съ благоговѣйнымъ упованьемъ.

Въ среду восторженныхъ тревогъ,
Въ разгаръ великаго волненья,
Она приноситъ вамъ залогъ,
Залогъ любви и единенья.

Примите же изъ рукъ ея
То, что̀ и вашимъ прежде было,
Что̀ старочешская семья
Такой цѣной себѣ купила.

Такою страшною цѣной,
Что̀ память эта и понынѣ
И вашей лучшею святыней
И вашей жизненной струей.

Примите чашу! Вамъ звѣздой
Въ ночи судебъ она свѣтила
И вашу немощь возносила
Надъ человѣческой средой.

О, вспомните, какимъ она
Была вамъ знаменьемъ любимымъ,
И что въ кострѣ неугасимомъ
Она для васъ обрѣтена.

И этой-то великой мзды,
Отцовъ великихъ достоянье,
За всѣ ихъ тяжкіе труды,
За всѣ ихъ жертвы и страданья,

Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даете ей срамить, увы,
И честь отцовъ и правду Божью.

И долго ль, долго ль этотъ плѣнъ,
Изъ всѣхъ тягчайшій, плѣнъ духовный
Еще сносить ты осужденъ,
О, чешскій людъ единокровный?

Нѣтъ, нѣтъ, недаромъ благодать
На васъ сзывали предки ваши,
И будетъ вамъ дано понять,
Что нѣтъ спасенья вамъ безъ чаши.

Она лишь разрѣшитъ въ конецъ
Призванье вашего народа,

Въ ней и духовная свобода
И единенія вѣнецъ.

Придите жъ къ дивной чашѣ сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите къ ней
Съ надеждой, вѣрой и любовью!..

СОВРЕМЕННОЕ.

Флаги вѣютъ на Босфорѣ,
Пушки празднично гремятъ,
Небо ясно, блещетъ море,
И ликуетъ Цареградъ.

И недаромъ онъ ликуетъ:
На волшебныхъ берегахъ
Нынѣ весело пируетъ
Благодушный падишахъ.

Угощаетъ онъ на славу
Милыхъ западныхъ друзей:
И свою бы всю державу
Заложилъ для нихъ, ей-ей...

Изъ премудраго далёка
Франкистанской ихъ земли
Погулять на счетъ Пророка
Всѣ они сюда пришли.

Пушекъ громъ и мусикія!
Здѣсь Европы всей привалъ,

Здѣсь всѣ силы міровыя
Свой справляютъ карнавалъ.

И при крикахъ изступленныхъ
Бойкій западный разгулъ
И въ гаремахъ потаенныхъ
Двери настежъ распахнулъ.

Какъ въ роскошной этой рамѣ
Дивныхъ горъ и двухъ морей
Веселится объ Исламѣ
Христіанскій съѣздъ князей!

И конца нѣтъ ихъ привѣтамъ,
Обнимаетъ брата братъ...
О, какимъ отраднымъ свѣтомъ
Звѣзды запада горятъ!

И всѣхъ ярче и милѣе
Свѣтитъ тутъ звѣзда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, его жена.

Съ пресловутаго театра
Всѣхъ изяществъ и затѣй,
Какъ вторая Клеопатра,
Въ сонмѣ царственныхъ гостей,

На Востокъ она явилась,
Всѣмъ на радость, не на зло,
И предъ нею все склонилось:
Солнце съ Запада взошло!

Только тамъ, гдѣ тѣни бродятъ
По долинамъ и горамъ,
И куда ужъ не доходятъ
Эти клики, этотъ гамъ,

Только тамъ, гдѣ тѣни бродятъ,
Тамъ въ ночи, изъ свѣжихъ ранъ
Кровью медленно исходятъ
Милліоны христіанъ...

А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГУ.

(По случаю забаллотировки его въ Академіи Наукъ).

Спѣшу поздравить. Мы охотно
Привѣтствуемъ вашъ неуспѣхъ,
Для васъ и лестный и почетный
И назидательный для всѣхъ.

Что русскимъ словомъ столько лѣтъ
Вы славно служите Россіи,
Про это знаетъ цѣлый свѣтъ,
Не знаютъ нѣмцы лишь родные...

Охъ, нѣтъ, то знаютъ и они;
И что̀ въ славянскомъ вражьемъ мірѣ
Вы совершили, — вы одни, —
Все вѣдаютъ, et inde irae!..

Во всемъ обширномъ этомъ краѣ
Они встрѣчали васъ не разъ,
Въ Балканахъ, Чехахъ, на Дунаѣ,
Вездѣ, вездѣ встрѣчали васъ.

И какъ же могъ бы безъ измѣны,
Высокодоблестный досель,
Въ академическія стѣны,
Въ завѣтную ихъ цитадель,

Казною русской содержимый
Для этихъ славныхъ оборонъ,
Васъ, васъ впустить — непобѣдимый
Нѣмецкій храбрый гарнизонъ?

ГУСЪ НА КОСТРѢ.

(По поводу живой картины).

Костеръ сооруженъ, и роковое
Готово вспыхнуть пламя. Все молчитъ.
Лишь слышенъ легкій трескъ, и въ нижнемъ слоѣ
Костра огонь предательски сквозитъ.

Дымъ побѣжалъ — народъ столпился гуще,
Вотъ всѣ они, весь этотъ темный міръ:
Тутъ и гнетомый людъ — и людъ гнетущій,
Ложь и насилье — рыцарство и клиръ.

Тутъ вѣроломный Кесарь и князей
Имперскихъ и духовныхъ сонмъ верховный,
И самъ онъ, Римскій іерархъ, въ своей
Непогрѣшимости грѣховной

Тутъ и она, та старица простая,
Не позабытая съ тѣхъ поръ,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дровъ, какъ лепту, на костеръ.

И на кострѣ, какъ жертва предъ закланьемъ,
Вамъ праведникъ великій предстоитъ,

Уже обвѣянъ огненнымъ сіяньемъ,
Онъ молится, и голосъ не дрожитъ.

Народа чешскаго святой учитель,
Безтрепетный свидѣтель о Христѣ,
И римской лжи суровый обличитель
Въ своей высокой простотѣ.

Не измѣнивъ ни Богу, ни народу,
Боролся онъ и былъ необоримъ, —
За правду Божью, за ея свободу,
За все, за все, что̀ бредомъ назвалъ Римъ.

Онъ духомъ въ небѣ, братскою жъ любовью
Еще онъ здѣсь, еще въ средѣ своихъ,
И свѣтелъ онъ, что собственною кровью
Христову кровь онъ отстоялъ для нихъ.

О, чешскій край, о, родъ единокровный!
Не отвергай наслѣдья своего,
О, доверши же подвигъ свой духовный
И братскаго единства торжество!

И, цѣпь порвавъ съ юродствующимъ Римомъ
Гнетущую тебя ужъ такъ давно,
На Гусовомъ кострѣ неугасимомъ
Расплавь ея послѣднее звено.

ВЪ АЛЬБОМЪ П. А. ВАКАРА.

Велѣнью высшему покорны,
У мысли стоя на часахъ,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцеромъ въ рукахъ

Мы имъ владѣли неохотно,
Грозили рѣдко и скорѣй
Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней.

ЧЕРНОЕ МОРЕ.

Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло,
Прошелъ событій цѣлый рядъ,
И вѣра насъ не обманула,
И севастопольскаго гула
Послѣдній слышимъ мы раскатъ.

Ударъ послѣдній и громовой,
Онъ грянулъ вдругъ, животворя,
Послѣднее въ борьбѣ суровой
Теперь лишь высказано слово,
То слово Русскаго Царя.

И все, что̀ было такъ недавно
Враждой воздвигнуто слѣпой,
Такъ нагло, такъ самоуправно,
Предъ честностью его державной
Все рушилось само собой.

И вотъ: «Свободная стихія, —
Сказалъ бы нашъ поэтъ родной: —
Шумишь ты, какъ во дни былые,
И катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой!..»

Пятнадцать лѣтъ тебя держало
Насилье въ западномъ плѣну,
Ты не сдавалась и роптала,
Но часъ пробилъ, — насилье пало:
Оно пошло, какъ ключъ, ко дну.

Опять зоветъ и къ дѣлу нудитъ
Родную Русь твоя волна,
И къ распрѣ той, что̀ Богъ разсудитъ,
Великій Севастополь будитъ
Отъ заколдованнаго сна.

И то, что̀ ты во время оно
Отъ бурныхъ скрыла непогодъ
Въ свое сочувственное лоно,
Отдашь ты намъ, и безъ урона,
Безсмертный Черноморскій флотъ.

Да, въ сердцѣ русскаго народа
Святиться будетъ этотъ день:
Онъ наша внѣшняя свобода,
Онъ Петропавловскаго свода
Освѣтитъ гробовую сѣнь

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинувъ пушки, ни рубля,
Въ свои права вступаетъ снова
Родная русская земля.

И намъ завѣщанное море
Опять свободною волной,
О краткомъ позабывъ позорѣ,
Лобзаетъ берегъ свой родной.

Счастливъ въ нашъ вѣкъ, кому побѣда
Далась не кровью, а умомъ.
Счастливъ, кто точки Архимеда
Умѣлъ сыскать въ себѣ самомъ.

Но кончено ль противоборство?
И какъ могучій вашъ рычагъ
Ослабитъ въ умникахъ упорство
И сдвинетъ глупость въ дуракахъ?

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Былъ день суда и осужденья,
Тотъ роковой, безповоротный день,
Когда для вящшаго паденья
На высшую вознесся онъ ступень.

И Божьимъ Промысломъ тѣснимый,
И загнанный на эту высоту
Своей ногой непогрѣшимой
Въ бездонную шагнулъ онъ пустоту.

Когда чужимъ страстямъ послушный,
Игралище и жертва темныхъ силъ,
Такъ богохульно-добродушно
Онъ божествомъ себя провозгласилъ.

О новомъ бого-человѣкѣ
Вдругъ притча создалась, — и въ міръ вошла,
И святотатственной опекѣ
Христова Церковь предана была.

О, сколько смуты и волненій
Съ тѣхъ поръ воздвигъ непогрѣшимый тотъ,
И какъ подъ бурей этихъ преній
Кощунство зрѣетъ, и соблазнъ растетъ.

Въ испугѣ ищутъ Правду Божью,
Очнувшись вдругъ, всѣ эти племена,
И какъ тысячелѣтней ложью
Она для нихъ въ конецъ отравлена.

И одолѣть она не въ силахъ
Отравы той, что̀ въ жилахъ ихъ течетъ,
Въ ихъ самыхъ сокровенныхъ жилахъ,
И долго будетъ течь, — и гдѣ исходъ?

Но нѣтъ, какъ ни борись упрямо,
Уступитъ ложь, разсѣется мечта,
И ватиканскій далай-лама
Не призванъ быть намѣстникомъ Христа.

НАПОЛЕОНЪ III.

И ты свершилъ свой подвигъ роковой
Великихъ силъ двусмысленный наслѣдникъ,
Мужъ не судебъ, а мужъ случайности слѣпой,
Но правды Божьей, не земной,
Неотразимый проповѣдникъ,
Ты міру доказалъ, какъ шатко все, въ чемъ нѣтъ
Той правды внутренней! И доказалъ на дѣлѣ:
Ты, волновавшій міръ безъ цѣли
Всѣ эти двадцать бурныхъ лѣтъ,
Ты много, много лжи посѣялъ,
И много бурь ты возрастилъ,
И уцѣлѣвшаго разсѣялъ,
И собраннаго расточилъ!
Народъ, взложившій на тебя вѣнецъ,
Ты ложью развратилъ и погубилъ въ конецъ:
И, вѣрный своему призванью,
Оторопѣвшій міръ игрой своей смутя,
Какъ неразумное дитя,
Ты предалъ долгому шатанью.
Спасенья нѣтъ въ насильѣ и во лжи,
Какъ ни орудуй ими смѣло,
Для человѣческой души,
Для человѣческаго дѣла.

Знай, торжествующій, кто бъ нынѣ ни былъ онъ,
Во всеоружіи насилья и обмана,
Придетъ и твой чередъ, и поздно или рано
Ты ими жъ будешь побѣжденъ!
Но въ искупленье темныхъ дѣлъ
Ты міру завѣщалъ одинъ урокъ великій:
Да вразумятся имъ народы и владыки
И всякій, кто бъ тебѣ соревновать хотѣлъ;
Лишь тамъ, лишь въ той семьѣ народной,
Гдѣ съ властью высшею живая связь слышна,
И гдѣ она закрѣплена
Взаимной вѣрою и совѣстью свободной,
Гдѣ святы всѣ ея условья,
И ею весь народъ одушевленъ,
Стоитъ ли у престола онъ,
Или стоитъ у изголовья
Одра, гдѣ царскій сынъ лежалъ,
И сей народъ еще недавно
Тотъ одръ болѣзни окружалъ
Своей молитвой православной.
О, тутъ измѣнѣ мѣста нѣтъ,
Ни разновиднымъ ухищреньямъ,
И крайне жалокъ былъ бы тотъ,
Кто бъ этотъ оскорбилъ народъ
Иль клеветой, иль подозрѣньемъ.

Британскій леопардъ
За что на насъ сердитъ?
И машетъ все хвостомъ,
И гнѣвно такъ рычитъ?
Чѣмъ провинились мы?
Не тѣмъ ли, что мы въ глубь зашли
Степи среди-азійской?
Нашъ сѣверный медвѣдь,
Землякъ нашъ всероссійскій,
Отъ права своего не хочетъ отказаться
Себя оборонять, подчасъ и огрызаться.
Въ угоду же друзьямъ своимъ
Не хочетъ передъ міромъ
Какимъ-то быть отшельникомъ-факиромъ;
И міру напоказъ и всѣмъ воочію,
Всѣмъ гадинамъ степнымъ
На снѣдь предать всю плоть свою.
Нѣтъ! Этому не быть!—и поднялъ лапу...
Вотъ этимъ леопардъ и былъ такъ разсерженъ.
Ахъ, грубіанъ! ахъ, онъ нахалъ!
Нашъ левъ сердито зарычалъ.

Какъ, онъ, простой медвѣдь, и смѣетъ защищаться,
Въ присутствіи моемъ и лапу поднимать,
И даже огрызаться;
Пожалуй, что дойдетъ
И даже до того,
Что онъ вообразитъ,
Что есть и у него
Такія жъ личныя права,
Какъ у меня, сіятельнаго льва...
Нельзя же допустить такого баловства!

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Царь благодушный, Царь съ евангельской душою,
Съ любовью къ ближнему святою
Принять, державный, удостой
Гимнъ благодарности простой!
Ты, обнимающій любовію своей
Не сотни, тысячи людей,
Ты, днесь воскрыльями ея
Благоволилъ покрыть и бѣднаго меня,
Не заявившаго ничѣмъ себя
И не имѣвшаго на Царское вниманье
Другого права, какъ свое страданье!.
Вниманьемъ благостнымъ своимъ
Меня призрѣть ты удостоилъ
И духъ мой ободрилъ и успокоилъ...
О, будь же, Царь, прославленъ и хвалимъ,
Но не какъ царь, а какъ намѣстникъ Бога,
Склоняющаго слухъ
Не только къ свѣтлымъ легіонамъ
Избранниковъ своихъ, небесныхъ слугъ,
Но и къ отдѣльнымъ, одинокимъ стонамъ
Существъ, затерянныхъ на сей землѣ,

И внемлющаго ихъ молитвенной хвалѣ,
Чего же, Царь, тебѣ мы пожелаемъ?
Торжествъ ли громкихъ и побѣдъ?
Отъ нихъ тебѣ большой отрады нѣтъ!
Мы лучшаго тебѣ желаемъ,
А именно: чтобы по мѣрѣ той,
Какъ призванъ Волей ты Святой
Здѣсь дѣйствовать, въ печальной сей юдолѣ,
Ты сознаваемъ былъ все болѣе и болѣ
Такимъ, каковъ ты есть,
Какъ другъ добра нелицемѣрный...
Вотъ образъ твой и правильный и вѣрный.
Вотъ слава лучшая для насъ и честь.

ПАМЯТИ А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА.

Онъ родомъ былъ не славянинъ,
Но былъ славянствомъ всѣмъ усвоенъ
Онъ дѣломъ доказалъ, что въ полѣ и одинъ
Быть можетъ доблестный и храбрый воинъ!

ФРАНЦУЗСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э. Ѳ. ТЮТЧЕВОЙ.

I.

Un rêve.

Quel don lui faire au déclin de l'année?
Le vent d'hiver a brûlé le gazon,
La fleur n'est plus et la feuille est fanée,
Rien de vivant dans la morte saison.

Et consultant d'une main bien-aimée
De votre herbier maint doux et cher feuillet,
Vous réveillez dans sa couche embaumée
Tout un passé d'amour qui sommeillait...

Tout un passé de jeunesse et de vie,
Tout un passé qui ne peut s'oublier...
Et dont la cendre un moment recueillie
Reluit encore dans ce fidèle herbier.

Vous y cherchez quelque débris de tige,
Et tout-à-coup vous y trouvez deux fleurs,
Et dans ma main par un secret prodige
Vous les voyez reprendre leurs couleurs.

C'étaient deux fleurs: l'nne et l'autre était belle
D'un rouge vif, d'un éclat peu commun...
La rose brille et l'oeillet étincelle,
Tout deux baignés de flamme et de parfum...

Et maintenant de ce mystère étrange
Vous voudriez reconnaître le sens...
Pourquoi faut-il, vous l'expliquer, cher ange,
Vous insistez; eh bien soit, j'y consens.

Lorsqu'une fleur, ce frêle et doux prestige
Perd ses couleurs, languit et se flétrit
Que du brasier on approche sa tige,
La pauvre fleur aussitôt refleurit.

Et c'est ainsi, que toujours s'accomplissent
Au jour fatal et rêves et destins...
Quand dans nos coeurs les souvenirs palissent,
La mort les fait refleurir dans ses mains.

II.

(Promenade avec ma femme).

Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées
L'éclat immaculé, le divin élément,
Étoiles, gloire à vous. Splendeurs toujours sacrées!
Gloire à vous, qui durez incorruptiblement.

L'homme, race éphémère et qui vit sous la nue,
Qu'un seul et même instant voi naître et défleurir,
Passe, les yeux au ciel.—Il passe et vous salue!
C'est l'immortel salut de ceux qui vont mourir.

III.

Des premiers ans de votre vie
Que j'aime à remonter le cours,
Ecoutant d'une âme ravie
Ces récits, les mêmes toujours...

Que de fraîcheur et de mystère,
En remontant ces bords heureux,
Quelle douce et tendre lumière
Baignait ce ciel si vaporeux!

Combien la rive était fleurie,
Combien le ciel était plus pur!
Que de suaves rêveries
Se reflétait dans son azur!..

Quand de votre enfance incomprise
Vous m'avez quelque temps parlé,
Je crois sentir, dans une brise
Glisser comme un printemps voilé.

* *
*

Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège,
Un fleuve, bloc de glace et que l'hiver ternit
Et des filets de poussière de neige
Tourbillonnent sur des quais de granit...

La mer se ferme enfin... Le monde recule,
Le monde des vivants, orageux, tourmenté...
Et bercée aux lueurs d'un vague crépuscule,
Le pôle attire à lui sa fidèle cité.

Е. Н. АННЕНКОВОЙ.

D'une fille du Nord, chétive et languissante,
Eclose à l'ombre des forêts,
Vous, en qui tout rayonne et tout rit et tout chante,
Vous voulez emprunter les traits?

Eh bien, pardonnez moi mon doute involontaire,
Je crains que l'on ne dise, en voyant ce tableau:
„C'est l'oranger en fleur, tout baigné de lumière,
Qui veut simuler un bouleau".

Lorsqu'un noble prince, en ces jours de démence,
Décort de sa main le bourreau des chrétiens,—
Pourrait-on dire encore, ainsi, qu'aux temps anciens:
„Honny soit qui mal y pense“?

ПЕРЕВОДЫ и ПОДРАЖАНІЯ.

(1819—1869).

ГОРАЦІЙ.

ПОСЛАНІЕ ГОРАЦІЯ КЪ МЕЦЕНАТУ,

въ которомъ приглашаетъ его къ сельскому обѣду

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди,—тебя здѣсь ждетъ и кубокъ круговой,
И розовый вѣнокъ, и пѣсней нѣжныхъ сладость!
Возженны не льстеца рукой
Душистый анемонъ и крины
Ліютъ на брашны ароматъ,
И полныя плодовъ корзины
Твой вкусъ и зрѣнье усладятъ.
Приди, мужъ правоты, народа покровитель,
Отчизны вѣрный сынъ и строгій другъ царевъ,
Питомецъ счастливый Кастальскихъ чистыхъ дѣвъ,
Приди въ мою смиренную обитель!
Пусть велелѣпные столбы,
Громады храминъ позлащенны
Прельщаютъ алчный взоръ несмысленной толпы;
Оставь на время градъ, въ заботахъ погруженный,
Склонись подъ тѣнь дубравъ; здѣсь ждетъ тебя покой.
Подъ кровомъ сельскаго Пената,
Гдѣ все красуется, все дышетъ простотой,

Гдѣ чуждъ холодный блескъ и пурпура и злата,—
Тамъ сладокъ кубокъ круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряетъ здѣсь свой видъ угрюмой;
Въ обители отцовъ все льетъ отраду намъ!
Уже небесный левъ тяжелою стопою
Въ предѣлахъ зноя сталъ и пламенной стезею
Течетъ по свѣтлымъ небесамъ!..
Въ священной рощицѣ Сильвана,
Гдѣ мгла таинственно съ прохладою сліянна,
Гдѣ брежжетъ сквозь листовъ дрожащій тихій свѣтъ,
Игривый ручеекъ едва-едва течетъ
И шепчетъ въ сумракѣ съ прибрежной осокою;
Здѣсь въ знойные часы, предъ рощею густою,
Спитъ стадо и пастухъ подъ сѣнію прохладъ,
И въ розовыхъ кустахъ зефиры легки спятъ;
А ты, Ѳемиды жрецъ, защитникъ беззащитныхъ,
Проводишь дни свои подъ бременемъ заботъ;
И счастье сограждàнъ—благій, достойный плодъ
Твоихъ стараній неусыпныхъ!
Для нихъ желалъ бы ты познать судьбы предѣлъ;
Но строгій Властелинъ земли, небесъ и ада
Глубокой, вѣчной тьмой грядущее одѣлъ.
Благоговѣйте, персти чада!
Какъ! прахъ земный объять небесное посмѣетъ?
Дерзнетъ ли разорвать таинственный покровъ?
Быстрѣйшій самый умъ, смутясь, оцѣпенѣетъ,
И буйный сей мудрецъ—посмѣшище боговъ!..
Мы можемъ, странствуя въ тернистой сей пустынѣ,
Сорвать одинъ цвѣтокъ, ловить летящій мигъ;
Грядущее не намъ,—судьбинѣ;

Такъ предадимъ его на произволъ благихъ!..
Что̀ время? Быстрый токъ, который въ долахъ мирныхъ,
Въ брегахъ, украшенныхъ обильной муравой,
Катитъ кристаллъ валовъ сапфирныхъ;
И по сребру зыбей свѣтъ солнца золотой
Играетъ и скользитъ; но часъ... и бурный вскорѣ,
Забывъ свои брега, забывъ свой мирный ходъ,
Теряется въ обширномъ морѣ,
Въ безбрежной пустотѣ необозримыхъ водъ!
Но часъ,—и вдругъ нависшихъ бурь громады
Извергли дождь изъ черныхъ нѣдръ;
Потокъ возвысился, реветъ, расторгъ преграды,
И роетъ волны ярый вѣтръ!
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто можетъ въ умиленьи,
Воззрѣвши на Вождя свѣтилъ,
Текущаго почить въ Нептуновы владѣнья,
Кто можетъ, радостный, сказать себѣ: я жилъ!
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный богъ громовъ вкругъ ризою багровой
Эѳиръ сгущенный облечетъ,
Иль снова въ небесахъ разсыплетъ солнца свѣтъ:
Для смертныхъ все равно;—и что̀ крылаты годы
Съ печальнаго лица земли
Въ хранилище временъ съ собою увлекли,
Не промѣнитъ того и самъ Отецъ природы.
Сей миръ—игралище Фортуны злой.
Она кичливый взоръ на шаръ земной бросаетъ
И всей вселенной потрясаетъ
По прихоти слѣпой!..
Невѣрная, меня сегодня осѣнила;
Богатства, почести обильно мнѣ лiетъ,

Но завтра вдругъ простерла крыла,
Къ другимъ склоняетъ свой полетъ!
Я презрѣнъ, но ропщу,—и горестный свидѣтель,
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ея дары
И облекаюсь въ добродѣтель!..
Пусть бурями увитый Нотъ
Пучины сланыя крутитъ и воздымаетъ,
И черные холмы морскихъ кипящихъ водъ
Съ громовой тучею сливаетъ,
И бренныхъ кораблей
Рветъ снасти, все крушитъ въ свирѣпости своей...
Отчизны мирныя покрытый небесами,
Не буду я боговъ обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейскихъ волнъ,
Безбѣдно приведутъ въ пристанище мой челнъ.

ШЕКСПИРЪ.

I.

(Изъ комедіи „Сонъ въ лѣтнюю ночь").

Любовники, безумцы и поэты
Изъ одного воображенья слиты...
Тотъ зритъ бѣсовъ, какихъ и въ адѣ нѣтъ
(Безумецъ то-есть); сей, равно безумный,
Любовникъ страстный, видитъ, очарованъ,
Елены красоту въ цыганкѣ смуглой.
Поэта око, въ свѣтломъ изступленьи,
Круговращаясь, блещетъ и скользитъ
На землю съ неба, нà небо съ земли,
И лишь создастъ воображенье виды
Существъ невѣдомыхъ, поэта жезлъ
Ихъ претворяетъ въ лица и даетъ
Тѣнямъ воздушнымъ мѣстность и названье!

ПѢСНЯ.

II.

(Изъ комедіи „Сонъ въ лѣтнюю ночь“).

Заревѣлъ голодный левъ,
И на мѣсяцъ волкъ завылъ;
День съ трудомъ преодолѣвъ,
Бѣдный пахарь опочилъ

Угли гаснутъ на кострѣ,
Дико филинъ прокричалъ
И больному на одрѣ
Скорый саванъ провѣщалъ.

Всѣ кладбища, сей порой,
Изъ зіяющихъ гробовъ,
Въ сумракъ мѣсяца сырой
Высылаютъ мертвецовъ!..

БАЙРОНЪ.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Какъ медлитъ путника вниманье
На хладныхъ камняхъ гробовыхъ,
Такъ привлечетъ друзей моихъ
Руки знакомой начертанье!..

Чрезъ много-много лѣтъ оно
Напомнитъ имъ о прежнемъ другѣ:
«Его ужъ нѣту въ нашемъ кругѣ,
Но сердце здѣсь погребено!..»

ГЁТЕ.

САКОНТАЛА.

Что̀ юный годъ даетъ цвѣтамъ?—
Ихъ дѣвственный румянецъ.
Что̀ зрѣлый годъ даетъ плодамъ?—
Ихъ царственный багрянецъ.
Что̀ нѣжитъ взоръ и веселитъ,
Какъ перлъ, въ моряхъ цвѣтущій?
Что̀ грѣетъ душу и живитъ,
Какъ нектаръ всемогущій?
Весь цвѣтъ сокровищницъ мечты,
Весь полный цвѣтъ творенья,
И, словомъ, небо красоты
Въ лучахъ воображенья
Все, все поэзія слила
Въ тебѣ одной, Саконтала̀.

ПЕРЕМѢНА.

Лежу я въ потокѣ на камняхъ... Какъ радъ я!
Идущей волнѣ простираю объятья,—
И дружно тѣснится она мнѣ на грудь;
Но, легкая, снова она упадаетъ
Другая приходитъ, опять обнимаетъ:
Такъ радости быстрой чредою бѣгутъ!
Напрасно влачишь ты въ печали томящей
Часы драгоцѣнные жизни летящей,
Затѣмъ, что своею ты милой забытъ:
О, пусть возвратится пора золотая!
Такъ нѣжно, такъ сладко цѣлуетъ вторая,–
О первой не будешь ты долго тужить!

ФАУСТЪ.

1.

— Кто звалъ меня?
— О, страшный видъ!
Ты сильнымъ и упрямымъ чаромъ
Мой кругъ волшебный грызъ недаромъ
И днесь...
Твой взоръ меня мертвитъ!
— Какъ! ты молилъ меня, какъ изступленный,
Да узришь ликъ, услышишь голосъ мой.
Склонился я на кличъ упорный твой
И се предсталъ! Какой же страхъ презрѣнный
Вдругъ овладѣлъ, гигантъ, твоей душой?
Та ль эта грудь, чья творческая сила
Міръ новый создала, взлелѣяла, взрастила,
И въ упоеніи отваги неземной
До насъ, духовъ, возвыситься рвалась?
Ты ль это, Фаустъ? И твой ли былъ то гласъ,
Тѣснившійся ко мнѣ съ отчаяннымъ моленьемъ?
Ты, Фаустъ? Сей бѣдный, безпомощный прахъ,
Проникнутый насквозь моимъ сомнѣньемъ,
Во всѣхъ души своей дрожащій глубинахъ?..

Не удручай симъ пламеннымъ презрѣньемъ
Главы моей! Не склонишь ты ея!
Такъ, Фаустъ, я духъ, какъ ты, твой равный я!..
Событій бурю, житейскій валъ
Вращаю я,
Воздвигаю я,
Вѣю здѣсь, вѣю тамъ, и высокъ и глубокъ!
Смерть и рожденіе, воля и рокъ,
Волны въ бореньи,
Стихіи во преньи,
Жизнь въ измѣненьи!..
Вѣчный, единый потокъ!..
Такъ шумитъ на стану моемъ ткань роковая,
И Богу прядется риза живая!

2.

Зачѣмъ губить въ унынiи пустомъ
Сего часà благое достоянье?..
Смотри, какъ хижины кругомъ
Осыпало вечернее сiянье...
День пережитъ, и къ небесамъ инымъ
Свѣтило дня несетъ животворенье...
О, гдѣ крыло, чтобъ взвиться вслѣдъ за нимъ,
Прильнуть къ его лучамъ, слѣдить его теченье?
У ногъ моихъ лежитъ прекрасный мiръ
И, вѣчно вечерѣющiй, смѣется...
Всѣ выси въ заревѣ, во всѣхъ долинахъ миръ,
Сребристый ключъ въ златыя рѣки льется.
Надъ цѣпью дикихъ горъ, лѣсистыхъ странъ
Полетъ богоподобный вѣетъ,
И ужъ вдали открылся и свѣтлѣетъ
Съ заливами своими океанъ...
Но свѣтлый Богъ главу въ пучины клонитъ,
И вдругъ крыла таинственная мочь
Вновь ожила и вслѣдъ за уходящимъ гонитъ,
И вновь душа въ потокахъ свѣта тонетъ.

Передо мною день, за мною ночь,
У ногъ равнина водъ и небо надъ главою.
Прекрасный сонъ... и суетный!.. прости!..
Къ крыламъ души, парящимъ надъ землею,
Не скоро намъ тѣлесныя найти!..
Но сей порывъ, сіе и вверхъ и вдаль стремленье,
Оно природное внушенье,
У всѣхъ людей оно въ груди...
И оживаетъ въ нихъ порою,
Когда весной, надъ нашей головою,
Изъ облаковъ пѣснь жавронка звенитъ,
Когда надъ крутизной лѣсистой
Орелъ, ширяяся, паритъ,
Поверхъ озеръ иль степи чистой
Журавль на родину спѣшитъ.

3.

Былъ царь, какъ мало нынѣ,
По смерть онъ вѣренъ былъ:
Отъ милой, при кончинѣ,
Онъ кубокъ получилъ.

Цѣнилъ его высоко
И часто осушалъ;
Въ немъ сердце сильно билось,
Лишь кубокъ въ руки бралъ.

Когда жъ сей міръ покинуть
Пришелъ его чередъ,
Онъ дѣлитъ все наслѣдство,
Но кубка не даетъ.

И въ зàмокъ, что̀ надъ моремъ,
Друзей своихъ созвалъ
И съ ними на прощанье,
Тамъ сидя, пировалъ.

Въ послѣдній разъ упился
Онъ влагой огневой,
Надъ бездной наклонился
И—въ море кубокъ свой.

На дно онъ палъ морское;
Онъ палъ, пропалъ изъ глазъ,
Забилось ретивое,—
Царь пилъ въ послѣдній разъ.

Западъ, Нордъ и Югъ въ крушеньи,
Троны, царства въ разрушеньи,
На Востокъ укройся дальной
Воздухъ пить патріархальной,
Въ пѣсняхъ, играхъ, пированьѣ
Обнови существованье.

Тамъ проникну, въ сокровенныхъ,
До истоковъ потаенныхъ
Первородныхъ поколѣній,
Гласу Божіихъ велѣній
Непосредственно внимавшихъ
И ума не надрывавшихъ.

Память праотцевъ святившихъ,
Иноземію претившихъ,
Гдѣ во всемъ хранилась мѣра.
Мысль тѣсна, просторна вѣра,
Слово въ силѣ и почтеньѣ,
Какъ живое откровенье.

То у пастырей подъ кущей,
То въ оазисѣ цвѣтущей,
Съ караваномъ отдохну я,
Ароматами торгуя:
Изъ пустыни въ поселенья
Изслѣжу всѣ направленья.

Пѣсни Гафиза святыя
Усладятъ стези крутыя,
Ихъ вожатый голосистый,
Распѣвая въ тверди чистой,
Въ позднемъ небѣ звѣзды будитъ
И шаги верблюдовъ нудитъ.

То упьюся въ баняхъ лѣнью.
Вѣрный Гафиза ученью:
Дѣва-другъ фату бросаетъ
Амвру съ кудрей отрясаетъ,
И поэта сладкопѣвность
Въ дѣвахъ райскихъ будитъ ревность.

И сіе высокомѣрье
Не вмѣняйте въ суевѣрье.
Знайте: всѣ слова поэта
Легкимъ сонмомъ, жаднымъ свѣта,
У дверей стучатся рая,
Даръ безсмертья вымоляя!

ПРИВѢТСТВІЕ ДУХА.

На старой башнѣ, у рѣки,
Духъ рыцаря стоитъ
И, лишь завидитъ челноки,
Привѣтомъ ихъ даритъ:

«Кипѣла кровь и въ сей груди,
Кулакъ былъ изъ свинца,
И богатырскій мозгъ въ кости,
И кубокъ до конца!

«Пробушевалъ полжизни я,
Другую проволокъ:
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несетъ потокъ!»

ПѢВЕЦЪ.

«Что̀ тамъ за звуки предъ крыльцомъ!
За гласы предъ вратами?
Въ высокомъ теремѣ моемъ
Раздайся пѣснь предъ нами!..»—
Король сказалъ, и пажъ бѣжитъ.
Вернулся пажъ, король гласитъ:
«Скорѣй впустите старца!»
— «Хвала вамъ, витязи, и честь
Вамъ, дамы, обожанья!..
Какъ звѣзды въ небѣ перечесть?
Кто знаетъ ихъ названья?
Хоть взоръ манитъ сей рай чудесъ,
Закройся взоръ, не время здѣсь,
Васъ праздно тѣшить, очи!»
Сѣдой пѣвецъ глаза смежилъ
И въ струны грянулъ живо,
У смѣлыхъ взоръ смѣлѣй горитъ,
У женъ поникъ стыдливо...
Плѣнился царь его игрой
И шлетъ за цѣпью золотой
Почтить пѣвца сѣдого.

«Златой мнѣ цѣпи не давай,
Награды сей не стòю,
Ее ты рыцарямъ отдай
Безстрашнымъ среди бою.
Отдай ее своимъ дьякамъ,
Прибавь къ ихъ прочимъ тяготамъ
Сіе златое бремя!..
По Божьей волѣ я пою,
Какъ птичка въ поднебесьѣ,
Не чая мзды за пѣснь свою—
Мнѣ пѣснь сама возмездье!
Просилъ бы милости одной:
Вели мнѣ кубокъ золотой
Виномъ наполнить свѣтлымъ!»
Онъ кубокъ взялъ и осушилъ
И слово молвилъ съ жаромъ:
«Тотъ домъ самъ Богъ благословилъ,
Гдѣ это скуднымъ даромъ!..
Свою вамъ милость Онъ пошли
И васъ утѣшь на сей земли,
Какъ я утѣшенъ вами!»

Kennst du das Land?

Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ,
Глубокъ и чистъ лазурный неба сводъ,
Цвѣтетъ лимонъ, и апельсинъ златой
Какъ жаръ горитъ подъ зеленью густой?..
Ты знаешь край?.. Туда, туда съ тобой
Хотѣла бъ я укрыться, милый мой!..

Ты знаешь высь, съ стезей по крутизнамъ,
Лошакъ бредетъ въ туманѣ по скаламъ,
Въ ущельяхъ горъ отродье змѣй живетъ,
Гремитъ обвалъ и водопадъ реветъ?..
Ты знаешь путь?.. Туда и намъ съ тобой
Слѣдъ проложенъ: уйдемъ, властитель мой!

Ты знаешь домъ на мраморныхъ столбахъ,
Сіяетъ залъ и куполъ весь въ лучахъ;
Глядятъ кумиры молча и грустя:
«Что̀, что̀ съ тобою, бѣдное дитя?..»
Ты знаешь домъ?.. Туда, туда съ тобой
Уйдемъ скорѣй, уйдемъ, родитель мой!

ИЗЪ „ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА“.

1.

Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ,
Кто въ жизни цѣлыми ночами
Стеня, на ложѣ не сидѣлъ,
Тотъ незнакомъ съ небесными властями.

Онѣ насъ въ бытіе манятъ,
Заводятъ слабость въ преступленья,
И послѣ муками казнятъ:
Нѣтъ на землѣ проступка безъ отмщенья!

2.

Кто хочетъ міру чуждымъ быть,
Тотъ скоро будетъ чуждъ!
Ахъ, людямъ есть кого любить,
Что̀ имъ до нашихъ нуждъ!
Такъ что̀ вамъ до меня?
Что̀ вамъ бѣда моя?
Она лишь про меня,
Съ ней не разстанусь я!

3

Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ:
«Откликнись, другъ милый, одна ль?»
Такъ бродитъ и ночью и днемъ
Кругомъ меня тоска.
Кругомъ меня печаль!..
Ахъ, развѣ лишь въ гробу
Отъ нихъ укрыться мнѣ,
Въ гробу, въ землѣ сырой,
Тамъ бросятъ и онѣ.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ.

Вы мнѣ жалки, звѣзды-горемыки!
Такъ прекрасны, такъ свѣтло горите,
Мореходцу свѣтите охотно,
Безъ возмездья отъ боговъ и смертныхъ!
Вы не знаете любви и ввѣкъ не знали!
Неудержно васъ уводятъ Оры
Сквозь ночную безпредѣльность неба.
О, какой вы путь уже свершили
Съ той поры, какъ я въ объятьяхъ милой
Васъ и полночь сладко забываю!

EGMOT.

Freudvoll
Und leidvoll

Радость и горе въ живомъ упоеньи,
Думы и сердце въ вѣчномъ волненьи,
Въ небѣ ликуя, томясь на земли,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей
Жизни блаженство въ одной лишь любви...

ШИЛЛЕРЪ.

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

Радость, первенецъ творенья,
Дщерь великая Отца,
Мы, какъ жертву прославленья,
Предаемъ тебѣ сердца!
Все, что̀ дѣлитъ прихоть свѣта,
Твой алтарь сближаетъ вновь,
И душа, тобой согрѣта,
Пьетъ въ лучахъ твоихъ любовь!

ХОРЪ.

Въ кругъ единый, Божьи чада!
Вашъ Отецъ глядитъ на васъ!
Святъ Его призывный гласъ,
И вѣрна Его награда!

Кто небесъ предвидѣлъ сладость,
Кто любилъ на сей земли,
Въ миломъ взорѣ черпалъ радость,
Радость нашу раздѣли:

Всѣ, чье сердце сердцу друга
Въ братской вторило груди;
Кто жъ не могъ любить,—изъ круга
Прочь съ слезами отойди!..

ХОРЪ.

Душъ родство! О, лучъ небесный,
Вседержащее звено!
Къ небесамъ ведетъ оно,
Гдѣ витаетъ Неизвѣстный!

У груди благой природы
Все, что̀ дышетъ, радость пьетъ!
Всѣ созданья, всѣ народы,
За собой она влечетъ:
Намъ друзей дала въ несчастьѣ,
Гроздій сокъ, вѣнки Харитъ,—
Насѣкомымъ—сладострастье,
Ангелъ—Богу предстоитъ.

ХОРЪ.

Что, сердца, благовѣстите?
Иль Творецъ сказался вамъ?
Здѣсь лишь тѣни, солнце тамъ,
Выше звѣздъ Его ищите!..

Душу Божьяго творенья
Радость вѣчная поитъ,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ;

Травку выманила къ свѣту,
Въ солнцы—хаосъ развила,
И въ пространствахъ—звѣздочету
Неподвластныхъ—разлила.

ХОРЪ.

Какъ міры катятся слѣдомъ
За вседвижущимъ перстомъ,
Къ нашей цѣли потечемъ
Бодро, какъ герой къ побѣдамъ.

Въ яркомъ истины зерцалѣ
Образъ твой очамъ блеститъ,
Въ горькомъ опыта фіалѣ
Твой алмазъ на днѣ горитъ.
Ты, какъ облакъ прохлажденья,
Намъ предходишь средь трудовъ,—
Свѣтишь утромъ возрожденья
Сквозь разсѣлины гробовъ.

ХОРЪ.

Вѣрьте правящей Десницѣ!
Наши скорби, слезы, вздохъ
Въ ней хранятся какъ залогъ
И искупятся сторицей!

Кто постигнетъ Провидѣнье?
Кто явитъ стези Его?
Въ сердцѣ сыщемъ откровенье,
Сердце скажетъ Божество!
Прочь вражда съ земного круга!
Породнись душа съ душой!

Жертвой мести—купимъ друга,
Пурпуръ—вретища цѣной.

ХОРЪ.

Мы врагамъ своимъ простили,
Въ книгѣ жизни нѣтъ долговъ,
Тамъ, въ святилищѣ міровъ,
Судитъ Богъ, какъ мы судили!

Радость грозды наливаетъ,
Радость кубки пламенитъ,
Сердце дикаго смягчаетъ,
Грудь отчаянья живитъ.
Въ искрахъ къ небу брызжетъ пѣна,
Сердце чувствуетъ полнѣй,
Други, братья, на колѣна!
Всеблагому кубокъ сей!..

ХОРЪ.

Ты, чья мысль духовъ родила,
Ты, чей взоръ міры зажегъ!
Пьемъ Тебѣ, Великій Богъ!
Жизнь міровъ и душъ свѣтило!

Слабымъ—братскую услугу,
Добрымъ—братскую любовь,
Вѣрность клятвъ—врагу и другу,
Долгу въ дань—всю сердца кровь!
Гражданина голосъ смѣлый
На совѣтъ къ земнымъ богамъ;

Торжествуй святое дѣло,
Вѣчный стыдъ его врагамъ.

ХОРЪ.

Нашу длань къ Твоей, Отецъ,
Простираемъ въ безконечность!
Нашимъ клятвамъ даруй вѣчность,
Наши клятвы—гимнъ сердецъ!

Es lächelt der See.

Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга.
Отрокъ заснулъ, убаюканъ у брега.
Блаженные звуки
Онъ слышитъ во снѣ:
То ангеловъ лики
Поютъ въ вышинѣ.
И вотъ онъ очнулся отъ райскаго сна,
Его, обнимая, ласкаетъ волна,
И слышитъ онъ голосъ,
Какъ ропотъ струи:
«Приди, мой красавецъ,
Въ объятья мои!»

ПОМИНКИ.

Пала царственная Троя,
Сокрушенъ Пріамовъ градъ,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возвратъ,
На судахъ своихъ сидѣли
Вдоль Эгейскихъ береговъ
И пэанъ хвалебный пѣли,
Громко славя всѣхъ боговъ...
Раздавайся, гласъ побѣдный!
Вы, къ брегамъ родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
Въ путь возвратный, въ путь безбѣдный!

И сидѣла въ длинномъ строѣ
Грустно блѣдная семья:
Жены, дѣвы падшей Трои,
Голоса и слезы лья,
Въ горѣ общемъ и великомъ
Плача о себѣ самихъ,
И съ побѣднымъ, буйнымъ кликомъ
Дико вопль сливался ихъ:

«Ждетъ насъ горькая неволя
Тамъ вдали, въ странѣ чужой!
Ты прости, нашъ край родной!
Какъ завидна мертвыхъ доля!»

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертвъ, Калхасъ,
Градызиждущей Палладѣ,
Градырушащей молясь,
Посейдона силѣ грозной,
Опоясавшаго міръ,
И тебѣ, эгидоносный
Зевсъ, сгущающій эѳиръ!
Опрокинутъ, уничтоженъ
Градъ великій, Иліонъ!
Долгій, долгій споръ рѣшенъ,
Судъ безсмертныхъ непреложенъ!

Грозныхъ полчищъ воевода
Царь царей, Атреевъ сынъ,
Обозрѣлъ толпы народа,
Уцѣлѣвшій строй дружинъ.
И внезапною тоскою
Омрачился царскій взглядъ;
Много ихъ пришло подъ Трою,
Мало ихъ пойдетъ назадъ...
Такъ возвысьте жъ гласъ хвалебный!
Пой и радуйся стократъ,
У кого златой возвратъ
Не похитилъ рокъ враждебный!

«Но не всѣмъ сужденъ отъ Бога
Мирный, радостный возвратъ:

У домашняго порога
Многихъ Кѐры сторожатъ...
Живъ и цѣлъ вернулся съ бою,
Гибнетъ въ храминѣ своей!..»
Рекъ, Аѳиной всеблагою
Вдохновленный Одиссей...
«Тотъ лишь домъ и твердъ и проченъ,
Гдѣ семейный святъ уставъ!
Легковѣренъ женскій нравъ,
И измѣнчивъ, и пороченъ!..»

И супругой, взятой съ бою,
Снова сча̀стливый Атридъ,
Пышный станъ обвивъ рукою,
Страстный взоръ свой веселитъ!..
«Злое злой конецъ пріемлетъ!
За нечестьемъ казнь слѣдитъ,
Въ небѣ судъ боговъ не дремлетъ,
Право царствуетъ Кронидъ!..
Злой конецъ началу злому!
Правоправящій Кронидъ
Вѣроломцу страшно мститъ
И семьѣ его, и дому!

«Хорошо любимцамъ счастья,—
Рекъ Аякса братъ меньшой,—
Олимпійцевъ самовластье
Величать своей хвалой!
Неподвластно Вышней силѣ
Счастье въ прихотяхъ своихъ:
Другъ Патроклъ давно въ могилѣ,
А Терситъ еще въ живыхъ!..

Счастье жеребія сѣетъ
Своевольною рукой:
Веселись и пѣсни пой
Тотъ, кого свѣтило грѣетъ!

Будь утѣшенъ, братъ любимый!
Память вѣчная тебѣ!
Ты, оплотъ несокрушимый
Чадъ ахейскихъ въ ихъ борьбѣ!
Въ день ужасный, въ день кровавый
Ты одинъ за всѣхъ стоялъ!
Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжалъ...
Не врага рукой побѣдной,
Отъ руки ты палъ своей...
Ахъ! и лучшихъ изъ людей
Часто губитъ гнѣвъ зловредный!

И твоей теперь державной
Тѣни, доблестный Пелидъ,
Сынъ твой, Пирръ, воитель славный,
Возліяніе творитъ...
«Какъ тебя, о, мой родитель,
Никого,—онъ возгласилъ,—
Зевсъ, великій промыслитель,
На землѣ не возносилъ!»...
На землѣ, гдѣ все измѣнно,
Выше славы блага нѣтъ!
Нашу персть земля возьметъ,
Имя славное нетлѣнно!

Хоть о падшихъ, побѣжденныхъ,
И молчитъ побѣдный кликъ;

Но и въ родахъ отдаленныхъ,
Гекторъ, будешь ты великъ!
Вѣчной памяти достоинъ,—
Сынъ Тидеевъ провѣщалъ,—
Кто, какъ честный, храбрый воинъ,
Край отцовъ спасая, палъ...
Честь тому, кто, не робѣя,
Жизнь за братій положилъ!
Побѣдитель—побѣдилъ;
Слава падшаго святѣе!

Старецъ Несторъ здѣсь маститый
Брашникъ, кубокъ взявъ, встаетъ
И сосудъ, плющемъ обвитый,
Онъ Гекубѣ подаетъ:
«Выпей, мать, струи цѣлебной
И забудь весь свой уронъ!
Силенъ Вакха сокъ волшебный,
Дивно насъ врачуетъ онъ...
Мать, вкуси струи цѣлебной
И забудь судебъ законъ.
Дивно насъ врачуетъ онъ,
Бога Вакха даръ волшебный».

И Ніобы древней сила
Горемъ злымъ удручена,
Соку дивнаго вкусила
И утѣшилась она!
Лишь сверкнетъ въ застольной чашѣ
Благодатное вино,
Въ Лету рухнетъ горе наше
И пойдетъ, какъ ключъ, на дно...

Да, пока играетъ въ чашѣ
Всемогущее вино,
Горе въ Лету снесено,
Въ Летѣ тонетъ горе наше!

И воздвиглась на прощанье
Провозвѣстница жена,
И исполнилась вѣщанья
Вдохновеннаго она;
И пожарище родное
Обозрѣвъ въ послѣдній разъ:
«Дымъ и паръ здѣсь—все земное!
Вѣчность, боги, лишь у васъ!
Какъ уходятъ клубы дыма,
Такъ уходятъ наши дни!
Боги, вѣчны вы одни!
Все зимное идетъ мимо!»

ФОРТУНА И МУДРОСТЬ.

Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ
Къ убогой Мудрости летитъ:
«Сестра, дай руку мнѣ,—и горе
Твоя мнѣ дружба облегчитъ!

«Дарами лучшими своими
Его осыпала, какъ мать,
И что̀ жъ? Ничѣмъ ненасытимый,
Меня скупой онъ смѣлъ назвать!

«Софія, вѣрь мнѣ! Будемъ дружны!
Смотри, вотъ горы серебра!
Кинь заступъ твой, теперь ненужный:
Съ насъ будетъ, милая сестра!»

— «Лети!—ей Мудрость отвѣчала:—
Не слышишь? Другъ твой жизнь клянетъ!
Спаси безумца отъ кинжала,
А мнѣ въ Фортунѣ нужды нѣтъ!»

УЛАНДЪ.

1.

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНІЕ.

О, не кладите меня
Въ землю сырую:
Скройте, заройте меня
Въ траву густую.

Пускай дыханье вѣтерка
Шевелитъ травою,—
Свирѣль поетъ издалека,
Свѣтло и тихо облака
Плывутъ надо мною.

ЛЕНАУ.

Когда, что̀ звали мы своимъ,
Навѣкъ отъ насъ ушло
И, какъ подъ камнемъ гробовымъ,
Намъ станетъ тяжело,
Пойдемъ и взглянемъ вдоль рѣки,
Туда, по склону водъ,
Куда стремглавъ бѣгутъ струи́,
Куда потокъ несетъ.
Неодолимъ, неудержимъ,
И не вернется вспять...
И чѣмъ мы долѣе глядимъ,
Тѣмъ легче намъ дышать...
И слезы льются изъ очей,
И видимъ мы сквозь слезъ,
Какъ все быстрѣе и быстрѣй
Волненье понеслось...
Душа впадаетъ въ забытье,
И чувствуетъ она,
Что вотъ умчала и ее
Великая волна.

ГЕЙНЕ.

1

СЪ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ.

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ,
Кедръ одинокій подъ снѣгомъ бѣлѣетъ,
И сладко заснулъ онъ въ инистой мглѣ
И сонъ его вьюга лелѣетъ.

Про юную пальму все снится ему,
Что̀ въ дальнихъ предѣлахъ Востока,
Подъ пламеннымъ небомъ, на знойномъ холму,
Стоитъ и цвѣтетъ одинока...

2

ВОПРОСЫ.

Надъ моремъ, дикимъ полуночнымъ моремъ,
Мужъ-юноша стоитъ.
Въ груди тоска, въ душѣ сомнѣнье,—
И сумрачный—онъ вопрошаетъ волны:
«О, разрѣшите мнѣ загадку жизни.
Мучительно-старинную загадку,
Надъ коей сотенъ тысячи головъ
Въ египетскихъ, халдейскихъ шапкахъ,
Гіероглифами ушитыхъ,
Въ чалмахъ, и митрахъ, и скуфьяхъ,
И съ париками, и обритыхъ,—
Тьмы бѣдныхъ человѣческихъ головъ
Кружилися, и сохли, и потѣли.
Скажите мнѣ, что̀ значитъ человѣкъ?
Откуда онъ, куда идетъ,—
И кто живетъ надъ звѣзднымъ сводомъ?»
Попрежнему шумятъ и ропщутъ волны,
И дуетъ вѣтеръ, и гонитъ тучи,
И звѣзды свѣтятъ хладно-ясно,—
Глупецъ стоитъ и ждетъ отвѣта!

3.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Надежда и любовь, все, все погибло!..
И самъ я блѣдный, обнаженный трупъ,
Изверженный сердитымъ моремъ,
Лежу на берегу.
На дикомъ, голомъ берегу!..
Передо мной—пустыня водяная,
За мной лежатъ и горе и бѣда,
А надо мной бредутъ лѣниво тучи,
Уродливыя дщери неба!
Онѣ въ туманные сосуды
Морскую черпаютъ волну,
И съ ношей вдаль усталыя влекутся
И снова выливаютъ въ море!..
Нерадостный и безконечный трудъ,
И суетный, какъ жизнь моя!..
Волна шумитъ, морская птица стонетъ,
Минувшее повѣяло мнѣ въ душу,
Былые сны, потухшія видѣнья,
Мучительно-отрадные встаютъ!
Живетъ на сѣверѣ жена,

Прелестный образъ, царственно-прекрасный!
Ея, какъ пальма, стройный станъ
Обхваченъ бѣлой сладострастной тканью;
Кудрей роскошныхъ темная волна,
Какъ ночь боговъ блаженныхъ, льется
Съ увѣнчанной косами головы
И въ легкихъ кольцахъ тихо вѣетъ
Вкругъ блѣднаго, умильнаго лица;
И изъ умильно-блѣднаго лица
Отверсто-пламенное око,
Какъ черное сіяетъ солнце!..
О, черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько разъ въ лучахъ твоихъ
Я пилъ восторга дикій пламень,
И пилъ, и млѣлъ, и трепеталъ,
И съ кротостью невинно-голубиной
Твои уста улыбка освѣтила,
И гордо-милыя уста
Дышали тихими, какъ лунный свѣтъ, рѣчами
И сладкими, какъ запахъ розъ...
И духъ во мнѣ, оживши, воскрылялся
И къ солнцу, какъ орелъ, парилъ!..
Молчите, птицы, не шумите, волны,
Все, все погибло, счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здѣсь одинъ,
На дикій брегъ, заброшенный грозою,
Лежу простертъ и рдѣющимъ лицомъ
Сырой песокъ морской пучины рою!..

4.

Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ
Выплываетъ изъ-за тучъ,
Такъ, одинъ, въ ночи былого,
Свѣтитъ мнѣ отрадный лучъ.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Вдоль по Рѳину неслись,
Зеленѣющіе бреги
Передъ нами раздались.

И у ногъ прелестной дамы
Я въ раздуміи сидѣлъ,
И на миломъ, блѣдномъ ликѣ
Тихій вечеръ пламенѣлъ.

Дѣти пѣли, въ бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурнѣй стало небо,
И просторнѣѳ сердца.

Сновидѣньемъ пролетѣли
Горы, зàмки на горахъ,
И свѣтились, отражаясь,
Въ милыхъ спутницы очахъ.

5.

Другъ, откройся предо мною:
Ты не призракъ ли какой,
Какъ выводитъ ихъ порою
Мозгъ поэта огневой!..

Нѣтъ, не вѣрю: этихъ щечекъ,
Этихъ глазокъ милый свѣтъ,
Этотъ ангельскій роточекъ
Не создастъ никакъ поэтъ.

Василиски и вампиры,
Конь крылатъ и змѣй зубастъ,—
Вотъ мечты его кумиры,
Ихъ творить поэтъ гораздъ.

Но тебя, твой станъ эѳирный,
Сихъ ланитъ волшебный цвѣтъ,
Этотъ взоръ лукаво-смирный
Не создастъ никакъ поэтъ.

6.

Въ которую изъ двухъ влюбиться
Моей судьбой мнѣ суждено?
Прекрасна дочь и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.

Неопытно младые члены
Какъ сладко умъ тревожатъ мой,
Но геніальныхъ взоровъ прелесть
Всесильна надъ моей душой.

Въ раздумьи, хлопая ушами,
Стою, какъ Буридановъ другъ
Межъ двухъ стоговъ стоялъ, глазѣя,
Который лакомѣй изъ двухъ?

7.

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день,
Ахъ, умаялъ онъ, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тѣнь,
Ко сну клонится голова моя!

Обезсиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь нѣмую тьму
Гдѣ-то тамъ, надъ ней, ясный день блеститъ
И незримый хоръ о любви гремитъ.

РАСИНЪ.

(«Phèdre». Acte 5, scène 6).

Едва мы вышли изъ Трезенскихъ вратъ,
Онъ сѣлъ на колесницу, окруженный
Своею, какъ онъ самъ, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ѣхалъ онъ,
Отдавъ конямъ въ раздуміи бразды.
Сіи живые, пламенные кони,
Столь гордые, въ обычномъ ихъ пылу,
Днесь, съ головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалося, согласовались съ нимъ.
Вдругъ изъ морскихъ пучинъ исшедшій крикъ
Смутилъ кругомъ воздушное молчанье,
И въ ту жъ минуту страшный нѣкій голосъ
Изъ-подъ земли отвѣтствуетъ стенаньемъ.
Въ груди у всѣхъ оледянѣла кровь,
И дыбомъ встала чуткихъ тварей грива.
Но вотъ, бѣлѣя надъ равниной влажной,
Поднялся валъ, какъ снѣжная гора,
Возросъ, приблизился, о брегъ расшибся
И выкинулъ чудовищнаго звѣря.
Чело его ополчено рогами,

Хребетъ покрытъ желтистой чешуей.
Ужасный волъ, неистовый драконъ
Въ безчисленныхъ изгибахъ вышелъ онъ.
Брегъ, зыблясь, стонетъ отъ его рыканья,
День, негодуя, свѣтитъ на него,
Земля подвиглась, валъ, его извергшій,
Какъ бы объятый страхомъ, хлынулъ вспять.
Все скрылося, ища спасенья въ бѣгствѣ.
Лишь Ипполитъ, героя истый сынъ,
Лишь Ипполитъ, боязни недоступный,
Остановилъ коней, схватилъ копье
И, мѣткою направивъ сталь рукою,
Глубокой язвой звѣря поразилъ.
Взревѣло чудо, боль копья почуя,
Бѣснуясь, пало подъ ноги конямъ
И, роя землю, изъ кровавой пасти
Ихъ обдало и смрадомъ и огнемъ!
Страхъ обуялъ коней: они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей.
Напрасно съ ними борется возница,
Они летятъ, багря удила пѣной:
Богъ, нѣкій, говорятъ, своимъ трезубцомъ
Ихъ подстрекалъ въ дымящіяся бедра...
Летятъ по камнямъ, дебрямъ... ось трещитъ
И лопнула. Безстрашный Ипполитъ
Съ изломанной, разбитой колесницы
На землю палъ, опутанный вожжами...
Прости слезамъ моимъ!.. Сей видъ плачевный
Безсмертныхъ слезъ причиной будетъ мнѣ!
Я зрѣлъ—увы!—какъ сына твоего
Влекли въ крови имъ вскормленные кони!

Онъ кличетъ ихъ, но ихъ пугаетъ кликъ,
Бѣгутъ, летятъ съ истерзаннымъ возницей.
За нимъ, вослѣдъ, стремлюся я со стражей,
Кровь свѣжая стезю намъ указуетъ,
На камняхъ кровь, на терніяхъ колючихъ
Клоки волосъ кровавые повисли...
Нашъ дикій вопль равнину оглашаетъ,
Но наконецъ неистовыхъ коней
Смирился пылъ... они остановились
Вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ прадѣдовъ твоихъ
Прахъ царственный въ гробахъ почіетъ древнихъ!
Я прибѣжалъ, зову... съ усильемъ тяжкимъ
Онъ, вѣжды приподнявъ, мнѣ подалъ руку:
«Всевышнихъ власть мой вѣкъ во цвѣтѣ губитъ.
Другъ, не оставь Ариціи моей!
Когда жъ настанетъ день, что мой родитель,
Разсѣявъ мракъ ужасной клеветы,
Въ невинности сыновней убѣдится,
О, въ утѣшенье сѣтующей тѣни
Да облегчитъ онъ узницѣ своей
Удѣлъ ея!.. Да возратитъ онъ ей...»
При сихъ словахъ героя жизнь угасла,
И на рукахъ моихъ, его державшихъ,
Остался трупъ свирѣпо искаженный,
Какъ знаменье боговъ ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовскихъ глазъ!

ЛАМАРТИНЪ.

ОДИНОЧЕСТВО.

Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вершины,
Сажусь задумчивый въ тѣни деревъ густой,
И развиваются передо мной
Разнообразныя вечернія картины!
Здѣсь пѣнится рѣка, долины красота,
И тщетно въ мрачну даль за ней стремится око;
Тамъ дремлющая зыбь лазурнаго пруда
Свѣтлѣетъ въ тишинѣ глубокой.
По темной зелени деревъ
Зари послѣдній лучъ еще примѣтно бродитъ,
Луна медлительно съ полуночи восходитъ
На колесницѣ облаковъ,
И съ колокольни одинокой
Разнесся благовѣстъ протяжный и глухой;
Прохожій слушаетъ,—и колоколъ далекій
Съ послѣднимъ шумомъ дня сливаетъ голосъ свой.
Прекрасенъ міръ! Но восхищенью
Въ изсохшемъ сердцѣ мѣста нѣтъ!..
По чуждой мнѣ землѣ скитаюсь сирой тѣнью,
И мертваго согрѣть безсиленъ солнца свѣтъ.

Съ холма на холмъ скользитъ мой взоръ унылый
И гаснетъ медленно въ ужасной пустотѣ;
Но, ахъ, гдѣ встрѣчу то, что̀ бъ взоръ остановило?
И счастья нѣтъ, при всей природы красотѣ!
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И отъ васъ духъ жизни улетѣлъ!
И что̀ мнѣ въ васъ теперь, бездушныя картины!..
Нѣтъ въ мірѣ одного, и міръ весь опустѣлъ!
Встаетъ ли день, ночныя ль сходятъ тѣни,
И мракъ и свѣтъ противны мнѣ,
Моя судьба не знаетъ измѣненій,
И горесть вѣчная въ душевной глубинѣ!
Но долго ль страннику томиться въ заточеньѣ?
Когда на лучшій міръ покину дольній прахъ,
Тотъ міръ, гдѣ нѣтъ сиротъ, гдѣ вѣрѣ исполненье,
Гдѣ солнце истины въ нетлѣнныхъ небесахъ,
Тогда, быть-можетъ, прояснится
Надеждъ таинственныхъ спасительный предметъ,
Къ чему душа и здѣсь еще стремится
И токмо тамъ, въ отчизнѣ, обоймет.
Какъ свѣтло сонмы звѣздъ пылаютъ надо мною,
Живыя мысли Божества!
Какъ ночь сгустилась надъ землею,
И какъ земля, въ виду небесъ, мертва!
Встаетъ гроза и вихрь, и листъ крутитъ пустынный,
И мнѣ, и мнѣ, какъ мертвому листу,
Пора изъ жизненной долины...
Умчите жъ, бурные, умчите сироту!

ВИКТОРЪ ГЮГО.

(«Hernani». Acte IV, scène II).

Великій Карлъ, прости!—Великій, незабвенный,
Не симъ бы голосомъ тревожить эти стѣны
И твой безсмертный прахъ смущать, о, исполинъ,
Жужжаніемъ страстей, живущихъ мигъ одинъ!
Сей европейскій міръ, руки твоей созданье,
Какъ онъ великъ, сей міръ! Какое обладанье!
Съ двумя избранными вождями надъ собой
И весь багрянородный сонмъ подъ ихъ стопой!..
Всѣ прочія державы, власти и владѣнья,
Дары наслѣдія, случайности рожденья,
Но Папу, Кесаря самъ Богъ землѣ даетъ
И Промыслъ чрезъ нихъ насъ случаемъ блюдетъ,
Такъ соглашаетъ онъ устройство и свободу!
Вы всѣ, позорищемъ служащіе народу,
Вы курфюрсты, вы, кардиналы, сеймъ, синклитъ,
Вы всѣ—ничто! Господь рѣшитъ, Господь велитъ!..
Родись въ народѣ мысль, зачатая вѣками:
Сперва растетъ въ тѣни и шевелитъ сердцами,

Вдругъ воплотилася и увлекла народъ!
Князья куютъ ей цѣпь и зажимаютъ ротъ,
Но день ея насталъ,—и смѣло, величаво
Она вступила въ сеймъ, явилась средь конклава
И съ скипетромъ въ рукахъ, иль митрой на челѣ,
Пригнула всѣ главы вѣнчанныя къ землѣ...

МАНЦОНИ.

НАПОЛЕОНЪ.

Высокаго предчувствія
Порывы и томленье;
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье,
И замысловъ событіе
Несбыточныхъ, какъ сонъ:

Все испыталъ онъ—счастіе,
Побѣду, заточенье,
И все судьбы пристрастіе,
И все ожесточенье.
Два раза брошенъ былъ во прахъ
И два раза на тронъ!..

Явился: два столѣтія
Въ бореніи жестокомъ,
Его узрѣвъ, смирились вдругъ,
Какъ предъ всесильнымъ рокомъ.
Онъ повелѣлъ умолкнуть имъ
И сѣлъ межъ нихъ судьей!

Исчезъ и въ ссылкѣ довершилъ
Свой вѣкъ неимовѣрный—
Предметъ безмѣрной зависти
И жалости безмѣрной,
Предметъ вражды неистовой,
Преданности слѣпой!..

Какъ надъ главою тонущихъ
Растетъ громадой пѣнной
Сперва игравшій ими валъ
И берегъ вожделѣнный
Вотще очамъ трепещущимъ
Казавшій съ высока,—

Такъ память, надъ душой его
Слонившись, тяготѣла!..
Какъ часто выказать себя
Душа сія хотѣла
И, обомлѣвъ, на листъ начатый
Вдругъ падала рука.

Какъ часто предъ кончиной дня—
Дня безотрадной муки—
Потупивъ молніи очей,
Крестомъ сложивши руки,
Стоялъ онъ, и минувшее
Овладѣвало имъ.

Онъ зрѣлъ въ умѣ: подвижные
Шатры, равнины боевъ,
Рядовъ пѣхоты длинный блескъ,
Потоки конныхъ строевъ—
Желѣзный міръ и дышущій
Велѣніемъ однимъ!..

О, подъ толикимъ бременемъ
Въ немъ сердце истомилося,
И духъ упалъ... Но сильная
Къ нему рука спустилася
И къ небу, милосердая,
Его приподняла!..

МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО.

СОНЕТЪ.

Молчи, прошу, не смѣй меня будить!
О, въ этотъ вѣкъ преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать удѣлъ завидный,
Отрадно спать, отраднѣй камнемъ быть!

НЕИЗВѢСТНЫЕ АВТОРЫ.

КЪ НИСѢ.

Ниса, Ниса, Богъ съ тобою!
Ты презрѣла дружный гласъ,
Ты поклонниковъ толпою
Оградилася отъ насъ.

Равнодушно и безпечно,
Легковѣрное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу вѣрность промѣняла
На невѣрный блескъ, пустой—
Нашихъ чувствъ тебѣ, знать, мало:
Ниса, Ниса, Богъ съ тобой!

ПѢСНЬ СКАНДИНАВСКИХЪ ВОИНОВЪ.

Хладенъ, свѣтелъ,
День проснулся,
Ранній пѣтелъ
Встрепенулся.
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о, други!
Бодрѣй, бодрѣй
На пиръ мечей,
На брань!..

Предъ нами нашъ вождь!
Мужайтесь, о, други,
И вслѣдъ за могучимъ
Ударимъ грозой!..
Вихремъ помчимся
Сквозь тучи и громъ
Къ солнцу побѣды
Вслѣдъ за орломъ!..

Гдѣ битва мрачнѣе, воители чаще,
Гдѣ срослися щиты, гдѣ сплелися мечи,

Туда онъ ударитъ, Перунъ вседробящій.
И слѣдъ огнезвѣздный и кровью горящій
Пророетъ дружинѣ въ желѣзной ночи.

За нимъ, за нимъ въ ряды враговъ
Смѣлѣй, друзья, за нимъ!
Какъ груды скалъ, какъ море льдовъ,
Прорвемъ ихъ и стѣснимъ!

Хладенъ, свѣтелъ,
День проснулся,
Ранній пѣтелъ
Встрепенулся.
Дружина, воспрянь!

Не кубокъ кипящій душистаго меда
Румяное утро героямъ вручитъ;
Не сладостныхъ женъ и любовь и бесѣда
Вамъ душу согрѣетъ и жизнь оживитъ;
Но васъ, обновленныхъ прохладою сна,
Кровавая битвы подыметъ волна!

Дружина, воспрянь!
Смерть иль побѣда!
На брань!..

ВЪ РИМѢ.

Въ альбомъ княгини Т...ой.
(Съ французскаго).

Когда средь Рима древняго сооружалось зданье
(Тò Неронъ воздвигалъ дворецъ свой золотой),
Подъ самою дворца гранитною пятой
Былинка съ Кесаремъ вступила въ состязанье:
«Не уступлю тебѣ, знай это, царь земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
— Какъ, мнѣ не уступить? Міръ гнется подо мной!—
«Весь міръ тебѣ слугой, а мнѣ слугою—время».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

I.

РОССІЯ И ГЕРМАНІЯ.

М. Г. Пріемъ, оказанный вами нѣсколькимъ замѣткамъ, которыя я имѣлъ смѣлость адресовать къ вамъ, а равно и очень разумный и умѣренный комментарій, которымъ вы ихъ снабдили, возбудилъ во мнѣ странную мысль. Что̀ бы вышло, если бы вы и я, мы попробовали бы достигнуть соглашенія насчетъ самой сущности вопроса? Я не имѣю чести знать васъ лично, и если пишу къ вамъ, то обращаюсь прямо къ «Всеобщей Газетѣ» («Allgemeine Zeitung»). При нынѣшнемъ положеніи Германіи «Аугсбургская Всеобщая Газета» въ моихъ глазахъ нѣчто болѣе обыкновенной газеты: это первая германская политическая трибуна...

Если бы Германія имѣла счастье быть единою, ея правительство могло бы во многихъ отношеніяхъ признать это изданіе какъ законный о̀рганъ своей мысли. Вотъ почему я обращаюсь къ вамъ. Я русскій, милостивый государь, какъ я уже имѣлъ честь вамъ объяснить, русскій сердцемъ и душою, глубоко преданный своей землѣ, въ мирѣ со своимъ правительствомъ и совершенно независимый по

своему положенію [1]). Стало-быть, мнѣніе, которое я попытаюсь здѣсь высказать—мнѣніе русское, но свободное и совершенно чуждое всякихъ расчетовъ. И не опасайтесь, чтобы, въ качествѣ русскаго, я ввязался, во свою очередь, въ жалкую полемику, вызванную недавно однимъ жалкимъ памфлетомъ. Нѣтъ, милостивый государь, это дѣло не настолько серьезно. Книга г. Кюстина служитъ новымъ доказательствомъ того умственнаго безстыдства и духовнаго растлѣнія (отличительной черты нашего времени, особенно во Франціи), благодаря которымъ дозволяютъ себѣ относиться къ самымъ важнымъ и возвышеннымъ вопросамъ болѣе нервами, чѣмъ разсудкомъ; дерзаютъ судить весь міръ менѣе серьезно, чѣмъ, бывало, относились къ критическому разбору водевиля. Что же касается до противниковъ г. Кюстина, до такъ называемыхъ защитниковъ Россіи, то они, конечно, искреннѣе его; но они уже слишкомъ просты... Они представляются мнѣ людьми, которые, въ избыткѣ усердія, въ состояніи поспѣшно поднять свой зонтикъ, чтобы предохранить отъ дневного зноя вершину Монблана!.. Нѣтъ, милостивый государь, мое письмо не будетъ заключать въ себѣ апологіи Россіи. Апологія Россіи... Боже мой! Эту задачу принялъ на себя мастеръ, который выше насъ всѣхъ и который, мнѣ кажется, выполнялъ ее до сихъ поръ довольно успѣшно. Истинный защитникъ Россіи — это *исторія;* ею въ теченіе трехъ столѣтій неустанно разрѣшаются въ пользу Россіи всѣ испытанія, которымъ подвергаетъ она свою таинственную судьбу...

Обращаясь къ вамъ, я намѣренъ вести рѣчь о васъ

---

[1]) Ѳ. И. Тютчевъ былъ тогда (1844 г.) въ отставкѣ.

самихъ, милостивый государь, о вашей собственной странѣ, о ея существенныхъ, самыхъ очевидныхъ интересахъ, и если дѣло коснется до Россіи, то лишь по непосредственнымъ ея отношеніямъ къ судьбамъ Германіи.

Я знаю, что никогда еще умы Германіи не были озабочены въ такой мѣрѣ, какъ теперь, великою задачею германскаго единства. Итакъ, милостивый государь, очень ли поразилъ бы я васъ (бдительнаго и передового стража), если бы сказалъ вамъ, что, среди этой всеобщей озабоченности, нѣсколько внимательный взоръ могъ бы услѣдить множество стремленій, которыя, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, могли бы сильно повредить дѣлу этого *единства*, составляющему, повидимому, всеобщую заботу? Въ особенности одно изъ этихъ стремленій, самое гибельное изо всѣхъ... Я не скажу ничего такого, чего бы не было въ устахъ у каждаго; а въ то же время мнѣ нельзя прибавить ни одного слова безъ того, чтобы не коснуться жгучихъ вопросовъ; но я сохраню убѣжденіе, что въ наше время, какъ и въ средніе вѣка, когда руки чисты и намѣренія правдивы, то можно безнаказанно касаться до всего...

Вамъ извѣстенъ, милостивый государь, характеръ отношеній, связывающихъ великія и малыя правительства Германіи въ теченіе 30 лѣтъ съ Россіею. Я не считаю нужнымъ спрашивать васъ здѣсь, что̀ думаютъ объ этихъ отношеніяхъ такая-то партія или такое-то направленіе. Тутъ дѣло идетъ о фактѣ, а фактъ заключается въ томъ, что никогда эти отношенія не были болѣе доброжелательны, болѣе тѣсны, что никогда не существовало болѣе искренно-душевнаго единомыслія между этими государствами и Россіею.

Для всякаго, кто стоитъ на почвѣ дѣйствительности, а не витаетъ въ области фразъ, очевидно, что подобная политика истинная, законная, естественная политика Германіи, и что ея правители, сохраняя въ неприкосновенности это великое преданіе эпохи нашего возрожденія, слѣдовали въ этомъ случаѣ внушеніямъ самаго просвѣщеннаго патріотизма, но, повторяю еще разъ, я не имѣю притязаній ни на какія чудотворныя силы; я не считаю возможнымъ внушить это мнѣніе всему міру, въ особенности тѣмъ, кто считаетъ его для себя смертельно враждебнымъ. Къ тому же здѣсь идетъ рѣчь въ настоящую минуту не о какомъ-нибудь мнѣніи, а о фактѣ, и этотъ фактъ, мнѣ кажется, настолько очевиденъ и осязателенъ, что едва ли можетъ многими быть отрицаемъ...

Рядомъ и одновременно съ этимъ политическимъ направленіемъ вашихъ правительствъ, нужно ли мнѣ указывать на тѣ внушенія, на тѣ стремленія, которыя безустанно стараются вселить германскому общественному мнѣнію по отношенію къ Россіи? Въ настоящую минуту я также воздержусь отъ оцѣнки по достоинству тѣхъ жалобъ и обвиненій всякаго рода, которыя не перестаютъ возводить на нее съ истинно-замѣчательнымъ постоянствомъ. Здѣсь вопросъ заключается собственно въ достигнутыхъ результатахъ. Слѣдуетъ сознаться, что эти результаты, если и неутѣшительны, зато полны, такъ что ихъ виновники могутъ похвалиться своими трудами То государство, которое великое поколѣніе 1813 г. привѣтствовало съ благороднымъ восторгомъ, ту державу, вѣрный союзъ и дѣятельная, безкорыстная дружба которой въ теченіе 30-ти лѣтъ неизмѣнно принадлежали какъ народамъ, такъ и государямъ Германіи, удалось съ по-

мощью припѣва, постоянно повторяемаго настоящему поколѣнію при его нарожденіи, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать въ чудовище для большинства людей нашего времени, и многіе, уже возмужалые умы не усомнились вернуться къ простодушному ребячеству перваго возраста, чтобы доставить себѣ наслажденіе взирать на Россію, какъ на какого-то людоѣда XIX вѣка. Все это положительно вѣрно. Враги Россіи, быть-можетъ, возликуютъ въ виду этихъ признаній; но прошу позволенія продолжать.

Итакъ, вотъ два направленія, вполнѣ противоположныхъ (разъединеніе очевидно и возрастаетъ ежедневно): съ одной стороны, у васъ государи, правительство Германіи, съ ихъ строгою, обдуманною политикою, съ ихъ опредѣленнымъ направленіемъ; съ другой, этотъ второй владыка нашего времени—общественное мнѣніе, которое склоняется туда, куда влекутъ его вѣтры и волны. Позвольте мнѣ, милостивый государь, обратиться къ вашему патріотизму и къ вашимъ познаніямъ и спросить васъ, что̀ вы думаете о подобномъ порядкѣ вещей. Какихъ послѣдствій ожидаете вы отъ него для благоденствія, для будущности вашего отечества? При этомъ поймите меня, что дѣло идетъ въ настоящую минуту объ одной лишь Германіи. Боже мой! Если бы у васъ могли догадаться, въ какой степени всѣ эти нападенія мало чувствительны для Россіи: быть-можетъ, даже самые ярые противники ея призадумались бы.

Очевидно, что, покуда миръ не будетъ нарушенъ, это разномысліе не можетъ привести къ какому-нибудь важному и явному разстройству: зло будетъ распространяться подъ землею. Ваши правительства, разумѣется, не измѣ-

нятъ своего направленія, не пожелаютъ возмутить весь строй внѣшней политики Германіи, чтобы достигнуть соглашенія съ нѣкоторыми фанатичными, безпорядочными умами, а послѣдніе, съ своей стороны, подъ вліяніемъ противорѣчія, будутъ увлекаться настроеніемъ, противоположнымъ тому, которое они осуждаютъ, и такимъ образомъ, продолжая повторять о германскомъ единствѣ, со взорами, постоянно обращенными къ Германіи, они приблизятся, такъ сказать, въ обратномъ направленіи къ роковой стезѣ, къ краямъ пропасти, въ которую ваше отечество уже неоднократно низвергалось... Я знаю, что, покуда мы сохраняемъ миръ, указываемая мною опасность будетъ казаться воображаемою; но если настанетъ кризисъ, предчувствуемый Европою, если наступятъ тѣ бурные дни, которые создаютъ все въ нѣсколько часовъ, которые вырываютъ послѣднее слово у всѣхъ мнѣній, у всѣхъ партій — что̀ будетъ тогда, милостивый государь?.. Ужели правда, что для цѣлыхъ народовъ, еще болѣе чѣмъ для отдѣльныхъ личностей, существуетъ злополучная судьба, неумолимая, незагладимая? Слѣдуетъ ли вѣрить, что она преисполнена такихъ стремленій, которыя сильнѣе всякой воли и всякаго благоразумія, преисполнена органическихъ недуговъ, которые никакое искусство и система управленія не могутъ отразить? Ужели таковъ долженъ быть удѣлъ этого стремленія къ разрушенію, которое, подобно роковому фениксу, постоянно возстаетъ во всѣ великія историческія эпохи нашего благороднаго отечества? Это стремленіе, которое возникло въ средніе вѣка путемъ нечестивой и антихристіанской борьбы духовенства съ имперіею, которое вызвало эту смертоносную распрю между императоромъ и государями, которое,

ослабѣвъ на время при всеобщемъ изнуреніи Германіи, вновь окрѣпло и расцвѣло, благодаря реформаціи и, воспринявъ отъ нея окончательную форму (такъ сказать, законное посвященіе), принялось за дѣло съ бо̀льшимъ чѣмъ когда-либо рвеніемъ, укрываясь подъ всякимъ знаменемъ, хватаясь за всякій предлогъ, оставаясь тѣмъ же подъ разными названіями, до той поры, когда, по достиженіи конечнаго удара въ тридцатилѣтнюю войну, оно призываетъ къ себѣ на помощь чужеземца — Швецію, потомъ пріобщаетъ къ себѣ противника — Францію и, благодаря этому сочетанію силъ, довершаетъ со славою менѣе чѣмъ въ два столѣтія смертоносное призваніе, на него возложенное!

Поистинѣ роковыя воспоминанія! Какимъ образомъ не ощущаете вы, въ виду подобныхъ воспоминаній, ужаса при малѣйшемъ признакѣ, возвѣщающемъ возрожденіе этой ненависти въ общемъ настроеніи вашей страны? Ужели не спросите вы себя со страхомъ, не пробужденіе ли это вашего прежняго, страшнаго недуга?

Истекшія нынѣ тридцать лѣтъ могутъ по справедливости быть причтены къ лучшимъ годамъ вашей исторіи; со временъ славнаго царствованія Салическихъ императоровъ, никогда еще лучшіе дни не озаряли Германіи, никогда еще она въ такой степени не принадлежала самой себѣ, не сознавала себя столь *единою*, столь самостоятельною; въ теченіе многихъ столѣтій она не имѣла столь твердаго, столь значительнаго положенія относительно своей старинной соперницы. Она всюду ее сдерживала. Взгляните даже по ту сторону Альпъ, и тамъ ваши славнѣйшіе императоры никогда не проявляли болѣе дѣйствительной силы, чѣмъ та, которою располагаетъ

нынѣ одно изъ германскихъ государствъ. Жители прирейнскіе вновь германцы и сердцемъ и душою; Бельгія, которая послѣднимъ европейскимъ потрясеніемъ казалась кинутою въ объятія Франціи, остановилась на пути, и теперь очевидно, что она къ вамъ возвращается; Бургундскій союзъ возобновляется; Голландія рано или поздно не можетъ не примкнуть къ вамъ. Таковъ конечный исходъ великаго поединка, длившагося въ продолженіе двухъ вѣковъ между вами и Франціею, вы вполнѣ восторжествовали, за вами осталось послѣднее слово... Но сознайтесь однако: для всякаго, кто слѣдилъ за этою борьбою съ самаго начала, кто наблюдалъ за всѣми ея видоизмѣненіями, за всѣми ея превратностями до послѣдняго рокового, рѣшительнаго дня, подобный исходъ трудно было предвидѣть. Внѣшнія примѣты говорили не въ вашу пользу, успѣхъ склонялся не въ вашу сторону; со временъ среднихъ вѣковъ могущество Франціи, невзирая на временный застой, не переставало расти, сосредоточиваясь и совершенствуясь, и съ той же самой поры имперія, благодаря своимъ религіознымъ распрямъ, вступила въ свой послѣдній періодъ законнаго разложенія; даже побѣды, вами одерживаемыя, оставались безплодными для васъ, потому что онѣ не могли остановить внутренняго распаденія и часто даже способствовали къ его ускоренію. При Людовикѣ XIV, несмотря на всѣ неудачи великаго короля, Франція восторжествовала, ея вліяніе вполнѣ поработило Германію; наконецъ настала революція, которая, истребивъ во французской національности до корня послѣдніе слѣды ея германскихъ началъ и сродства и возвративъ Франціи ея исключительно романскій характеръ, начала противъ Германіи, противъ

самаго принципа ея существованія послѣднюю борьбу, борьбу за жизнь и смерть... И именно съ той минуты, когда вѣнчанный воинъ этой революціи на обломкахъ имперіи, основанной Карломъ Великимъ, разыгрывалъ пародію на имперію великаго Карла, вынуждая для большаго униженія народы Германіи принимать участіе въ этой пародіи — съ этой именно минуты переворотъ совершился, и все измѣнилось!

Какимъ же образомъ совершился этотъ знаменательный переворотъ? Кѣмъ былъ онъ подготовленъ?.. Онъ былъ подготовленъ появленіемъ третьей силы на полѣ битвы Европейскаго Запада; но эта третья сила была цѣлый особый міръ...

Здѣсь, милостивый государь, для того, чтобы мы поняли другъ друга, вы должны мнѣ дозволить краткое отступленіе. О Россіи много говорятъ; въ наше время она служитъ предметомъ пламеннаго, тревожнаго любопытства; очевидно, что она сдѣлалась одною изъ главнѣйшихъ заботъ нашего вѣка; но эта забота, ни въ чемъ несхожая съ остальнымъ, что̀ его волнуетъ (нельзя не сознаться), скорѣе гнететъ его, чѣмъ возбуждаетъ... И это не могло быть иначе. Современное настроеніе, дѣтище Запада, чувствуетъ себя въ этомъ случаѣ передъ стихіей, если и не враждебной, то вполнѣ ему чуждой, стихіей, ему неподвластной, и оно какъ будто боится измѣнить самому себѣ, подвергнуть сомнѣнію свою собственную законность, если оно признаетъ вполнѣ справедливымъ вопросъ ему предложенный и если оно серьезно, добросовѣстно пожелало бы понять и разъяснить его... Что̀ такое Россія? Какой смыслъ ея существованія, ея историческій законъ? Откуда явилась она? Куда стре-

мится? Что̀ выражаетъ собою?.. Правда, что вселенная указала ей видное мѣсто; но философія исторіи еще не соблаговолила признать его за нею. Нѣкоторые рѣдкіе умы, два или три въ Германіи, одинъ или два во Франціи, болѣе дальновидные, чѣмъ остальная масса умственныхъ силъ, провидѣли разгадку задачи, приподняли-было уголокъ этой завѣсы; но ихъ слова до настоящей минуты мало понимались, или имъ не внимали!..

Въ теченіе весьма долгаго времени понятія Запада о Россіи напоминали въ нѣкоторомъ смыслѣ отношенія современниковъ къ Колумбу. Это было то же заблужденіе, тотъ же оптическій обманъ. Вамъ извѣстно, что очень долго люди стараго свѣта, при всемъ ихъ восхваленіи безсмертнаго открытія, упорно отказывались вѣрить въ существованіе новаго материка; они находили болѣе естественнымъ и основательнымъ предполагать, что вновь открытыя страны составляютъ лишь дополненіе, продолженіе того же полушарія, которое имъ уже было извѣстно. Такова же была судьба и тѣхъ понятій, которыя составили себѣ о томъ другомъ новомъ свѣтѣ — восточной Европѣ, гдѣ Россія во всѣ времена служила душою и двигательною силою и была призвана придать ему свое имя, въ награду историческаго бытія, этимъ свѣтомъ отъ нея уже полученнаго или ожидаемаго. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій Европейскій Западъ съ полнѣйшимъ простодушіемъ вѣрилъ, что не было и не могло быть другой Европы кромѣ его. Правда, ему было извѣстно, что за его предѣлами существовали еще народы и государи, называвшіе себя христіанами; во времена своего могущества, онъ касался границъ этого невѣдомаго міра, отторгъ даже отъ него нѣсколько клочковъ и присвоилъ ихъ

себѣ, стараясь исказить и подавить ихъ національный характеръ; но чтобы внѣ этихъ крайнихъ предѣловъ существовала другая Европа, восточная Европа, законная сестра христіанскаго Запада, христіанская, какъ и онъ, правда, не феодальная и не іерархическая, но по тому самому еще болѣе искренне-христіанская; чтобы существовалъ тамъ цѣлый *міръ*, *единый* по своему началу, солидарный въ своихъ частяхъ, живущій своею собственною органическою, самобытною жизнью — этого допустить было невозможно, и многіе понынѣ готовы въ томъ сомнѣваться... Долгое время это заблужденіе было извинительно; въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ создающая сила оставалась какъ бы схороненной среди хаоса; ея дѣйствіе было медленно, почти незамѣтно; густая завѣса скрывала тихое созиданіе этого міра... Но наконецъ, когда судьбы свершились, рука исполина сдернула эту завѣсу, и Европа Карла Великаго очутилась лицомъ къ лицу съ Европою Петра Великаго!

Тогда, какъ скоро открытіе совершилось и все сдѣлалось яснымъ, понятнымъ, не могла не уясниться дѣйствительная причина этихъ быстрыхъ успѣховъ, этого необычайнаго расширенія Россіи, поразившихъ вселенную изумленіемъ; сдѣлалось очевиднымъ, что эти мнимыя завоеванія, эти мнимыя насилія были дѣломъ самымъ органическимъ, самымъ законнымъ, какое когда-либо совершалось въ исторіи; что состоялось просто громадное возсоединеніе (restauration). Сдѣлалось равно понятнымъ, почему погибли и исчезли отъ ея руки всѣ встрѣченныя Россіею на своемъ пути противоестественныя стремленія, правительства и учрежденія, измѣнившія великому началу, котораго она была представительницею, почему Польша

должна была погибнуть: не самобытность ея польской народности,—чего Боже сохрани!—но ея ложное образованіе, та ложная національность, которая была ей привита.

Съ этой же точки зрѣнія всего лучше будетъ оцѣнить истинное значеніе того, что̀ называютъ восточнымъ вопросомъ, который желаютъ считать неразрѣшимымъ именно потому, что всѣ уже давно провидѣли его неизбѣжное разрѣшеніе. И подлинно, остается только узнать, что восточная Европа, уже на три четверти установившаяся, эта дѣйствительная имперія Востока, для которой первая имперія византійскихъ кесарей, древнихъ православныхъ императоровъ, служила лишь слабымъ, неполнымъ начертаніемъ, что восточная Европа получитъ свое послѣднее, самое существенное дополненіе, и получитъ ли она его путемъ естественнаго хода событій, или будетъ вынуждена достигнуть его силою оружія, подвергая міръ величайшимъ бѣдствіямъ. Но вернемся къ нашему предмету.

Вотъ, милостивый государь, какова была та третья сила, появленіе которой на сценѣ дѣйствія внезапно разрѣшило вѣковую распрю Европейскаго Запада. Одно лишь появленіе Россіи среди васъ возстановило единство, а единство доставило вамъ побѣду.

Итакъ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ о современномъ ходѣ вещей, нельзя достаточно проникнуться тою истиною, что со времени этого установившагося вмѣшательства Востока въ дѣла Запада все измѣнилось въ Европѣ; до тѣхъ поръ васъ было двое, а теперь насъ трое, и долгія борьбы сдѣлались невозможными.

Изъ этого порядка вещей могутъ вытекать только слѣдующіе три единственно-возможные отнынѣ исхода. Германія, вѣрная союзница Россіи, сохранитъ свое пре-

обладаніе въ центрѣ Европы, или это преобладаніе перейдетъ на сторону Франціи. И знаете ли вы, милостивый государь, чѣмъ бы выразилось для васъ это превосходство Франціи? То была бы если не внезапная гибель, то положительно изнуреніе Германіи. Остается другой исходъ, быть-можетъ, и заманчивый въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, — Германія въ союзѣ съ Франціей противъ Россіи... Увы! Эта комбинація уже была испытана въ 1812-мъ году и, какъ вамъ извѣстно, имѣла мало успѣха; притомъ не думаю, чтобы, по истеченіи нынѣ пройденныхъ тридцати лѣтъ, Германія была расположена признать возможность существованія новаго Рейнскаго союза, такъ какъ всякое тѣсное сближеніе съ Франціею не можетъ выразиться чѣмъ-либо инымъ для Германіи. А знаете ли вы, что̀ именно Россія имѣла въ виду, когда она вмѣшалась въ эту борьбу, предпринятую этими двумя началами, этими двумя великими народностями, оспаривающими другъ у друга Европейскій Западъ, и рѣшила эту распрю въ пользу Германіи и германскаго начала? Она хотѣла разъ навсегда утвердить торжество права, исторической законности надъ революціоннымъ движеніемъ. И почему она этого хотѣла? Потому что право, историческая законность, это ея собственное призваніе, назначеніе ея будущности, это то право, котораго она требуетъ для себя и для своихъ. Только одно слѣпое невѣжество, умышленно отводящее свои взоры отъ свѣта, можетъ нынѣ отвергать эту великую истину; потому что не во имя ли этого права, этой исторической законности Россія возстановила цѣлую народность, цѣлый міръ, готовый пасть? Не она ли призвала его къ жизни самобытной, не она ли вернула ему его самостоятель-

ность и организовала его? И во имя того же права, она всегда сумѣетъ воспрепятствовать тому, чтобы виновники политическихъ опытовъ не успѣвали отторгнуть или совратить цѣлыя народности отъ центра ихъ установившагося единства и затѣмъ перекроить ихъ по волѣ ихъ безчисленныхъ фантазій, какъ предметы неодушевленные; словомъ, чтобы они не могли отдѣлить живые члены отъ туловища, которому они принадлежатъ, подъ предлогомъ сообщить имъ болѣе свободы въ движеніяхъ.

Безсмертною заслугою монарха, находящагося нынѣ на престолѣ Россіи, служитъ то, что онъ полнѣе, энергичнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, проявилъ себя просвѣщеннымъ и неумолимымъ представителемъ этого права, этой исторической законности. Разъ, что выборъ былъ имъ сдѣланъ, Европѣ извѣстно, оставалась ли Россія ему вѣрна въ теченіе тридцати лѣтъ? Позволительно утверждать съ исторіею въ рукахъ, что въ политическихъ лѣтописяхъ вселенной трудно было бы указать на другой примѣръ союза столь глубоко-нравственнаго, какъ тотъ, который связуетъ въ продолженіе тридцати лѣтъ государей Германіи съ Россіею, и, благодаря именно этому великому началу нравственности, онъ былъ въ силахъ продолжаться, разрѣшилъ многія затрудненія, преодолѣлъ немало препятствій. И нынѣ, испытавъ и радостныя и горькія случайности, этотъ союзъ восторжествовалъ надъ послѣднимъ, самымъ значительнымъ испытаніемъ, и призваніе, служившее ему основою, перешло всецѣло и неизмѣнно отъ первыхъ его основателей къ ихъ преемникамъ.

Прошу васъ, милостивый государь, спросите ваши правительства, ослабѣвала ли на одно мгновеніе въ эти

тридцать лѣтъ заботливость Россіи о великихъ политическихъ интересахъ Германіи? Спросите людей, стоявшихъ у кормила правленія, не превосходила ли эта заботливость неоднократно и по многимъ вопросамъ ваши собственныя патріотическія стремленія? Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что вы сильно озабочены въ Германіи великимъ вопросомъ германскаго единства: но вы очень хорошо знаете, что это не всегда такъ было; и мнѣ, давно уже проживающему среди васъ, возможно было бы въ крайнемъ случаѣ опредѣлить тотъ именно моментъ, когда вопросъ началъ волновать умы. Очевидно, что мало было рѣчи объ этомъ единствѣ, по крайней мѣрѣ въ печати, въ ту эпоху, когда всякое либеральное изданіе считало себя по совѣсти обязаннымъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обратить къ Австріи и ея правительству тѣ же оскорбленія, которыя расточаютъ нынѣ Россіи. Это безспорно весьма похвальная и законная забота, но возникшая съ недавняго времени. Правда, что Россія никогда не проповѣдывала единства Германіи; но въ продолженіе тридцати лѣтъ она не переставала при всякомъ случаѣ и на всѣ лады внушать Германіи согласіе, единодушіе, взаимное довѣріе, добровольное подчиненіе частныхъ интересовъ великому вопросу всеобщаго блага, и эти совѣты, эти убѣжденія она неустанно повторяла и умножала энергическою откровенностью того усердія, которое сознаетъ свое полнѣйшее безкорыстіе.

Книга, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ пользовалась большою извѣстностью въ Германіи, и которой ошибочно приписывали офиціальное происхожденіе, повидимому, утвердила между вами убѣжденіе, что Россія одно

время приняла за правило привлекать къ себѣ исключительно второстепенныя германскія правительства, въ ущербъ законному вліянію двухъ великихъ государствъ союза; но подобное предположеніе было вполнѣ напрасное и даже совершенно несогласное съ дѣйствительностью. Переговорите объ этомъ съ людьми свѣдущими, и они скажутъ вамъ, въ чемъ дѣло; быть-можетъ, даже они сообщатъ вамъ, что русская политика, въ ея постоянной заботливости объ упроченіи главнымъ образомъ политической самостоятельности Германіи, рисковала подчасъ раздраженіемъ нѣкоторой извинительной щекотливости, совѣтуя съ излишнею настойчивостью мелкимъ дворамъ Германіи безусловно подчиняться системѣ двухъ великихъ державъ. Едва ли не будетъ умѣстно оцѣнить здѣсь по достоинству другое обвиненіе, тысячу разъ возводимое на Россію и не болѣе справедливое: чего не было только говорено, чтобы распространить убѣжденіе, будто ея вліяніе главнѣйше воспрепятствовало развитію въ Германіи конституціоннаго начала? Въ общемъ смыслѣ болѣе чѣмъ безразсудно стараться превращать Россію въ систематическаго противника той или другой правительственной системы. И какимъ образомъ, великій Боже, стала бы она тѣмъ, что̀ она есть, и могла бы проявлять то вліяніе надъ вселенной, которое ей принадлежитъ, при подобной узкости понятій? Наконецъ, переходя въ частности къ данному случаю, слѣдуетъ по справедливости замѣтить, что Россія постоянно энергически отстаивала искреннее сохраненіе существовавшихъ учрежденій, религіозное уваженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ; затѣмъ легко возможно, что, по мнѣнію ея, было бы неосторожно, по отношенію къ самому существенному интересу Гер-

маніи, ея единству, дозволять парламентскимъ преимуществамъ въ конституціонныхъ государствахъ союза расширяться до той степени, какой они достигли, напримѣръ, въ Англіи или во Франціи; что если даже и теперь не всегда оказывалось удобнымъ установить между правительствами то согласіе, то полнѣйшее взаимное пониманіе, которое требуется при совмѣстной дѣятельности, то задача эта сдѣлалась бы вполнѣ нерѣшимою въ Германіи порабощенной, т.-е. раздробленной полдюжиною господствующихъ парламентскихъ трибунъ. Подобная истина уже сознана нынѣ всѣми лучшими умами Германіи, и вина Россіи могла состоять лишь въ томъ, что она уразумѣла ее десятью годами прежде.

Если мы теперь перейдемъ отъ внутреннихъ вопросовъ къ внѣшнему положенію, говорить ли мнѣ вамъ, милостивый государь, объ іюльской революціи, о тѣхъ возможныхъ послѣдствіяхъ, которыя она могла бы имѣть, но не имѣла, для вашего отечества? Слѣдуетъ ли вамъ указывать, что основаніемъ къ этому взрыву, душою этого движенія служило главнымъ образомъ стремленіе овладѣть снова тѣмъ преобладаніемъ на Западѣ, которымъ такъ долго пользовалась Франція, и которое она, къ великой досадѣ, сознавала перешедшимъ въ продолженіе 30-ти лѣтъ въ ваши руки? Конечно, я отдаю полную справедливость королю французовъ, удивляюсь его ловкости, желаю долгихъ дней и ему и его системѣ... Но что̀ случилось бы, если бы всякій разъ, когда французское правительство, начиная съ 1835 года, пыталось переносить свои взоры за предѣлы Германіи, оно не встрѣчало бы на престолѣ Россіи тотъ же твердый и рѣши-

тельный образъ, ту же осторожность, ту же холодность и, главное, то же постоянство относительно утвердившихся союзовъ и принятыхъ на себя обязательствъ? Если бы оно могло уловить одно мгновеніе сомнѣнія, колебанія, не думаете ли вы, что и самъ Наполеонъ мира не могъ бы постоянно сдерживать эту содрогавшуюся подъ его рукою Францію и что онъ не далъ бы ей воли?.. А что̀ бы еще было, если бы онъ могъ разсчитывать на сочувствіе?..

Я находился въ Германіи, милостивый государь, въ ту минуту, когда г. Тьеръ, слѣдуя, такъ сказать, инстинктивному влеченію, готовъ былъ совершить то, что̀ ему казалось такъ просто и такъ естественно, а именно: возместить на Германіи свою неудачу на Востокѣ. Я былъ свидѣтелемъ этого взрыва, этого истинно-національнаго негодованія, возбужденнаго среди васъ этою наивною дерзостью, и я радуюсь, что присутствовалъ при этомъ: съ тѣхъ поръ я всегда съ большимъ удовольствіемъ слышалъ пѣніе «Rheinslied». Но можетъ ли быть, чтобы ваша политическая журналистика, которая знаетъ все, которой, напримѣръ, извѣстно, сколько именно кулачныхъ ударовъ нанесли взаимно другъ другу на границѣ Пруссіи русская таможенная стража и прусскіе контрабандисты; какимъ образомъ, говорю я, она могла не знать того, что̀ произошло въ то время между германскими правительствами и Россіею? Какъ могла она не знать или не сообщить вамъ, что, при первомъ враждебномъ проявленіи со стороны Франціи, 80 т. русскаго войска должны были выступить на помощь вашей самостоятельности, подвергавшейся опасности, и что 200 т. человѣкъ должны были слѣдовать за ними черезъ шесть недѣль? И это

обстоятельство не оставалось неизвѣстнымъ для Парижа, милостивый государь, и, быть-можетъ, вы согласитесь со мною, какъ бы я высоко ни цѣнилъ «Rheinslied», что оно немало способствовало къ тому, чтобы убѣдить старинную «Марсельезу» въ необходимости быстраго отступленія передъ своею юною соперницею.

Я коснулся вашей печати; но прошу васъ, милостивый государь, не думать, что я систематически предубѣжденъ противъ нѣмецкой печати, или что я сохраняю къ ней дурное чувство за ея невыразимое нерасположеніе по отношенію къ намъ. Нисколько, могу васъ увѣрить. Я очень расположенъ воздать ей должную хвалу за ея добрыя свойства и желалъ бы приписать отчасти ея заблужденія и увлеченія той исключительной системѣ, при которой она дѣйствуетъ. Конечно, въ вашей періодической печати нѣтъ недостатка ни въ талантѣ, ни въ идеяхъ, ни даже въ патріотизмѣ; во многихъ отношеніяхъ она—законное дѣтище вашей возвышенной великой литературы, той литературы, которая возстановила среди
ратуры, той литературы, которая возстановила среди
васъ сознаніе вашего національнаго тождества. Въ чемъ литическомъ тактѣ, въ живомъ и вѣрномъ пониманіи дѣйствительнаго положенія своего въ той средѣ, въ которой ей приходится дѣйствовать въ данную минуту; а потому въ ея выраженіи и въ ея направленіи проглядываетъ нѣчто непрозорливое, необдуманное, однимъ словомъ, нѣчто нравственно-безотвѣтственное, быть-можетъ, какъ послѣдствіе той опеки, которой ее подвергаютъ.

И точно, чѣмъ другимъ, если не подобнымъ сознаніемъ своей нравственной безотвѣтственности, можно объяснить себѣ это пламенное, слѣпое, неистовое, враж-

дебное настроеніе, которое она въ продолженіе столькихъ лѣтъ выражаетъ противъ Россіи? Зачѣмъ? Съ какою цѣлью, въ пользу чего? Останавливалась ли она когда-нибудь съ должнымъ вниманіемъ съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Германіи на возможныхъ, даже вѣроятныхъ послѣдствіяхъ того, что̀ она дѣлаетъ? Приходило ли ей когда-нибудь на мысль спросить себя серьезно, когда она напрягаетъ всѣ свои силы въ теченіе многихъ лѣтъ съ такимъ невѣроятнымъ упорствомъ къ тому, чтобы раздражить, отравить и безвозвратно разстроить взаимныя отношенія двухъ государствъ,—не содѣйствуетъ ли она къ разрушенію въ самомъ его основаніи того начала союза, на которомъ зиждется и покоится относительное значеніе Германіи въ глазахъ Европы? Не стремится ли она замѣнить всѣми отъ нея зависящими силами счастливѣйшую политическую комбинацію, которую исторія когда-либо могла создать для вашего отечества, наиболѣе пагубною для васъ системою? Эта неудержимая неосмотрительность не напоминаетъ ли вамъ, милостивый государь (конечно, въ менѣе привлекательномъ видѣ), одну шалость изъ дѣтства вашего великаго Гёте, столь мило разсказанную въ его Запискахъ; вспоминаете ли вы тотъ день, когда маленькій Вольфгангъ, оставшись одинъ въ отцовскомъ домѣ, не нашелъ лучшаго способа воспользоваться досугомъ, предоставленнымъ ему родителями, какъ бросать въ окно одну за другою всѣ хозяйственныя принадлежности своей матери, попадавшіяся ему подъ руку, очень забавляясь и потѣшаясь тѣмъ трескомъ, который онѣ производили, падая и разбиваясь на мостовой? Правда, что черезъ улицу находился въ домѣ коварный сосѣдъ,

который ободрялъ ребенка продолжать это остроумное занятіе; но вы, милостивый государь, не имѣете даже въ извиненіе ваше и подобнаго вызывающаго вліянія.

Если бы еще можно было среди этого взрыва враждебныхъ воплей указать на какой-нибудь благоразумный сознательный поводъ къ подобному разглагольствованію! Я знаю, что въ крайнемъ случаѣ я найду безумцевъ, которые готовы мнѣ возразить: «Мы обязаны васъ ненавидѣть, ваше основное начало, самое начало вашей цивилизаціи внушаютъ намъ, нѣмцамъ, западникамъ, отвращеніе; у васъ не было ни *феодализма*, ни *папской іерархіи;* вы не испытывали ни борьбы *религіозной,* ни войнъ *имперіи*, ни даже *инквизиціи;* вы не принимали участія въ крестовыхъ походахъ, вы не знавали рыцарства; вы четыре столѣтія тому назадъ достигли того единства, къ которому мы еще теперь стремимся; ваше основное начало не удѣляетъ достаточнаго простора личной свободѣ, оно не допускаетъ возможности разъединенія и раздробленія». Все это такъ, но, по справедливости, воспрепятствовало ли все это намъ искренно и мужественно пособлять вамъ при случаѣ, когда требовалось отстоять, возстановить вашу политическую самостоятельность, вашу національность? И теперь вамъ не остается ничего другого, какъ признать нашу собственную. Будемте говорить серьезно, потому что предметъ этого заслуживаетъ. Россія вполнѣ готова уважать историческую законность народовъ Запада; тридцать лѣтъ тому назадъ, она съ вами вмѣстѣ заботилась о ея возстановленіи, о ея водвореніи на прежнихъ основахъ; слѣдовательно она дѣйствительно расположена уважать ее не только въ принципѣ, но даже со всѣми ея край-

ними послѣдствіями, даже съ ея увлеченіями и слабостями; но и вы съ своей стороны должны учиться уважать насъ въ нашемъ единеніи и нашей силѣ!

Но мнѣ скажутъ, что несовершенства нашего общественнаго строя, недостатки нашей администраціи, положеніе низшихъ слоевъ нашей народности и пр., что все это въ совокупности раздражаетъ общее мнѣніе противъ Россіи. Неужели? Возможно ли, чтобы мнѣ, готовому жаловаться на избытокъ недоброжелательства, пришлось бы тогда протестовать противъ излишняго сочувствія? Потому что въ концѣ концовъ мы не одни на бѣломъ свѣтѣ, и если уже вы обладаете такимъ чрезмѣрнымъ запасомъ сочувствія къ человѣчеству, если вы не находите ему помѣщенія у себя и въ свою пользу, то не сочли ли бы вы болѣе справедливымъ раздѣлить его между всѣми народами земли? Всѣ они заслуживаютъ сожалѣнія. Взгляните, напримѣръ, на Англію! Что̀ вы о ней скажете? Взгляните на ея фабричное населеніе, на Ирландію; и если бы вамъ удалось вполнѣ сознательно подвести итоги въ этихъ двухъ странахъ, если бы вы могли взвѣсить на правдивыхъ вѣсахъ злополучныя послѣдствія русскаго варварства и англійскаго просвѣщенія—быть-можетъ, вы признали бы болѣе своеобразности, чѣмъ преувеличенія, въ заявленіи того человѣка, который, будучи одинаково чуждъ обѣимъ странамъ и равно ихъ изучившій, утверждалъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что въ соединенномъ королевствѣ существуетъ по крайней мѣрѣ милліонъ людей, которые много бы выиграли, если бы ихъ сослали въ Сибирь!..

Увы, милостивый государь, почему вы, нѣмцы, которые пользуетесь во многихъ отношеніяхъ такимъ без-

спорнымъ превосходствомъ надъ вашими сосѣдями по то сторону Рейна, почему не можете вы позаимствовать у нихъ нѣкоторой доли практическаго благоразумія, того живого, вѣрнаго сознанія своихъ интересовъ, которое ихъ отличаетъ? У нихъ также существуетъ печать, журналы, которые насъ оскорбляютъ, раздираютъ на клочки взапуски, безъ устали, безъ мѣры и стыда. Взгляните на это стоглавое чудовище парижской прессы, извергающей пламя и вопли противъ насъ. Какое ожесточеніе! Какіе громы! Какой трескъ!.. И что̀ же! Приди сегодня же Парижъ къ убѣжденію, что столь пламенно желаемое сближеніе можетъ состояться, что столь часто дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ намъ предложенія приняты, и съ завтрашняго дня вы увидите, что этотъ вопль ненависти умолкнетъ, весь этотъ блестящій фейерверкъ оскорбленій угаснетъ, и изъ этихъ угасшихъ кратеровъ, изъ этихъ умиротворенныхъ устъ, съ послѣднимъ клубомъ дыма начнутъ исходить звуки, настроенные на разные лады, но всѣ одинаково благозвучные, восхваляющіе другъ передъ другомъ наше счастливое примиреніе!

Но это письмо слишкомъ длинно, пора кончить. Позвольте мнѣ, милостивый государь, въ заключеніе, выразить мою мысль въ нѣсколькихъ словахъ.

Я обратился къ вамъ, не имѣя въ виду другой цѣли, кромѣ того, что̀ внушаетъ мнѣ мое свободное и личное убѣжденіе. Я не состою ни въ чьемъ распоряженіи; я не служу ничьимъ о̀рганамъ; моя мысль зависитъ лишь отъ себя самой; но я, конечно, вполнѣ убѣжденъ, что общественное мнѣніе не затруднилось бы признать содержаніе этого письма, если бы оно было извѣстно въ Россіи. До сихъ поръ русское мнѣніе слабо возмуща-

лось этими возгласами германской печати не потому, чтобы оно относилось равнодушно къ мнѣніямъ и чувствамъ Германіи, конечно, нѣтъ; но ему не хотѣлось придавать серьезнаго значенія всему этому треску, всѣмъ этимъ словоизверженіямъ, всей этой пальбѣ на воздухъ противъ Россіи; оно принимало все это развѣ только за какую-то не вполнѣ приличную потѣху. Русское общественное мнѣніе положительно отказывается допустить, чтобы степенная, серьезная, честная, вполнѣ правдивая нація, какою наконецъ извѣстна міру Германія во всѣ эпохи своей исторіи, чтобы эта нація, говорю я, могла отрѣшиться отъ своей природы и усвоить себѣ другую, созданную по образцу нѣсколькихъ мечтательныхъ или нестройныхъ умовъ, нѣсколькихъ странныхъ или недобросовѣстныхъ крикуновъ, чтобы Германія, отказываясь отъ своего прошлаго, не сознавая настоящаго и искажая будущее, согласилась признать и питать дурное чувство, недостойное ея, единственно изъ удовольствія совершить великій политическій промахъ. Нѣтъ, это невозможно!

Я обратился къ вамъ, милостивый государь, потому, что, по мнѣнію моему, «Всеобщая Газета» болѣе, чѣмъ періодическое изданіе для Германіи; это сила и сила, которая (я весьма охотно это сознаю) соединяетъ въ высокой степени національное чувство и политическое пониманіе. И потому я старался отнестись къ вамъ во имя этого двойного значенія.

Расположеніе умовъ, которое создано и которое стараются распространить въ Германіи по отношенію къ Россіи, еще не составляетъ прямой опасности, но оно весьма легко можетъ сдѣлаться таковою. Это располо-

женіе умовъ не измѣнитъ ни въ чемъ (я въ этомъ убѣжденъ) отношеній, нынѣ существующихъ между германскими государствами и Россіею; но оно ведетъ къ тому, чтобы все болѣе и болѣе искажать политическое сознаніе по одному изъ важнѣйшихъ для каждаго народа вопросовъ, по вопросу о его союзахъ. Представляя въ самомъ лживомъ свѣтѣ самую національную политику, которую Германія когда-либо соблюдала, оно ведетъ къ тому, чтобы произвести разъединеніе умовъ, чтобы направить всѣхъ пламенныхъ и безразсудныхъ на стезю, исполненную опасностей, стезю, гдѣ судьбы Германіи уже не разъ подвергались крушенію. А что̀, если возникнетъ новое потрясеніе въ Европѣ, или вѣковая распря, рѣшенная 30 лѣтъ тому назадъ въ вашу пользу, вновь возгорится? Россія, конечно, не отступится отъ вашихъ государей, точно такъ же, какъ они не отстанутъ отъ Россіи; но тогда-то придется, вѣроятно, пожинать плоды того, что̀ нынѣ посѣяно: разъединеніе умовъ принесетъ плоды, и они могли бы показаться весьма горькими для Германіи; наступили бы новыя отпаденія и новыя смуты. И тогда вамъ пришлось бы слишкомъ тяжелымъ путемъ искупать вашу минутную несправедливость по отношенію къ намъ.

Вотъ, милостивый государь, что̀ мнѣ было желательно вамъ высказать. Вы можете сдѣлать изъ моей рѣчи то употребленіе, которое сочтете наиболѣе приличнымъ.

1844.

II.

РОССІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

Для того, чтобы уяснить себѣ сущность того рокового переворота, въ который вступила нынѣ Европа, вотъ что̀ слѣдовало бы сказать себѣ. Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы—революція и Россія. Эти двѣ силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть-можетъ, завтра онѣ вступятъ въ борьбу. Между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ равносильно смерти другой! Отъ исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо міръ былъ свидѣтелемъ, зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества.

Фактъ этого соперничества обнаруживается нынѣ всюду, и, невзирая на то, таково пониманіе нашего вѣка, притупленнаго мудрованіемъ, что настоящее поколѣніе, въ виду подобнаго громаднаго факта, далеко не сознало вполнѣ его истиннаго значенія и не оцѣнило его дѣйствительныхъ причинъ.

До сихъ поръ искали его разъясненія въ сферѣ чисто-политической; старались истолковать его различіемъ въ понятіяхъ о порядкѣ исключительно человѣческомъ. Поистинѣ, распря, существующая между революціею и Россіею, зависитъ отъ причинъ болѣе глубокихъ. Онѣ могутъ быть опредѣлены въ двухъ словахъ.

Россія прежде всего христіанская имперія; русскій народъ—христіанинъ не только въ силу православія своихъ убѣжденій, но еще благодаря чему-то болѣе задушевному, чѣмъ убѣжденія. Онъ—христіанинъ въ силу той способности къ самоотверженію и самопожертвованію, которая составляетъ какъ бы основу его нравственной природы. Революція—прежде всего врагъ христіанства! Антихристіанское настроеніе есть душа революціи; это ея особенный, отличительный характеръ. Тѣ видоизмѣненія, которымъ она послѣдовательно подвергалась, тѣ лозунги, которые она попеременно усвоивала, все, даже ея насилія и преступленія были второстепенны и случайны; но одно, что̀ въ ней не таково, это именно антихристіанское настроеніе, ее вдохновляющее, и оно-то (нельзя въ томъ не сознаться) доставило ей это грозное господство надъ вселенною. Тотъ, кто этого не понимаетъ, не болѣе какъ слѣпецъ, присутствующій при зрѣлищѣ, которое міръ ему представляетъ.

Человѣческое *я*, желая зависѣть лишь отъ самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кромѣ собственнаго изволенія, словомъ, человѣческое *я*, замѣняя собою Бога, конечно, не составляетъ еще чего-либо новаго среди людей; но таковымъ сдѣлалось самовластіе человѣческаго *я*, возведенное въ политическое и общественное право и стремящееся, въ силу этого права,

овладѣть обществомъ. Вотъ это-то новое явленіе и получило въ 1789 году названіе французской революціи.

Съ той поры, невзирая на всѣ свои превращенія, революція осталась вѣрна своей природѣ, и, быть-можетъ, никогда еще въ продолженіе всего своего развитія не сознавала себя столь цѣльною, столь искренно антихристіанскою, какъ въ настоящую минуту, когда она присвоила себѣ знамя христіанства: «братство». Во имя этого можно даже предполагать, что она достигла своего апогея. И подлинно, если прислушаться къ тѣмъ наивно-богохульнымъ разглагольствованіямъ, которыя сдѣлались, такъ сказать, офиціальнымъ языкомъ нынѣшней эпохи,—не подумаетъ ли всякій, что новая французская республика была пріобщена ко вселенной лишь для того, чтобы выполнить евангельскій законъ? Именно это призваніе и было приписано себѣ тѣми силами, которыя ею созданы, за исключеніемъ, впрочемъ, такого измѣненія, какое революція сочла нужнымъ произвести, а именно—чувство смиренія и самоотверженія, составляющее основу христіанства, она намѣрена замѣнить духомъ гордости и превозношенія, благотворительность свободную и добровольную—благотворительностью вынужденною; и взамѣнъ братства, проповѣдуемаго и принимаемаго во имя Бога, она намѣрена утвердить братство, налагаемое страхомъ къ народу-владыкѣ. За исключеніемъ этихъ различій, ея господство дѣйствительно обѣщаетъ обратиться въ царство Христово!

И это презрительное благоволеніе, которое новыя силы оказывали до сихъ поръ католической церкви и ея служителямъ, не должно никого вводить въ заблужденіе. Оно едва ли не самый важный признакъ дѣйстви-

тельнаго настроенія и самое вѣрное доказательство того всемогущества, котораго достигла революція. И подлинно, почему революція явила бы себя враждебною относительно духовенства и христіанскихъ священниковъ, которые не только покоряются ей, но принимаютъ и признаютъ ее, которые, чтобы ее умилостивить, прославляютъ всѣ ея ужасы и, сами того не подозрѣвая, пріобщаются ко всѣмъ ея неправдамъ? Если бы даже подобное поведеніе основывалось на одномъ расчетѣ, то этотъ расчетъ былъ бы отступничество; но если къ этому присоединяется убѣжденіе, то тутъ еще болѣе отступничества.

Однако можно предвидѣть, что не будетъ недостатка и въ преслѣдованіяхъ. Въ тотъ день, когда уступки дойдутъ до крайняго предѣла, когда католическая церковь сочтетъ нужнымъ обнаружить сопротивленіе, окажется, что она можетъ явить его лишь идя назадъ до мученичества. Можно вполнѣ положиться на революцію: она во всемъ останется вѣрна себѣ и послѣдовательна до конца!

Февральскій взрывъ тѣмъ уже оказалъ міру великую услугу, что онъ ниспровергъ ходульныя подмостки заблужденій, скрывавшихъ дѣйствительность. Наименѣе проницательные умы, вѣроятно, поняли нынѣ, что исторія Европы въ теченіе послѣднихъ тридцати трехъ лѣтъ была не что̀ иное, какъ продолжительная мистификація. И точно, какимъ неумолимымъ свѣтомъ озарилось внезапно все это прошлое, столь недавнее и уже столь отъ насъ отдаленное? Кто, напримѣръ, не сознаётъ нынѣ, какое смѣшное притязаніе выражалось въ той премудрости нашего вѣка, которая наивно вообразила себѣ,

что ей удалось подавить революцію конституціонными заклинаніями, обуздать ея страшную энергію посредствомъ формулы законности? Послѣ всего того, что̀ произошло, кто можетъ еще сомнѣваться, что съ той минуты, когда революціонное начало проникло въ общественную кровь, всѣ эти уступки, всѣ эти примиряющія формулы суть не что̀ иное, какъ наркотическія средства, которыя могутъ, пожалуй, на время усыпить больного, но не въ состояніи воспрепятствовать дальнѣйшему развитію самой болѣзни.

И вотъ почему, поглотивъ въ себѣ «реставрацію», лично ей ненавистную, какъ послѣдній обломокъ законнаго правленія во Франціи,—революція не стерпѣла также и другой власти, отъ нея самой исходившей, которую она, правда, признала въ 1830 году, чтобы имѣть сообщника въ борьбѣ съ Европою, но которую она сокрушила въ тотъ день, когда эта власть, вмѣсто того чтобы служить ей, дерзнула считать себя ея владыкою.

При этомъ случаѣ да будетъ мнѣ позволено сдѣлать замѣчаніе: какимъ образомъ могло случиться, что среди всѣхъ государей Европы, а равно и политическихъ дѣятелей, руководившихъ ею въ послѣднее время, оказался лишь одинъ, который съ перваго начала призналъ и провозгласилъ великое заблужденіе 1830 года, и который съ тѣхъ поръ одинъ въ Европѣ, быть-можетъ, одинъ среди всѣхъ его окружающихъ, постоянно отказывался ему подчиниться? На этотъ разъ, къ счастію, на Россійскомъ престолѣ находился государь, въ которомъ воплотилась «русская мысль», и въ настоящемъ положеніи вселенной «русская мысль» одна была настолько

отдалена отъ революціонной среды, что могла здраво оцѣнить факты, въ ней проявляющіеся.

То, что̀ императоръ предвидѣлъ съ 1830 года, революція не приминула осуществить до послѣдней черты. Всѣ уступки, всѣ жертвы своихъ убѣжденій, приносимыя монархическою Европою для упроченія іюльскихъ событій въ видѣ мнимаго status quo, революція всѣмъ этимъ завладѣла въ пользу замышляемаго ею переворота, и, покуда законныя правительства вступали въ болѣе или менѣе искусныя дипломатическія сношенія съ такъ называемымъ законнымъ началомъ, а государственные люди и дипломаты всей Европы присутствовали, въ видѣ любопытныхъ и доброжелательныхъ любителей, при парламентскихъ ристалищахъ въ Парижѣ,—революціонная партія, почти не скрывая своихъ дѣйствій, изощрялась подрывать самую почву подъ ихъ ногами.

Можно сказать, что главною задачею для этой партіи, въ теченіе послѣднихъ восемнадцати лѣтъ, служило полнѣйшее возмущеніе Германіи, и нынѣ можно судить, хорошо ли эта задача была выполнена.

Германія безспорно та страна, насчетъ которой всего болѣе составляли себѣ самыя странныя заблужденія. Ее считали страною порядка, потому что она была спокойна, и не хотѣли видѣть того страннаго безначалія, которое овладѣло въ ней умами и господствовало надъ ними.

Шестьдесятъ лѣтъ разрушительной философіи совершенно сокрушили въ ней всѣ христіанскія вѣрованія и развили въ этомъ отрицаніи всякой вѣры первѣйшее революціонное чувство: «высокомѣріе ума», развили его такъ успѣшно, что въ настоящую минуту эта язва на-

шего вѣка, быть-можетъ, нигдѣ такъ не глубока и не заражена ядомъ, какъ въ Германіи. Въ силу неизбѣжной послѣдовательности, Германія, по мѣрѣ того, что она предавалась революціи, чувствовала возрастаніе своей ненависти къ Россіи. И подлинно, обремененная благодѣяніями, ей оказанными, революціонная Германія не могла не питать къ Россіи непримиримой непріязни. Въ настоящую минуту этотъ припадокъ ненависти, повидимому, дошелъ до крайнихъ предѣловъ; онъ взялъ верхъ, я не говорю уже надъ разсудкомъ, но даже надъ чувствомъ самосохраненія.

Если бы столь грустная ненависть могла внушить иное чувство, кромѣ сожалѣнія, то, конечно, Россія могла бы почитать себя достаточно отмщенною при видѣ того зрѣлища, которое явила міру Германія вслѣдствіе февральской революціи; потому что едва ли не безпримѣрный фактъ въ исторіи видѣть цѣлый народъ, обратившійся въ подражателя другого народа въ то самое время, когда сей послѣдній предается самымъ неистовымъ крайностямъ.

И въ видахъ извиненія всѣхъ этихъ столь очевидно искусственныхъ волненій, которыя низвергли весь политическій строй Германіи и нарушили существованіе самаго общественнаго порядка, отнюдь нельзя признать, чтобы они были внушены искреннимъ, всѣми сознаннымъ чувствомъ необходимости германскаго единенія. Положимъ, что это чувство искренно; согласенъ, что это есть желаніе положительнаго большинства; но что̀ же это доказываетъ? Къ числу самыхъ безумныхъ заблужденій нашего времени принадлежитъ и мечта, будто достаточно, чтобы большинство искренно и пламенно пожелало чего-нибудь, чтобы это желаемое уже сдѣлалось осуществимо.

Притомъ слѣдуетъ сознаться, что въ наше время въ обществѣ нѣтъ ни одного желанія, ни одной потребности (какъ бы искренна и законна она ни была), которую революція, овладѣвъ ею, не исказила бы и не обратила въ ложь. И то же самое именно случилось съ вопросомъ о германскомъ единствѣ — потому что для всякаго, не утратившаго способность наблюденія, отнынѣ должно быть ясно, что на пути, на который ступила теперь Германія въ видахъ разрѣшенія этой задачи, она достигнетъ не единства, а страшнѣйшаго разъединенія, какой-нибудь окончательной, неисправимой катастрофы.

Положительно, вскорѣ придутъ къ убѣжденію, что одно только единство было возможно не для той Германіи, какою изображаютъ ее газеты, а для истинной Германіи, какою создала ее исторія; что единственная возможность серьезнаго и практическаго единенія для этой страны была неразрывно связана съ политическою системою, нынѣ ею разрушенною.

Если въ теченіе послѣднихъ тридцати трехъ лѣтъ (едва ли не счастливѣйшихъ во всей ея исторіи) Германія составляла политическое цѣлое, утвержденное на іерархическихъ началахъ и правильно развивающееся, то на какихъ условіяхъ подобный результатъ могъ быть достигнутъ и упроченъ? Очевидно, при условіи искренняго соглашенія между двумя ея великими державами, представительницами тѣхъ двухъ принциповъ, которые въ продолженіе трехъ слишкомъ столѣтій борются между собою въ Германіи. Но самое это соглашеніе, достигнутое съ такими усиліями и съ такимъ трудомъ сохраняемое, не думаютъ ли, что оно могло бы быть возможно и продолжалось бы такъ долго, если бы Австрія и Пруссія,

по окончаніи великихъ походовъ противъ Франціи, не примкнули бы тѣсно къ Россіи и не опирались бы на нее?—Вотъ та политическая комбинація, которая, осуществляя для Германіи единственную примѣнимую къ ней систему единства, доставила ей этотъ тридцатитрехлѣтній роздыхъ, ею нынѣ нарушенный.

Никакая ненависть или ложь не въ состояніи отстранить этотъ фактъ. Въ припадкѣ безумія, Германія, конечно, могла разорвать союзъ, который, не налагая на нее никакихъ жертвъ, обезпечивалъ и охранялъ ея національную независимость; но тѣмъ самымъ она лишила себя навсегда всякаго твердаго и прочнаго основанія.

Въ подтвержденіе этой истины взгляните лучше на это отраженіе событій въ ту страшную минуту, когда событія подвигаются почти съ тою же быстротою, какъ и мысль человѣческая. Прошло не болѣе двухъ мѣсяцевъ съ той поры, какъ революція въ Германіи принялась за дѣло, и уже (слѣдуетъ воздать ей должную справедливость) дѣло разрушенія въ этой странѣ зашло гораздо далѣе, чѣмъ подъ гнетомъ Наполеона послѣ десятилѣтнихъ ужасающихъ его походовъ.

Взгляните на Австрію, болѣе обезславленную, убитую и разгромленную, чѣмъ въ 1809 году; взгляните на Пруссію, обреченную на самоубійство, благодаря ея роковому и вынужденному соглашенію съ польскою партіею; взгляните на берега Рейна, гдѣ, вопреки пѣсенъ и фразъ, прирейнская конфедерація усиливается возникнуть вновь! Анархія всюду, порядка нигдѣ, и все это подъ мечомъ Франціи, гдѣ кишитъ общественная революція, которая готова слиться съ политической революціей, обуревающею Германію.

Нынѣ для каждаго здравомыслящаго человѣка вопросъ о германскомъ единствѣ — вопросъ уже рѣшенный. Нужно обладать тою силою нелѣпости, которая свойственна германскимъ идеологамъ, чтобы недоумѣвать, имѣетъ ли это скопище журналистовъ, адвокатовъ и профессоровъ, собранное во Франкфуртѣ и присвоившее себѣ призваніе возобновить времена Карла Великаго, какіе-либо задатки на положительный успѣхъ въ дѣлѣ ими предпринятомъ; обладаетъ ли оно достаточно мощною, искусною рукою, чтобы на этой колеблющейся почвѣ возстановить низвергнутую пирамиду, поставивъ ее острымъ конусомъ внизъ? Вопросъ уже не въ томъ, чтобы знать, сольется ли Германія воедино, но удастся ли ей спасти какую-нибудь частицу своего національнаго существованія, среди этихъ внутреннихъ раздоровъ, вѣроятно, еще имѣющихъ усугубиться внѣшнею войною.

Партіи, готовящіяся раздирать эту страну, уже начинаютъ выясняться. Уже во многихъ мѣстахъ въ Германіи республика утвердилась, и можно разсчитывать, что она не удалится безъ боя, потому что она имѣетъ за себя логику, а за собою Францію. Въ глазахъ этой партіи вопросъ о національности не имѣетъ ни смысла, ни значенія. Въ интересахъ своей задачи, она ни на минуту не поколеблется принести въ жертву независимость своей страны, и она завербовала бы скорѣе сегодня, чѣмъ завтра, всю Германію подъ знамя Франціи, хотя бы даже и подъ красное знамя... Она всюду имѣетъ пособниковъ; она находитъ содѣйствіе и поддержку между людьми и всякими предметами, въ анархическихъ инстинктахъ толпы столько же, сколько въ анархическихъ учрежденіяхъ, нынѣ такъ щедро разсѣянныхъ по всей Германіи. Но ея надежнѣй-

шіе и сильнѣйшіе помощники суть именно тѣ люди, которые со дня на день могутъ быть призваны къ ея обузданію: до того люди связаны съ нею солидарностью принциповъ. Теперь весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, возникнетъ ли борьба прежде, чѣмъ мнимые консерваторы успѣютъ своими раздорами и своимъ безуміемъ уронить значеніе всѣхъ элементовъ силы и противодѣйствія, еще сохранившихся въ распоряженіи Германіи. Однимъ словомъ, при нападеніи на нихъ республиканской партіи, рѣшатся ли они видѣть въ ней то, что̀ она есть въ дѣйствительности, т.-е. передовой отрядъ французскаго нашествія, и сознаютъ ли они въ себѣ достаточно энергіи, чтобы, въ виду опасности, угрожающей національной независимости, вступить въ борьбу съ республикой до послѣдней крайности;—или же, во избѣжаніе этой борьбы, они предпочтутъ признать какую-нибудь мнимую мировую сдѣлку, которая въ сущности была бы съ ихъ стороны не что̀ иное, какъ скрытая капитуляція.

Въ томъ случаѣ, если бы осуществилось послѣднее предположеніе, пришлось бы сознаться, что возможность крестоваго похода противъ Россіи, этого похода, который былъ всегда завѣтною мечтою революціи, а теперь обратился въ ея военный кличъ,—эта возможность превратилась бы въ несомнѣнную увѣренность: насталъ бы почти день рѣшительной борьбы, и полемъ сраженія послужила бы Польша. По крайней мѣрѣ на эту именно возможность возлагаютъ свои надежды революціонеры всѣхъ странъ; но они недостаточно принимаютъ въ расчетъ одну сторону этого вопроса, и этотъ промахъ можетъ, пожалуй, значительно разстроить всѣ ихъ соображенія.

Революціонная партія (въ Германіи въ особенности), кажется, пришла къ убѣжденію, что, коль скоро она сама такъ легко относилась къ національному элементу, то и во всѣхъ странахъ, подчиненныхъ ея вліянію, должно оказаться то же самое, и что всюду и всегда вопросъ о принципѣ будетъ преобладать надъ вопросомъ о національности. Уже событія, совершившіяся въ Ломбардіи, должны были внушить странныя мысли вѣнскимъ студентамъ-реформаторамъ, которые вообразили себѣ, что достаточно было изгнать князя Меттерниха и провозгласить свободу печати, чтобы разрѣшить всѣ грозныя затрудненія, тяготѣющія надъ Австрійскою монархіею; итальянцы же продолжаютъ упорствовать въ своемъ взглядѣ на нихъ, какъ на «Tedeschi» и «Barbari», какъ будто бы они и не возрождались, пройдя черезъ очистительныя воды мятежа. Но Германія революціонная въ скоромъ времени получитъ въ этомъ отношеніи урокъ еще болѣе строгій и знаменательный, потому что онъ будетъ данъ отъ близкаго сосѣда. И подлинно, никто не подумалъ, что, сокрушая и ослабляя всѣ прежнія правительства, потрясая въ самыхъ основаніяхъ весь политическій строй этой страны, въ то же время успѣли возбудить въ ней страшнѣйшее изъ всѣхъ затрудненій, вопросъ жизни и смерти для ея будущности — вопросъ племенной. Было всѣми забыто, что въ самомъ центрѣ той Германіи, единство которой составляетъ общую мечту, въ Богемской долинѣ и въ славянскихъ земляхъ, существуетъ шесть или семь милліоновъ людей, для кого изъ рода въ родъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, нѣмецъ не переставалъ ни на одно мгновеніе казаться чѣмъ-то несравненно худшимъ, нежели иностранецъ; для кого гер-

манецъ всегда не что иное, какъ *нѣмецъ*... Понятно, что здѣсь идетъ рѣчь не о литературномъ патріотизмѣ нѣкоторыхъ пражскихъ ученыхъ, какъ бы онъ почтененъ ни былъ. Эти люди уже оказали и окажутъ великія услуги своей странѣ; но истинная жизненная сила Богеміи не въ этомъ заключается. Жизнь народа никогда не проявляется въ книгахъ, для него писанныхъ, развѣ, быть-можетъ, у германскаго народа; жизнь народа проявляется въ его инстинктахъ и его вѣрованіяхъ, а книги (нельзя въ томъ не сознаться) скорѣе способны ослаблять и разрушать ихъ, чѣмъ возбуждать и поддерживать. Такъ, вся еще сохранившаяся въ Богеміи національная жизнь сосредоточена въ ея *гусситскихъ* вѣрованіяхъ, въ этомъ постоянно живучемъ протестѣ ея угнетенной славянской національности противъ захватовъ римской церкви, а также и противъ нѣмецкаго господства. Въ этомъ-то состоитъ та связь, которая соединяетъ ее со всѣмъ ея прошлымъ, исполненнымъ борьбы и славы, и тутъ же заключается то звено, которое когда-нибудь свяжетъ *чеха* Богеміи съ его восточными братьями. Слѣдуетъ постоянно останавливаться на этомъ предметѣ, потому что именно эти сочувственныя воспоминанія о восточномъ вѣроисповѣданіи, эти обратныя стремленія къ *старой вѣрѣ*, чему гусситство въ былое время служило только слабымъ, извращеннымъ выраженіемъ, и образуютъ глубокое различіе между Польшею и Богеміею: между Богеміею, покоряющеюся противъ своей воли этому игу западнаго общенія, съ этою крамольно-католическою Польшею — фанатическою послѣдовательницею Запада и постоянною измѣнницею относительно своихъ братій.

Я знаю, что въ настоящую минуту истинная задача

еще не выяснилась въ Богеміи, и что то, что̀ волнуется и мечется на поверхности страны, не что̀ иное, какъ самый грубый либерализмъ, соединенный съ коммунизмомъ въ городахъ и, вѣроятно, нѣкоторою жакеріею по деревнямъ. Но это временное опьяненіе скоро разсѣется, и, судя по ходу событій, истинный порядокъ вещей не замедлитъ проявить себя. Тогда весь вопросъ для Богеміи будетъ состоять въ слѣдующемъ: разъ, что Австрія, послѣ потери Ломбардіи и настоящаго полнаго освобожденія Венгріи, должна распасться, что̀ сдѣлаетъ Богемія съ окружающими ее народностями, моравами, словаками, словомъ, съ семью или восемью милліонами людей одного съ нею языка и происхожденія? Будетъ ли она стремиться къ тому, чтобы сложиться на самостоятельныхъ основаніяхъ, или она согласится вступить въ нелѣпую рамку этого будущаго германскаго единства, которое никогда не будетъ ничѣмъ инымъ, кромѣ развѣ единаго—хаоса? Трудно предположить, чтобы этотъ послѣдній исходъ могъ представить ей много привлекательнаго; и въ такомъ случаѣ, она неизбѣжно сдѣлается жертвою всякаго рода непріязненныхъ дѣйствій и нападокъ, и для противодѣйствія имъ уже, конечно, ей не суждено опираться на Венгрію. Итакъ, чтобы разрѣшить вопросъ, къ какой державѣ Богемія невольно будетъ привлечена, невзирая на тѣ понятія, которыя руководятъ ею нынѣ, и на тѣ учрежденія, которыя будутъ управлять ею завтра, мнѣ остается только припомнить то, что̀ говорилъ мнѣ въ 1841 году въ Прагѣ самый національный патріотъ этой страны. «Богемія,—сказалъ мнѣ Ганка:—будетъ свободна и независима, полноправною хозяйкою у себя дома лишь въ тотъ день, когда

Россія вступитъ вновь въ обладаніе Галиціею». Вообще достойно замѣчанія это неизмѣнное расположеніе, которое Россія, имя русское, его слава и будущность встрѣчали постоянно среди національныхъ личностей Праги и даже въ самое то время, когда наша вѣрная союзница Германія служила съ бо̀льшимъ безкорыстіемъ, чѣмъ справедливостью, подкладкою для польской эмиграціи, чтобы возстановлять противъ насъ общественное мнѣніе цѣлой Европы. Всякій русскій, посѣтившій Прагу въ теченіе послѣднихъ годовъ, можетъ удостовѣрить, что единственный упрекъ, слышанный имъ тамъ противъ насъ, относился къ той осторожности и равнодушію, съ которыми національныя симпатіи Богеміи принимались между нами. Высокія и великодушныя соображенія внушали намъ въ то время подобный образъ дѣйствій; теперь же это было бы положительнымъ безсмысліемъ: тѣ жертвы, которыя мы тогда приносили дѣлу порядка, намъ пришлось бы нынѣ совершать въ пользу революціи.

Но если можно по справедливости сказать, что Россія въ настоящихъ обстоятельствахъ менѣе, чѣмъ когда-либо имѣетъ право отвращать отъ себя тѣ симпатіи, которыя она внушаетъ, то нельзя съ другой стороны поистинѣ не признать извѣстнаго историческаго закона, по волѣ Провидѣнія управляющаго понынѣ ея судьбами, а именно, что ея самые заклятые враги всего болѣе содѣйствовали развитію ея величія. Этотъ благотворный законъ доставилъ ей нынѣ одного врага, который безъ сомнѣнія будетъ играть важную роль въ судьбахъ ея будущности и который въ значительной долѣ будетъ содѣйствовать къ скорѣйшему ихъ осуществленію. Этотъ врагъ—Венгрія (я разумѣю Мадьярскую Венгрію). Изо

всѣхъ враговъ Россіи, она едва ли не питаетъ къ ней самой озлобленной ненависти. Мадьярскій народъ, въ коемъ революціонный пылъ самымъ страннымъ образомъ сочетался съ грубостью Азіатской орды, и о коемъ можно было бы сказать съ неменьшею справедливостью, какъ и о туркахъ, что онъ находится какъ бы на временной стоянкѣ въ Европѣ—окруженъ славянскими племенами, въ одинаковой степени ему ненавистными. Личный врагъ этой расы, судьбу которой онъ такъ долго искажалъ, онъ видитъ себя, послѣ цѣлыхъ вѣковъ волненія и тревогъ, все еще взаперти среди нея. Всѣ эти окружающія его народности: сербы, кроаты, словаки, трансильванцы и даже карпатскіе малороссы составляютъ звенья цѣпи, которую онъ считалъ навсегда расторгнутою. А теперь онъ чувствуетъ надъ собою руку, которая въ состояніи, когда ей только вздумается, соединить эти звенья и стянуть цѣпь, сколько пожелаетъ. На этомъ основана его инстинктивная ненависть къ Россіи. Съ другой стороны нынѣшніе руководители партіи въ своемъ довѣріи къ журналистикѣ серьезно убѣдились, что мадьярскому народу предстоитъ выполнить великое призваніе на православномъ Востокѣ—однимъ словомъ, что ему предназначено держать въ равновѣсіи судьбы Россіи... До сихъ поръ умѣряющее вліяніе Австріи кое-какъ сдерживало эту тревогу и это безразсудство; но теперь эта послѣдняя связь порвана, и старый, бѣдный отецъ, впавшій въ дѣтство, взятъ въ опеку. Слѣдуетъ предвидѣть, что мадьяризмъ, совершенно освобожденный, предоставитъ полную свободу всѣмъ своимъ крайностямъ и будетъ подвергать себя самымъ безумнымъ случайностямъ. Уже была рѣчь объ окончательномъ пріобщеніи Трансильваніи.

Толкуютъ о томъ, чтобы возстановить старинныя права на Дунайскія княжества и Сербію. Во всѣхъ этихъ странахъ начнутъ усиливать пропаганду съ цѣлью возстановить ихъ противъ Россіи, и когда всюду распространится неурядица, то разсчитываютъ въ одинъ прекрасный день появиться съ вооруженною силою, чтобы, во имя нарушенныхъ правъ Запада, требовать возврата устьевъ Дуная и повелительнымъ тономъ объявить Россіи: «Ты не пойдешь далѣе!» Вотъ въ чемъ заключаются безспорно нѣкоторыя статьи программы, вырабатываемой нынѣ въ Пресбургѣ. Въ прошломъ году все это были еще только однѣ газетныя фразы; теперь же со дня на день онѣ могутъ отразиться въ весьма серьезныхъ и опасныхъ попыткахъ. Впрочемъ, всего неизбѣжнѣе представляется намъ теперь распря между Венгріею и двумя зависящими отъ нея славянскими королевствами. И точно, Кроація и Славонія, предвидя, что ослабленіе законной власти въ Вѣнѣ предастъ ихъ неизбѣжно произволу мадьяризма, повидимому, исторгли у австрійскаго правительства обѣщаніе отдѣльнаго у себя управленія, съ присоединеніемъ къ нимъ Далмаціи и Военной границы. Это положеніе, которое сгруппированныя такимъ образомъ страны стараются принять по отношенію къ Венгріи, не замедлитъ разжечь всѣ прежнія несогласія и произвести открытое внутреннее возстаніе, а такъ какъ значеніе австрійскаго правительства, вѣроятно, окажется слишкомъ ничтожнымъ, чтобы съ успѣхомъ принять на себя посредничество между воюющими сторонами, то венгерскіе славяне, какъ слабѣйшіе, вѣроятно, изнемогли бы въ борьбѣ, если бы не встрѣтилось одно обстоятельство, которое рано или поздно должно прійти къ нимъ

на помощь, а именно, что непріятель, съ которымъ имъ суждено бороться, прежде всего врагъ Россіи, и что къ тому же на всей этой Военной границѣ, состоящей на двѣ трети изъ православныхъ сербовъ, даже по словамъ самихъ австрійцевъ, нѣтъ ни одной избы крестьянской, гдѣ рядомъ съ портретомъ австрійскаго императора не было бы портрета другого императора, котораго эти вѣрныя племена продолжаютъ съ упорствомъ считать за единственнаго законнаго. При этомъ не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что мало вѣроятія, чтобы всѣ эти удары землетрясенія, раздающіеся на Западѣ, остановились у порога странъ восточныхъ, и такимъ образомъ могло бы случиться, что въ этой роковой войнѣ, въ этомъ ополченіи безбожія, предпринимаемомъ противъ Россіи революціею, охватившею уже три четверти Западной Европы, Востокъ христіанскій, Востокъ славяно-православный, существованіе котораго неразрывно связано съ нашимъ собственнымъ, не очутился бы вслѣдъ за нами увлеченнымъ въ эту борьбу. И, быть-можетъ, съ него-то именно и начнется война, потому что можно предполагать, что всѣ эти раздирающія его пропаганды (пропаганда католическая, пропаганда революціонная и пр. и пр.), другъ другу противоположныя, но всѣ соединенныя въ одномъ общемъ чувствѣ ненависти къ Россіи, примутся за дѣло съ бо̀льшимъ рвеніемъ, чѣмъ когда-либо. Можно быть убѣжденнымъ, что онѣ ни отъ чего не отступятъ, чтобы достигнуть своей цѣли... И, Боже милостивый! какова была бы участь этихъ племенъ (христіанскихъ, какъ и мы), если бы, въ борьбѣ уже отнынѣ со всѣми этими ненавистными силами, они были бы покинуты въ подобную минуту единственною властью, къ которой они взы-

ваютъ въ своихъ молитвахъ? Однимъ словомъ, каково было бы смятеніе, которому предались бы эти страны Востока въ борьбѣ съ революціею, если бы законный монархъ, православный императоръ Востока, еще надолго замедлилъ своимъ появленіемъ?

Нѣтъ — это невозможно... Тысячелѣтнія предчувствія не могутъ обманывать. Россія, страна вѣрующая, не ощуститъ недостатка вѣры въ рѣшительную минуту. Она не устрашится величія своего призванія и не отступитъ передъ своимъ назначеніемъ.

И когда же это призваніе могло быть болѣе яснымъ и очевиднымъ? Можно сказать, что Господь начерталъ его огненными буквами на этомъ небѣ, омраченномъ бурями... Западъ исчезаетъ, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ воспламененіи. Европа Карла Великаго и Европа трактатовъ 1815 г., Римское папство и всѣ западныя королевства, католицизмъ и протестантизмъ, вѣра уже давно утраченная и разумъ доведенный до безсмыслія, порядокъ отнынѣ немыслимый, свобода отнынѣ невозможная, и надъ всѣми этими развалинами, ею же созданными, цивилизація, убивающая себя собственными руками...

И когда, надъ этимъ громаднымъ крушеніемъ, мы видимъ всплывающею святымъ ковчегомъ эту имперію еще болѣе громадную, то кто дерзнетъ сомнѣваться въ ея призваніи, и намъ ли, сынамъ ея, являть себя невѣрующими и малодушными?

12 Апрѣля 1848 г.

III.

ПАПСТВО И РИМСКІЙ ВОПРОСЪ

съ русской точки зрѣнія.

Если есть какой-либо изъ вопросовъ дня, или вѣрнѣе вѣка, въ которомъ, словно въ фокусѣ, сводятся, сосредоточиваются всѣ аномаліи, всѣ противорѣчія, всѣ непреодолимыя затрудненія, съ которыми бьется Западная Европа,—то это, безъ сомнѣнія, вопросъ римскій. Да и не могло быть иначе: таково неизбѣжное слѣдствіе той неумолимой логики, которая, какъ скрытое правосудіе, вложена Богомъ въ событія міра. Глубокій и непримиримый разрывъ, вѣками донимающій Западъ, долженъ былъ наконецъ дойти до высшаго своего выраженія, долженъ былъ проникнуть до самаго корня дерева. А почетнаго права на такое значеніе никто, конечно, не станетъ оспаривать у Рима: онъ и теперь, какъ былъ и всегда, — корень Западнаго міра. Однакоже, какъ ни сильно озабочены умы этимъ вопросомъ, позволительно усомниться, чтобы вся полнота его содержанія была въ точности и отчетливо раскрыта сознанію.

Что̀, вѣроятно, болѣе всего способствуетъ къ нѣкото-

рому заблужденію мысли относительно свойства и предѣловъ вопроса въ той его постановкѣ, въ какой онъ теперь является предъ нами, — это, во-первыхъ, мнимое сходство между тѣмъ, что̀ на нашихъ глазахъ совершилось въ Римѣ, и нѣкоторыми изъ прежнихъ, революціонныхъ эпизодовъ его исторіи; во-вторыхъ—весьма дѣйствительная связь, которою современное римское движеніе примыкаетъ къ общему движенію революціи европейской. Всѣ эти побочныя обстоятельства, на первый взглядъ, повидимому, объясняющія римскій вопросъ, съ сущности только заслоняютъ отъ насъ его глубину. Нѣтъ, не таковъ этотъ вопросъ, какъ другіе: не только ко всему, что̀ есть на Западѣ, прикосновененъ онъ, но можно сказать, онъ даже переступаетъ его предѣлы.

Едва ли кто рѣшится обозвать клеветою или парадоксомъ такое утвержденіе, что въ настоящее время все, что̀ еще осталось на Западѣ отъ положительнаго христіанства, связано скрытымъ или же болѣе или менѣе признаннымъ сродствомъ съ римскимъ католицизмомъ, для котораго папство, какъ оно вѣками сложилось, то же, что камень, замыкающій сводъ, — необходимое условіе бытія. Протестантство, съ его многочисленными развѣтвленіями, котораго едва хватило на три вѣка, умираетъ отъ истощенія во всѣхъ странахъ, гдѣ оно до сихъ поръ господствовало, за исключеніемъ одной развѣ Англіи; да и тамъ, если оно и проявляетъ еще нѣкоторые задатки жизни, задатки эти стремятся къ возсоединенію съ Римомъ. Что касается разныхъ религіозныхъ доктринъ, возникающихъ внѣ всякаго общенія съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ двухъ исповѣданій, то онѣ, очевидно, не болѣе, какъ личныя мнѣнія. Однимъ словомъ, папство — вотъ

столпъ, который еще кое-какъ поддерживаетъ на Западѣ весь тотъ край христіанскаго зданія, что̀ уцѣлѣлъ послѣ великаго погрома XVI вѣка и послѣдовательныхъ обваловъ, совершившихся съ той поры.

И вотъ на этотъ-то столпъ и собираются теперь посягнуть, направляя удары въ самую его основу. Намъ очень хорошо извѣстны всѣ тѣ общія мѣста, которыми какъ повседневная печать, такъ и офиціальныя завѣренія нѣкоторыхъ правительствъ стараются, по обыкновенію, прикрыть правду дѣйствительности: до папства-де, какъ до религіознаго учрежденія, и не думаютъ прикасаться, передъ нимъ преклоняются, благоговѣютъ; его сохранятъ во что бы ни стало; даже свѣтской власти у папства не оспариваютъ; хотятъ только видоизмѣнить ея примѣненіе. Отъ него потребуютъ лишь уступокъ, признанныхъ необходимыми; его заставятъ принять преобразованія лишь совершенно законныя. Во всемъ этомъ порядочная доля недобросовѣстности, а въ преизобиліи — самообольщеніе.

Ужъ конечно недобросовѣстно, даже со стороны людей самыхъ благодушныхъ, прикидываться вѣрующими, будто реформы, серьезныя и честно выполненныя въ настоящемъ образѣ управленія папскою областью, могутъ не привести, въ продолженіе извѣстнаго времени, къ полной ея секуляризаціи *). Но вопросъ-то собственно и не въ этомъ: дѣйствительный вопросъ заключается въ томъ, въ чью пользу совершится эта секуляризація, то-есть каковы будутъ свойства, духъ и стремленія того новаго

*) *Секуляризація* — отнятіе у учрежденія характера церковнаго и присвоеніе ему характера и свойствъ учрежденія только мірского, государственнаго; на русскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующаго термина. *Примѣч. переводчика.*

правительства, которому вы передадите свѣтскую власть, отнявъ ее у папства, и подъ опекою котораго — это скрыть вы отъ себя не можете — папство осуждено будетъ впредь жить. И вотъ здѣсь-то и преизобилуетъ самообольщеніе.

Намъ извѣстно идолопоклонство людей Запада передъ всѣмъ, что̀ есть форма, формула и политическій механизмъ. Идолопоклонство это сдѣлалось какъ бы послѣднею религіей Запада. Но если только не совсѣмъ сомкнуть глаза предъ всякимъ опытомъ, предъ всякой очевидной истиной, то какимъ же еще образомъ, послѣ всего случившагося, можно еще сумѣть увѣрить себя, будто при современномъ положеніи Европы, Италіи, Рима, навязанные вами папѣ либеральные и полулиберальные уставы такъ-таки и останутся надолго въ зависимости отъ убѣжденій среднихъ, умѣренныхъ, мягкихъ,—такихъ, какими вамъ пріятно воображать ихъ себѣ, въ интересахъ доказываемаго вами тезиса; будто не захватитъ ихъ быстро въ руки свои революція и не превратитъ ихъ вслѣдъ затѣмъ въ стѣнобитныя орудія, для сокрушенія не только свѣтской власти папы, но и самаго церковнаго учрежденія? Ибо, сколько бы вы ни наказывали революціонному принципу, какъ Господь Сатанѣ, мучить одно лишь тѣло вѣрнаго Іова, не касаясь его души,—будьте увѣрены, что революція, менѣе совѣстливая, чѣмъ духъ тьмы, не обратитъ никакого вниманія на ваши внушенія.

Ни обманываться, ни самообольщаться въ этомъ отношеніи не можетъ уже тотъ, кто вполнѣ уразумѣлъ, что̀ составляетъ основаніе спора на Западѣ, что̀ въ продолженіе вѣковъ сдѣлалось его жизнью — жизнью ненормальной, конечно, однакожъ дѣйствительной, — болѣзнью,

зародившеюся не со вчерашняго дня и все еще развивающеюся. И если такъ мало встрѣчается людей, чувствующихъ это положеніе Запада, то этимъ доказывается только, что болѣзнь зашла уже очень далеко.

Не подлежитъ и сомнѣнію,—по отношенію къ вопросу Римскому, — что большинство интересовъ, требующихъ преобразованій и уступокъ со стороны папы, интересы законные, справедливые, чуждые затаенной или такъ называемой задней мысли, что удовлетворить ихъ слѣдуетъ, и что въ удовлетвореніи этомъ даже нельзя далѣе имъ отказывать.

Но таковъ до невѣроятности роковой удѣлъ настоящаго положенія, что эти интересы, сами по себѣ совершенно мѣстные и сравнительно незначительные, оказываютъ рѣшающее воздѣйствіе на вопросъ исполинской важности. Они подобны тѣмъ скромнымъ жилищамъ частныхъ людей, расположеннымъ на такомъ мѣстѣ, которое господствуетъ надъ крѣпостью, а на бѣду—врагъ у воротъ. Ибо, повторяемъ: секуляризація — вотъ конечный, неизбѣжный исходъ всякой реформы, серьезно и добросовѣстно проведенной въ Римской области; а секуляризація, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не что̀ болѣе, какъ сложеніе оружія передъ непріятелемъ, капитуляція.

Итакъ, что̀ же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что римскій вопросъ въ этой его постановкѣ—просто лабиринтъ безъ выхода; что папство, съ постепеннымъ развитіемъ скрытаго въ немъ порока, пришло, послѣ многихъ вѣковъ бытія, къ такому періоду существованія, въ которомъ жизнь, какъ было кѣмъ-то сказано, даетъ себя чувствовать лишь трудностью жить? То ли, что Римъ, создавшій Западъ по образу своему и подобію, столкнулся,

какъ и онъ, лицомъ къ лицу съ невозможностью? Мы не беремся отвѣчать отрицательно — и вотъ здѣсь-то и выступаетъ, словно солнце, та логика Промысла, которая, какъ внутренній законъ, управляетъ событіями міра. Скоро исполнится восемь вѣковъ съ того дня, какъ Римъ разорвалъ послѣднее звено, связывавшее его съ православнымъ преданіемъ Вселенской церкви. Создавая себѣ въ тотъ день свою отдѣльную судьбу, онъ на многіе вѣка рѣшилъ судьбу Запада.

Догматическія различія, отдѣляющія Римъ отъ православной церкви, извѣстны всѣмъ. Съ точки зрѣнія человѣческаго разума различія эти, вполнѣ обусловливая раздѣленіе, не объясняютъ въ достаточной мѣрѣ той пропасти, которая образовалась—не между двумя церквами, ибо церковь *одна*—а между двумя мірами, такъ сказать, между двумя человѣчествами, которыя послѣдовали за этими двумя разными знаменами. Различія эти не объясняютъ въ достаточной мѣрѣ, почему то, что̀ тогда совратилось съ пути, должно было необходимо дойти до той точки, которой оно достигаетъ на нашихъ глазахъ.

Спаситель сказалъ: «Царство Мое не отъ міра сего». И вотъ нужно понять, какимъ образомъ Римъ, отдѣлившись отъ единства, счелъ, что онъ имѣетъ право въ интересѣ, который онъ отожествилъ съ интересомъ самаго христіанства, устроить это Царство Христово, какъ царство міра сего. Мы знаемъ, какъ трудно, въ кругу понятій Запада, придать этому слову его законное значеніе: его всегда будутъ склонны толковать не въ православномъ, а въ протестантскомъ смыслѣ; а между этими двумя смыслами то разстояніе, которое отдѣляетъ божественное отъ человѣческаго. Но надо признать, что, будучи

отдѣлено этимъ неизмѣримымъ разстояніемъ отъ протестантства, православное ученіе нисколько не ближе стоитъ и къ ученію Рима, и вотъ почему Римъ, конечно, поступилъ не такъ, какъ протестантство: онъ не упразднилъ христіанскаго средоточія, которое есть церковь, въ пользу человѣческаго, личнаго *я*; но зато онъ проглотилъ его въ римскомъ *я*. Онъ не отвергъ преданія, а удовольствовался тѣмъ, что конфисковалъ его въ свою пользу. А развѣ присваивать себѣ божественное не значитъ то же, что отрицать его? Вотъ чѣмъ устанавливается та страшная, но безспорная связь, которою, черезъ долгій промежутокъ времени, начало протестантства примыкаетъ къ захватамъ Рима: ибо захватъ представляетъ ту особенность, что онъ не только родитъ возстаніе, но еще создаетъ въ свою пользу призракъ права.

Новѣйшая революціонная школа въ этомъ не ошиблась. Революція, которая есть не что̀ иное, какъ апоѳеозъ того же самаго человѣческаго *я*, достигшаго до своего полнѣйшаго расцвѣта, не замедлила признать своими и привѣтствовать, какъ двухъ своихъ славныхъ предковъ—и Григорія VII-го и Лютера. Родственная кровь заговорила въ ней, а она приняла одного, несмотря на его христіанскія вѣрованія, и почти обоготворила другого, хоть онъ и папа.

Но если очевидное сходство, соединяющее три члена этого ряда, составляетъ основу исторической жизни Запада, то исходною точкою этой связи необходимо признать именно то глубокое искаженіе, которому христіанское начало подверглось отъ навязаннаго ему Римомъ устройства. Въ теченіе вѣковъ Западная церковь, подъ сѣнію Рима, почти совершенно утратила обликъ, указан-

ный ея исходнымъ началомъ. Она перестала быть, среди великаго человѣческаго общества, обществомъ вѣрующихъ, свободно соединенныхъ въ духѣ и истинѣ подъ Христовымъ закономъ: она сдѣлалась политическимъ учрежденіемъ, политическою силою, государствомъ въ государствѣ. По правдѣ сказать, во все продолженіе среднихъ вѣковъ церковь на Западѣ была ничѣмъ инымъ, какъ римскою колоніей, водворенной въ завоеванной странѣ.

Это-то устройство, привязавъ церковь къ праху земныхъ интересовъ, и создало ей, такъ сказать, смертную судьбу: воплотивъ божественное начало въ немощномъ и преходящемъ тѣлѣ, оно привило къ нему всѣ немощи и похоти плоти. Изъ этого устройства роковымъ образомъ вытекла для римской церкви необходимость войны, войны вещественной—необходимость, которая для такого учрежденія, какъ церковь, равносильна была безусловному осужденію. Изъ этого устройства родились та борьба притязаній и то соперничество интересовъ, которыя необходимо должны были привести къ ожесточенной схваткѣ между первосвященникомъ и имперіей, къ этому поистинѣ безбожному и святотатственному поединку, который, продолжаясь во всѣ средніе вѣка, нанесъ на Западѣ смертельный ударъ самому началу власти. Отсюда всѣ эти излишества и насилія, нагромождаемыя въ продолженіе вѣковъ, чтобы подпереть ту вещественную власть, безъ которой, по мнѣнію Рима, нельзя ему было обойтись для охраненія единства церкви, и которая однакоже въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, разбила вдребезги это воображаемое единство: ибо нельзя отрицать, что взрывъ реформы въ XVI вѣкѣ въ основаніи своемъ былъ лишь реакціей христіанскаго чувства, слишкомъ

долго накипавшаго противъ власти церкви, которая уже во многихъ отношеніяхъ была таковою лишь по имени. Но такъ какъ издавна Римъ заботливо заслонялъ собою вселенскую церковь отъ Запада, то вожди реформы, вмѣсто того, чтобы нести свои обиды предъ судилище высшей и законной власти, предпочли апеллировать къ суду личной совѣсти, то-есть сотворили себя судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ: вотъ тотъ камень преткновенія, о который разбилась реформа XVI вѣка. Такова—не въ обиду будь сказано мудрымъ учителямъ Запада—истинная и единственная причина, въ силу которой движеніе реформы, христіанское въ своемъ началѣ, сбилось съ пути и наконецъ пришло къ отрицанію авторитета церкви, а слѣдовательно и самаго начала всякаго авторитета. Черезъ этотъ проломъ, который протестантство пробило, такъ сказать, само того не вѣдая, ворвалось впослѣдствіи въ западное общество противохристіанское начало.

Исходъ этотъ былъ неизбѣженъ, ибо человѣческое *я*, предоставленное самому себѣ, противно христіанству по существу. Возмущеніе этого *я* и его захваты возникли, конечно, не въ три послѣдніе вѣка; но тутъ именно, въ первый разъ въ исторіи человѣчества, это возмущеніе, этотъ захватъ возведены были на степень принципа и стали дѣйствовать подъ видомъ права, присущаго человѣческой личности. Поэтому за три послѣдніе вѣка историческая жизнь Запада необходимо была непрерывною войною, постояннымъ приступомъ, направленнымъ противъ всѣхъ христіанскихъ элементовъ, входившихъ въ составъ стараго западнаго общества. Эта разрушительная работа длилась долго, такъ какъ для того, чтобы имѣть возможность напасть на учрежденія, надо было

прежде уничтожить ихъ связующую силу, то-есть вѣрованія.

Первая французская революція тѣмъ именно и памятна во всемірной исторіи, что ей, такъ сказать, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ достиженія противохристіанскою идеею правительственной власти надъ политическимъ обществомъ. Эта идея выражаетъ собою истинную сущность, такъ сказать, душу революціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ ея основное ученіе—то новое ученіе, которое революція внесла въ міръ. Это, очевидно, ученіе о верховной власти народа. А что̀ такое верховная власть народа, какъ не верховенство человѣческаго *я*, помноженнаго на огромное число, то-есть опирающагося на силу? Все, что̀ не есть это начало, не есть уже революція и можетъ имѣть лишь чисто-относительную и случайную цѣну. Вотъ почему, замѣтимъ мимоходомъ, нѣтъ ничего безсмысленнѣе или коварнѣе—какъ придавать иную цѣну созданнымъ революціею политическимъ учрежденіямъ. Это осадныя орудія, превосходно приспособленныя къ тому употребленію, для котораго они построены; но помимо этого назначенія, они въ правильномъ обществѣ никогда не найдутъ подходящаго приложенія.

Впрочемъ, революція сама позаботилась о томъ, чтобы не оставить въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея истинной природы. Отношеніе свое къ христіанству она формулировала такъ: «Государство, какъ таковое, не имѣетъ религіи», ибо таковъ символъ вѣры новѣйшаго государства. Вотъ, собственно говоря, та великая новость, которую революція внесла въ міръ, вотъ ея неотъемлемое, существенное дѣло — фактъ, не

имѣющій себѣ подобнаго въ предшествовавшей исторіи человѣческихъ обществъ. Въ первый разъ политическое общество отдавалось подъ власть государства, совершенно чуждаго всякаго высшаго освященія, государства, объявлявшаго, что у него нѣтъ души; а если и есть, то развѣ душа безвѣрная: ибо кто не знаетъ, что даже въ языческой древности, во всемъ этомъ мірѣ по ту сторону креста, который жилъ подъ сѣнію общаго вселенскаго преданія (искаженнаго, но не прерваннаго язычествомъ), городъ, государство были прежде всего учрежденіемъ религіознымъ? Это былъ какъ бы обломокъ общаго преданія, который, воплощаясь въ отдѣльномъ обществѣ, образовывался какъ независимый центръ; это была, такъ сказать, ограниченная мѣстностью и овеществленная религія.

Нейтралитетъ, котораго революція желаетъ держаться въ вопросахъ вѣры, очевидно, не есть съ ея стороны что-нибудь серьезное. Ей слишкомъ хорошо вѣдомы свойства ея противника, чтобы не знать, что по отношенію къ нему никакой нейтралитетъ невозможенъ: «Кто не со Мною, тотъ противъ Меня». Въ самомъ дѣлѣ, чтобы предложить христіанству нейтралитетъ, нужно напередъ перестать быть христіаниномъ. Софизмъ новаго ученія падаетъ здѣсь передъ всесильною природою вещей. Для того, чтобы нейтралитетъ этотъ имѣлъ смыслъ и не былъ ложью и западнею, необходимо, чтобы новѣйшее государство согласилось отказаться отъ всякаго притязанія на нравственный авторитетъ, чтобы оно низвело себя на степень простого полицейскаго учрежденія, простого вещественнаго факта, неспособнаго по существу выражать какую бы то ни было нравственную идею. Неужели можно

серьезно утверждать, что революція для созданнаго ею и воплощающаго ее государства приметъ такое не только унизительное, но невозможное условіе? На самомъ дѣлѣ она и не думаетъ его принимать; напротивъ, какъ извѣстно, некомпетентность современнаго законодательства въ дѣлахъ вѣры для нея вытекаетъ лишь изъ убѣжденія, что такъ называемая религіозная мораль, то-есть мораль, не имѣющая никакого сверхъестественнаго утвержденія, достаточна для человѣческаго общества. Вѣрно ли это положеніе, или нѣтъ—но оно несомнѣнно представляетъ цѣлое ученіе, которое для всякаго добросовѣстнаго человѣка равносильно безусловному отрицанію христіанской истины.

И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, несмотря на эту глаголемую некомпетентность и конституціонный нейтралитетъ новѣйшаго государства въ дѣлахъ вѣры,—вездѣ, гдѣ это государство водворилось, оно не замедлило потребовать для себя и проявить на дѣлѣ по отношенію къ церкви ту же власть и тѣ же права, какія принадлежали прежнимъ правительствамъ. Для примѣра укажемъ на Францію, на эту страну логики по преимуществу. Конечно, законъ заявляетъ тамъ, что государство, какъ таковое, не имѣетъ религіи; однакоже само государство, въ своихъ отношеніяхъ къ католической церкви, настойчиво продолжаетъ считать себя совершенно законнымъ наслѣдникомъ христіаннѣйшаго короля.

Возстановимъ же истину: новѣйшее государство потому лишь изгоняетъ государственныя религіи, что у него есть своя; и эта его религія есть революція.

Возвращаясь теперь къ римскому вопросу, легко понять невозможность того положенія, въ которое хотятъ по-

ставить папство, заставивъ его принять для своей свѣтской власти условія новѣйшаго государства. Природа начала, лежащаго въ основаніи этого послѣдняго, хорошо извѣстна папству: оно инстинктивно чуетъ ее, и въ случаѣ нужды христіанская совѣсть священника предостережетъ папу. Между папствомъ и этимъ началомъ невозможно соглашеніе; ибо здѣсь соглашеніе было бы не простою уступкою власти, а отступничествомъ.

Но почему бы папѣ и не принять учрежденій безъ ихъ основного начала?—скажутъ намъ. Вотъ еще одно изъ пустыхъ мечтаній этого такъ называемаго умѣреннаго направленія, которое мнитъ себя необыкновенно разсудительнымъ, а въ сущности лишено здраваго смысла. Да развѣ учрежденія могутъ быть отдѣлены отъ начала, которое ихъ создало и живитъ? Развѣ снарядъ учрежденій, лишенный души, не есть мертвый и безполезный храмъ? Притомъ учрежденія въ дѣйствительности всегда имѣютъ значеніе, приписываемое имъ не тѣми, кто далъ ихъ, а тѣми, кто ихъ получилъ, тѣмъ болѣе когда введеніе учрежденій есть дѣло этихъ послѣднихъ.

Если бы папа былъ только епископомъ, то-есть если бы папство осталось вѣрнымъ своему происхожденію, то у революціи не было бы оружія для нападенія на него; ибо гоненіе не есть такое оружіе. Но то чуждое начало, которое папство отожествило съ собою, начало смертное и преходящее, — оно-то и дѣлаетъ его теперь доступнымъ для ударовъ революціи. Вотъ тотъ задатокъ, который за много вѣковъ впередъ римское папство дало революціи. Здѣсь, какъ мы уже сказали, ярко проявилась властная логика дѣйствій Промысла. Изъ всѣхъ учрежденій, порожденныхъ папствомъ со времени его отдѣленія отъ пра-

вославной церкви, безъ сомнѣнія, ни одно такъ глубоко не отмѣтило этого отдѣленія, ни одно такъ его не усилило и не утвердило, какъ свѣтская власть папы. И вотъ именно на этомъ-то учрежденіи теперь и спотыкается папство!

Давно уже, конечно, міръ не видалъ ничего подобнаго тому зрѣлищу, которое представляла несчастная Италія въ послѣднее время передъ ея новыми бѣдствіями. Давно ни одно положеніе вещей, ни одинъ историческій фактъ не имѣли такого страннаго облика. Случается иногда, что человѣкомъ, наканунѣ какого-нибудь большого несчастія, безъ всякаго видимаго повода овладѣетъ припадокъ безумной радости, неистоваго веселья: здѣсь цѣлый народъ былъ вдругъ охваченъ такого рода припадкомъ. И эта лихорадка, это безуміе поддерживалось и распространялось въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Была минута, когда оно, подобно электрическому току, пробѣжало по всѣмъ общественнымъ слоямъ, — и лозунгомъ такого всеобщаго и напряженнаго безумія было имя папы!

Сколько разъ, вѣроятно, бѣдный христіанскій священникъ содрогался въ глубинѣ своего убѣжища при звукахъ этой оргіи, дѣлавшей его своимъ кумиромъ! Сколько разъ эти клики любви, эти судороги восторга должны были возбуждать уныніе и сомнѣніе въ душѣ этого христіанина, преданнаго въ добычу такой ужасающей популярности! Ему, папѣ, становилось особенно жутко потому, что въ основаніи этой великой популярности, за всѣмъ этимъ изступленіемъ массъ, какъ бы неистово оно ни было, онъ не могъ не видѣть расчета и задней мысли.

Впервые захотѣли воздавать поклоненіе папѣ, отдѣляя его отъ папства. Мало того: самый человѣкъ потому

лишь и былъ предметомъ всего этого поклоненія, всѣхъ этихъ горячихъ изъявленій преданности, что въ немъ надѣялись найти сообщника противъ учрежденія; словомъ, хотѣли задать праздникъ папѣ, сжигая папство въ потѣшномъ огнѣ. Такое положеніе было тѣмъ грознѣе, что тотъ расчетъ, та задняя мысль, о которой мы упомянули, слышались не только въ намѣреніяхъ партій, а проявлялись и въ бесознательномъ чувствѣ массъ. И ничѣмъ не отличалась такъ ярко вся ложь и лицемѣріе такого положенія, какъ совпаденіемъ апоѳеоза, въ который возводился глава католической церкви, съ началомъ самаго ожесточеннаго гоненія на іезуитовъ. Орденъ іезуитовъ будетъ всегда загадкою для Запада: это одна изъ тѣхъ загадокъ, ключъ къ которымъ находится за его предѣлами. Можно не безъ основанія сказать, что іезуитскій вопросъ слишкомъ близко затрогиваетъ религіозную совѣсть Запада, чтобы Западъ могъ когда-нибудь разрѣшить его вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ.

Чтобы говорить объ іезуитахъ, чтобы подвергнуть ихъ справедливой оцѣнкѣ, нужно прежде всего устранить всѣхъ тѣхъ людей (а имъ имя легіонъ), для которыхъ слово «іезуитъ» есть уже только лозунгъ, военный кличъ. Конечно, самое краснорѣчивое, самое убѣдительное изъ всѣхъ оправданій, какія выставлялись въ пользу этого знаменитаго ордена, заключается въ той ожесточенной и непримиримой ненависти, которую питаютъ къ нему всѣ враги христіанской вѣры; но, признавая это, нельзя также скрыть отъ себя, что многіе католики—и притомъ наиболѣе искренніе, наиболѣе преданные своей церкви, отъ Паскаля и до нашихъ дней — не переставали, изъ поколѣнія въ поколѣніе, чувствовать открытое, непреодолимое

отвращеніе къ этому учрежденію. Такое расположеніе духа значительной части католическаго міра создаетъ, быть-можетъ, одно изъ самыхъ потрясающихъ и трагическихъ положеній, въ какія только можетъ быть поставлена человѣческая душа. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно вообразить себѣ болѣе глубокой трагедіи, чѣмъ та борьба, которая должна происходить въ сердцѣ человѣка, когда, поставленный между чувствомъ религіознаго благоговѣнія (чувствомъ, превосходящимъ сыновнюю любовь) съ одной стороны и отвратительной очевидностью съ другой, онъ усиливается замять, заглушить свидѣтельство собственной совѣсти, лишь бы не признаться самому себѣ, что между предметомъ его поклоненія и предметомъ отвращенія существуетъ тѣсная и безспорная связь. Между тѣмъ таково именно положеніе всѣхъ тѣхъ вѣрныхъ католиковъ, которые, ослѣпленные своею враждою къ іезуитамъ, стараются скрыть отъ себя то, что̀ ясно до очевидности — именно глубокое, тѣсное сродство, связывающее этотъ орденъ, его стремленія, его ученіе, его судьбы со стремленіями, ученіемъ и судьбами римской церкви, отъ которой его невозможно отдѣлить, не причинивъ тѣмъ существеннаго поврежденія и увѣчья. Ибо, если отрѣшиться отъ всѣхъ предубѣжденій партіи, вѣроисповѣданія и даже народности; если проникнуться самымъ полнымъ безпристрастіемъ и христіанскимъ милосердіемъ и передъ лицомъ исторіи и дѣйствительности, допросивъ ихъ обѣихъ, задать себѣ по совѣсти вопросъ, что̀ такое іезуиты?—то вотъ, думаемъ мы, каковъ будетъ отвѣтъ: іезуиты — это люди, исполненные пламенной, неутомимой, нерѣдко геройской ревности къ дѣлу христіанства и которые однако повинны въ великомъ преступленіи передъ тѣмъ же хри-

стіанствомъ. Именно, одержимые человѣческимъ *я*, — не какъ отдѣльныя личности, а какъ цѣлый орденъ, — они сочли дѣло христіанства настолько связаннымъ съ ихъ собственнымъ дѣломъ и въ пылу преслѣдованія, въ разгарѣ битвы, такъ всецѣло забыли слово Учителя: «Не якоже Азъ хощу, но якоже Ты», что наконецъ стали добиваться побѣды Божіей цѣною всего, только не цѣною своего личнаго удовлетворенія. Это заблужденіе, котораго корень лежитъ въ первородной испорченности человѣка и котораго послѣдствія для христіанства неисчислимы, не есть однакоже исключительная принадлежность общества Іисуса. Это заблужденіе, это стремленіе настолько обще ему съ самой римской церковью, что въ немъ-то и должно видѣть ту существенную связь, которая какъ бы кровными узами соединяетъ ихъ другъ съ другомъ. Благодаря именно этой общности, этому тожеству стремленій, іезуитскій орденъ и является сосредоточеннымъ, но буквально вѣрнымъ выраженіемъ римскаго католичества. Проще сказать, онъ есть само католичество, но только въ состояніи дѣйствія, въ положеніи воинствующемъ. Вотъ почему этотъ орденъ, подвергаясь изъ вѣка въ вѣкъ, такъ сказать, постоянной баллотировкѣ, переходя отъ торжества къ гоненіямъ, отъ поношенія къ апоѳеозу, никогда не находилъ, да и не можетъ найти на Западѣ ни достаточно безпристрастнаго религіознаго мнѣнія, способнаго его оцѣнить, ни религіознаго авторита, властнаго произнести надъ нимъ судъ. Одна часть западнаго общества — та, которая рѣшительно оторвалась отъ христіанскаго начала — нападаетъ на іезуитовъ лишь для того, чтобы, прикрываясь ихъ популярностью, имѣть возможность вѣрнѣе направлять удары на своего настоя-

щаго врага. Что же касается тѣхъ изъ католиковъ, которые остались вѣрными Риму, но сдѣлались противниками ордена, то хотя сами они лично, какъ христіане, могутъ быть и правы, но какъ римскіе католики они безсильны противъ него: ибо, нападая на орденъ, они постоянно подвергаются опасности поранить самую римскую церковь.

Но не только противъ іезуитовъ, этой живой силы католичества, старались воспользоваться тою полупритворною, полуискреннею популярностью, которою облекли папу Пія IX: на него разсчитывала еще другая партія, ему прочили другое призваніе. Сторонники національной независимости надѣялись, что, съ полнымъ упраздненіемъ свѣтской власти папства въ пользу ихъ дѣла, тотъ, кто прежде всего есть епископъ, согласится стать гонфалоньеромъ итальянской свободы. Такимъ образомъ два наиболѣе живыя и сильныя чувства современной Италіи—отвращеніе отъ свѣтской власти духовенства и завѣщанная преданіемъ ненависть къ иноземцу, къ «варвару», къ нѣмцу—оба эти чувства требовали содѣйствія папы ихъ дѣлу. Всѣ его прославляли, даже обоготворяли, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ сдѣлался слугою всѣхъ, и слугою никакъ не въ смыслѣ христіанскаго смиренія. Между политическими мнѣніями или вліяніями, которыя, предлагая ему свою помощь, всячески добивались его покровительства, было одно надѣлавшее передъ тѣмъ много шуму, потому что его истолкователями и вѣстниками были люди съ выдающимся литературнымъ талантомъ. Если повѣрить наивно-заносчивому ученію этихъ политическихъ теоретиковъ, то современная Италія, подъ сѣнію римскаго престола, должна была вернуть себѣ древнее первенство и въ третій разъ захватить въ свои руки

скипетръ всемірнаго владычества. иными словами, въ то самое время, когда зданіе папства было потрясено до самаго основанія, они серьезно совѣтовали папѣ постараться перещеголять средніе вѣка и предлагали ему нѣчто въ родѣ христіанскаго калифата—конечно, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эта новая теократія прежде всего преслѣдовала цѣли итальянской національности.

Нельзя достаточно надивиться той наклонности ко всему несбыточному и невозможному, которая въ наши дни владѣетъ умами и составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ нашего вѣка. Должно-быть, есть дѣйствительная связь между утопіей и революціей, потому что всякій разъ какъ революція на мгновеніе измѣняетъ своимъ привычкамъ и вмѣсто того, чтобы разрушать, берется создавать—она неизбѣжно впадаетъ въ утопію. Нужно сказать, что та, на которую мы намекнули, есть еще одна изъ самыхъ безобидныхъ.

Наконецъ въ этомъ положеніи вещей наступила минута, когда уклончивый образъ дѣйствій сталъ уже невозможенъ, и папству, чтобы вернуть свое право, пришлось стать лицомъ къ лицу противъ мнимыхъ друзей папы. Тогда и революція со своей стороны сбросила личину и явилась міру въ образѣ римской республики. Что̀ такое эта партія—теперь достаточно извѣстно: ее всѣ видѣли на дѣлѣ. Это истинная, законная представительница революціи въ Италіи. Партія эта считаетъ папство своимъ личнымъ врагомъ, такъ какъ находитъ въ немъ присутствіе христіанскаго начала; поэтому она не терпитъ его ни подъ какимъ видомъ—ни даже подъ условіемъ употреблять его для своихъ цѣлей. Ей бы просто хотѣлось упразднить его изъ того же самаго побужденія, изъ ко-

тораго она хочетъ упразднить все прошлое Италіи, всѣ историческія условія ея бытія, якобы запятнанныя и зараженныя католицизмомъ, предоставляя себѣ, чистымъ революціоннымъ отвлеченіемъ, привязать замышляемое ею государственное устройство къ республиканскимъ преданіямъ древняго Рима.

Въ этой безсмысленной утопіи любопытно то, что, несмотря на ея совершенно противоисторическій характеръ, у нея также есть свое всѣмъ извѣстное преданіе въ исторіи итальянской цивилизаціи. Она въ сущности есть не что̀ иное, какъ классическое воспоминаніе древняго языческаго міра, языческой цивилизаціи — преданіе, которое играло великую роль въ исторіи Италіи на всемъ ея протяженіи, которое имѣло своихъ представителей, героевъ и даже мучениковъ, и которое, не довольствуясь почти исключительнымъ господствомъ своимъ въ искусствахъ и литературѣ страны, много разъ пыталось сложиться въ силу политическую, чтобы овладѣть всѣмъ обществомъ въ цѣломъ. И замѣчательно, что всякій разъ, какъ это преданіе, это стремленіе хотѣло возродиться, оно являлось, подобно привидѣнію, неизмѣнно привязаннымъ къ одному и тому же мѣсту, именно къ Риму. Когда оно достигло до нашихъ дней, революціонное начало естественно должно было принять его и усвоить себѣ, ради заключавшейся въ немъ противохристіанской мысли. Недавно партія эта была побѣждена, и власть папы, повидимому, возстановлена; но нужно согласиться, что если что-нибудь могло еще усложнить то роковое стеченіе обстоятельствъ, которое заключаетъ въ себѣ римскій вопросъ, то это именно французское вмѣшательство, которымъ достигнутъ этотъ двойной результатъ.

Ходячее мнѣніе, ставшее общимъ мѣстомъ, видитъ въ этомъ вмѣшательствѣ либо отчаянную выходку, либо промахъ французскаго правительства. Дѣйствительно, можно сказать, что если французское правительство, впутываясь въ этотъ, самъ по себѣ неразрѣшимый, вопросъ, скрывало отъ себя, что для него онъ еще болѣе неразрѣшимъ, чѣмъ для кого другого, — то это лишь показываетъ съ его стороны полное непониманіе какъ своего собственнаго положенія, такъ и положенія Франціи... что̀, впрочемъ, признаёмся, очень возможно. Вообще въ Европѣ за послѣднее время слишкомъ привыкли сводить оцѣнку дѣйствій или вѣрнѣе поползновеній французской политики къ фразѣ, обратившейся въ пословицу: «Франція сама не знаетъ, чего хочетъ». Это, можетъ-быть, и правда; но, чтобы быть совершенно справедливымъ, слѣдовало бы прибавить: «Франція и не можетъ знать, чего она хочетъ». Вѣдь чтобы быть въ состояніи знать это, нужно прежде всего имѣть *единую* волю; а Франція уже шестьдесятъ лѣтъ какъ осуждена имѣть *двѣ* воли. Мы говоримъ не о той разладицѣ, не о томъ раздѣленіи мнѣній, политическихъ или иныхъ, которое присуще всякой странѣ, гдѣ общество силою обстоятельствъ предано владычеству партій: мы говоримъ о фактѣ несравненно большей важности — о той постоянной, существенной и навѣки непримиримой враждѣ, которая въ продолженіе шестидесяти лѣтъ составляетъ, такъ сказать, самую суть народной совѣсти во Франціи. Самая душа Франціи раздвоена.

Хотя революція, съ тѣхъ поръ какъ она завладѣла этою страною, и успѣла перевернуть ее вверхъ дномъ, измѣнить, исказить, но ей не удалось и никогда не

удастся усвоить ее себѣ вполнѣ. Что̀ бы она ни дѣлала, въ духовной жизни Франціи есть такіе задатки и начала, которые всегда будутъ оказывать ей сопротивленіе—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ на свѣтѣ Франція; таковы католическая церковь съ ея вѣрованіями и обученіемъ, христіанскій бракъ и семья, и даже собственность. Съ другой стороны, такъ какъ можно предвидѣть, что революція, вошедшая не только въ кровь, но даже въ душу этого общества, никогда не согласится добровольно уступить добычу, и такъ какъ мы не знаемъ въ исторіи міра ни одной формулы заклинанія, приложимой къ цѣлому народу,—то надо думать, что состояніе такой непрерывной внутренней борьбы, постояннаго и, такъ сказать, органическаго раздвоенія стало надолго естественнымъ состояніемъ новаго французскаго общества. И вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ въ этой странѣ осуществляется такого рода сочетаніе, что государство, революціонное по принципу, тянетъ за собою на буксирѣ общество, которое лишь взбунтовано, между тѣмъ какъ правительство, власть, которая необходимо сродни имъ обоимъ, не будучи въ состояніи ихъ примирить, силою обстоятельствъ осуждено на ложное и жалкое положеніе, окружено опасностями и поражено безсиліемъ. Поэтому всѣ смѣнившіяся съ тѣхъ поръ французскія правительства, кромѣ одного—правительства конвента во время террора—при всемъ различіи ихъ происхожденія, ихъ ученія и стремленій, сходились въ одномъ: всѣ они (не исключая даже и того, которое явилось вслѣдъ за февральскимъ переворотомъ) гораздо болѣе подпадали революціи, чѣмъ представляли ее сами. Да оно и понятно: вѣдь они и жить-то могли лишь подъ

условіемъ бороться съ нею, въ то же самое время претерпѣвая ее. Нужно прибавить, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ они всѣ погибли при выполненіи этой задачи.

Неужели же такая власть—столь неопредѣленная, столь мало увѣренная въ своемъ правѣ—могла разсчитывать на успѣхъ, вмѣшиваясь въ такой вопросъ, какъ римскій? Становясь въ качествѣ посредницы или судьи между революціей и папой, она никакъ не могла надѣяться примирить то, что̀ непримиримо по самой своей природѣ; съ другой стороны, она не могла дать побѣду одной изъ борющихся сторонъ, не поранивъ самоё себя, не отрекшись, такъ сказать, отъ половины своего существа. Этимъ обоюдоострымъ вмѣшательствомъ—какъ бы ни было притуплено лезвее—она могла лишь еще болѣе запутать то, что̀ уже и безъ того было неразрѣшимо, и, раздражая рану, лишь растравить ее. И въ этомъ она успѣла вполнѣ.

Каково въ дѣйствительности нынѣшнее положеніе папы по отношенію къ его подданнымъ? Какова вѣроятная судьба новыхъ учрежденій, которыя онъ имъ далъ? Тутъ, къ сожалѣнію, возможны лишь самыя печальныя предположенія, а сомнѣніе невозможно.

Каково это положеніе? Да, это старый порядокъ вещей—порядокъ, предшествовавшій нынѣшнему царствованію, падавшій уже тогда подъ бременемъ своей невозможности, но еще чрезмѣрно отягченный всѣмъ, что̀ случилось съ тѣхъ поръ: въ мірѣ нравственномъ—страшными разочарованіями и предательствомъ, въ мірѣ вещественномъ—цѣлымъ рядомъ крушеній.

Таковъ этотъ заколдованный кругъ, въ которомъ со-

рокъ лѣтъ вертѣлось и билось столько народовъ и правительствъ. Управляемые принимали уступки власти, какъ ничтожныя выдачи въ счетъ, дѣлаемыя противъ воли недобросовѣстнымъ должникомъ, а правительства видѣли въ предъявляемыхъ имъ требованіяхъ козни лицемѣрнаго врага. Такое положеніе вещей, такое взаимное недовѣріе, отвратительное и развращающее всегда и вездѣ, здѣсь еще зловреднѣе, вслѣдствіе особенно священнаго характера власти и вслѣдствіе совершенно исключительныхъ свойствъ ея отношеній къ подданнымъ: ибо, повторяемъ еще разъ, въ этомъ положеніи, когда не только дѣйствіемъ человѣческихъ страстей, но самою силою обстоятельствъ дѣло, такъ сказать, движется по наклонной плоскости,—всякая уступка, всякое преобразованіе, если оно искренно и серьезно, неизбѣжно толкаетъ римское государство къ полной секуляризаціи. Никто не сомнѣвается, что секуляризація—послѣднее слово этого положенія дѣлъ. Но папа, который и въ обыкновенное время не въ правѣ допустить ее, потому что свѣтская власть—достояніе не его лично, а римской церкви,—еще менѣе можетъ согласиться на нее теперь, когда онъ убѣжденъ, что эта секуляризація, если даже она будетъ дарована въ удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ, должна рѣшительно обратиться къ выгодѣ заклятыхъ враговъ не только его власти, но и самой церкви. Согласиться на нее—значило бы сдѣлаться виновнымъ въ отступничествѣ и предательствѣ. Таково положеніе власти. Что касается до подданныхъ, то ясно, что та вкоренившаяся ненависть къ господству духовенства, которая составляетъ основную черту римскаго населенія, не могла быть ослаблена послѣдними событіями; и если

съ одной стороны уже одного подобнаго настроенія духа достаточно, чтобы самыя человѣколюбивыя и благонамѣренныя преобразованія оказались мертворожденными, то съ другой стороны неудача этихъ преобразованій можетъ лишь страшно усилить общее раздраженіе, утвердить общественное мнѣніе въ его ненависти къ возстановленной власти и—привлечь новыхъ бойцовъ подъ вражеское знамя.

Положеніе поистинѣ страшное, и на которомъ какъ бы лежитъ печать кары свыше... Ибо, что̀ можетъ быть ужаснѣе для служителя Христова, какъ быть обреченнымъ на власть, отправлять которую ему нельзя иначе, какъ на погибель душъ, на разореніе церкви?.. Нѣтъ, такое ужасное, такое противоестественное положеніе продлиться не можетъ. Наказаніе или испытаніе,—мыслимо ли, чтобъ Господь въ своемъ милосердіи оставилъ еще надолго римскую церковь, охваченную этимъ огненнымъ кругомъ, и не открылъ пути, не указалъ исхода,—исхода дивнаго, свѣтозарнаго, нечаемаго,—или, лучше сказать, чаемаго уже многіе вѣка... Можетъ-быть, еще много превратностей и несчастій отдѣляютъ отъ этого мгновенія папство и подвластную ему церковь. Можетъ-быть, они еще только при самомъ началѣ этихъ бѣдственныхъ временъ, — ибо немалое будетъ то пламя, не краткосрочный то будетъ пожаръ, который, пожирая, обращая въ пепелъ цѣлые вѣка суетныхъ притязаній и противохристіанской вражды, сокрушитъ наконецъ роковую преграду, заслоняющую желанный исходъ.

Въ виду совершающихся событій, предъ лицомъ злого начала въ его новомъ строѣ, — самомъ хитроумномъ и грозномъ, какой видали люди,—передъ этимъ міромъ зла,

стоящимъ наготовѣ и во всеоружіи, съ его церковью безвѣрія, съ его правительствующимъ мятежомъ,—ужели христіанамъ нельзя надѣяться, что Богъ благоволитъ соразмѣрить силы Своей церкви съ тѣмъ новымъ подвигомъ, который Онъ ей назначилъ; что наканунѣ готовящагося боя Онъ благоволитъ возвратить ей полноту ея силъ, и для этого Самъ, въ положенный Имъ часъ, уврачуетъ Своею милосердою рукою язву на ея тѣлѣ, нанесенную рукою людей — ту зіяющую язву, которая уже восемьсотъ лѣтъ не перестаетъ точить кровь?

Православная церковь никогда не отчаивалась въ этомъ исцѣленіи. Она ждетъ его, разсчитываетъ на него — не съ надеждой только, но съ увѣренностью. Какъ тому, что̀ едино по существу, что̀ едино въ вѣчности, не восторжествовать надъ разъединеніемъ во времени? Несмотря на многовѣковое раздѣленіе и сквозь всѣ человѣческія предубѣжденія, церковь не переставала признавать, что христіанское начало никогда не исчезало въ римской церкви, что оно было въ ней сильнѣе, чѣмъ заблужденіе и человѣческая страсть. Поэтому она питаетъ глубокое убѣжденіе, что оно окажется сильнѣе всѣхъ своихъ враговъ. Церковь знаетъ и то, что, какъ было въ продолженіе многихъ вѣковъ, такъ и теперь—судьбы христіанства на Западѣ все еще находятся въ рукахъ римской церкви; и оно твердо надѣется, что въ день великаго возсоединенія эта церковь возвратитъ ей неповрежденнымъ этотъ священный залогъ.

Я позволю себѣ, въ заключеніе, припомнить одну подробность посѣщенія русскимъ императоромъ Рима въ 1846 году. Тамъ, вѣроятно, еще памятно то всеобщее душевное волненіе, съ какимъ было встрѣчено его появле-

ніе во храмѣ св. Петра—появленіе православнаго императора, возвратившагося въ Римъ послѣ столькихъ вѣковъ отсутствія; памятенъ электрическій трепетъ, пробѣжавшій по толпѣ, когда онъ подошелъ помолиться у гроба апостоловъ. Это волненіе было законно. Колѣнопреклоненный царь былъ не одинъ: вся Россія была тамъ, склоня колѣна съ нимъ вмѣстѣ. Будемъ надѣяться, что не напрасно вознеслась ея молитва передъ святыми останками!..

С.-Петербургъ, 1 (13) октября 1849.

IV.

О ЦЕНЗУРѢ ВЪ РОССІИ.

ПИСЬМО КЪ ОДНОМУ ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА *).

Пользуюсь дозволеніемъ, которое вамъ угодно было мнѣ дать, чтобы повергнуть на ваше благоусмотрѣніе нѣсколько замѣчаній, находящихся въ связи съ предметомъ нашей послѣдней бесѣды. Считаю излишнимъ еще разъ выражать мое сердечное сочувствіе къ той мысли, которую вы соблаговолили мнѣ высказать и (въ случаѣ, если будетъ сдѣлана попытка осуществить ее) увѣрять васъ въ моей твердой готовности содѣйствовать ей, по мѣрѣ моихъ силъ. Но именно въ видахъ удобнѣйшаго достиженія этой цѣли, я считаю себя обязаннымъ прежде всего откровенно объясниться передъ вами относительно моего взгляда на этотъ предметъ. Весьма понятно, что здѣсь вопросъ не въ изложеніи моихъ политическихъ убѣжденій: это было бы ребячествомъ. Въ наше время всѣ здравомыслящіе люди одинаковаго мнѣнія насчетъ

---

*) Кн. М. Д. Горчакову.

политическихъ взглядовъ: одни отъ другихъ разнятся въ мнѣніяхъ только вслѣдствіе большей или меньшей проницательности при сознаніи того, что̀ есть, и при оцѣнкѣ того, чему бы слѣдовало быть. Надлежитъ прежде всего прійти къ соглашенію насчетъ большей или меньшей истины, заключающейся въ этой оцѣнкѣ. И если дѣйствительно (какъ вамъ угодно было выразиться) практическій умъ можетъ желать въ извѣстномъ случаѣ только того, что̀ осуществимо по отношенію къ личностямъ, то не менѣе достовѣрно и то, что было бы недостойно истинно-практическаго ума желать чего-нибудь выступающаго изъ предѣловъ естественныхъ условій существованія. Но приступимъ къ дѣлу.

Если, среди многихъ другихъ, существуетъ истина, которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнетъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами зло-

получныхъ событій. Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ. Итакъ (я это говорю съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ), для всякаго, кто съ той минуты слѣдилъ въ общихъ чертахъ за умственною дѣятельностью въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ литературномъ движеніи страны, оказывается невозможнымъ не радоваться счастливымъ послѣдствіямъ этой новой системы. Не болѣе другихъ и я нисколько не желаю скрывать слабыя стороны и подчасъ даже уклоненія современной литературы; но нельзя по справедливости отказать ей въ одномъ достоинствѣ, весьма существенномъ, а именно: что съ той минуты, когда ей была дарована нѣкоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколь возможно лучше и вѣрнѣе выражать мнѣніе страны. Къ живому сознанію современной дѣйствительности и часто къ весьма замѣчательному таланту въ ея изображеніи она присоединяла не менѣе искреннюю заботливость о всѣхъ положительныхъ нуждахъ, о всѣхъ интересахъ, о всѣхъ язвахъ русскаго общества. Въ смыслѣ предстоящихъ улучшеній она, какъ и сама страна, озабочивалась только тѣми, которыя были возможны, практичны и ясно указаны, не дозволяя себѣ увлекаться утопіей—этимъ недугомъ, столь присущимъ литературѣ. Если въ борьбѣ, ею предпринятой противъ злоупотребленій, она иногда доходила до очевидныхъ преувеличеній, то слѣдуетъ отнести къ ея чести, что въ пылу преслѣдованія ихъ она въ своихъ мысляхъ никогда не отдѣляла интересовъ верховной

власти отъ интересовъ страны, проникнутая твердымъ и честнымъ убѣжденіемъ, что вести войну противъ злоупотребленій значило вести ее въ то же время противъ личныхъ враговъ государя. Мнѣ хорошо извѣстно, что въ наше время весьма часто подобная внѣшняя личина усердія прикрываетъ весьма дурныя чувства и служитъ къ сокрытію стремленій далеко нечестныхъ; но, благодаря той опытности, которую люди нашихъ лѣтъ не могутъ не имѣть, ничего нѣтъ легче, какъ распознать съ перваго взгляда эти грубыя уловки, и въ этомъ смыслѣ коварство никого не обманетъ.

Можно положительно утверждать, что въ настоящую минуту въ Россіи преобладаютъ два господствующія чувства, всегда почти тѣсно связанныя другъ съ другомъ, а именно: раздраженіе и отвращеніе при видѣ закоснѣлости злоупотребленій и священное довѣріе къ чистымъ, благороднымъ и доброжелательнымъ намѣреніямъ монарха.

Всѣ вообще убѣждены, что никто сильнѣе его не страдаетъ отъ этихъ язвъ Россіи и никто живѣе его не желаетъ ихъ исцѣленія; но нигдѣ, быть-можетъ, это убѣжденіе не существуетъ такъ живо, такъ цѣльно, какъ именно среди сословія писателей, и обязанность всякаго благороднаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы громко провозглашать, что въ настоящую минуту едва ли въ обществѣ можно найти другой разрядъ людей болѣе благоговѣйно преданныхъ особѣ государя!

Не скрываю отъ себя, что подобная оцѣнка, вѣроятно, можетъ встрѣтить недовѣріе со стороны многихъ лицъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего офиціальнаго міра. Во всѣ времена существовало въ этихъ слояхъ какое-то

предвзятое чувство сомнѣнія и нерасположенія, и это весьма легко объясняется спеціальностью ихъ точки зрѣнія. Есть люди, которые знаютъ литературу настолько, насколько полиція въ большихъ городахъ знаетъ народъ, ею охраняемый, т.-е. лишь тѣ несообразности и тѣ безпорядки, которымъ иногда предается нашъ добрый народъ.

Нѣтъ, что̀ бы ни говорили, но правительству не приходилось до сихъ поръ раскаиваться въ томъ, что оно смягчило въ пользу печати тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ нею. Но въ этомъ вопросѣ о печати достаточно ли того, что̀ сдѣлано; и, въ виду болѣе свободнаго умственнаго труда и по мѣрѣ того, какъ успѣхи литературы возрастали, — не ощущается ли все сильнѣе ежедневная польза и необходимость высшаго руководства или направленія? Одна цензура, какъ бы она ни дѣйствовала, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ этого новаго порядка вещей. Цензура служитъ предѣломъ, а не руководствомъ. А у насъ въ литературѣ, какъ и во всемъ остальномъ, вопросъ не столько въ томъ, чтобы подавлять, сколько въ томъ, чтобы направлять. Направленіе, мощное, разумное, въ себѣ увѣренное направленіе—вотъ чего требуетъ страна, вотъ въ чемъ заключается лозунгъ всего настоящаго положенія нашего.

Часто жалуются на тотъ духъ непокорности и неповиновенія, который отличаетъ людей нынѣшняго поколѣнія. Въ этомъ обвиненіи заключается значительная доля недоразумѣнія. Можно съ достовѣрностью сказать, что ни въ какую другую эпоху не было столько дѣятельныхъ умственныхъ силъ *не у дѣлъ* и тяготящихся бездѣйствіемъ, на которое онѣ обречены. Но эти же са-

мыя силы, среди которыхъ возникаютъ противники власти, весьма часто были бы готовы ей содѣйствовать, если бы она выразила расположеніе пріобщить ихъ къ своей дѣятельности и рѣшительно двинуться впередъ во главѣ ихъ. Именно эта истина, опытомъ дознанная, во многихъ государствахъ Европы способствовала, со времени послѣднихъ революціонныхъ переворотовъ, тому, чтобы измѣнить значительно отношенія правительства къ печати. И здѣсь я позволяю себѣ, въ подкрѣпленіе моей теоріи, сдѣлать ссылку на свидѣтельство вашихъ собственныхъ воспоминаній.

Германія до 1848 года была столь же знакома вамъ, какъ и мнѣ, и вы не можете не помнить, каково было положеніе тогдашней печати относительно германскихъ правительствъ, какою горечью, какою непріязнью отличались ея отношенія къ нимъ, сколько тревоги и заботъ она имъ причиняла. И что̀ же! Почему это враждебное расположеніе нынѣ большею частью исчезло и замѣнилось настроеніемъ совершенно инымъ? Потому, что тѣ же правительства, смотрѣвшія на печать, какъ на неизбѣжное зло, которому они ненавидя покорялись, стали искать въ ней вспомогательную силу и употреблять ее какъ орудіе, приспособленное къ ихъ требованіямъ.

Я привожу этотъ примѣръ лишь для того, чтобы доказать, что въ странахъ уже сильно зараженныхъ революціоннымъ духомъ, просвѣщенное и энергическое направленіе всегда найдетъ умы, готовые признать его и слѣдовать за нимъ, хотя вообще я не менѣе всякаго другого ненавижу, въ примѣненіи къ нашимъ интересамъ, всѣ эти мнимыя сближенія съ тѣмъ, что̀ совершается за границею: почти всегда понятыя лишь наполовину,

они причинили намъ слишкомъ много вреда, чтобы внушить мнѣ желаніе ссылаться на ихъ авторитетъ.

У насъ, благодаря Бога, пришлось бы удовлетворять не совсѣмъ такимъ стремленіямъ; другія убѣжденія, менѣе отжившія и болѣе безкорыстныя, отозвались бы на призывъ правительства. И подлинно, невзирая на недуги, насъ удручающіе, и пороки, насъ искажающіе, въ нашихъ душахъ еще сохраняются (нельзя не повторять этого безустанно) сокровища разумной готовности и преданной умственной дѣятельности, расположенныя ввѣриться сочувственному руководству, способному ихъ оцѣнить и пріютить. Однимъ словомъ, если справедливо то (что̀ уже утверждалось такъ часто), что правительству не менѣе церкви ввѣрено попеченіе о душахъ, то нигдѣ эта истина столь не очевидна, какъ въ Россіи, и нигдѣ также (нельзя въ этомъ не сознаться) подобное призваніе правительства не могло быть такъ легко выполняемо. И потому у насъ встрѣчено было бы съ единодушнымъ удовольствіемъ и одобреніемъ намѣреніе власти принять на себя, въ ея сношеніяхъ съ печатью, серьезно и честно-сознанное управленіе общественныхъ умовъ и сохранить за собою право руководить умами.

Но въ настоящую минуту я пишу не полуофиціальную статью, а письмо, исполненное довѣрія и откровенности, и странно бы мнѣ было прибѣгать къ оговоркамъ и недомолвкамъ. Поэтому и постараюсь выяснить, какъ сумѣю, на какихъ условіяхъ, по моему мнѣнію, правительство могло бы считать себя въ правѣ проявлять подобное вліяніе на умы.

Прежде всего слѣдуетъ взять страну, какова она въ настоящую минуту, погруженную въ весьма тягостныя

и законныя умственныя заботы, между своимъ прошлымъ (правда, изобилующимъ указаніями, но и многими опытами, приводящими въ уныніе) и своимъ будущимъ, преисполненнымъ загадочности.

Затѣмъ слѣдовало бы, по отношенію къ государству, прійти къ тому сознанію, къ которому обыкновенно приходятъ съ такимъ трудомъ родители относительно вырастающихъ на ихъ глазахъ дѣтей, а именно: что настаетъ возрастъ, когда мысль тоже мужаетъ и желаетъ, чтобы ее признавали таковою. Такимъ образомъ, для того, чтобы пріобрѣсти надъ умами, достигшими зрѣлости, то нравственное вліяніе, безъ котораго нельзя помышлять о возможности руководить ими, слѣдовало бы прежде всего вселить въ нихъ увѣренность, что по всѣмъ великимъ вопросамъ, которые озабочиваютъ и волнуютъ нынѣ страну, въ высшихъ слояхъ правительства существуютъ если и не совсѣмъ готовыя рѣшенія, то по крайнѣй мѣрѣ строго-сознанныя убѣжденія и сводъ правилъ, во всѣхъ своихъ частяхъ согласный и послѣдовательный.

Понятно, что не слѣдуетъ дозволять обществу вмѣшиваться въ обсужденія Государственнаго Совѣта, или опредѣлять, совмѣстно съ печатью, программу дѣйствій правительства. Но было бы весьма существенно, если бы правительство было само настолько убѣждено въ своихъ идеяхъ, настолько проникнуто своими собственными убѣжденіями, чтобы ощущать потребность проявить ихъ вліяніе и дать имъ проникнуть какъ элементу возрожденія, какъ новой жизни, въ самую глубь народнаго сознанія. Было бы необходимо, въ виду тяжкихъ затрудненій насъ удручающихъ, чтобы правительство сознало,

что безъ этой искренней связи съ дѣйствительною душою страны, безъ полнаго и совершеннаго пробужденія всѣхъ ея нравственныхъ и умственныхъ силъ, безъ ихъ добровольнаго и единодушнаго содѣйствія при разрѣшеніи общей задачи,—правительство, предоставленное собственнымъ своимъ силамъ, не можетъ совершить ничего, столько же извнѣ, какъ и внутри, столько же для своего блага, какъ и для нашего.

Однимъ словомъ, слѣдовало бы всѣмъ, какъ обществу, такъ и правительству, постоянно говорить и повторять себѣ, что судьба Россіи уподобляется кораблю, сѣвшему на мель, который никакими усиліями экипажа не можетъ быть сдвинутъ съ мѣста, и лишь только одна приливающая волна народной жизни въ состояніи поднять его и пустить въ ходъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, во имя какого принципа и какого чувства правительство могло бы овладѣть умами и сердцами и, такъ сказать, принять ихъ въ свои руки и вести куда ему угодно. За этимъ знаменемъ они послѣдовали бы всюду.

Считаю излишнимъ говорить, что я вовсе не желаю для этого обратить правительство въ проповѣдника, возводить его на каѳедру и заставлять его произносить поученія передъ безмолвною толпою. Ему слѣдовало бы сообщить свой духъ, а не свое слово, той прямодушной пропагандѣ, которая творилась бы подъ его сѣнью. И такъ какъ, если желаешь убѣдить людей, первымъ условіемъ успѣха служитъ умѣнье возбудить ихъ вниманіе къ вашимъ словамъ, то весьма понятно, что эта спасительная пропаганда, для своего успѣха, должна не только не стѣснять свободу преній, но, напротивъ, стремиться къ

тому, чтобы свобода эта была настолько искренна и серьезна, насколько состояніе страны можетъ это дозволить. Притомъ нужно ли въ сотый разъ повторять слѣдующее столь очевидное положеніе: что въ наше время вездѣ, гдѣ свобода преній не существуетъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ, ничто не возможно, рѣшительно ничто въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ? Я знаю, въ какой степени въ вопросахъ подобнаго рода трудно (чтобы не сказать невозможно) придать своей мысли требуемую степень опредѣленности. Такъ, напримѣръ, какимъ образомъ опредѣлить, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ достаточною мѣрою свободы относительно преній? Эта мѣра, безусловно колеблющаяся и произвольная, весьма часто можетъ опредѣлиться лишь тѣмъ, что̀ составляетъ самую сокровенную, индивидуальную долю нашихъ убѣжденій, и надлежало бы, такъ сказать, узнать сперва всего человѣка, чтобы опредѣлить истинное значеніе, придаваемое имъ словамъ при обсужденіи этихъ предметовъ. Что до меня касается, то я, подобно многимъ, слѣдилъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, за этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ о печати, за всѣми превратностями его судьбы, и вы, конечно, согласитесь, что послѣ столь долгаго изученія и наблюденія этотъ вопросъ не можетъ быть для меня ничѣмъ инымъ, какъ предметомъ самой холодной и самой безпристрастной оцѣнки. И потому я не ощущаю ни предубѣжденія, ни непріязни ко всему до него относящемуся; я даже не питаю особенно враждебнаго чувства къ цензурѣ, хотя она въ эти послѣдніе годы тяготѣла надъ Россіею, какъ истинное общественное бѣдствіе. Признавая ея своевременность и относительную пользу, я главнымъ образомъ обвиняю ее

въ томъ, что она, по моему мнѣнію, вполнѣ неудовлетворительна для настоящей минуты, въ смыслѣ нашихъ дѣйствительныхъ нуждъ и дѣйствительныхъ интересовъ. Впрочемъ, вопросъ не въ томъ; онъ не заключается въ мертвой буквѣ регламентацій и инструкцій, которыя могутъ имѣть значеніе только для мысли, ихъ оживляющей. Весь вопросъ зиждется на томъ, какимъ образомъ само правительство въ собственномъ сознаніи смотритъ на свои отношенія къ печати? Чтобы выразиться точнѣе, онъ состоитъ въ той большей или меньшей долѣ законности, признаваемой за каждою индивидуальною мыслью.

А теперь, чтобы выйти наконецъ изъ общихъ положеній и коснуться поближе настоящаго порядка вещей, позвольте мнѣ сказать вамъ со всею откровенностью письма вполнѣ конфиденціальнаго, что до тѣхъ поръ, покуда правительство у насъ не измѣнитъ совершенно, во всемъ складѣ своихъ мыслей, своего взгляда на отношенія къ нему печати, покуда оно, такъ сказать, не отрѣшится отъ этого окончательно, до тѣхъ поръ ничто поистинѣ дѣйствительное не можетъ быть предпринято съ нѣкоторыми основаніями успѣха; и надежда пріобрѣсти вліяніе на умы съ помощью печати, такимъ образомъ направляемой, оставалась бы постояннымъ заблужденіемъ.

А между тѣмъ слѣдовало бы принять на себя рѣшимость взглянуть на вопросъ, каковъ онъ есть, какимъ сдѣлали его обстоятельства. Нельзя предполагать, чтобы правительство не озабочивалось весьма искренно явленіемъ, возникшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и стремящимся къ такому развитію, котораго значеніе и послѣдствія никто въ настоящую минуту предвидѣть не можетъ. Вы понимаете, что я разумѣю подъ этимъ осно-

ваніе русской печати за границею, внѣ всякаго контроля нашего правительства. Это явленіе безспорно важное, и даже весьма важное, заслуживающее самаго глубокаго вниманія. Было бы безполезно скрывать уже осуществившіеся успѣхи этой литературной пропаганды. Намъ извѣстно, что въ настоящую минуту Россія наводнена этими изданіями, что они переходятъ изъ рукъ въ руки съ величайшею быстротою въ обращеніи, что ихъ съ жадностью домогаются, и что они уже проникли если и не въ народныя массы, которыя не читаютъ, то по крайней мѣрѣ въ весьма низкіе слои общества. Съ другой стороны нельзя не сознаться, что, за исключеніемъ мѣръ положительно-стѣснительныхъ и тираническихъ, было бы весьма трудно существеннымъ образомъ воспрепятствовать какъ привозу и распространенію этихъ изданій, такъ равно и высылкѣ за границу рукописей, предназначаемыхъ къ ихъ поддержкѣ. Итакъ, рѣшимся признать истинные размѣры, истинное назначеніе этого явленія: это просто отмѣна цензуры, но отмѣна ея во имя вреднаго и враждебнаго вліянія, и, чтобы лучше быть въ состояніи бороться съ нимъ, постараемся уяснить себѣ, въ чемъ заключается его сила и чему оно обязано своими успѣхами. До сихъ поръ, по поводу рѣчи о заграничной русской печати, разумѣются только изданія Герцена. Какое значеніе имѣетъ Герценъ для Россіи? Кто его читаетъ? Ужели его соціальныя утопіи и его революціонные происки привлекаютъ къ нему ея вниманіе? Но среди читающихъ его людей съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ найдутся ли двое на сто, которые бы относились серьезно къ его ученію и не считали оное болѣе или менѣе невольною мономаніею, имъ

овладѣвшею? На-дняхъ меня даже увѣряли, что нѣкоторыя личности, заинтересованныя въ его успѣхѣ, очень искренно убѣждали его откинуть подальше эту революціонную оболочку, чтобы не ослабить вліянія, которое они желали бы упрочить за его изданіемъ. Не доказываетъ ли это, что газета Герцена служитъ для Россіи выраженіемъ чего-то совершенно иного, чѣмъ исповѣдуемыя ея издателемъ доктрины? Для чего же скрывать отъ себя, что ему даетъ значеніе и доставляетъ вліяніе именно то, что онъ служитъ для насъ представителемъ свободы сужденія, правда, на предосудительныхъ основаніяхъ, исполненныхъ непріязни и пристрастія, но тѣмъ не менѣе настолько свободныхъ (отчего въ томъ не сознаться?), чтобы вызывать на состязаніе и другія мнѣнія, болѣе разсудительныя, болѣе умѣренныя и нѣкоторыя изъ нихъ даже положительно разумныя. И теперь, какъ скоро мы убѣдились, въ чемъ заключается тайна его силы и вліянія, намъ не трудно опредѣлить, какого свойства должно быть оружіе, которое мы должны употребить для противодѣйствія ему. Очевидно, что газета, готовая принять на себя подобную задачу, могла бы разсчитывать на извѣстную долю успѣха лишь при условіяхъ своего существованія, нѣсколько подходящихъ къ условіямъ своего противника. Вашему доброжелательному благоразумію предстоитъ рѣшить, возможны ли подобныя условія въ данномъ положеніи, вамъ лучше меня извѣстномъ, и въ какой именно мѣрѣ они осуществимы.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, издатели не имѣли бы недостатка ни въ талантахъ, ни въ усердіи, ни въ искреннихъ убѣжденіяхъ; но, стекаясь на призывъ, къ нимъ обращенный, они пожелали бы прежде всего быть убѣ-

жденными, что они призываются не къ полицейскому труду, а къ дѣлу, основанному на довѣріи, и потому они сочли бы себя въ правѣ требовать для себя той доли свободы, которую предполагаетъ и вынуждаетъ всякое дѣйствительно-серьезное и существенное прореніе.

Благоволите взвѣсить, въ какой мѣрѣ тѣ вліятельныя лица, которыя приняли бы на себя основаніе подобнаго изданія и покровительство его успѣхамъ, согласились бы закрѣпить за нимъ извѣстную долю свободы, ему необходимую; и не пришли бы они, быть-можетъ, къ убѣжденію, что, изъ благодарности за оказанную поддержку и изъ особеннаго чувства уваженія къ своему привилегированному положенію, это изданіе, на которое они отчасти смотрѣли бы, какъ на свое собственное, было бы обязано соблюдать еще бо̀льшую сдержанность и умѣренность, чѣмъ всѣ другія изданія въ государствѣ.

Но это письмо слишкомъ длинно, и я спѣшу его окончить. Позвольте мнѣ только присовокупить въ заключеніе нѣсколько словъ, выражающихъ вкратцѣ всю мою мысль: приведеніе въ дѣйствіе того проекта, который вамъ угодно было сообщить мнѣ, казалось бы хотя и не легкимъ, но возможнымъ, если бы всѣ мнѣнія, всѣ честныя и просвѣщенныя убѣжденія имѣли право образовать изъ себя, открыто и свободно, умственную и преданную дружину, на служеніе личнымъ вдохновеніямъ государя? Примите и проч.

Ноябрь 1857 года.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ВЪ ПОДЛИННИКѢ.

I.

LETTRE À M. LE DOCTEUR GUSTAVE KOLB, RÉDACTEUR DE LA «GAZETTE UNIVERSELLE».

Monsieur le Rédacteur,

L'accueil que vous avez fait dernièrement à quelques observations que j'ai pris la liberté de vous adresser, ainsi que le commentaire modéré et raisonnable dont vous les avez accompagnées, m'ont suggéré une singulière idée. Que serait-ce, monsieur, si nous essayions de nous entendre sur le fond même de la question? Je n'ai pas l'honneur de vous connaître personnellement. En vous écrivant c'est donc à la „Gazette Universelle d'Augsbourg“ que je m'adresse. Or, dans l'état actuel de l'Allemagne, la „Gazette d'Augsbourg“ est quelque chose de plus, à mes yeux, qu'un journal. C'est la première de ses tribunes politiques... Si l'Allemagne avait le bonheur d'être *une*, son gouvernement pourrait à plusieurs égards adopter ce journal pour l'organe légitime de sa pensée. Voilà pourquoi je m'adresse à vous. Je suis Russe, ainsi que j'ai déjà eu l'honneur de vous le dire, Russe de cœur et d'âme, profondement dévoué à mon pays, en paix avec mon gouvernement et, de plus, tout à fait indépendant par ma position. C'est donc une opinion russe, mais *libre* et par-

faitement *désintéressée*, que j'essayerai d'exprimer ici... Cette lettre, comprenez-moi bien, s'adresse plus encore à vous, monsieur, qu'au public. Toutefois vous pouvez en faire tel usage qu'il vous plaira. La publicité m'est indifférente. Je n'ai pas plus de raisons de l'éviter que de la rechercher... Et ne craignez pas, monsieur, qu'en ma qualité de Russe, je m'engage à mon tour dans la pitoyable polémique qu'a soulevée dernièrement un pitoyable pamphlet. Non, monsieur, cela n'est pas assez sérieux.

...Le livre de M. de Custine est un témoignage de plus de ce dévergondage de l'esprit, de cette démoralisation intellectuelle, trait caractéristique de notre époque, en France surtout, qui fait qu'on se laisse aller à traiter les questions les plus graves et les plus hautes, bien moins avec la raison qu'avec les nerfs, qu'on se permet de juger un monde avec moins de sérieux qu'on n'en mettait autrefois à faire l'analyse d'un vaudeville. Quant aux adversaires de M. de Custine, aux soi-disant défenseurs de la Russie, ils sont certainement plus sincères, mais ils sont bien niais. Ils me font l'effet de gens qui, par un excès de zèle, ouvriraient précipitamment leur parasol pour protéger contre l'ardeur du jour la cime du Mont-Blanc... Non, monsieur, ce n'est pas de l'apologie de la Russie qu'il sera question dans cette lettre. L'apologie de la Russie!.. Eh, mon Dieu, c'est un plus grand maître que nous tous qui s'est chargé de cette tâche et qui, ce me semble, s'en est jusqu'à présent assez glorieusement acquitté. Le véritable apologiste de la Russie c'est l'Histoire, qui depuis trois siècles ne se lasse pas de lui faire gagner tous les procès dans lesquels elle a successivement engagé ses mystérieuses destinées... En m'adressant à vous, monsieur, c'est de vous-même, de votre propre pays, que je prétends vous entretenir, de ses intérêts les plus essentiels, les plus évidents, et s'il est question de la Russie ce ne sera que dans ses rapports immédiats avec les destinées de l'Allemagne.

A aucune époque, je le sais, les esprits en Allemagne n'ont été aussi préoccupés qu'ils le sont de nos jours du grand problème de l'unité germanique. Eh bien, monsieur, vous surprendrai-je beaucoup, vous, sentinelle vigilante et avancée, si je vous disais qu'au beau milieu de cette préoccupation générale, un œil un peu attentif pourrait signaler bien des tendances qui, si elles venaient à grandir, compromettraient terriblement cette œuvre de l'unité à laquelle tout le monde a l'air de travailler. Il y en a une surtout fatale entre toutes... Je ne dirai rien qui ne soit dans la pensée de tout le monde, et cependant je ne pourrais pas dire un mot de plus, sans toucher à des questions brûlantes; mais j'ai la croyance que de nos jours, comme au moyen-âge, quand on a les mains pures et les intentions droites, on peut impunément toucher à tout...

Vous savez, monsieur, quelle est la nature des rapports qui unissent depuis trente ans les gouvernements de l'Allemagne, grands et petits, à la Russie. Ici je ne vous demande pas ce que pensent de ces rapports telle ou telle opinion, tel ou tel parti; il s'agit d'un fait. Or le fait est que jamais ces rapports n'ont été plus bienveillants, plus intimes, que jamais entente plus sincèrement cordiale n'a existé entre ces différents gouvernements et la Russie. Monsieur, pour qui vit sur le terrain de la réalité et non dans le monde des phrases, il est clair que cette politique est la vraie, la légitime politique de l'Allemagne, sa politique normale, et que ses souverains, en maintenant intacte cette grande tradition de votre époque de régénération, n'ont fait qu'obéir aux inspirations du patriotisme le plus éclairé. Mais encore une fois, monsieur, je ne prétends pas au don des miracles, je ne prétends pas faire partager cette opinion à tout le monde, surtout pas à ceux qui la considèrent comme leur ennemie person-

nelle; aussi bien ce n'est pas d'une opinion qu'il s'agit pour le moment, c'est d'un fait, et le fait, ce me semble, est assez visible et assez palpable pour rencontrer peu d'incrédules.

A côté et en regard de cette direction politique de vos gouvernements, ai-je besoin de vous dire, monsieur, quelle est l'impulsion, quelles sont les tendances que depuis une dizaine d'années on travaille sans relâche à imprimer à l'opinion allemande à l'égard de la Russie? Ici encore je m'abstiendrai pour le moment d'apprécier à leur juste valeur les griefs, les accusations de tout genre qu'on ne cesse d'accumuler contre elle avec une persévérance vraiment étonnante. Il ne s'agit ici que du résultat obtenu. Ce résultat, il faut l'avouer, s'il n'est pas consolant, est à peu près complet. Les travailleurs sont en droit d'être contents de leur journée.—Cette même puissance que les grandes générations de 1813 saluaient de leur enthousiaste reconnaissance, cette puissance dont l'alliance fidèle, dont l'amitié active et désintéressée n'a pas failli une seule fois depuis trente ans ni aux peuples, ni aux souverains de l'Allemagne, on a réussi, grâce aux refrains dont on a bercé l'enfance de la génération actuelle, on a presque réussi, dis-je, à transformer cette même puissance en épouvantail pour un grand nombre d'hommes appartenant à notre génération, et bien des intelligences viriles de notre époque n'ont pas hésité à rétrograder jusqu'à la candide imbécillité du premier âge, pour se donner la satisfaction de voir dans la Russie l'ogre du XIX-e siècle.

Tout cela est vrai. Les ennemis de la Russie triompheront peut-être de ces aveux; mais qu'ils me permettent de continuer.

Voilà donc deux tendances bien décidément opposées; le désaccord est flagrant et il s'aggrave tous les jours.

D'un côté vous avez les souverains, les cabinets de l'Allemagne avec leur politique sérieuse et réfléchie, avec leur direction déterminée, et d'autre part un autre souverain de l'époque—l'opinion, qui s'en va où les vents et les flots la poussent.

Monsieur, permettez-moi de m'adresser à votre patriotisme et à vos lumières: que pensez-vous d'un pareil état de choses? Quelles conséquences en attendez-vous pour les intérêts, pour l'avenir de votre patrie? Car, comprenez-moi bien, ce n'est que de l'Allemagne qu'il s'agit en ce moment. Mon Dieu, si l'on pouvait se douter, parmi vous, combien peu la Russie est atteinte par toutes ces violences dirigées contre elle, peut-être cela ferait réfléchir jusqu'à ses ennemis les plus acharnés.

Il est évident qu'aussi longtemps que la paix durera, ce désaccord n'amènera aucune perturbation grave et manifeste; le mal continuera à couler sous terre; vos gouvernements, comme de raison, ne changeront pas leur direction, ne bouleverseront pas de fond en comble toute la politique extérieure de l'Allemagne pour se mettre à l'unisson de quelques esprits fanatiques ou brouillons; ceux-ci, sollicités, poussés par la contradiction, ne croiront pas pouvoir s'engager assez avant dans la direction la plus opposée à celle qu'ils réprouvent, et c'est ainsi que, tout en continuant à parler de l'unité de l'Allemagne, ils s'approcheront, les yeux toujours tournés vers l'Allemagne, ils s'approcheront pour ainsi dire à reculons vers la pente fatale, vers la pente de l'abîme, où votre patrie a déjà glissé plus d'une fois. Je sais bien, monsieur, que tant que nous conserverons la paix, le péril que je signale ne sera qu'imaginaire; mais vienne la crise, cette crise dont le pressentiment pèse sur l'Europe, viennent ces jours d'orage, qui mûrissent tout en quelques heures, qui poussent toutes les tendances à leurs conséquences les

plus extrêmes, qui arrachent leur dernier mot à toutes les opinions, à tous les parties... monsieur, qu'arrivera-t-il alors? Serait-il donc vrai qu'il y ait pour les nations plus encore que pour les individus une fatalité inexorable, inexpiable? Faut-il croire qu'il y ait en elles des tendances plus fortes que toute leur volonté, que toute leur raison, des maladies organiques que nul art, nul régime ne peuvent conjurer?.. En serait-il ainsi de cette terrible tendance au déchirement que l'on voit, comme un phénix de malheur, renaître à toutes les grandes époques de l'histoire de votre noble patrie? Cette tendance, qui a éclaté au moyen-âge par le duel impie et anti-chrétien du sacerdoce et de l'Empire, qui a déterminé cette lutte parricide entre l'empereur et les princes, puis, un moment affaiblie par l'épuisement de l'Allemagne, est venue se retremper et se rajeunir dans la Réformation, et, après avoir accepté d'elle une forme définitive et comme une conjuration légale, s'est remise à l'œuvre avec plus de zèle que jamais, adoptant tous les drapeaux, épousant toutes les causes, toujours la même sous des noms différents jusqu'au moment où, parvenue à la crise décisive de la guerre de Trente Ans, elle appelle à son secours l'étranger, d'abord la Suède, puis s'associe définitivement l'ennemi, la France, et, grâce à cette association de forces, achève glorieusement en moins de deux siècles la mission de mort dont elle était chargée.

Ce sont là de funestes souvenirs! Comment se fait-il qu'en présence de souvenirs pareils vous ne vous sentiez pas plus alarmé par tout symptôme qui annonce un antagonisme naissant dans les dispositions de votre pays? Comment ne vous demandez-vous pas avec effroi si ce n'est pas là le réveil de votre ancienne, de votre terrible maladie?

Les trente années qui viennent de s'écouler peuvent

assurément être comptées parmi les plus belles de votre histoire; depuis les grands règnes de ses empereurs saliques jamais de plus beaux jours n'avaient lui sur l'Allemagne; depuis bien des siècles l'Allemagne ne s'était aussi complètement appartenu, ne s'était sentie aussi *une*, aussi elle-même; depuis bien des siècles elle n'avait eu vis-à-vis de son éternelle rivale une attitude plus forte, plus imposante. Elle l'a tenue en échec sur tous les points. Voyez vous-même: au delà des Alpes vos plus glorieux empereurs n'ont jamais exercé une autorité plus réelle que celle qu'y exerce maintenant une puissance allemande. Le Rhin est redevenu allemand de cœur et d'âme; la Belgique, que la dernière secousse européenne semblait devoir précipiter dans les bras de la France, s'est arrêtée sur la pente, et maintenant il est évident qu'elle remonte vers vous; le cercle de Bourgogne se reforme, la Hollande tôt ou tard ne saurait manquer de vous revenir. Telle a donc été l'issue définitive du grand duel engagé il y a plus de deux siècles entre la France et vous; vous avez pleinement triomphé, vous avez eu le dernier mot. Et cependant, convenez-en: pour qui avait assisté à cette lutte depuis son origine, pour qui l'avait suivie à travers toutes ses phases, à travers toutes ses vicissitudes, jusqu'à la veille du jour suprême et décisif, il eût été difficile de prévoir une pareille issue; les apparences n'étaient pas pour vous, les chances n'étaient pas en votre faveur. Depuis la fin du moyen-âge, malgré quelque temps d'arrêt, la puissance de la France n'avait cessé de grandir, en se concentrant et en se disciplinant, et c'est à partir de cette époque que l'Empire, grâce à sa scission religieuse, est entré dans son dernier période, dans le période de sa désorganisation légale; les victoires même que vous remportiez étaient stériles pour vous, car ces victoires n'arrêtaient pas la désorganisation intérieure, où souvent

même elles ne faisaient que la précipiter. Sous Louis XIV, bien que le grand roi eût échoué, la France triompha, son influence domina souverainement l'Allemagne; enfin vint la Révolution, qui, après avoir extirpé de la nationalité française jusqu'aux derniers vestiges de ses origines, de ses affinités germaniques, après avoir rendu à la France son caractère exclusivement romain, engagea contre l'Allemagne, contre le principe même de son existence, une dernière lutte, une lutte à mort; et c'est au moment où le soldat couronné de cette Révolution faisait représenter sa parodie de l'empire de Charlemagne sur les débris mêmes de l'empire fondé par Charlemagne, obligeant pour dernière humiliation les peuples de l'Allemagne d'y jouer aussi leur rôle, c'est dès ce moment suprême que la péripétie eut lieu, et que tout fut changé.

Comment s'était-elle faite, cette prodigieuse péripétie? Par qui? Par quoi avait-elle été amenée?.. Elle a eté amenée par l'arrivée d'un tiers sur le champ de bataille de l'Occident européen; mais ce tiers, c'était tout un monde...

Ici, monsieur, pour nous entendre, il faut que vous me permettiez une courte digression. On parle beaucoup de la Russie; de nos jours elle est l'objet d'une ardente, d'une inquiète curiosité. Il est clair qu'elle est devenue une des grandes préoccupations du siècle; mais, bien différent des autres problèmes qui le passionnent, celui-ci, il faut l'avouer, pèse sur la pensée contemporaine, plus encore qu'il ne l'excite... Et il ne pouvait en être autrement: la pensée contemporaine, fille de l'Occident, se sent là en présence d'un élément sinon hostile, du moins décidément étranger, d'un élément qui ne relève pas d'elle, et l'on dirait qu'elle a peur de se manquer à elle-même, de mettre en cause sa propre légitimité, si elle acceptait comme pleinement légi-

time la question qui lui est posée, si elle s'appliquait sérieusement, consciencieusement à la comprendre et à la résoudre... Qu'est-ce que la Russie? Quelle est sa raison d'être, sa loi historique? D'où vient-elle? Où va-t-elle? Que représente-t-elle? Le monde, il est vrai, lui a fait une place au soleil; mais la philosophie de l'histore n'a pas encore daigné lui en assigner une. Quelques rares intelligences, deux ou trois en Allemagne, une ou deux en France, plus libres, plus avancées que le gros de l'armée, ont bien entrevu le problème, ont bien soulevé un coin du voile, mais leurs paroles jusqu'à présent ont été peu comprises, ou peu écoutées.

Pendant longtemps la manière dont on a compris la Russie dans l'Occident a ressemblé, à quelques égards, aux premières impressions des contemporains de Colomb. C'était la même erreur, la même illusion d'optique. Vous savez que pendant longtemps les hommes de l'ancien continent, tout en applaudissant à l'immortelle découverte, s'étaient obstinément refusés à admettre l'existence d'un continent nouveau; ils trouvaient plus simple et plus rationnel de supposer que les terres qui venaient de leur être révélées n'étaient que l'appendice, le prolongement du continent qu'ils connaissaient déjà. Ainsi en a-t-il été des idées qu'on s'est longtemps faites de cet autre nouveau monde, l'Europe orientale, dont la Russie a de tout temps été l'âme, le principe moteur et auquel elle était appelée à imposer son glorieux nom, pour prix de l'existence historique que ce monde a déjà recue d'elle, ou qu'il en attend. Pendant des siècles, l'Occident européen avait cru avec une bonne foi parfaite qu'il n'y avait point, qu'il ne pouvait pas y avoir d'autre Europe que lui. Il savait, à la vérité, qu'au delà de ses frontières il y avait encore des peuples, des souverainiteés, qui se disaient chrétiens; aux temps de sa puissance il avait même en-

tamé les bords de ce monde sans nom, il en avait arraché quelques lambeaux qu'il s'était incorporés tant bien que mal, en les dénaturant, en les dénationalisant; mais que, par delà cette limite extrême, il y eût une autre Europe, une Europe orientale, sœur bien légitime de l'Occident chrétien, chrétienne comme lui, point féodale, point hiérarchique, il est vrai, mais par là même plus intimement chrétienne; qu'il y eût là tout un monde, un dans son principe, solidaire de ses parties, vivant de sa vie propre, organique, originale: voilà ce qu'il était impossible d'admettre, voilà ce que bien des gens aimeraient à révoquer en doute, même de nos jours... Longtemps l'erreur avait été excusable; pendant des siècles le principe moteur était resté comme enseveli sous le chaos: son action avait été lente et presque imperceptible; un épais nuage enveloppait cette lente élaboration d'un monde. Mais enfin, quand les temps furent accomplis, la main d'un géant abattit le nuage, et l'Europe de Charlemagne se trouva face à face avec l'Europe de Pierre le Grand.

Ceci une fois reconnu, tout devient clair, tout s'explique: on comprend maintenant la véritable raison de ces apides progrès, de ces prodigieux accroissements de la Russie, qui ont étonné le monde. On comprend que ces prétendues conquêtes, ces prétendues violences ont été l'œuvre la plus organique et la plus légitime que jamais l'histoire ait réalisée, c'était tout bonnement une immense restauration qui s'accomplissait. On comprendra aussi pourquoi on a vu successivement périr et s'éffacer sous sa main tout ce que la Russie a rencontré sur sa route de tendances anormales, de pouvoirs et d'institutions infidèles au grand principe qu'elle représentait, pourquoi la Pologne a dû périr, non pas l'originalité de sa race polonaise, à Dieu ne plaise, mais la fausse civilisation, la fausse nationalité, qui lui avaient été imputées. C'est

aussi de ce point de vue que l'on appréciera le mieux la véritable signification de ce qu'on appelle la question d'Orient, de cette question que l'on affecte de proclamer insoluble, précisément parce que tout le monde en a depuis longtemps prévu l'inévitable solution. Il s'agit en effet de savoir si l'Europe orientale, déjà aux trois quarts constituée, si ce véritable empire de l'Orient, dont le premier, celui des césars de Byzance, des anciens empereurs orthodoxes, n'avait été qu'une faible et imparfaite ébauche, si l'Europe orientale recevra ou non son dernier, son plus indispensable complément, si elle l'obtiendra par le progrès naturel des choses, ou si elle se verra forcée de le demander à la fortune par les armes, au risque des plus grandes calamités pour le monde. Mais revenons à notre sujet.

Voilà, monsieur, quel était le tiers dont l'arrivée sur le théâtre des événements a brusquement décidé le duel séculaire de l'Occident européen; la seule apparition de la Russie dans vos rangs y a ramené l'unité, et l'unité vous a donné la victoire.

Et maintenant, pour se rendre un compte vrai de la situation actuelle des choses, on ne saurait assez se pénétrer d'une vérité, c'est que depuis cette intervention de l'Orient constituée dans les affaires de l'Occident, tout est changé en Europe: jusque-là vous y étiez à deux, maintenant nous y sommes à trois. Les longues luttes y sont devenues impossibles.

De l'état actuel des choses peuvent sortir les trois combinaisons suivantes, les seules possibles désormais. L'Allemagne, alliée fidèle de la Russie, gardera sa prépondérance au centre de l'Europe; ou bien cette prépondérance passerait aux mains de la France. Or, savez-vous, monsieur, ce que serait pour vous la prépondérance aux mains de la France? Ce serait, sinon la mort subite, au

moins le dépérissement certain de l'Allemagne. Reste la troisième combinaison, celle qui sourirait peut-être le plus à certaines gens: l'Allemagne alliée à la France contre la Russie... Hélas, monsieur, cette combinaison a déjà été essayée en 1812 et, comme vous savez, elle a eu peu de succès. D'ailleurs je ne pense pas qu'après l'issue des trente années qui viennent de s'écouler, l'Allemagne fût d'humeur à accepter les conditions d'existence d'une nouvelle confédération du Rhin: car toute alliance intime avec la France ne peut jamais être que cela pour l'Allemagne, et savez-vous, monsieur, ce que la Russie a entendu faire, lorsque, intervenant dans cette lutte engagée entre les deux principes, les deux grandes nationalités qui depuis des siècles se disputaient l'Occident européen, elle l'a décidée au profit de l'Allemagne, du principe germanique? Elle a voulu donner gain de cause une fois pour toutes au droit, à la légitimité historique, sur le procédé révolutionnaire. Et pourquoi a-t-elle voulu cela? Parce que le droit, la légitimité historique, c'est sa cause à elle, sa cause propre, la cause de son avenir, c'est là le droit qu'elle réclame pour elle-même et pour les siens. Il n'y a que la plus aveugle ignorance, celle qui ferme volontairement les yeux à la lumière, qui puisse encore méconnaître cette grande vérité, car enfin n'est-ce pas au nom de ce droit, de cette légitimité historique, que la Russie a relevé toute une race, tout un monde sa déchéance, qu'elle l'a appelé à vivre de sa vie propre, qu'elle lui a rendu son autonomie, qu'elle l'a constituée? Et c'est aussi au nom de ce même droit qu'elle saura bien empêcher que les faiseurs d'expériences politiques ne viennent arracher ou escamoter des populations entières à leur centre d'unité vivante, pour pouvoir ensuite plus aisément les tailler et les façonner comme des choses mortes, au gré de leurs mille fantaisies, qu'ils ne viennent en un

mot détacher des membres vivants du corps auquel ils appartiennent, sous prétexte de leur assurer par là une plus grande liberté de mouvement...

L'immortel honneur du Souverain qui est maintenant sur le trône de Russie, c'est de s'être fait plus pleinement, plus énergiquement qu'aucun de ses devanciers le représentant intelligent et inflexible de ce droit, de cette légitimité historique. Une fois que son choix a été fait, l'Europe sait si depuis trente ans la Russie y est restée fidèle. On peut affirmer, l'histoire à la main, qu'il serait bien difficile de trouver dans les annales politiques du monde un second exemple d'une alliance aussi profondément morale que celle qui unit depuis trente ans les souverains de l'Allemagne à la Russie, et c'est ce grand caractère de moralité qui l'a fait durer, qui l'a aidée à résoudre bien des difficultés, à surmonter bien des obstacles, et maintenant, après l'épreuve des bons et des mauvais jours, cette alliance a triomphé d'une dernière épreuve, la plus significative de toutes: l'inspiration qui l'avait fondée s'est transmise, sans choc et sans altération, des premiers fondateurs à leurs héritiers.

Eh bien, monsieur, demandez à vos gouvernements si depuis ces trente années la sollicitude de la Russie pour les grands interêts politiques de l'Allemagne s'est démentie un seul instant? Demandez aux hommes qui ont été dans les affaires si mainte fois et sur bien des questions cette sollicitude n'a pas devancé vos propres inspirations patriotiques? Vous voilà depuis quelques années vivement preoccupés en Allemagne de la grande question de l'unité germanique. Il n'en a pas toujours été ainsi, vous le savez. Moi qui depuis longtemps demeure parmi vous, je pourrais au besoin me rappeler l'époque précise où cette question a commencé à passionner les esprits; assurément il était peu question de cette unité, au moins dans

la presse, à l'époque où il n'y avait pas de feuille libérale qui ne se crût obligée en conscience de saisir chaque occasion d'adresser à l'Autriche et à son gouvernement les mêmes injures que l'on prodigue maintenant à la Russie... C'est donc là une préoccupation très louable, très légitime à coup sûr, mais d'une date assez récente. La Russie, il est vrai, n'a jamais prêché l'unité de l'Allemagne; mais depuis trente ans elle n'a cessé dans toutes les occasions et sur tous les tons de recommander à l'Allemagne l'union, la concorde, la confiance réciproque, la subordination volontaire des interêts particuliers à la grande cause de l'interêt général, et ces conseils, ces exhortations, elle ne s'est pas lassée de les reproduire, de les multiplier, avec toute cette énergique franchise d'un zèle qui se sait parfaitement désintéressé.

Un livre qui a eu, il y a quelques années, un grand retentissement en Allemagne et auquel on a bien faussement attribué une origine officielle, a semblé accréditer parmi vous l'opinion que la Russie, à une certaine époque, aurait eu pour système de s'attacher plus particulièrement les Etats allemands de second ordre au préjudice de l'influence légitime des deux grands Etats de la Confédération. Jamais supposition n'a été plus gratuite, et même, il faut le dire, plus contraire de tout point à la réalité. Consultez là-dessus les hommes compétents, ils vous diront ce qui en est; peut-être vous diront-ils que dans sa constante préoccupation d'assurer avant tout l'indépendance politique de l'Allemagne, la diplomatie russe s'est exposée quelquefois à froisser d'excusables susceptibilités, en recommandant avec trop d'insistance aux petites cours d'Allemagne une adhésion à toute épreuve au système des deux grandes puissances. Ce serait peut-être ici le lieu d'apprécier à sa juste valeur une autre accusation mille fois reproduite contre la Russie

et qui n'en est pas plus vraie. Que n'a-t-on pas dit pour faire croire que c'est son influence avant tout qui a contrarié en Allemagne le développement du régime constitutionnel? En thèse générale il est souverainement déraisonnable de chercher à transformer la Russie en adversaire systématique de telle ou telle forme de gouvernement; et comment, grand Dieu, serait-elle devenue ce qu'elle est, comment exercerait-elle sur le monde l'influence qui lui appartient, avec une pareille étroitesse de ses idées? Ensuite, dans le cas spécial dont il s'agit, il est rigoureusement vrai de dire que la Russie s'est toujours énergiquement prononcée pour le maintien loyal des institutions établies, pour le respect religieux des engagements contractés; après cela il est très possible qu'elle ait pensé qu'il ne serait pas prudent, dans l'intérêt le plus vital de l'Allemagne (celui de son unité) de donner dans les Etats constitutionnels de la Confédération à la prérogative parlementaire la même extension qu'elle a, par exemple, en Angleterre, en France; que si, même à présent, il n'était pas toujours facile d'établir entre les Etats cet accord, cette intelligence parfaite, que nécessite une action collective, le problème deviendrait tout bonnement insoluble dans une Allemagne dominée, c'est-à-dire divisée par une demi-douzaine de tribunes parlementaires souveraines. C'est là une de ces vérités acceptées à l'heure qu'il est par tous les bons esprits en Allemagne. Le tort de la Russie serait de l'avoir comprise une dizaine d'années plus tôt.

Maintenant, si de ces questions de l'intérieur nous passions à la situation du dehors, vous parlerai-je, monsieur, de la révolution de Juillet et des conséquences probables qu'elle devait avoir pour votre patrie et qu'elle n'a pas eues ? Ai-je besoin de vous dire que le principe de cette explosion, que l'âme même de ce mouvement c'était

avant tout le besoin d'une revanche éclatante contre l'Europe, et principalement contre vous, c'était l'irrésistible besoin de ressaisir cette prépondérance de l'Occident, dont la France avait si longtemps joui et qu'elle voyait avec dépit fixée depuis trente ans dans vos mains? Je rends assurément toute justice au roi des Français, j'admire son habileté, je souhaite une longue vie à lui et à son système... Mais que serait-il arrivé, monsieur, si, chaque fois que le gouvernement français a essayé depuis 1835 de porter ses regards par-dessus l'horizon de l'Allemagne, il n'avait pas constamment rencontré sur le trône de Russie la même attitude ferme et décidée, la même réserve, la même froideur, et surtout la même fidélité à toute épreuve, aux alliances établies, aux engagements contractés? S'il avait pu surprendre un seul instant de doute, d'hésitation, ne pensez-vous pas que le Napoléon de la paix lui-même se serait finalement lassé de retenir toujours cette France, frémissante sous sa main, et qu'il l'aurait laissée aller?.. Et que serait-ce, s'il avait pu compter sur de la connivence?..

Monsieur, je me trouvais en Allemagne à l'époque où M. Thiers, cédant à une impulsion pour ainsi dire instinctive, se disposait à faire ce qui lui paraissait la chose du monde la plus simple et la plus naturelle, c'est-à-dire à se venger sur l'Allemagne des échecs de sa diplomatie en Orient; j'ai été témoin de cette explosion, de la colère vraiment nationale que cette naïve insolence avait provoquée parmi vous, et je me félicite de l'avoir vue; depuis j'ai toujours entendu avec beaucoup de plaisir chanter le *Rheinlied*. Mais, monsieur, comment se fait-il que votre presse politique qui sait tout, qui sait par exemple le chiffre exact de tous les coups de poing qui s'échangent sur la frontière de Prusse entre les douaniers russes et

les contrebandiers prussiens, comment, dis-je, n'a-t-elle pas su ce qui s'est passé à cette époque entre les cours d'Allemagne et la Russie? Comment n'a-t-elle pas su, ou ne vous a-t-elle pas informé qu'à la première démonstration d'hostilité de la part de la France, 80.000 hommes de troupes russes devaient marcher au secours de votre indépendance menacée, et que 200.000 hommes les auraient suivis dans les six semaines? Eh bien, monsieur, cette circonstance n'est pas restée ignorée à Paris, et peut-être penserez-vous comme moi, quel que soit d'ailleurs le cas que je fasse du *Rheinlied*, qu'elle n'a pas peu contribué à décider la vieille *Marseillaise* à battre si promptement en retraite devant sa jeune rivale.

J'ai nommé la presse. Ne croyez pas, monsieur, que j'aie des préventions systématiques contre la presse allemande, ou que je lui garde rancune de son inexprimable malveillance à notre égard. Il n'en est rien, je vous assure; je suis très disposé à lui faire honneur des bonnes qualités qu'elle a, et j'aimerais bien pouvoir attribuer en partie au moins ses torts et ses aberrations au régime exceptionnel sous lequel elle vit. Ce n'est certes ni le talent, ni les idées, ni même le patriotisme qui manquent à votre presse périodique; à beaucoup d'égards elle est la fille légitime de votre noble et grande littérature, de cette littérature qui a restauré parmi vous le sentiment de votre identité nationale. Ce qui manque à votre presse, et cela à un degré compromettant, c'est le tact politique, l'intelligence vive et sûre de la situation donnée, du milieu réel dans lequel elle vit. Aussi remarque-t-on, dans ses manifestations comme dans ses tendances, je ne sais quoi d'imprévoyant, d'inconsidéré, en un mot de moralement irresponsable qui provient peut-être de cet état de minorité prolongée où on la retient.

Comment s'expliquer en effet, si ce n'est par cette con-

science de son irresponsabilité morale, cette hostilité ardente, aveugle, forcenée, à laquelle elle se livre depuis des années à l'égard de la Russie? Pourquoi? Dans quel but? Au profit de quoi? A-t-elle l'air d'avoir une seule fois sérieusement examiné, au point de vue de l'intérêt politique de l'Allemagne, les conséquences possibles, probables, de ce qu'elle faisait? S'est-elle une seule fois sérieusement demandé si, en s'appliquant comme elle le fait depuis des années, avec cet incroyable acharnement, à aigrir, à envenimer, à compromettre sans retour les dispositions réciproques des deux pays, elle ne travaillait pas à ruiner par sa base le système d'alliance sur lequel repose la puissance relative de l'Allemagne vis-à-vis de l'Europe? Si, à la combinaison politique la plus favorable que l'histoire eût réalisée jusqu'a présent pour votre patrie, elle ne cherchait par tous les moyens en son pouvoir de substituer la combinaison la plus décidément funeste? Cette pétulante imprévoyance ne vous rappelle-t-elle pas, monsieur, à la gentillesse près toutefois, une espièglerie de l'enfance de votre grand Gœthe, si gracieusement racontée dans ses mémoires? Vous vous souvenez de ce jour où le petit Wolfgang, resté seul dans la maison paternelle, n'a pas cru pouvoir mieux utiliser le loisir que l'absence de ses parents lui avait fait, qu'en faisant passer successivement par la fenêtre tous les ustensiles du ménage de sa mère qui lui tombaient sous la main, s'amusant et se réjouissant beaucoup du bruit qu'ils faisaient en tombant et en se brisant sur le pavé? Il est vrai qu'il y avait dans la maison vis-à-vis un méchant voisin qui par ses encouragements provoquait l'enfant à continuer l'ingénieux passe-temps; mais vous, monsieur, vous n'avez pas même l'excuse d'une provocation semblable...

Encore si dans tout ce débordement de déclamation haineuse contre la Russie on pouvait découvrir un motif

sensé, un motif avouable pour justifier tant de haine! Je sais que je trouverai au besoin des fous qui viendront me dire le plus sérieusement possible: „Nous devons vous haïr; votre principe, le principe même de votre civilisation, nous est antipathique à nous autres Allemands, à nous autres Occidentaux; vous n'avez eu ni *Féodalité*, ni *Hiérarchie Pontificale;* vous n'avez passé ni par les guerres *du Sacerdoce* et *de l'Empire*, ni par les guerres *de Religion,* ni même par *l'Inquisition;* vous n'avez pas pris part aux Croisades, vous n'avez pas connu la Chevalerie, vous êtes arrivé il y a quatre siècles à l'unité que nous cherchons encore, votre principe ne fait pas une part assez large à la liberté de l'individu, il n'autorise pas assez la division, le morcellement". Tout cela est vrai; mais tout cela, soyez juste, nous a-t-il empêché de vous aider bravement et loyalement dans l'occasion, lorsqu'il s'est agi de revendiquer, de reconquérir votre indépendance politique, votre nationalité, et maintenant n'est-ce pas le moins que vous puissiez faire, que de nous pardonner la nôtre? Parlons sérieusement, car la chose en vaut la peine. La Russie ne demande pas mieux que de respecter votre légitimité historique, la légitimité historique des peuples de l'Occident; elle s'est dévouée avec vous, il y a trente ans à peine, à la relever de sa chute, à la replacer sur sa base; elle est donc très disposée à la respecter non-seulement dans son principe, mais même dans ses conséquences les plus extrêmes, même dans ses écarts, même dans ses défaillances; mais vous aussi, apprenez à votre tour à nous respecter dans notre unité et dans notre force.

Viendrait-on me dire que ce sont les imperfections de notre régime social, les vices de notre administration, la condition de nos classes inférieures, etc., etc., que c'est tout cela qui irrite l'opinion contre la Russie. Eh quoi,

serait-ce vrai? Et moi qui croyais tout à l'heure avoir à me plaindre d'un excès de malveillance, me verrai-je obligé maintenant de protester contre une exagération de sympathie? Car enfin, nous ne sommes pas seuls au monde, et si vous avez en effet un fond aussi surabondant de sympathie humaine, et que vous ne trouviez pas à le placer chez vous et au profit des vôtres, ne serait-il pas juste au moins que vous le répartissiez d'une manière plus équitable entre les différents peuples de la terre? Tous, hélas, ont besoin qu'on les plaigne; voyez l'Angleterre par exemple, qu'en dites-vous? Voyez sa population manufacturière; voyez l'Irlande, et si vous étiez à même d'établir en parfaite connaissance le bilan respectif des deux pays, si vous pouviez peser dans des balances équitables les misères qu'entraînent à leur suite la barbarie russe et la civilisation anglaise, peut-être trouveriez-vous plus de singularité que d'exagération dans l'assertion de cet homme qui, également étranger aux deux pays, mais les connaissant tous deux à fond, affirmait avec une conviction entière „qu'il y avait dans le Royaume-Uni un million d'hommes, au moins, qui gagneraient beaucoup à être envoyés en Sibérie“...

Ah, monsieur, pourquoi faut-il que vous autres Allemands, qui avez sur vos voisins d'outre-Rhin une supériorité morale incontestable à tant d'égards, pourquoi faut-il que vous ne puissiez pas leur emprunter un peu de ce bon sens pratique, de cette intelligence vive et sûre de leurs intérêts, qui les distinguent? Eux aussi ils ont une presse, des journaux, qui nous invectivent, qui nous déchirent à qui mieux mieux, sans relâche, sans mesure, sans pudeur. Voyez par exemple cette hydre aux cent têtes de la presse parisienne, toutes lançant feu et flamme contre nous. Quelles fureurs! Quels éclats! Quel tapage!.. Eh bien, qu'on acquière aujourd'hui même la certitude,

à Paris, que ce rapprochement si ardemment convoité est en train de se faire, que les avances si souvent reproduites ont enfin été accueillies, et dès demain vous verrez tout ce bruit de haine tomber, toute cette brillante pyrotechnie d'injures s'évanouir, et de ces cratères éteints, de ces bouches pacifiées vont sortir, avec le dernier flocon de fumée, des voix diversement modulées, mais toutes également mélodieuses, célébrant, à l'envie l'une de l'autre, notre heureuse réconciliation.

Mais cette lettre est trop longue, il est temps de finir. Permettez-moi, monsieur, en finissant de résumer en peu de mots ma pensée.

Je me suis adressé à vous, sans autre mission que celle que je tiens de ma conviction libre et personnelle. Je ne suis aux ordres de personne, je ne suis l'organe de personne; ma pensée ne relève que d'elle-même. Mais j'ai certainement tout lieu de croire que si le contenu de cette lettre était connu en Russie, l'opinion publique n'hésiterait pas à l'avouer. L'opinion russe jusqu'à présent ne s'est que médiocrement émue de toutes ces clameurs de la presse allemande, non pas que l'opinion, non pas que les sentiments de l'Allemagne lui parussent une chose indifférente, bien certainement non... mais toutes ces violences de la parole, tous ces coups de fusil tirés en l'air, à l'intention de la Russie, il lui répugnait de prendre tout ce bruit au sérieux; elle n'y a vu tout au plus qu'un divertissement de mauvais goût... L'opinion russe se refuse décidément à admettre qu'une nation grave, sérieuse, loyale, profondément équitable, telle enfin que le monde a connu l'Allemagne à toutes les époques de son histoire, que cette nation, dis-je, ira dépouiller sa nature, pour en révéler une autre faite à l'image de quelques esprits fantasques ou brouillons, de quelques déclamateurs passionnés ou de mauvaise foi; que, reniant le

passé, méconnaissant le présent et compromettant l'avenir, l'Allemagne consentira à accueillir, à nourrir un mauvais sentiment, un sentiment indigne d'elle, simplement pour avoir le plaisir de faire une grande bévue politique. Non, c'est impossible!

Je me suis adressé à vous, monsieur, parce que, ainsi que je l'ai reconnu, la „Gazette Universelle“ est plus qu'un journal pour l'Allemagne; c'est un pouvoir, et un pouvoir qui, je le déclare bien volontiers, réunit à un haut degré le sentiment national et l'intelligence politique: c'est au nom de cette double autorité que j'aie essayé de vous parler.

La disposition d'esprit que l'on a créée, que l'on cherche à propager en Allemagne à l'égard de la Russie, n'est pas encore un danger; mais elle est bien près de le devenir... Cette disposition d'esprit ne changera rien, j'en ai la conviction, aux rapports actuellement existants entre les gouvernements allemands et la Russie; mais elle tend à fausser de plus en plus la conscience publique sur une des questions les plus graves qu'il y ait pour une nation, sur la question de ses alliances... Elle tend, en présentant sous les couleurs les plus mensongères la politique la plus nationale que l'Allemagne ait jamais suivie, à jeter la division dans les esprits, à pousser les plus ardents, les plus inconsidérés dans des voies pleines de péril, dans des voies où la fortune de l'Allemagne s'est déjà fourvoyée plus d'une fois... Qu'une crise éclate en Europe, que la querelle séculaire, décidée il y a trente ans en votre faveur, vienne à se rallumer, la Russie certainement ne manquera pas à vos souverains, pas plus que ceux-ci ne manqueront à la Russie; mais c'est alors aussi qu'on aura probablement à récolter ce que l'on sème aujourd'hui: la division des esprits aura porté ses fruits, et ces fruits pourraient être amers pour l'Allemagne; ce

seraient, je le crains bien, de nouvelles défections et de déchirements nouveaux. Et alors, monsieur, vous auriez trop cruellement expié le tort d'avoir été un moment injuste envers nous.

Voilà, monsieur, ce que j'avais à vous dire. Vous ferez de ma parole l'usage qui vous paraîtra le plus convenable.

Agréez, etc.

1844.

II.

LA RUSSIE ET LA RÉVOLUTION.

Pour comprendre de quoi il s'agit dans la crise suprême où l'Europe vient d'entrer, voici ce qu'il faudrait se dire. Depuis longtemps il n'y a plus en Europe que deux puissances réelles: „la Révolution et la Russie".— Ces deux puissances sont maintenant en présence, et demain peut-être elles seront aux prises. Entre l'une et l'autre il n'y a ni traité, ni transaction possibles. La vie de l'une est la mort de l'autre. De l'issue de la lutte engagée entre elles, la plus grande des luttes dont le monde ait été témoin, dépend pour des siècles tout l'avenir politique et religieux de l'humanité.

Le fait de cet antagonisme éclate maintenant à tous les yeux, et cependant, telle est l'inintelligence d'un siècle hébété par le raisonnement, que tout en vivant en présence de ce fait immense, la génération actuelle est bien loin d'en avoir saisi le véritable caractère et apprécié les raisons.

Jusqu'à présent c'est dans une sphère d'idées purement politiques qu'on en a cherché l'explication; c'est par des différences de principes d'ordre purement humain qu'on avait essayé de s'en rendre compte. Non,

certes, la querelle qui divise la Révolution et la Russie tient à des raisons bien autrement profondes; elles peuvent se résumer en deux mots.

La Russie est avant tout l'empire chrétien; le peuple russe est chrétien non-seulement par l'orthodoxie de ses croyances, mais encore par quelque chose de plus intime encore que la croyance. Il l'est par cette faculté de renoncement et de sacrifice qui fait comme le fond de sa nature morale. La Révolution est avant tout anti-chrétienne. L'esprit anti-chrétien est l'âme de la Révolution; c'est là son caractère propre, essentiel. Les formes qu'elle a successivement revêtues, les mots d'ordre qu'elle a tour à tour adoptés, tout, jusqu'à ses violences et ses crimes, n'a été qu'accessoire ou accidentel; mais ce qui ne l'est pas, c'est le principe anti-chrétien qui l'anime, et c'est lui aussi (il faut bien le dire) qui lui a valu sa terrible puissance sur le monde. Quiconque ne comprend pas cela, assiste en aveugle depuis soixante ans au spectacle que le monde lui offre.

Le moi humain, ne voulant relever que de lui-même, ne reconnaissant, n'acceptant d'autre loi que celle de son bon plaisir, le moi humain, en un mot, se substituant à Dieu, ce n'est certainement pas là une chose nouvelle parmi les hommes; mais ce qui l'était, c'est cet absolutisme du moi humain érigé en droit politique et social et aspirant à ce titre à prendre possession de la société. C'est cette nouveauté-là qui en 1789 s'est appelée la Révolution Française.

Depuis lors, et à travers toutes ses métamorphoses, la Révolution est restée conséquente à sa nature, et peut-être à aucun moment de sa durée ne s'est-elle sentie plus elle-même, plus intimement anti-chrétienne que dans le moment actuel, où elle vient d'adopter le mot d'ordre du christianisme: la fraternité. C'est même là ce qui pour-

rait faire croire qu'elle touche à son apogée. En effet, à entendre toutes ces déclamations naïvement blasphématoires qui sont devenues comme la langue officielle de l'époque, qui ne croirait que la nouvelle République Française n'a été unie au monde que pour accomplir la loi de l'Evangile? C'est bien là aussi la mission que les pouvoirs qu'elle a créés se sont solennellement attribuée, sauf toutefois un amendement que la Révolution s'est réservé d'y introduire, c'est qu'à l'esprit d'humilité et de renoncement à soi-même, qui est tout le fond du christianisme, elle entend substituer l'esprit d'orgueil et de prépotence, à la charité libre et volontaire, la charité forcée, et qu'à la place d'une fraternité prêchée et acceptée au nom de Dieu, elle prétend établir une fraternité imposée par la crainte du peuple-souverain. A ces différences près, son règne promet en effet d'être celui du Christ.

Et qu'on ne se laisse pas induire en erreur par cette espèce de bienveillance dédaigneuse que les nouveaux pouvoirs ont jusqu'ici témoignée à l'Eglise catholique et à ses ministres. Ceci est peut-être le symptôme le plus grave de la situation et l'indice le plus certain de la toute-puissance que la Révolution a obtenue. Pourquoi, en effet, la Révolution se montrerait-elle rébarbative envers un clergé, envers des prêtres chrétiens qui, non contents de la subir, l'acceptent et l'adoptent, qui pour la conjurer glorifient toutes ses violences et qui, sans y croire, s'associent à tous ses mensonges? Si dans une pareille conduite il n'y avait que du calcul, ce calcul déjà serait de l'apostasie; mais s'il y entre de la conviction, c'en est une bien plus grande encore.

Et cependant il est à prévoir que les persécutions ne manqueront pas; car le jour où la limite des concessions sera atteinte, le jour où l'Eglise catholique croira devoir résister, on verra qu'elle ne pourra le faire qu'en rétro-

gradant jusqu'au martyre. On peut s'en fier à la Révolution: elle se montrera en toutes choses fidèle à elle-même et conséquente jusqu'au bout.

L'explosion de Février a rendu ce grand service au monde, c'est qu'elle a fait crouler jusqu'à terre tout l'echafaudage des illusions dont on avait masqué la réalité. Les moins intelligents doivent avoir compris maintenant que l'histoire de l'Europe depuis trente-trois ans n'a été qu'une longue mystification. En effet, de quelle lumière inexorable tout ce passé, si récent et déjà si loin de nous, ne s'est il pas tout à coup illuminé? Qui, par exemple, ne comprend pas maintenant tout ce qu'il y avait de ridicule prétention dans cette sagesse du siècle qui s'était béatement persuadée qu'elle avait réussi à dompter la Révolution par l'exorcisme constitutionnel, à lier sa terrible énergie par une formule de légalité? Qui pourrait douter encore, après ce qui s'est passé, que du moment où le principe révolutionnaire est entré dans le sang d'une société, tous ses procédés, toutes ses formules de transactions ne sont plus que des narcotiques qui peuvent bien momentanément endormir le malade, mais qui n'empêchent pas le mal de poursuivre son cours?

Et voilà pourquoi, après avoir dévoré la Restauration qui lui était personnellement odieuse comme un dernier débris de l'autorité légitime en France, la Révolution n'a pas mieux supporté cet autre pouvoir, né d'elle-même, qu'elle avait bien accepté en 1830 pour lui servir de compère vis-à-vis de l'Europe, mais qu'elle a brisé le jour où, au lieu de la servir, ce pouvoir s'est avisé de se croire son maître.

A cette occasion, qu'il me soit permis de faire une réflexion. Comment se fait-il que parmi tous les souverains de l'Europe, aussi bien que parmi les hommes politiques qui l'ont dirigée dans ces derniers temps, il n'y en a eu

qu'un seul qui de prime-abord ait reconnu et signalé la grande illusion de 1830 et qui depuis, seul en Europe, seul peut-être au milieu de son entourage, ait constamment refusé à s'en laisser envahir? C'est que cette fois-ci il y avait heureusement sur le trône de Russie un Souverain en qui la pensée russe s'est incarnée, et que dans l'état actuel du monde la pensée russe est la seule qui soit placée assez en dehors du milieu révolutionnaire pour pouvoir apprécier sainement les faits qui s'y produisent.

Ce que l'Empereur avait prévu dès 1830, la Révolution n'a pas manqué de le réaliser de point en point. Toutes les concessions, tous les sacrifices des principes faits par l'Europe monarchique à l'établissement de Juillet dans l'intérêt d'un simulacre de *statu quo*, la Révolution s'en empara pour les utiliser au profit du bouleversement qu'elle méditait, et tandis que les pouvoirs légitimes faisaient de la diplomatie plus ou moins habile avec de la quasi-légitimité et que les hommes d'Etat et les diplomates de toute l'Europe assistaient en amateurs curieux et bienveillants aux joûtes parlementaires de Paris, le parti révolutionnaire, sans presque se cacher, travaillait sans relâche à miner le terrain sous leurs pieds.

On peut dire que la grande tâche du parti, durant ces dernières dix-huit années, a été de révolutionner de fond en comble l'Allemagne, et l'on peut juger maintenant si cette tâche a été bien remplie.

L'Allemagne assurément est le pays sur lequel on s'est fait le plus longtemps les plus étranges illusions. On le croyait un pays d'ordre, parce qu'il était tranquille, et on ne voulait pas voir l'épouvantable anarchie qui y avait envahi et qui y ravageait les intelligences.

Soixante ans d'une philosophie destructive y avaient complétement dissous toutes les croyances chrétiennes et

développé, dans ce néant de toute foi, le sentiment révolutionnaire par excellence: l'orgueil de l'esprit, si bien qu'a l'heure qu'il est, nulle part peut-être cette plaie du siècle n'est plus profonde et plus envenimée qu'en Allemagne. Par une conséquence nécessaire, à mesure que l'Allemagne se révolutionnait, elle sentait grandir sa haine contre la Russie. En effet, sous le coup des bienfaits qu'elle en avait reçus, une Allemagne révolutionnaire ne pouvait avoir pour la Russie qu'une haine implacable. Dans le moment actuel, ce paroxysme de haine paraît avoir atteint son point culminant; car il a triomphé en elle, je ne dis pas de toute raison, mais même du sentiment de sa propre conservation.

Si une aussi triste haine pouvait inspirer autre chose que de la pitié, la Russie certes se trouverait suffisamment vengée par le spectacle que l'Allemagne vient de donner au monde à la suite de la révolution de Février. Car c'est peut-être un fait sans précédent dans l'histoire que de voir tout un peuple se faisant le plagiaire d'un autre au moment même où il se livre à la violence la plus effrénée.

Et qu'on ne dise pas, pour justifier tous ces mouvements si évidemment factices qui viennent de bouleverser tout l'ordre politique de l'Allemagne et de compromettre jusqu'à l'existence de l'ordre social lui-même, qu'ils ont été inspirés par un sentiment sincère généralement éprouvé, par le besoin de l'unité allemande. Ce sentiment est sincère, soit; ce vœu est celui de la grande majorité, je le veux bien; mais qu'est-ce que cela prouve?.. C'est encore là une des plus folles illusions de notre époque que de s'imaginer qu'il suffise qu'une chose soit vivement, ardemment convoitée par le grand nombre, pour qu'elle devienne par cela seul nécessairement réalisable. D'ailleurs, il faut bien le reconnaître, il n'y a pas dans

la sociéte de nos jours ni vœu, ni besoin (quelque sincére, quelque légitime qu'il soit) que la Révolution en s'en emparant ne dénature et ne convertisse en mensonge, et c'est précisément ce qui est arrivé avec la question de l'unité allemande: car pour qui n'a pas abdiqué toute faculté de reconnaître l'évidence, il doit être clair dès à présent que dans la voie où l'Allemagne vient de s'engager à la recherche de la solution du problème, ce n'est pas à l'unité qu'elle aboutira, mais bien à un effroyable déchirement, à quelque catastrophe suprême et irréparable.

Oui, certes, on ne tardera pas à reconnaître que la seule unité qui fût possible, non pas pour l'Allemagne telle que les journaux la font, mais pour l'Allemagne réelle, telle que son histoire l'a faite, la seule chance d'unité sérieuse et pratique pour ce pays était indissolublement liée au système politique qu'il vient de briser.

Si, pendant ces dernières trente-trois années, les plus heureuses peut-être de toute son histoire, l'Allemagne a formé un corps politique hiérarchiquement constitué et fonctionnant d'une manière régulière, à quelles conditions un pareil résultat a-t-il pu être obtenu et assuré? C'était évidemment à la condition d'une entente sincère entre les deux grandes puissances qui représentent en Allemagne les deux principes qui se disputent ce pays depuis plus de trois siècles. Mais cet accord lui-même, si lent à s'établir, si difficile à conserver, croit-on qu'il eût été possible, qu'il eût pu durer aussi longtemps, si l'Autriche et la Prusse, à l'issue des grandes guerres contre la France, ne se fussent intimement ralliées à la Russie, fortement appuyées sur elle? Voilà la combinaison politique qui, en réalisant pour l'Allemagne le seul système d'unité qui lui fût applicable, lui a valu cette trève de trente-trois ans qu'elle vient de rompre.

Il n'y a ni haine, ni mensonge qui pourront jamais prévaloir contre ce fait-là. Dans un accès de folie, l'Allemagne a bien pu briser une alliance qui, sans lui imposer aucun sacrifice, assurait et protégeait son indépendance nationale, mais par là-même elle s'est privée à jamais de toute base solide et durable.

Voyez plutôt la démonstration de cette vérité par la contre-épreuve des événements, dans ce terrible moment où les événements marchent presque aussi vite que la parole humaine. Il y a à peine deux mois que la Révolution en Allemagne s'est mise à la besogne, et déjà il faut lui rendre cette justice, l'œuvre de la démolition dans ce pays est plus avancée qu'elle ne l'était sous la main de Napoléon après dix de ses foudroyantes campagnes.

Voyez l'Autriche plus compromise, plus abattue, plus démantelée qu'en 1809. Voyez la Prusse vouée au suicide par sa connivence fatale et forcée avec le parti polonais. Voyez les bords du Rhin, ou, en dépit des chansons et des phrases, la confédération Rhénane n'aspire qu'à renaître. L'anarchie partout, l'autorité nulle part, et tout cela sous le coup d'une France où bout une révolution sociale qui ne demande qu'à déborder dans la révolution politique qui travaille l'Allemagne.

Dès à présent, pour tout homme sensé la question de l'unité allemande est une question jugée. Il faudrait avoir ce genre d'ineptie propre aux idéologues allemands pour se demander sérieusement si ce tas de journalistes, d'avocats et de professeurs qui se sont réunis à Francfort, en se donnant la mission de recommencer Charlemagne, ont qulque chance appréciable de réussir dans l'œuvre qu'ils ont entreprise, si sur ce sol qui tremble ils auront la main assez puissante et assez habile pour relever la pyramide renversée en la faisant tenir sur la pointe.

La question n'est plus là; il ne s'agit plus de savoir si l'Allemagne sera une, mais si de ces déchirements intérieurs compliqués probablement d'une guerre étrangère elle parviendra à sauver un lambeau quelconque de son existence nationale.

Les partis qui vont déchirer ce pays commencent déjà à se dessiner. Déjà sur différents points la République a pris pied en Allemagne, et l'on peut compter qu'elle ne se retirera pas sans avoir combattu, car elle a pour elle la logique et derrière elle la France. Aux yeux de ce parti la question de nationalité n'a ni sens, ni valeur. Dans l'intérêt de sa cause il n'hésitera pas un instant à immoler l'indépendance de son pays, et il enrôlerait l'Allemagne tout entière plutôt aujourd'hui que demain sous le drapeau de la France, fût-ce même sous le drapeau rouge. Ses auxiliaires sont partout; il trouve aide et appui dans les hommes comme dans les choses, aussi bien dans les instincts anarchiques des masses que dans les institutions anarchiques qui viennent d'être semées avec tant de profusion à travers toute l'Allemagne. Mais ses meilleurs, ses plus puissants auxiliaires sont précisément les hommes qui d'un moment à l'autre peuvent être appelés à la combattre: tant ces hommes se trouvent liés à elle par la solidarité des principes. Maintenant toute la question est de savoir si la lutte éclatera avant que les prétendus conservateurs aient eu le temps de compromettre par leurs divisions et leurs folies tous les éléments de force et de résistance dont l'Allemagne dispose encore; si, en un mot, attaqués par le parti républicain, ils se décident à voir en lui ce qu'il est en effet, l'avant-garde de l'invasion française, et retrouvent, dans le sentiment du danger dont l'indépendance nationale serait menacée, assez d'énergie pour combattre la république à toute outrance; ou bien si pour s'épar-

gner la lutte ils aimeront mieux accepter quelque faux semblant de transaction qui ne serait au fond de leur part qu'une capitulation déguisée. Dans le cas où cette dernière supposition viendrait à se réaliser, alors (il faut le reconnaître) l'éventualité d'une croisade contre la Russie, de cette croisade qui a toujours été le rêve chéri de la Révolution et qui maintenant est devenu son cri de guerre — cette éventualité se convertirait en une presque certitude; le jour de la lutte décisive serait presque arrivé, et c'est la Pologne qui servirait de champ de bataille. Voilà du moins la chance que caressent avec amour les révolutionnaires de tous les pays; mais il y a toutefois un élément de la question dont ils ne tiennent pas assez de compte, et cette omission pourrait singulièrement déranger leurs calculs.

Le parti révolutionnaire, en Allemagne surtout, paraît s'être persuadé que puisque lui-même faisait si bon marché de l'élément national, il en serait de même dans tous les pays soumis à son action et que partout et toujours la question de principe primerait la question de nationalité. Déjà les événements de la Lombardie ont dû faire faire de singulières réflexions aux étudiants réformateurs de Vienne, qui s'étaient imaginé qu'il suffisait de chasser le prince de Metternich et de proclamer la liberté de la presse pour résoudre les formidables difficultés qui pèsent sur la monarchie autrichienne. Les Italiens n'en persistent pas moins à ne voir en eux que des *Tedeschi* et des *Barbari*, tout comme s'ils ne s'étaient pas régénérés dans les eaux lustrales de l'émeute. Mais l'Allemagne révolutionnaire ne tardera pas à recevoir à cet égard une leçon plus significative et plus sévère encore, car elle lui sera administrée de plus près. En effet, on n'a pas pensé qu'en brisant ou en affaiblissant tous les anciens pouvoirs, qu'en remuant jusque dans ses profon-

deurs tout l'ordre politique de ce pays, on allait y réveiller la plus redoutable des complications, une question de vie et de mort pour son avenir—la question des races. On avait oublié qu'au cœur même de cette Allemagne, dont on rêve l'unité, il y avait dans le bassin de la Bohême et dans les pays slaves qui l'entourent six à sept millions d'hommes pour qui, de générations en générations, l'Allemand depuis des siècles n'a pas cessé d'être un seul instant quelque chose de pis qu'un étranger, pour qui l'Allemand est toujours un *Нѣмецъ*... Il ne s'agit pas ici bien entendu du patriotisme littéraire de quelques savants de Prague, tout honorable qu'il puisse être; ces hommes ont rendu sans doute de grands services à la cause de leur pays et ils lui en rendront encore; mais la vie de la Bohême n'est pas là. La vie d'un peuple n'est jamais dans les livres que l'on imprime pour lui, à moins toutefois que ce ne soit le peuple allemand; la vie d'un peuple est dans ses instincts et dans ses croyances, et les livres, il faut l'avouer, sont bien plus puissants pour les énerver et les flétrir que pour les ranimer et les faire vivre. Tout ce qui reste donc à la Bohême de vraie vie nationale est dans ses croyances *Hussites*, dans cette protestation toujours vivante de sa nationalité slave opprimée contre l'usurpation de l'Eglise romaine, aussi bien que contre la domination allemande. C'est là le lien qui l'unit à tout son passé de luttes et de gloire, et c'est là aussi le chaînon qui pourra rattacher un jour le *Чехъ* de la Bohême à ses frères d'Orient. On ne saurait assez insister sur ce point, car ce sont précisément ces réminiscences sympathiques de l'Eglise d'Orient, ce sont ces retours vers *la vieille foi* dont le hussitisme dans son temps n'a été qu'une expression imparfaite et défigurée, qui établissent une différence profonde entre la Pologne et la Bohême: entre la Bohême ne

subissant que malgré elle le joug de la communauté occidentale, et cette Pologne factieusement catholique — séide fanatique de l'Occident et toujours traître vis-à-vis des siens.

Je sais que pour le moment la véritable question en Bohême ne s'est pas encore posée et que ce qui s'agite et se remue à la surface du pays, c'est du libéralisme le plus vulgaire mêlé de communisme dans les villes et probablement d'un peu de jacquerie dans les campagnes. Mais toute cette ivresse tombera bientôt, et au train dont vont les choses le fond de la situation ne tardera pas à paraître. Alors la question pour la Bohême sera celle-ci: une fois l'Empire d'Autriche dissous par la perte de la Lombardie et par l'émancipation maintenant complète de la Hongrie, que fera la Bohême avec ces peuples qui l'entourent, Moraves, Slovaques, c'est-à-dire sept à huit millions d'hommes de même langue et de même race qu'elle? Aspirera-t-elle à se constituer d'une manière indépendante, ou se prêtera-t-elle à entrer dans le cadre ridicule de cette future Unité Germanique qui ne sera jamais que l'Unité du Chaos? Il est peu probable que ce dernier parti la tente beaucoup. Dès lors elle se trouvera infailliblement en butte à toutes sortes d'hostilités et d'agressions, et pour y résister ce n'est certes pas sur la Hongrie qu'elle pourra s'appuyer. Pour savoir donc quelle est la puissance vers laquelle la Bohême, en dépit des idées qui dominent aujourd'hui et des institutions qui la régiront demain, se trouvera forcément entraînée, je n'ai besoin de me rappeler que ce que me disait en 1841 à Prague le plus national des patriotes de ce pays. „La Bohême, me disait Hancka, ne sera libre et indépendante, ne sera réellement en possession d'elle-même que le jour où la Russie sera rentrée en possession de la Gallicie“. En général c'est une chose digne de remarque que cette faveur persé-

vérante que la Russie, le nom russe, sa gloire, son avenir, n'ont cessé de rencontrer parmi les hommes nationaux de Prague; et cela au moment même où notre fidèle alliée l'Allemagne se faisait avec plus de désintéressement que d'équité la doublure de l'émigration polonaise, pour ameuter contre nous l'opinion publique de l'Europe entière. Tout Russe qui a visité Prague dans le courant de ces dernières années pourra certifier que le seul grief qu'il y ait entendu exprimer contre nous, c'était de voir la réserve et la tiédeur avec lesquelles les sympathies nationales de la Bohême étaient accueillies parmi nous. De hautes, de généreuses considérations nous imposaient alors cette conduite; maintenant assurément ce ne serait plus qu'un contresens: car les sacrifices que nous faisions alors à la cause de l'ordre, nous ne pourrions les faire désormais qu'au profit de la Révolution.

Mais s'il est vrai de dire que la Russie dans les circonstances actuelles a moins que jamais le droit de décourager les sympathies qui viendraient à elle, il est juste de reconnaître d'autre part une loi historique qui jusqu'à présent a providentiellement régi ses destinées: c'est que ce sont toujours ses ennemis les plus acharnés qui ont travaillé avec le plus de succès au développement de sa grandeur. Cette loi providentielle vient de lui en susciter un qui certainement jouera un grand rôle dans les destinées de son avenir et qui ne contribuera pas médiocrement à en hâter l'accomplissement. Cet ennemi c'est la Hongrie, j'entends la Hongrie magyare. De tous les ennemis de la Russie c'est peut-être celui qui la hait de la haine la plus furieuse. Le peuple magyare, en qui la ferveur révolutionnaire vient de s'associer par la plus étrange des combinaisons à la brutalité d'une horde asiatique et dont on pourrait dire, avec tout autant de justice que des Turcs, qu'il ne fait que camper en Europe, vit entouré

de peuples slaves qui lui sont tous également odieux. Ennemi personnel de cette race, dont il a pendant si longtemps abîmé les destinées, il se retrouve après des siècles d'agitations et de turbulence toujours encore emprisonné au milieu d'elle. Tous ces peuples qui l'entourent: Serbes, Croates, Slovaques, Transylvaniens et jusqu'aux Petits-Russiens des Carpathes, sont les anneaux d'une chaîne qu'il croyait à tout jamais brisée. Et maintenant il sent au-dessus de lui une main qui pourra, quand il lui plaira, rejoindre ces anneaux et resserrer la chaîne à volonté. De là sa haine instinctive contre la Russie. D'autre part, sur la foi du journalisme étranger, les meneurs actuels du parti se sont sérieusement persuadé que le peuple magyare avait une grande mission à remplir dans l'Orient Orthodoxe; que c'était à lui, en un mot, à tenir en échec les destinées de la Russie... Jusqu'à présent l'autorité modératrice de l'Autriche avait tant bien que mal contenu toute cette turbulence et cette déraison; mais maintenant que le dernier lien a été brisé et que c'est le pauvre vieux père, tombé en enfance, qui a été mis en tutelle, il est à prévoir que le Magyarisme complètement émancipé va donner libre cours à toutes ces excentricités et courir les aventures les plus folles. Déjà il a été question de l'incorporation définitive de la Transylvanie. On parle de faire revivre d'anciens droits sur les principautés du Danube et sur la Serbie. On va redoubler de propagande dans tous ces pays-là pour les ameuter contre la Russie, et quand on y aura mis la confusion partout, on compte bien un beau jour s'y présenter en armes pour revendiquer, au nom de l'Occident lésé dans ses droits, la possession des bouches du Danube et dire à la Russie d'une voix impérieuse: „Tu n'iras pas plus loin".—Voilà certainement quelques articles du programme qui s'élabore maintenant à Presbourg. L'année

dernière tout cela n'était encore que phrases de journal, maintenant cela peut, d'un moment à l'autre, se traduire par des tentatives très sérieuses et très compromettantes. Ce qui paraît néanmoins le plus imminent, c'est un conflit entre la Hongrie et les deux royaumes slaves qui en dépendent. En effet, la Croatie et la Slavonie, ayant prévu que l'affaiblissement de l'autorité légitime à Vienne allait les livrer infailliblement à la discrétion du Magyarisme, ont, à ce qu'il parait, obtenu du gouvernement autrichien la promesse d'une organisation séparée pour elles, en y joignant la Dalmatie et la frontière militaire. Cette attitude que ces pays ainsi groupés essaient de prendre vis-à-vis de la Hongrie ne manquera pas d'exaspérer tous les anciens différends et ne tardera pas à y faire éclater une franche guerre civile, et comme l'autorité du gouvernement autrichien se trouvera probablement trop débile pour s'interposer avec quelque chance de succès entre les combattants, les Slaves de la Hongrie qui sont les plus faibles succomberaient dans la lutte sans une circonstance qui doit tôt ou tard leur venir nécessaimment en aide: c'est que l'ennemi qu'ils ont à combattre est avant tout l'ennemi de la Russie, et c'est qu'aussi sur toute cette frontière militaire, composée aux trois quarts de Serbes orthodoxes, il n'y a pas une cabane de colon (au dire même des voyageurs autrichiens) où, a côté du portrait de l'empereur d'Autriche, l'on ne découvre le portrait d'un autre empereur que ces races fidèles s'obstinent à considérer comme le seul légitime. D'ailleurs (pourquoi se le dissimuler) il est peu probable que toutes ces secousses de tremblement de terre qui bouleversent l'Occident s'arrêtent au seuil des pays d'Orient; et comment pourrait-il se faire que dans cette guerre à outrance, dans cette croisade d'impiété que la Révolution, déjà maîtresse des trois quarts de l'Europe

Occidentale, prépare à la Russie, l'Orient Chrétien, l'Orient Slave-Orthodoxe, lui dont la vie est indissolublement liée à la nôtre, ne se trouvât entraîné dans la lutte à notre suite, et c'est peut-être même par lui que la guerre commencera: car il est à prévoir que toutes ces propagandes qui le travaillaient déjà, propagande catholique, propagande révolutionnaire, etc., etc... toutes opposées entre elles, mais réunies dans un sentiment de haine commune contre la Russie, vont maintenant se mettre à l'œuvre avec plus d'ardeur que jamais. On peut être certain qu'elles ne reculeront devant rien pour arriver à leurs fins... Et quel serait, juste Ciel! le sort de toutes ces populations chrétiennes comme nous, si, en butte, comme elles le sont déjà, à toutes ces influences abominables, si la seule autorité qu'elles invoquent dans leurs prières venait à leur faire défaut, dans un pareil moment? — En un mot, quelle ne serait pas l'horrible confusion où tomberaient ces pays d'Orient aux prises avec la Révolution, si le légitime Souverain, si l'Empereur Orthodoxe d'Orient tardait encore longtemps à y apparaître!

Non, c'est impossible. Des pressentiments de mille ans ne trompent point. La Russie, pays de foi, ne manquera pas de foi dans le moment suprême. Elle ne s'effraiera pas de la grandeur de ses destinées et ne reculera pas devant sa mission.

Et quand donc cette mission a-t-elle été plus claire et plus évidente? On peut dire que Dieu l'écrit en traits de feu sur ce Ciel tout noir de tempêtes. L'Occident s'en va, tout croule, tout s'abîme dans une conflagration générale, l'Europe de Charlemagne aussi bien que l'Europe des traités de 1815; la papauté de Rome et toutes les royautés de l'Occident; le Catholicisme et le Protestantisme; la foi depuis longtemps perdue et la raison réduite à l'absurde; l'ordre désormais impossible, la liberté désor-

mais impossible, et sur toutes ces ruines amoncelées par elle, la civilisation se suicidant de ses propres mains...

Et lorsque au-dessus de cet immense naufrage nous voyons comme une Arche Sainte surnager cet Empire plus immense encore, qui donc pourrait douter de sa mission, et serait-ce à nous, ses enfants, à nous montrer sceptiques et pusillanimes?..

12 avril 1848.

III.

LA QUESTION ROMAINE.

Si, parmi les questions du jour ou plutôt du siècle, il en est une qui résume et concentre comme dans un foyer toutes les anomalies, toutes les contradictions et toutes les impossibilités contre lesquelles se débat l'Europe occidentale, c'est assurément la question romaine.

Et il n'en pouvait être autrement, grâce à cette inexorable logique que Dieu a mise, comme une justice cachée, dans les événements de ce monde. La profonde et irréconciliable scission qui travaille depuis des siècles l'Occident, devait trouver enfin son expression suprême, elle devait pénétrer jusqu'à la racine de l'arbre. Or, c'est un titre de gloire que personne ne contestera à Rome: elle est encore de nos jours, comme elle l'a toujours été, la racine du monde occidental. Il est douteux toutefois, malgré la vive préoccupation que cette question suscite, qu'on se soit rendu un compte exact de tout ce qu'elle contient.

Ce qui contribue probablement à donner le change sur la nature et sur la portée de la question telle qu'elle vient de se poser, c'est d'abord la fausse analogie de ce que nous avons vu arriver à Rome avec certains antécédents

de ses révolutions antérieures; c'est aussi la solidarité très réelle qui rattache le mouvement actuel de Rome au mouvement général de la révolution européenne. Toutes ces circonstances accessoires, qui paraissent expliquer au premier abord la question romaine, ne servent en réalité qu'a en dissimuler la profondeur.

Non, certes, ce n'est pas là une question comme une autre—car non-seulement elle touche à tout dans l'Occident, mais on peut même dire qu'elle le déborde.

On ne serait assurément pas accusé de soutenir un paradoxe ou d'avancer une calomnie en affirmant qu'à l'heure qu'il est, tout ce qui reste encore de Christianisme positif à l'Occident, se rattache, soit explicitement, soit par des affinités plus ou moins avouées, au Catholicisme Romain dont la Papauté, telle que les siècles l'ont faite, est évidemment la clef de voûte et la condition d'existence.

Le Protestantisme avec ses nombreuses ramifications, après avoir fourni à peine une carrière de trois siècles, se meurt de décrépitude dans tous les pays où il avait régné jusqu'à présent, l'Angleterre seule exceptée;—ou s'il révèle encore quelques éléments de vie, ces éléments aspirent à rejoindre Rome. Quant aux doctrines religieuses qui se produisent en dehors de toute communauté avec l'un ou l'autre de ces deux symboles, ce ne sont évidemment que des opinions individuelles.

En un mot: la Papauté — telle est la colonne unique qui soutient tant bien que mal en Occident tout ce pan de l'édifice chrétien resté debout après la grande ruine du seizième siècle et les écroulements successifs qui ont eu lieu depuis. Maintenant c'est cette colonne que l'on se dispose à attaquer par sa base.

Nous connaissons fort bien toutes les banalités, tant de la presse quotidienne que du langage officiel de certains

gouvernements, dont on a l'habitude de se servir pour masquer la réalité: On ne veut pas toucher à l'institution religieuse de la Papauté,— on est à genoux devant elle,— on la respecte, on la maintiendra,—on ne conteste même pas à la Papauté son autorité temporelle, — on prétend seulement en modifier l'exercice. On ne lui demandera que des concessions reconnues indispensables et on ne lui imposera que des réformes parfaitement légitimes. Il y a dans tout ceci passablement de mauvaise foi et surabondamment d'illusions.

Il y a certainement de la mauvaise foi, même de la part des plus candides, à faire semblant de croire que des réformes sérieuses et sincères, introduites dans le régime actuel de l'Etat Romain, puissent ne pas aboutir dans un temps donné à une sécularisation complète de cet Etat.

Mais la question n'est même pas là: la véritable question est de savoir au profit de qui se ferait cette sécularisation, c'est-à-dire quels seront: la nature, l'esprit et les tendances du pouvoir auquel vous remettriez l'autorité temporelle après en avoir dépouillé la Papauté?—Car, vous ne sauriez vous le dissimuler, c'est sous la tutelle de ce nouveau pouvoir que la Papauté serait désormais appelée à vivre.

Et c'est ici que les illusions abondent. Nous connaissons le fétichisme des Occidentaux pour tout ce qui est forme, formule et mécanisme politique. Ce fétichisme est devenu comme une dernière religion de l'Occident; mais, à moins d'avoir les yeux et l'esprit complètement fermés et scellés à toute expérience comme à toute évidence, comment, après ce qui vient de se passer, parviendrait-on encore à se persuader que dans l'état actuel de l'Europe, de l'Italie, de Rome, les institutions libérales ou semi-libérales que vous aurez imposées au Pape reste-

raient longtemps aux mains de cette opinion moyenne, modérée, mitigée, telle que vous vous plaisez à la rêver dans l'intérêt de votre thèse, qu'elles ne seraient point promptement envahies par la révolution et transformées aussitôt en machines de guerre pour battre en brèche, non pas seulement la souveraineté temporelle du Pape, mais bien l'institution religieuse elle-même. Car vous auriez beau recommander au principe révolutionnaire, comme l'Eternel à Satan, de ne molester que le corps du fidèle Job, sans toucher à son âme, soyez bien convaincus que la révolution, moins scrupuleuse que l'ange des ténèbres, ne tiendrait nul compte de vos injonctions.

Toute illusion, toute méprise à cet égard sont impossibles pour qui a bien réellement compris ce qui fait le fond du débat qui s'agite en Occident—ce qui en est devenu depuis des siècles la vie même; vie anormale mais réelle, maladie qui ne date pas d'hier et qui est toujours encore en voie de progrès. Et s'il se rencontre si peu d'hommes qui ont le sentiment de cette situation, cela prouve seulement que la maladie est déjà bien avancée.

Nul doute, quant à la question romaine, que la plupart des intérêts qui réclament des réformes et des concessions de la part du Pape sont des intérêts honnêtes, légitimes et sans arrière-pensée; qu'une satisfaction leur est due et que même elle ne saurait leur être plus longtemps refusée. Mais telle est l'incroyable fatalité de la situation, que ces intérêts d'une nature toute locale et d'une valeur comparativement médiocre dominent et compromettent une question immense. Ce sont de modestes et inoffensives habitations de particuliers situées de telle sorte qu'elles commandent une place de guerre et, malheureusement, l'ennemi est aux portes.

Car encore une fois la sécularisation de l'Etat romain est au bout de toute réforme sincère et sérieuse qu'on

voudrait y introduire, et d'autre part la sécularisation dans les circonstances présentes ne serait qu'un désarmement devant l'ennemi—une capitulation...

Eh bien, qu'est-ce à dire? que la question romaine posée dans ces termes est tout bonnement un labyrinthe sans issue; que l'institution papale par le développement d'un vice caché en est arrivée après une durée de quelques siècles à cette période de l'existence où la vie, comme on l'a dit, ne se faisait plus sentir que par une difficulté d'être? Que Rome qui a fait l'Occident à son image se trouve comme lui acculée à une impossibilité? Nous ne disons pas le contraire...

Et c'est ici qu'éclate visible comme le soleil cette logique providentielle qui régit comme une loi intérieure les événements de ce monde.

Huit siècles seront bientôt révolus depuis le jour où Rome a brisé le dernier lien qui la rattachait à la tradition orthodoxe de l'Eglise universelle.—Ce jour-là Rome en se faisant une destinée à part a décidé pour des siècles de celle de l'Occident.

On connait généralement les différences dogmatiques qui séparent Rome de l'Eglise orthodoxe. Au point de vue de la raison humaine cette différence, tout en motivant la séparation, n'explique pas suffisamment l'abîme qui s'est creusé, non pas entre les deux Eglises—puisque l'Eglise est Une et Universelle — mais entre les deux mondes, les deux humanités pour ainsi dire qui ont suivi ces deux drapeaux différents.

Elle n'explique pas suffisamment comment ce qui a dévié alors, a dû de toute nécessité aboutir au terme où nous le voyons arriver aujourd'hui.

Jésus-Christ avait dit: „Mon Royaume n'est pas de ce monde";—eh bien, il s'agit de comprendre comment Rome, après s'être séparée de l'Unité, s'est cru le droit, dans

un intérêt qu'elle a identifié avec l'intérêt même du christianisme, d'organiser un Royaume du Christ comme un royaume du monde.

Il est très difficile, nous le savons bien, dans les idées de l'Occident de donner à cette parole sa signification légitime; on sera toujours tenté de l'expliquer, non pas dans le sens orthodoxe, mais dans un sens protestant. Or, il y a entre ces deux sens la distance qui sépare ce qui est divin de ce qui est humain. Mais pour être séparée par cette incommensurable distance, la doctrine orthodoxe, il faut le reconnaître, n'est guère plus rapprochée de celle de Rome—et voici pourquoi:

Rome, il est vrai, n'a pas fait comme le Protestantisme, elle n'a point supprimé le centre chrétien qui est l'Eglise, au profit du moi humain—mais elle l'a absorbé dans le moi romain.—Elle n'a point nié la tradition, elle s'est contentée de la confisquer à son profit. Mais usurper sur ce qui est divin n'est-ce pas aussi le nier?.. Et voilà ce qui établit cette redoutable mais incontestable solidarité qui rattache à travers les temps l'origine du Protestantisme aux usurpations de Rome. Car l'usurpation a cela de particulier que non-seulement elle suscite la révolte, mais crée encore à son profit une apparence de droit.

Aussi l'école révolutionnaire moderne ne s'y est-elle pas trompée. La révolution, qui n'est que l'apothéose de ce même loi humain arrivé à son entier et plein épanouissement, n'a pas manqué de reconnaître pour siens et de saluer comme ses deux glorieux maîtres Luther aussi bien que Grégoire VII. La voix du sang lui a parlé et elle a adopté l'un en dépit de ses croyances chrétiennes comme elle a presque canonisé l'autre, tout pape qu'il était.

Mais si le rapport évident qui lie les trois termes de cette série est le fond même de la vie historique de l'Occi-

dent, il est tout aussi incontestable qu'on ne saurait lui assigner d'autre point de départ que cette altération profonde que Rome a fait subir au principe chrétien par l'organisation qu'elle lui a imposée.

Pendant des siècles l'Eglise d'Occident, sous les auspices de Rome, avait presque entièrement perdu le caractère que la loi de son origine lui assignait. Elle avait cessé d'être au milieu de la grande société humaine une société de fidèles librement réunie en esprit et en vérité sous la loi du Christ. Elle était devenue une institution, une puissance politique—un Etat dans l'Etat. A vrai dire, pendant la durée du moyen-âge, l'Eglise en Occident n'était autre chose qu'une colonie romaine établie dans un pays conquis.

C'est cette organisation qui, en rattachant l'Eglise à la glèbe des intérêts terrestres, lui avait fait, pour ainsi dire, des destinées mortelles. En incarnant l'élément divin dans un corps infirme et périssable, elle lui a fait contracter toutes les infirmités comme tous les appétits de la chair. De cette organisation est sortie pour l'Eglise romaine, par une fatalité providentielle—la nécessité de la guerre, de la guerre matérielle, nécessité qui, pour une institution comme l'Eglise, équivalait à une condamnation absolue. De cette organisation sont nés ce conflit de prétentions et cette rivalité d'intérêts qui devaient forcément aboutir à une lutte acharnée entre le Sacerdoce et l'Empire—à ce duel vraiment impie et sacrilège qui en se prolongeant à travers tout le moyen-âge a blessé à mort en Occident le principe même de l'autorité.

De là tant d'excès, de violences, d'énormités accumulés pendant des siècles pour étayer ce pouvoir matériel dont Rome ne croyait pas pouvoir se passer pour sauvegarder l'Unité de l'Eglise et qui néanmoins ont fini, comme ils devaient finir, par briser en éclats cette Unité prétendue. Car, on ne saurait le nier, l'explosion de la Réforme au

seizième siècle n'a été dans son origine que la réaction du sentiment chrétien trop longtemps froissé, contre l'autorité d'une Eglise qui sous beaucoup de rapports ne l'était plus que de nom.—Mais comme depuis des siècles Rome s'était soigneusement interposée entre l'Eglise universelle et l'Occident, les chefs de la Réforme, au lieu de porter leurs griefs au tribunal de l'autorité légitime et compétente, aimèrent mieux en appeler au jugement de la conscience individuelle—c'est-à-dire qu'ils se firent juges dans leur propre cause.

Voilà l'écueil sur lequel la réforme du seizième siècle est venue échouer. Telle est, n'en déplaise à la sagesse des docteurs de l'Occident, la véritable et la seule cause qui a fait dévier ce mouvement de la réforme—chrétien à son origine, jusqu'à la faire aboutir à la négation de l'autorité de l'Eglise et, par suite, du principe même de toute autorité. Et c'est par cette brèche, que le Protestantisme a ouverte pour ainsi dire à son insu, que le principe anti-chrétien a fait plus tard irruption dans la société de l'Occident.

Ce résultat était inévitable, car le moi humain livré à lui-même est anti-chrétien par essence. La révolte, l'usurpation du moi ne datent pas assurément des trois derniers siècles, mais ce qui alors était nouveau, ce qui se produisait pour la première fois dans l'histoire de l'humanité, c'était de voir cette révolte, cette usurpation élevées à la dignité d'un principe et s'exerçant à titre d'un droit essentiellement inhérent à la personnalité humaine.

Il ne fallait pas moins que la venue au monde du Christianisme pour inspirer à l'homme des prétentions aussi altières, comme il ne fallait pas moins que la présence du souverain légitime pour rendre la révolte complète et l'usurpation flagrante.

Depuis ces trois derniers siècles la vie historique de

l'Occident n'a donc été, et n'a pu être, qu'une guerre incessante, un assaut continuel livré à tout ce qu'il y avait d'éléments chrétiens dans la composition de l'ancienne société occidentale. Ce travail de démolition a été long, car avant de pouvoir s'attaquer aux institutions il avait fallu détruire ce qui en faisait le ciment: c'est-à-dire les croyances.

Ce qui fait de la première révolution française une date à jamais mémorable dans l'histoire du monde, c'est qu'elle a inauguré pour ainsi dire l'avènement de l'idée anti-chrétienne aux gouvernements de la société politique.

Que cette idée est le caractère propre et comme l'âme elle-même de la Révolution, il suffit, pour s'en convaincre, d'examiner quel est son dogme essentiel,—le dogme nouveau qu'elle a apporté au monde. C'est évidemment le dogme de la souveraineté du peuple. Or, qu'est-ce que la souveraineté du peuple, sinon celle du moi humain multiplié par le nombre — c'est-à-dire appuyé sur la force? Tout ce qui n'est pas ce principe n'est plus la révolution et ne saurait avoir qu'une valeur purement relative et contingente. Voilà pourquoi, soit dit en passant, rien n'est plus niais, ou plus perfide que d'attribuer aux institutions politiques que la Révolution a créées, une autre valeur que celle-là. Ce sont des machines de guerre admirablement appropriées à l'usage pour lequel elles ont été faites, mais qui en dehors de cette destination ne sauraient jamais, dans une société régulière, trouver d'emploi convenable.

La Révolution d'ailleurs a pris soin elle-même de ne nous laisser aucun doute sur sa véritable nature en formulant ainsi ses rapports vis-à-vis du christianisme: „l'Etat comme tel n'à point de religion".—Car tel est le Crédo de l'Etat moderne.

Voilà, à vrai dire, la grande nouveauté que la Révolu-

tion a apportée au monde. Voilà son œuvre propre, essentielle—un fait sans antécédents dans l'histoire des sociétés humaines.

C'était la première fois qu'une société politique acceptait pour la régir un Etat parfaitement étranger à toute sanction supérieure à l'homme; un Etat qui déclarait qu'il n'avait point d'âme ou que s'il en avait une, cette âme n'était point religieuse.—Car, qui ne sait que même dans l'antiquité païenne, dans tout ce monde de l'autre côté de la croix, placé sous l'empire de la tradition universelle que le paganisme a bien pu défigurer mais sans l'interrompre, — la cité, l'Etat, étaient avant tout une institution religieuse. C'était comme un fragment détaché de la tradition universelle qui en s'incarnant dans une société particulière se constituait comme un centre indépendant. C'était pour ainsi dire de la religion localisée matérialisée.

Nous savons fort bien que cette prétendue neutralité en matière religieuse n'est pas une chose sérieuse de la part de la Révolution. Elle-même connaît trop bien la nature de son adversaire pour ne pas savoir que vis-à-vis de lui la neutralité est impossible: „Qui n'est pas pour moi est contre moi". En effet, pour offrir la neutralité au christianisme il faut déjà avoir cessé d'être chrétien. Le sophisme de la doctrine moderne échoue ici contre la nature toute-puissante des choses. Pour que cette prétendue neutralité eût un sens, pour qu'elle fût autre chose qu'un mensonge et un piège, il faudrait de toute nécescité que l'Etat moderne consentît à se dépouiller de tout caractère d'autorité morale, qu'il se résignât à n'être qu'une simple institution de police, un simple fait matériel, incapable par nature d'exprimer une idée morale quelconque. — Soutiendra-t-on sérieusement que la Révolution accepte pour l'Etat qu'elle a créé et qui la représente une

condition semblable, non-seulement humble, mais impossible?.. Elle l'accepte si peu que d'après sa doctrine bien connue elle ne fait dériver l'incompétence de la loi moderne en matière religieuse que de la conviction où elle est que la morale, dépouillée de toute sanction surnaturelle, suffit aux destinées de la société humaine. Cette proposition peut être vraie ou fausse, mais cette proposition, on l'avouera, est toute une doctrine, et, pour tout homme de bonne foi, une doctrine qui équivaut à la négation la plus complète de la vérité chrétienne.

Aussi, en dépit de cette prétendue incompétence et de sa neutralité constitutionnelle en matière de religion, nous voyons que partout où l'Etat moderne s'est établi, il n'a pas manqué de réclamer et d'exercer vis-à-vis de l'Eglise la même autorité et les mêmes droits que ceux qui avaient appartenu aux anciens pouvoirs. Ainsi en France, par exemple, dans ce pays de logique par excellence, la loi a beau déclarer que l'Etat comme tel n'a point de religion, celui-ci, dans ses rapports à l'égard de l'Eglise catholique, n'en persiste pas moins à se considérer comme l'héritier parfaitement légitime du Roi très-chrétien,—du fils aîné de cette Eglise.

Rétablissons donc la vérité des faits. L'Etat moderne ne proscrit les religions d'Etat que parce qu'il a la sienne—et cette religion c'est la Révolution. Maintenant, pour en revenir à la question romaine, on comprendra sans peine la position impossible que l'on prétend faire à la Papauté en l'obligeant à accepter pour sa souveraineté temporelle les conditions de l'Etat moderne. La Papauté sait fort bien quelle est la nature du principe dont il relève. Elle le comprend d'instinct, la conscience chrétienne du prêtre dans le Pape l'en avertirait au besoin. Entre la Papauté et ce principe il n'y a point de transaction possible; car ici une transaction ne serait pas une pure concession

de pouvoir, ce serait tout bonnement une apostasie. — Mais, dira-t-on, pourquoi le Pape n'accepterait-il pas les institutions sans le principe?—C'est encore là une des illusions de cette opinion soi-disant modérée, qui se croit éminemment raisonnable et qui n'est qu'inintelligente. Comme si des institutions pouvaient se séparer du principe qui les a créées et qui les fait vivre... Comme si le matériel d'institutions privées de leur âme était autre chose qu'un attirail mort et sans utilité — un véritable encombrement. D'ailleurs les institutions politiques ont toujours en définitive la signification que leur attribuent, non pas ceux qui les donnent, mais ceux qui les obtiennent—surtout quand ils vous les imposent.

Si le Pape n'eût été que prêtre, c'est-à-dire si la Papauté fût restée fidèle à son origine, la Révolution n'aurait eu aucune prise sur elle, car la persécution n'en est pas une. Mais c'est l'élément mortel et périssable qu'elle s'est identifié qui la rend maintenant accessible à ses coups. C'est là le gage que depuis des siècles la Papauté romaine a donné par avance à la Révolution.

Et c'est ici, comme nous l'avons dit, que la logique souveraine de l'action providentielle s'est manifestée avec éclat. De toutes les institutions que la Papauté a enfantées depuis sa séparation d'avec l'Eglise Orthodoxe, celle qui a le plus profondément marqué cette séparation, qui l'a le plus aggravée, le plus consolidée, c'est sans nul doute la souveraineté temporelle du Pape. Et c'est précisément contre cette institution que nous voyons la Papauté venir se heurter aujourd'hui.

Depuis longtemps assurément le monde n'avait rien eu de comparable au spectacle qu'a offert la malheureuse Italie pendant les derniers temps qui ont précédé ses nouveaux désastres. Depuis longtemps nulle situation, nul fait historique n'avaient eu cette physionomie étrange.

Il arrive parfois que des individus à la veille de quelque grand malheur se trouvent, sans motif apparent, subitement pris d'un accès de gaieté frénétique, d'hilarité furieuse—eh bien, ici c'est un peuple tout entier qui a été tout à coup saisi d'un accès de cette nature. Et cette fièvre, ce délire s'est soutenu, s'est propagé pendant des mois. Il y a eu un moment où il avait enlacé comme d'une chaîne électrique toutes les classes, toutes les conditions de la société et ce délire si intense, si géneral, avait adopté pour mot d'ordre le nom d'un Pape!..

Que de fois le pauvre prêtre chrétien au fond de sa retraite n'a-t-il pas dû frémir au bruit de cette orgie dont on le faisait le dieu! Que de fois ces vociférations d'amour, ces convulsions d'enthousiasme n'ont-elles pas dû porter la consternation et le doute dans l'âme de ce chrétien livré en proie à cette effrayante popularité!

Ce qui surtout devait le consterner, lui, le Pape, c'est qu'au fond de cette popularité immense, à travers toute cette exaltation des masses, quelque effrénée qu'elle fût, il ne pouvait méconnaître un calcul et une arrière-pensée.

C'était la première fois que l'on affectait d'adorer le Pape en le séparant de la Papauté. Ce n'est pas assez dire: tous ces hommages, toutes ces adorations ne s'adressaient à l'homme que parce que l'on espérait trouver en lui un complice contre l'institution. En un mot, on voulait fêter le Pape en faisant un feu de joie de la Papauté. Et ce qu'il y avait de particulièrement redoutable dans cette situation, c'est que ce calcul, cette arrière-pensée n'étaient pas seulement dans l'intention des partis, ils se retrouvaient aussi dans le sentiment instinctif des masses. Et rien assurément ne pouvait mieux mettre à nu toute la fausseté et toute l'hypocrisie de la situation que de voir l'apothéose décernée au chef de l'Eglise Catholique,

au moment même où la persécution se déchaînait plus ardente que jamais contre l'ordre des Jésuites.

L'institution des Jésuites sera toujours un problème pour l'Occident. C'est encore là une de ces énigmes dont la clef est ailleurs. On peut dire avec vérité que la question des Jésuites tient de trop près à la conscience religieuse de l'Occident pour qu'il puisse jamais la résoudre d'une manière entièrement satisfaisante.

En parlant des jésuites, en cherchant à les soumettre à une appréciation équitable, il faut commencer par mettre hors de cause tous ceux (et leur nom est légion) pour qui le mot de jésuite n'est plus qu'un mot de passe, un cri de guerre. Certes, de toutes les apologies que l'on a essayées en faveur de cet ordre, il n'en est pas de plus éloquente, de plus convaincante que la haine, cette haine furieuse et implacable que lui ont vouée tous les ennemis de la Religion Chrétienne. Mais, ceci admis, on ne saurait se dissimuler que bien des catholiques romains les plus sincères, les plus dévoués à leur Eglise, depuis Pascal jusqu'à nos jours, n'ont cessé de génération en génération de nourrir une antipathie déclarée, insurmontable, contre cette institution. Cette disposition d'esprit dans une fraction considérable du monde catholique constitue peut-être une des situations les plus réellement saisissantes et les plus tragiques où il soit donné à l'âme humaine de se trouver placée.

En effet, que peut-on imaginer de plus profondément tragique que le combat qui doit se livrer dans le cœur de l'homme, lorsque, partagé entre le sentiment de la vénération religieuse, de ce sentiment de piété plus que filiale, et une odieuse évidence, il s'efforce de récuser, de refouler le témoignage de sa propre conscience plutôt que de s'avouer la solidarité réelle et incontestable qui lie l'objet de son culte à celui de son aversion.—Et ce-

pendant telle est la situation de tout catholique fidèle qui aveuglé par son inimitié contre les jésuites cherche à se dissimuler un fait d'une éclatante évidence, à savoir: la profonde, l'intime solidarité qui lie cet ordre, ses tendances, ses doctrines, ses destinées, aux tendances, aux doctrines, aux destinées de l'Eglise romaine et l'impossibilité absolue de les séparer l'un de l'autre, sans qu'il en résulte une lésion organique et une mutilation évidente. Car si, en se dégageant de toute prévention, de toute préoccupation de parti, de secte et même de nationalité, l'esprit appliqué à l'impartialité la plus absolue et le coeur rempli de charité chrétienne, on se place en présence de l'histoire et de la réalité et que, après les avoir interrogées l'une et l'autre, on se pose de bonne foi cette question: Qu'est-ce que les jésuites? voici, nous pensons, la réponse que l'on se fera: les jésuites sont des hommes pleins d'un zèle ardent, infatigable, souvent héroïque, pour la cause chrétienne et qui pourtant se sont rendus coupables d'un bien grand crime vis-à-vis du christianisme; — c'est que, dominés par le moi humain, non pas comme individus mais comme ordre, ils ont cru la cause chrétienne tellement liée à la leur propre—ils ont dans d'ardeur de la poursuite et dans l'émotion du combat si complétement oublié cette parole du Maître: „Que Ta volonté soit faite et non pas la Mienne!"—qu'ils ont fini par rechercher la victoire de Dieu à tout prix, sauf celui de leur satisfaction personnelle. Or, cette erreur, qui a sa racine dans la corruption originelle de l'homme et qui a été d'une portée incalculable dans ses conséquences pour les intérêts du christianisme, n'est pas, tant s'en faut, un fait particulier à la Société de Jésus. Cette erreur, cette tendance, lui est si bien commune avec l'Eglise de Rome elle-même que l'on pourrait à bon droit dire que c'est elle qui les rattache l'une à l'autre par une

affinité vraiment organique, par un véritable lien du sang. C'est cette communauté, cette identité de tendances qui fait de l'Institut des jésuites l'expression concentrée mais littéralement fidèle du catholicisme romain; qui fait pour tout dire que c'est le catholicisme romain lui-même, mais à l'état d'action, à l'etat militant.

Et voilà pourquoi cet ordre: „*ballotté d'âge en âge*“ à travers les persécutions et le triomphe, l'outrage et l'apothéose, n'a jamais trouvé, et ne saurait trouver, en Occident, ni des convictions religieuses suffisamment désintéressées dans sa cause pour pouvoir l'apprécier, ni une autorité religieuse compétente pour le juger. Une fraction de la société occidentale, celle qui a résolûment rompu avec le principe chrétien, ne s'attaque aux jésuites que pour pouvoir à couvert de leur impopularité mieux assurer les coups qu'elle adresse à son véritable ennemi. Quant à ceux des catholiques restés fidèles à Rome qui se sont faits les adversaires de cet ordre, bien qu'individuellement parlant ils puissent comme chrétiens être dans le vrai, toutefois comme catholiques romains ils sont sans armes contre lui, car en l'attaquant ils s'exposeraient toujours au danger de blesser l'Eglise romaine elle-même.

Mais ce n'est pas seulement contre les jésuites, cette force vive du catholicisme, qu'on a cherché à exploiter la popularité moitié factice, moitié sincère dont on avait enveloppé le pape Pie IX. Un autre parti encore comptait aussi sur lui—une autre mission lui était réservée.

Les partisans de l'indépendance nationale espéraient que, sécularisant tout à fait la Papauté au profit de leur cause, celui qui avant tout est prêtre, consentirait à se faire le gonfalonier de la liberté italienne. C'est ainsi que les deux sentiments les plus vivaces et les plus impérieux de l'Italie contemporaine: l'antipathie pour la do-

mination séculière du clergé et la haine traditionnelle de l'étranger, du barbare, de l'Allemand, revendiquaient tous deux, au profit de leur cause, la coopération du Pape. Tout le monde le glorifiait, le déifiait même, mais à la condition qu'il se ferait le serviteur de tout le monde, et cela dans un sens qui n'était nullement celui de l'humilité chrétienne.

Parmi les opinions ou les influences politiques qui venaient ainsi briguer son patronage en lui offrant leur concours, il y en avait une qui avait jeté précédemment quelque éclat parce qu'elle avait eu pour interprètes et pour apôtres quelques hommes d'un talent littéraire peu commun. A en croire les doctrines naïvement ambitieuses de ces théoriciens politiques, l'Italie contemporaine allait sous les auspices du Pontificat romain récupérer la primauté universelle et ressaisir pour la troisième fois le sceptre du monde. C'est-à-dire qu'au moment où l'établissement papal était secoué jusque dans ses fondements, ils proposaient sérieusement au Pape de renchérir encore sur les données du moyen-âge et lui offraient quelque chose comme un Califat chrétien—à la condition, bien entendu, que cette théocratie nouvelle s'exercerait avant tout dans l'intérêt de la nationalité italienne.

On ne saurait, en vérité, assez s'émerveiller de cette tendance vers le chimérique et l'impossible qui domine les esprits de nos jours et qui est un des traits distinctifs de l'époque. Il faut qu'il y ait une affinité réelle entre l'utopie et la Révolution, car chaque fois que celle-ci, un moment infidèle à ses habitudes, veut créer au lieu de détruire, elle tombe infailliblement dans l'utopie. Il est juste de dire que celle à laquelle nous venons de faire allusion est encore une des plus inoffensives.

Enfin vint un moment dans la situation donnée où, l'équivoque n'étant plus possible, la Papauté, pour ressaisir

son droit, se vit obligée de rompre en visière aux prétendus amis du Pape. C'est alors que la Révolution jeta à son tour le masque et apparut au monde sous les traits de la république romaine.

Quant à ce parti on le connaît maintenant, on l'a vu à l'oeuvre. C'est le véritable, le légitime représentant de la Révolution en Italie. Ce parti-là considère la Papauté comme son ennemi personnel à cause de l'élément chrétien qu'il découvre en elle. Aussi n'en veut-il à aucun prix, pas même pour l'exploiter. Il voudrait tout simplement la supprimer et c'est par un motif semblable qu'il voudrait aussi supprimer tout le passé de l'Italie, toutes les conditions historiques de son existence comme entachées et infectées de catholicisme, se réservant de rattacher, par une pure abstraction révolutionnaire, l'existence du régime qu'il prétend fonder, aux antécédents républicains de l'ancienne Rome.

Eh bien, ce qu'il y a de particulier dans cette brutale utopie, c'est que, quel que soit le caractère profondément anti-historique dont elle est empreinte, elle aussi a sa tradition bien connue dans l'histoire de la civilisation italienne.—Elle n'est après tout que la réminiscence classique de l'ancien monde païen, de la civilisation païenne,—tradition qui a joué un grand rôle dans l'histoire de l'Italie, qui s'est perpétuée à travers tout le passé de ce pays, qui a eu ses représentants, ses héros et même ses martyrs et qui, non contente de dominer presque exclusivement ses arts et sa littérature, a tenté à plusieurs reprises de se constituer politiquement pour s'emparer de la société tout entière. Et, chose remarquable,—chaque fois que cette tradition, cette tendance a essayé de ranaître, elle est toujours apparue à la manière des revenants, invariablement attachée à la même localité—à celle de Rome.

Arrivée jusqu'à nos jours, le principe révolutionnaire

ne pouvait guère manquer de l'accueillir et de se l'approprier à cause de la pensée anti-chrétienne qui était en elle. Maintenant ce parti vient d'être abattu et l'autorité du Pape en apparence restaurée. Mais si quelque chose, il faut en convenir, pouvait encore grossir le trésor de fatalités que cette question romaine renferme, c'était de voir ce double résultat obtenu par une intervention de la France.

Le lieu commun de l'opinion courante au sujet de cette intervention c'est de n'y voir, comme on le fait assez généralement, qu'un coup de tête ou une maladresse du gouvernement français. Ce qu'il y a de vrai à dire, à ce sujet, c'est que si le gouvernement français, en s'engageant dans cette question insoluble en elle-même, s'est dissimulé qu'elle était plus insoluble pour lui que pour tout autre, cela prouverait seulement de sa part une complète inintelligence tant de sa propre position que de celle de la France... ce qui d'ailleurs est fort possible, nous en convenons.

En général on s'est trop habitué en Europe, dans ces derniers temps, à résumer l'appréciation que l'on fait des actes ou plutôt des velléités d'action de la politique française par une phrase devenue proverbiale: „La France ne sait ce qu'elle veut".—Cela peut être vrai, mais pour être parfaitement juste on devrait ajouter: que la France ne peut pas savoir ce qu'elle veut. Car pour y réussir il faut avant tout avoir Une volonté—et la France depuis soixante ans est condamnée à en avoir deux.

Et ici il ne s'agit pas de ce désaccord, de cette divergence d'opinions politiques ou autres qui se rencontrent dans tous les pays où la société par la fatalité des circonstances se trouve livrée au gouvernement des partis. Il s'agit d'un fait bien autrement grave; il s'agit d'un antagonisme permanent, essentiel et à tout jamais insoluble, qui depuis soixante ans constitue, pour ainsi dire,

le fond même de la conscience nationale en France. C'est l'âme de la France qui est divisée.

La Révolution, depuis qu'elle s'est emparée de ce pays, a bien pu le bouleverser, le modifier, l'altérer profondément, mais elle n'a pu, ni ne pourra jamais se l'assimiler entièrement. Elle aura beau faire, il y a des éléments, des principes dans la vie morale de la Erance qui résisteront toujours—ou du moins aussi longtenps qu'il y aura une France au monde; tels sont: l'Eglise catholique avec ses croyances et son enseignement;—le mariage chrétien et la famille,—et même la propriété. D'autre part, comme il est à prévoir que la Révolution, qui est entrée non-seulement dans le sang, mais dans l'âme même de cette société, ne se décidera jamais à lâcher prise volontairement, et comme dans l'histoire du monde nous ne connaissons pas une formule d'exorcisme applicable à une nation tout entière, il est fort à craindre que l'état de lutte, mais d'une lutte intime et incessante, de scission permanente et pour ainsi dire organique, ne soit devenu pour bien longtemps la condition normale de la nouvelle société française.

Et voilà pourquoi dans ce pays, où nous voyons depuis soixante ans se réaliser cette combinaison d'un Etat révolutionnaire par principe traînant à la remorque une société qui n'est que révolutionnée, le gouvernement, le pouvoir qui tient nécessairement des deux sans parvenir à les concilier, s'y trouve fatalement condamné à une position fausse, précaire, entourée de périls et frappée d'impuissance. Aussi avons-nous vu que depuis cette époque tous les gouvernements en France—moins un, celui de la Convention pendant la Terreur — quelque fût la diversité de leur origine, de leurs doctrines et de leurs tendances, ont eu ceci en commun: c'est que tous, sans excepter même celui du lendemain de Février, ils ont subi la Révolution bien plus qu'ils ne l'ont représentée. Et il n'en pouvait

être autrement. Car ce n'est qu'à la condition de lutter contre elle, tout en la subissant, qu'ils ont pu vivre. Mais il est vrai de dire que, jusqu'à présent du moins, ils ont tous péri à la tâche.

Comment donc un pouvoir ainsi fait, aussi peu sûr de son droit, d'une nature aussi indécise, aurait-il eu quelque chance de succès en intervenant dans une question comme l'est cette question romaine? En se présentant comme médiateur ou comme arbitre entre la Révolution et le Pape, il ne pouvait guère espérer de concilier ce qui est inconciliable par nature. Et d'autre part il ne pouvait donner gain de cause à l'une des parties adverses sans se blesser lui-même, sans renier pour ainsi dire une moitié de lui-même. Ce qu'il pouvait donc obtenir par cette intervention à double tranchant, quelque émoussé qu'il fût, c'était d'embrouiller encore davantage ce qui déjà était inextricable, d'envenimer la plaie en l'irritant. C'est à quoi il a parfaitement réussi.

Maintenant quelle est au vrai la situation du Pape à l'égard de ses sujets? Et quel est le sort probable réservé aux nouvelles institutions qu'il vient de leur accorder?— Ici malheureusement les plus tristes prévisions sont seules de droit. C'est le doute qui ne l'est pas.

La situation,—c'est l'ancien état des choses, celui antérieur au règne actuel, celui qui dès lors croulait déjà sous le poids de son impossibilité, mais démesurément aggravé par tout ce qui est arrivé depuis. Au moral, par d'immenses déceptions et d'immenses trahisons; au matériel, par toutes les ruines accumulées.

On connaît ce cercle vicieux où depuis quarante ans nous avons vu rouler et se débattre tant de peuples et tant de gouvernements. Des gouvernés n'acceptant les concessions que leur faisait le pouvoir que comme un faible à-compte payé à contre-coeur par un débiteur

de mauvaise foi. Des gouvernements qui ne voyaient dans les demandes qu'on leur adressait que les embûches d'un ennemi hypocrite. Eh bien, cette situation, cette réciprocité de mauvais sentiments, détestable et démoralisante partout et toujours, est encore grandement envenimée ici par le caractère particulièrement sacré du pouvoir et par la nature tout exceptionnelle de ses rapports avec ses sujets. Car, encore une fois, dans la situation donnée et sur la pente où l'on se trouve placé, non-seulement par la passion des hommes, mais par la force même des choses,—toute concession, toute réforme, pour peu qu'elle soit sincère et sérieuse, pousse infailliblement l'Etat romain vers une sécularisation complète. La sécularisation, nul n'en doute, est le dernier mot de la situation. Et cependant le Pape, sans droit pour l'accorder même dans les temps ordinaires, puisque la souveraineté temporelle n'est pas son bien, mais celui de l'Eglise de Rome,—pourrait bien moins encore y consentir maintenant qu'il a la certitude que cette sécularisation, lors même qu'elle serait accordée à des nécessités réelles, tournerait en définitive au profit des ennemis jurés, non pas de son pouvoir seulement, mais de l'Eglise elle-même. Y consentir, ce serait se rendre coupable d'apostasie et de trahison tout à la fois. Voici pour le Pouvoir. Pour ce qui est des sujets, il est clair que cette antipathie invétérée contre la domination des prêtres, qui constitue tout l'esprit public de la population romaine, n'aura pas diminué par suite des derniers événements.

Et si d'une part une semblable disposition des esprits suffit à elle seule pour faire avorter les réformes les plus généreuses et les plus loyales, d'autre part l'insuccès de ces réformes ne peut qu'ajouter infiniment à l'irritation générale, confirmer l'opinion dans sa haine pour l'autorité rétablie et—*recruter pour l'ennemi.*

Voilà certes une situation parfaitement déplorable et qui a tous les caractères d'un châtiment providentiel. Car pour un prêtre chrétien quel plus grand malheur peut-on imaginer que celui de se voir ainsi fatalement investi d'un pouvoir qu'il ne peut exercer qu'au détriment des âmes et pour la ruine de la Religion!.. Non, en vérité, cette situation est trop violente, trop contre nature pour pouvoir se prolonger. Châtiment ou épreuve, il est impossible que la Papauté romaine reste longtemps encore enfermée dans ce cercle de feu sans que Dieu dans sa miséricorde lui vienne en aide et lui ouvre une voie, une issue merveilleuse, éclatante, inattendue—ou, disons mieux, attendue depuis des siècles.

Peut-être en est-elle séparée encore, elle—la Papauté—et l'Eglise soumise à ses lois, par bien des tribulations et bien des désastres; peut-être n'est-elle encore qu'à l'entrée de ces temps calamiteux. Car ce ne sera pas une petite flamme, ce ne sera pas un incendie de quelques heures que celui qui, en dévorant et réduisant en cendres des siècles entiers de préoccupations mondaines et d'inimitiés antichrétiennes, fera enfin crouler devant elle cette fatale barrière qui lui cachait l'issue désirée.

Et comment à la vue de ce qui se passe, en présence de cette organisation nouvelle du principe du mal, la plus savante et la plus formidable que les hommes aient jamais vue,—en présence de ce monde du mal tout constitué et tout armé, avec son église d'irréligion et son gouvernement de révolte,—comment, disons-nous, serait-il interdit aux chrétiens d'espérer que Dieu daignera proportionner les forces de Son Eglise à Lui, à la nouvelle tâche qu'il lui assigne?—Qu'à la veille des combats qui se préparent Il daignera lui restituer la plénitude de ses forces, et qu'à cet effet Lui-même, à son heure, viendra, de Sa main miséricordieuse, guérir au flanc de Son Eglise

la plaie que la main des hommes y a faite — cette plaie ouverte qui saigne depuis huit cents ans!..

L'Eglise Orthodoxe n'a jamais désespéré de cette guérison. Elle l'attend—elle y compte—non pas avec confiance, mais avec certitude. Comment ce qui est *Un* par principe, ce qui est *Un* dans l'Eternité, ne triompherait-il pas de la désunion dans le temps? En dépit de la séparation de plusieurs siècles et à travers toutes les préventions humaines elle n'a cessé de reconnaître que le principe chrétien n'a jamais péri dans l'Eglise de Rome; qu'il a toujours été plus fort en elle que l'erreur et la passion des hommes, el voilà pourquoi elle a la conviction intime qu'il sera plus fort que tous ses ennemis. Elle sait, de plus, qu'à l'heure qu'il est, comme depuis des siècles, les destinées chrétiennes de l'Occident sont toujours encore entre les mains de l'Eglise de Rome et elle espère qu'au jour de la grande réunion elle lui restituera intact ce dépôt sacré.

Qu'il nous soit permis de rappeler, en finissant, un incident qui se rattache à la visite que l'Empereur de Russie a faite à Rome en 1846. On s'y souviendra peut-être encore de l'émotion générale qui l'a accueilli à son apparition dans l'église de Saint-Pierre—l'apparition de l'Empereur orthodoxe revenu à Rome après plusieurs siècles d'absence! et du mouvement électrique qui a parcouru la foule lorsqu'on l'a vu aller prier au tombeau des Apôtres. Cette émotion était juste et légitime. L'Empereur prosterné n'y était pas seul. Toute la Russie était là prosternée avec lui.—Espérons qu'il n'aura pas prié en vain devant les saintes reliques.

1849.

IV.

LETTRE SUR LA CENSURE EN RUSSIE.

Je profite de l'autorisation que vous avez bien voulu me donner, pour vous soumettre quelques réflexions, qui se rattachent à l'objet de notre dernier entretien. Je n'ai assurément pas besoin de vous exprimer encore une fois ma sympathique adhésion à l'idée que vous avez eu la bonté de me communiquer et, dans le cas où on tenterait de la réaliser, de vous assurer de ma sérieuse bonne volonté de la servir de tous mes moyens. Mais c'est précisément pour être mieux à même de le faire que je crois devoir, avant toute chose, m'expliquer franchement vis-à-vis de vous sur ma manière d'envisager la question. Il ne s'agit pas ici, bien entendu, de faire une profession de foi politique. Ce serait une puérilité: de nos jours, en fait d'opinions politiques, tous les gens raisonnables sont à peu près du même avis; on ne diffère les uns des autres que par le plus ou le moins d'intelligence que l'on apporte à bien reconnaître ce qui est et à bien apprécier ce qui devrait être. C'est sur le plus ou le moins de vérité qui se trouve dans ces appréciations qu'il s'agirait avant tout de s'entendre. Car s'il est vrai (comme vous l'avez dit, mon prince) qu'un esprit pratique ne saurait vouloir dans une situation donnée que ce qui est réalisable en égard aux

personnes, il est tout aussi vrai qn'il serait peu digne d'un esprit réellement pratique de vouloir une chose quelconque en dehors des conditions naturelles de son existence. Mais, venons au fait. S'il est une vérité, parmi beaucoup d'autres, qui soit sortie, entourée d'une grande évidence, de la sévère expérience des dernières années, c'est assurément celle-ci: il nous a été rudement prouvé qu'on ne saurait imposer aux intelligences une contrainte, une compression trop absolue, trop prolongée, sans qu'il en résulte des dommages graves pour l'organisme social tout entier. Il paraît que tout affaiblissement, toute diminution notable de la vie intellectuelle dans une société tourne nécessairement au profit des appétits matériels et des instincts sordidement égoïstes. Le Pouvoir lui-même n'échappe pas à la longue aux inconvénients d'un pareil régime. Un désert, un vide intellectuel immense se fait autour de la sphère où il réside, et la pensée dirigeante, ne trouvant en dehors d'elle-même ni contrôle, ni indication, ni un point d'appui quelconque, finit par se troubler et par s'affaisser sous son propre poids, avant même que de succomber sous la fatalité des événements. Heureusement cette rude leçon n'a pas été perdue. Le sens droit et la nature bienveillante de l'Empereur régnant ont compris qu'il y avait lieu à se relâcher de la rigueur excessive du système précédent et à rendre aux intelligences l'air qui leur manquait... Eh bien (je le dis avec une entière conviction), pour qui a suivi depuis lors dans son ensemble le travail des esprits, tel qu'il s'est produit dans le mouvement littéraire du pays, il est impossible de ne pas se féliciter des heureux effets de ce changement de système. Je ne me dissimule pas plus qu'un autre les côtes faibles et parfois même les écarts de la littérature du jour; mais il y a un mérite qu'on ne saurait lui refuser sans injustice, et ce mérite-là est bien réel: c'est que du jour où

la liberté de la parole lui a été rendue dans une certaine mesure elle c'est constamment appliquée à exprimer de son mieux et le plus fldèlement possible la pensée même du pays. A un sentiment très vif de la réalité contemporaine et à un talent souvent fort remarquable de la reproduire, elle a joint une sollicitude non moins vive pour tous les besoins réels, pour tous les intérêts, pour toutes les plaies de la société russe. Comme le pays lui-même, en fait d'améliorations à accomplir, elle ne s'est préoccupée que de celles qui étaient possibles, pratiques et clairement indiquées, sans se laisser envahir par l'utopie, cette maladie si éminemment littéraire. Si dans la guerre qu'elle a faite aux abus elle s'est laissée parfois entraîner à d'évidentes exagérations, on peut dire, en son honneur, que dans son zèle à les combattre elle n'a jamais séparé dans sa pensée les intérêts de l'Autorité Suprême d'avec ceux du pays: tant elle était pénétrée de cette sérieuse et loyale conviction, que faire la guerre aux abus, c'était la faire aux ennemis personnels de l'Empereur... Souvent, de nos jours, de pareils dehors de zèle ont, je le sais bien, recouvert de très mauvais sentiments et servi à dissimuler des tendances qui n'etaient rien moins que loyales; mais, grâce à l'expérience que les hommes de notre âge doivent avoir nécessairemet acquise, rien de plus facile que de reconnaître, à la première vue, ces ruses du métier, et le faux dans ce genre ne trompe plus personne.

On peut affirmer qu'à l'heure qu'il est, en Russie il y a deux sentiments dominants et qui se retrouvent presque toujours étroitement associés l'un à l'autre: c'est l'irritation et le dégoût que soulève la persistance des abus, et une religieuse confiance dans les intentions pures, droites et bienveillantes du Souverain.

On est généralement convaincu que personne plus que Lui ne souffre de ces plaies de la Russie et n'en désire

plus énergiquement la guérison; mais nulle part peut-être cette conviction n'est aussi vive et aussi entière que précisément dans la classe des hommes de lettres, et c'est remplir le devoir d'un homme d'honneur, que de saisir toutes les occasions pour proclamer bien haut qu'il n'y a pas peut-être en ce moment de classe de la société qui soit plus pieusement dévouée que celle-ci à la Personne de l'Empereur.

Ces appréciations (je ne le cache pas) pourraient bien rencontrer plus d'un incrédule dans quelques régions de notre monde officiel. C'est que de tout temps il y a eu dans ce monde-là comme un parti pris de défiance et de mauvaise humeur, et cela s'explique fort bien par la spécialité du point de vue. Il y a des hommes qui ne connaissent de la littérature que ce que la police des grandes villes connaît du peuple qu'elle surveille, c'est-à-dire les incongruités et les désordres auxquels le bon peuple se laisse parfois entraîner.

Non, quoi qu'on en dise, le gouvernement jusqu'à présent n'a pas eu lieu de se repentir d'avoir mitigé en faveur de la presse les rigueurs du régime qui pesait sur elle. Mais dans cette question de la presse, était-ce là tout ce qu'il y avait à faire, et en présence de ce travail des esprits plus libre et à mesure que le mouvement littéraire ira grandissant, l'utilité et la nécessité d'une direction supérieure ne se fera-t-elle pas sentir tous les jours davantage? La censure à elle seule, de quelque manière qu'elle s'exerce, est loin de suffire aux exigences de cette situation nouvelle. La censure est une borne et n'est pas une direction. Or, chez nous, en littérature comme en toute chose, il s'agit bien moins de réprimer que de diriger. La direction, une direction forte, intelligente, sûre d'elle-même, voilà le cri du pays, voilà le mot d'ordre de notre situation tout entière.

On se plaint souvent de l'esprit d'indocilité et d'insubordination qui caractérise les hommes de la génération nouvelle. Il y a beaucoup de malentendu dans cette accusation. Ce qui est certain c'est qu'à aucune autre époque il n'y a eu autant d'intelligences actives à l'état de disponibilité et rongeant comme un frein l'inertie qui leur est imposée. Mais ces mêmes intelligences, parmi lesquelles se recrutent les ennemis du Pouvoir, bien souvent ne demandent pas mieux que de le suivre, du moment qu'il veut bien se prêter à les associer à son action et à marcher résolûment à leur tête. C'est cette vérité d'expérience, enfin reconnue, qui, depuis les dernières crises révolutionnaires en Europe, a beaucoup contribué dans les différents pays à modifier sensiblement les rapports du Pouvoir avec la presse. Et ici, mon prince, je me permettrai de rappeler, à l'appui de ma thèse, le témoignage de vos propres souvenirs.

Vous, qui avez connu comme moi l'Allemagne d'avant 1848, vous devez vous rappeler quelle était l'attitude de la presse d'alors vis-à-vis des gouvernements allemands, quelle aigreur, quelle hostilité caractérisait ses rapports avec eux, que de tracas et de soucis elle leur suscitait.

Eh bien, comment se fait-il que maintenant ces dispositions haineuses aient en grande partie disparu et aient fait place à des dispositions essentiellement différentes?

C'est qu'aujourd'hui ces mêmes gouvernements, qui considéraient la presse comme un mal nécessaire qu'ils étaient obligés de subir tout en le détestant, ont pris le parti de chercher en elle une force auxiliaire et de s'en servir comme d'un instrument approprié à leur usage. Je ne cite cet exemple que pour prouver que dans des pays déjà fortement entamés par la révolution, une direction intelligente et énergique trouve toujours des esprits disposés à l'accepter et à la suivre. Car, d'ailleurs, autant

que qui que ce soit je hais, quand il s'agit de nos intérêts, toutes ces prétendues analogies que l'on va chercher à l'étranger: presque toujours comprises à demi, elle nous ont fait trop de mal pour que je sois disposé à invoquer leur autorité.

Chez nous, grâce au Ciel, ce ne sont pas absolument les mêmes instincts, les mêmes exigences qu'il s'agirait de satisfaire; ce sont d'autres convictions, des convictions moins entamées et plus désintéressées qui répondraient à l'appel du Pouvoir.

En effet, malgré les infirmités qui nous affligent et les vices qui nous déforment, il y a encore chez nous dans les âmes (on ne saurait assez le redire) des trésors de bonne volonté intelligente et d'activité d'esprit dévouée qui n'attendent, pour se livrer, que des mains sympathiques, qui sachent les reconnaître et les recueillir. En un mot, s'il est vrai, comme on l'a si souvent dit, que l'Etat a chargé d'âmes aussi bien que l'Eglise, nulle part cette vérité n'est plus évidente qu'en Russie, et nulle part aussi (il faut bien le reconnaître) cette mission de l'Etat n'a été plus facile à exercer et à accomplir. C'est donc avec une satisfaction, une adhésion unanimes, que l'on verrait chez nous le Pouvoir, dans ses rapports avec la presse, assumer sur lui la direction de l'esprit public, sérieusement et loyalement comprise, et revendiquer comme son droit le gouvernement des intelligences.

Mais, mon prince, comme ce n'est pas un article semi-officiel que j'écris en ce moment, et que, dans une lettre toute de confiance et de sincérité, rien ne serait plus ridiculement déplacé que les circonlocutions et les réticences, je tâcherai d'expliquer de mon mieux quelles seraient à mon avis les conditions auxquelles le Pouvoir pourrait prétendre à exercer une pareille action sur les esprits.

D'abord, il faut prendre le pays tel qu'il est dans le moment donné, livré à de très pénibles, de très légitimes préoccupations d'esprit, entre un passé rempli d'enseignements (il est vrai), mais aussi de bien décourageantes expériences, et un avenir tout rempli de problèmes.

Il faudrait ensuite, par rapport à ce pays, se décider à reconnaître ce que les parents, qui voient leurs enfants grandir sous leurs yeux, ont tant de peine à s'avouer c'est qu'il vient un âge où la pensée aussi est adulte et veut être traitée comme telle. Or, pour conquérir, sur des intelligences arrivées à l'âge de raison, cet ascendant moral, sans lequel on ne saurait prétendre à les diriger, il faudrait avant tout leur donner la certitude que sur toutes les grandes questions, qui préoccupent et passionnent le pays en ce moment, il y a dans les hautes régions du Pouvoir, sinon des solutions toutes prêtes, au moins des convictions fortement errêtées et un corps de doctrine lié dans toutes ses parties et conséquent à lui-même.

Non, certes, il ne s'agit pas d'autoriser le public à intervenir dans les délibérations du conseil de l'Empire, ou d'arrêter de compte à demi avec la presse le programme des mesures du gouvernement. Mais ce qui serait bien essentiel, c'est que le Pouvoir fût lui-même assez convaincu de ses propres idées, assez pénétré de ses propres convictions pour qu'il éprouvât le besoin d'en répandre l'influence au dehors, et de la faire pénétrer, comme un élément de régénération, comme une vie nouvelle, dans l'intimité de la conscience nationale. Ce qui serait essentiel en présence des écrasantes difficultés qui pèsent sur nous, c'est qu'il comprît que sans cette communication intime avec l'âme même du pays, sans le réveil plein et entier de toutes ces énergies morales et intellectuelles, sans leur concours spontané et unanime à lœuvre commune, le gouvernement, réduit à ses propres forces, ne peut rien, pas plus au

dehors qu'au dedans, pas plus pour son salut que pour le nôtre.

En un mot, il faudrait que tous, public et gouvernement, nous ne cessassions de nous dire et de nous répéter que les destinées de la Russie sont comme un vaisseau échoué, que tous les efforts de l'équipage ne réussiront jamais à dégager et que seule la marée montante de la vie nationale parviendra à soulever et à mettre à flot.

Voilà, selon moi, au nom de quel principe et de quel sentiment le Pouvoir pourrait en ce moment avoir prise sur les âmes et sur les intelligences, qu'il pourrait pour ainsi dire les mettre dans sa main et les emproter où bon lui semblerait. Cette bannière-la, elles la suivraient partout.

Inutile de dire que je ne prétends nullement pour cela ériger le gouvernement en prédicateur, le faire monter en chaire et lui faire débiter des sermons devant une assistance silencieuse. C'est son esprit et non sa parole qu'il devrait mettre dans la propagande loyale qui se ferait sous ses auspices.

Et même, comme la première condition de succès, dès qu'on veut persuader les gens, c'est de se faire écouter d'eux, il est bien entendu que cette propagande de salut, pour se faire accueillir, bien loin de limiter la liberté de discussion, la suppose au contraire aussi franche et aussi sérieuse que les circonstances du pays peuvent la permettre.

Car est-il nécessaire d'insister pour la millième fois sur un fait d'une évidence aussi flagrante que celui-ci: c'est que de nos jours, partout où la liberté de discussion n'existe pas dans une mesure suffisante, là rien n'est possible, mais absolument rien, moralement et intellectuellement parlant. Je sais combien dans ces matières il est difficile (pour ne pas dire impossible) de donner à sa pensée le degré de précision nécessaire. Comment

définir par exemple ce que l'on entend par une mesure suffisante de liberté en matière de discussion? Cette mesure, essentiellement flottante et arbitraire, n'est bien souvent déterminée que par ce qu'il y a de plus intime et de plus individuel dans nos convictions, et il faudrait pour ainsi dire connaître tout l'homme pour savoir au juste le sens qu'il attache aux mots en parlant sur ces questions. Pour ma part, j'ai depuis plus de trente ans suivi, comme tant d'autres, cette insoluble question de la presse dans toutes les vicissitudes de sa destinée, et vous me rendrez la justice de croire, mon prince, qu'après un aussi long temps d'études et d'observations cette question ne saurait être pour moi que l'objet de la plus impartiale et de la plus froide appréciation. Je n'ai donc ni parti pris, ni préventions sur rien de ce qui y a rapport; je n'ai pas même d'animosité exagérée contre la censure, bien que dans ces dernières années elle ait pesé sur la Russie comme une véritable calamité publique. Tout en admettant son opportunité et son utilité relative, mon principal grief contre elle, c'est qu'elle est selon moi profondément insuffisante dans le moment actuel dans le sens de nos vrais besoins et de nos vrais intérêts. Au reste la question n'est pas là, elle n'est pas dans la lettre morte des réglements et des instructions qui n'ont de valeur que par l'esprit qui les anime. La question est tout entière dans la manière dont le gouvernement lui-même dans son fort intérieur considère ses rapports avec la presse; elle est, pour tout dire, dans la part plus ou moins grande de légitimité qu'il reconnaît au droit de la pensée individuelle.

Et maintenant, pour sortir une bonne fois des généralités et pour serrer de plus près la situation du moment, permettez-moi, mon prince, de vous dire, avec toute la franchise d'une lettre entièrement confidentielle, que tant

que le gouvernement chez nous n'aura pas, dans les habitudes de sa pensée, essentiellement modifié sa manière d'envisager les rapports de la presse vis-à-vis de lui,— tant qu'il n'aura pas, pour ainsi dire, coupé court à tout cela, rien de sérieux, rien de réellement efficace ne saurait être tenté avec quelque chance de succès; et l'espoir d'acquérir de l'ascendant sur les esprits, au moyen d'une presse ainsi administrée, ne serait jamais qu'une illusion.

Et cependant il faudrait avoir le courage d'envisager la question telle qu'elle est, telle que les circonstances l'ont faite. Il est impossible que le gouvernement ne se préoccupe très sérieusement d'un fait qui s'est produit depuis quelques années et qui tend à prendre des développements dont personne ne saurait dès à présent prévoir la portée et les conséquences. Vous comprenez, mon prince, que je veux parler de l'établissement des presses russes à l'étranger, hors de tout contrôle de notre gouvernement. Le fait assurément est grave, et très grave, et mérite la plus sérieuse attention. Il serait inutile de chercher à dissimuler les progrès déjà réalisés par cette propagande littéraire. Nous savons qu'à l'heure qu'il est, la Russie est inondée de ces publications, qu'elles sont avidement recherchées, qu'elles passent de main en main, avec une grande facilité de circulation, et qu'elles ont déjà pénétré, sinon dans les masses qui ne lisent pas, au moins dans les couches très inférieures de la société. D'autre part, il faut bien s'avouer qu'à moins d'avoir recours à des mesures positivement vexatoires et tyranniques, il sera bien difficile d'entraver efficacement, soit l'mportation et le débit de ces imprimés, soit l'envoi à l'étranger des manuscrits destinés à les alimenter. Eh bien, ayons le courage de reconnaître la vraie portée, la vraie signification de ce fait: c'est tout bonnement la suppression de la censure, mais la suppression de la censure au profit d'une influence mauvaise et enne-

mie; et pour être plus en mesure de la combattre, tâchons de nous rendre compte de ce qui fait sa force et de ce qui lui vaut ses succès.

Jusqu'à présent, en fait de presse russe à l'étranger, il ne peut, comme de raison, être question que du journal de Herzen. Quelle est donc la signification de Herzen pour ia Russie? Qui le lit? Sont-ce par hasard ses utopies socialistes et ses menées révolutionnaires qui le recommandent à son attention? Mais parmi les hommes de quelque valeur intellectuelle qui le lisent, croit-on qu'il y en ait 2 sur 100 qui prennent au sérieux ses doctrines et ne les considèrent comme une monomanie plus ou moins involontaire, dont il s'est laissé envahir? Il m'a même été assuré, ces jours-ci, que des hommes qui s'intéressent à son succès l'avaient très sérieusement exhorté à rejeter loin de lui toute cette défroque révolutionnaire, pour ne pas affaiblir l'influence qu'ils voudraient voir acquise à son journal. Cela ne prouve-t-il pas que le journal de Herzen représente pour la Russie toute autre chose que les doctrines professées par l'éditeur? Or, comment se dissimuler que ce qui fait sa force et lui vaut son influence, c'est qu'il représente pour nous la discussion libre dans des conditions mauvaises (il est vrai), dans des conditions de haine et de partialité, mais assez libres néanmoins (pourquoi le nier?), pour admettre au concours d'autres opinions, plus réfléchies, plus modérées et quelques-unes même décidément raisonnables. Et maintenant que nous nous sommes assuré où gît le secret de sa force et de son influence, nous ne serons pas en peine, de quelle nature sont les armes que nous devons employer pour le combattre. Il est évident que le journal qui accepterait une pareille mission ne pourrait rencontrer des chances de succès que dans des conditions d'existence' quelque peu analogues à celles de son adversaire. C'est

à vous, mon prince, de décider, dans votre bienveillante sagesse, si dans la situation donnée, et que vous connaissez mieux que moi, de pareilles conditions sont réalisables, et jusqu'à quel point elles le sont. Assurément ni les talents, ni le zèle, ni les convictions sincères ne manqueraient à cette publication; mais en accourant à l'appel qui leur serait adressé ils voudraient, avant toute chose, avoir la certitude qu'ils s'associent, non pas à une œuvre de police, mais à une œuvre de conscience; et c'est pourquoi lls se croiraient en droit de réclamer toute la mesure de liberté que suppose et nécessite une discussion vraiment sérieuse et efficace.

Voyez, mon prince, si les influences qui auraient présidé à l'établissement de ce journal et qui protégeraient son existence, s'entendraient à lui assurer la mesure de liberté dont il aurait besoin, si peut-être elles ne se persuaderaient pas que, par une sorte de reconnaissance pour le patronage qui lui serait accordé et par une sorte de déférence pour sa position privilégiée, le journal qu'ils considéreraient et partie comme le leur ne serait pas tenu à plus de réserve encore et à plus de discrétion que tous les autres journaux du pays.

Mais cette lettre est trop longue, et j'ai hâte de la finir. Permettez-moi seulement, mon prince, d'y ajouter en terminant ce peu de mots qui résument ma pensée tout entière. Le projet que vous avez eu la bonté de me communiquer me paraîtrait d'une réalisation, sinon facile, du moins possible, si toutes les opinions, toutes les convictions honnêtes et éclairées avaient le droit de se constituer librement et ouvertement en une milice intelligente et dévouée dés inspirations personnelles de l'Empereur.

Recevez, etc.

Novembre, 1857.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ «Тютчевіаны».

(По печатнымъ источникамъ).

Съ перваго появленія своего въ петербургскомъ свѣтѣ и до самой кончины Тютчевъ занималъ тамъ особенное, видное положеніе, благодаря замѣчательному уму, самостоятельности мысли, талантамъ и природному юмору. «Nous subissions le charme de ce merveilleux esprit» (Мы находились подъ очарованіемъ этого диковиннаго ума),—писалъ баронъ Пфеффель о Тютчевѣ. И дѣйствительно, всѣ, близко знавшіе поэта, или сталкивавшіеся съ нимъ, находились подъ обаяніемъ этого диковиннаго ума. Онъ былъ замѣчательный собесѣдникъ и, можно сказать, сверкалъ остротою своихъ импровизацій, рѣчей, своихъ «mots», запасъ которыхъ у него былъ неистощимъ. «Блескъ и обаянье свѣта,—говоритъ Аксаковъ:—возбуждали его нервы, и словно ключомъ било наружу его вдохновенное, граціозное остроуміе. Но самое проявленіе этой способности не было у него дѣломъ тщеславнаго расчета: онъ самъ тутъ же забывалъ сказанное, никогда не повторялся и охотно предоставлялъ другимъ авторскія права на свои нерѣдко геніальныя изреченія». Тютчевъ, что называется, сыпалъ этими изреченіями, необыкновенно удачными сравненіями, остротами, которыя переходили изъ устъ въ уста, запоминались невольно. «Когда бы не бояться изысканности,—писалъ князь П. А. Вяземскій:—то можно сказать о немъ, что если онъ и не *златоустъ*, то жемчужноустъ. Какую драгоцѣнную нить можно нанизать изъ словъ, какъ бы безсознательно спадавшихъ съ языка его! Надо составить по нимъ «Тютчевіану», прелестную, свѣжую, живую

современную антологію. Малѣйшее событіе, при немъ совершившееся, каждое лицо, мелькнувшее предъ нимъ, иллюстрированы и отчеканены его яркимъ и мѣткимъ словомъ»... «Иное мѣткое слово Тютчева,—прибавляетъ Аксаковъ:—скрывало въ себѣ, какъ въ зернѣ, цѣлое стройное міросозерцаніе, какъ будто вставляло новыя очки, освѣщало внезапно сокровенную основу предмета. Мало того: если собрать вмѣстѣ всѣ его изреченія и замѣтки, то нельзя будетъ не признать въ нихъ общаго, коренного единства мысли». Великое большинство этихъ изреченій, острыхъ словъ забылось, погибло, но и по уцѣлѣвшимъ можно судить о ихъ глубинѣ, силѣ, ироніи, иногда переходящей въ безпощадный сарказмъ. Приводимъ нѣсколько образчиковъ.

— Австрію Тютчевъ называлъ «Ахилломъ», у котораго повсюду пятка.

— Къ Франціи онъ примѣнялъ стихъ Гёте о двухъ душахъ, живущихъ въ одной груди.

— Князя Горчакова называлъ «le Narcisse de l'écritoire», т.-е. Нарциссомъ чернильницы.

— Про одно высокопоставленное лицо онъ сказалъ, что «наружность у него, какъ у великаго человѣка («C'est une façade de grand homme»).

— Графъ Бейстъ пользовался нѣкогда громкой извѣстностью, будучи *саксонскимъ* министромъ. Тютчевъ въ дѣйствіяхъ Бейста видѣлъ довольно легкомыслія. Объ этомъ говорили въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ послѣ обѣда. Кто-то, принимая чашку съ кофеемъ отличнаго саксонскаго фарфора, сталъ любоваться ея легкостью. «En fait de Saxe léger il n'y a que Beist»,—замѣтилъ Тютчевъ. (По части саксонской легкости нѣтъ выше Бейста).

— Когда князь Черкасскій былъ московскимъ городскимъ головою, московская дума подала всеподданнѣйшій адресъ политическаго содержанія, что̀ и повело потомъ князя Черкас-

скаго къ выходу въ отставку. Тютчевъ сказалъ объ этомъ адресѣ: «On ne saurait dire où finit l'adresse et où commence la maladresse», т.-е. не знаешь, гдѣ кончается (или куда мѣтитъ) адресъ и гдѣ начинается неловкость.

— Остроумно сравнивалъ Тютчевъ нашихъ ученыхъ съ дикими, кои жадно бросаются на вещи, выброшенныя къ нимъ кораблекрушеніемъ.

— Нѣкто очень свѣтскій былъ по службѣ своей близокъ къ министру, далеко не свѣтскому. Вслѣдствіе положенія своего, обязанъ онъ былъ являться иногда на обѣды и вечеринки его. — «Что̀ же онъ тамъ дѣлаетъ?» — спрашиваютъ Ѳ. И. Тютчева. — «Ведетъ себя очень прилично, — отвѣчаетъ онъ: — какъ маркизъ-помѣщикъ въ старыхъ французскихъ опереткахъ, когда случается попасть ему на деревенскій праздникъ, онъ ко всѣмъ благопривѣтливъ, каждому скажетъ любезное, ласковое слово, а тамъ при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлаетъ пируэтъ и исчезнетъ».

— Тютчевъ утверждалъ, что единственная заповѣдь, которой французы крѣпко держатся, есть третья: «Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе». Для большей вѣрности они вовсе не произносятъ его.

— Въ одномъ большомъ обществѣ Тютчевъ къ слову замѣтилъ, что «самый умный нѣмецъ, когда начнетъ говорить о Россіи, непремѣнно окажется глупцомъ».

— Мѣткое слово Тютчева объ одномъ любознательномъ и методичномъ пріятелѣ: «Подумаешь, что Господь Богъ поручилъ ему составить инвентарь мірозданія».

— У латышей не было своихъ церквей и своихъ пасторовъ, и они сотнями приходили къ русскому священнику въ Ригѣ (Заблоцкому). Онъ ихъ крестилъ, вѣнчалъ и даже обучалъ. Бароны спохватились, что ихъ вліяніе на народъ исчезаетъ, и выслали пасторовъ. Латыши ихъ выгнали и посвоему бунтовали, т.-е. не ходили въ кирку. Суперъ-интендентъ пріѣхалъ въ Питеръ; вся остзейская знать поднялась, послали

барона Ливена — и Иринарха (бывшаго преосвященнаго въ Ригѣ во время службы тамъ Юрія Ѳедоровича Самарина) ночью привезли въ Петербургъ съ Заблоцкимъ. Весь Петербургъ заступился за бароновъ и ихъ права. По этому случаю Ѳ. И. Тютчевъ сострилъ, сказавъ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой: «Петербургская знать не только не русская, она даже не петербургская, а развѣ только невско-проспектная, и то отъ Полицейскаго до Аничковскаго моста».

— Вотъ слово Тютчева, сказанное имъ во время севастопольской войны по поводу слишкомъ извѣстныхъ упованій на «русскаго Бога»: ii faut bien avouer que l'emploi du Dieu russe n'est pas une sinécure.

— Кто-то собирался жениться на дамѣ легкаго поведенія. «Это похоже на то,—иронически проронилъ Тютчевъ: — какъ если бы кто-нибудь пожелалъ купить Лѣтній садъ для того, чтобы въ немъ прогуляться»...

— Существовали одно время въ нашей столицѣ сестры Смирновы (Марія, Александра и Елена Осиповны); ихъ зналъ весь Петербургъ, и онѣ всѣхъ знали. Эти Смирновы неосторожно ссужали большими деньгами знаменитую мать Митрофанію. Она, не возвративъ денегъ, разорила гостепріимныхъ сестеръ. Тогда Тютчевъ сказалъ про нихъ: «Elles ont perdu à la baisse», т.-е. онѣ потерпѣли отъ пониженія цѣнности денегъ (abbaisse—игуменья; baisse — пониженіе цѣнностей на биржѣ).

— Графъ Нессельроде—нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ царствованіе императора Николая I — былъ очень малъ ростомъ и имѣлъ большое пристрастіе къ садоводству и огородничеству; онъ вѣчно самъ копался въ грядкахъ. Это дало поводъ Тютчеву сострить, что Нессельроде напоминаетъ ему египетскихъ боговъ, которые скрывались въ овощи: «On sent bien qu'il y a un dieu, caché là-dessous, mais on ne voit qu'un légume»...

— Про кого-то изъ высокопоставленныхъ Тютчевъ выразился: «Imaginez-vous le Tout-Puissant capricieux» (Вы только представьте себѣ капризъ Всемогущаго).

II.

Стихотворенія

Я. П. Полонскаго, А. А. Фета, А. Н. Майкова и А. Н. Апухтина, посвященныя Ѳ. И. Тютчеву.

I.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Ночной костеръ зимой у перелѣска,
Богъ вѣсть, кѣмъ запалёнъ, пылаетъ на бугрѣ;
Вокругъ него, полны таинственнаго блеска,
Деревья въ хрусталяхъ и бѣломъ серебрѣ;
Къ нему въ глухую ночь и запоздалый пѣшій
Подсядетъ, и съ сумой приляжетъ нищій братъ,
И богомолецъ, и, быть-можетъ, даже лѣшій,—
Но мимо пролетитъ, кто счастіемъ богатъ:
Къ его щекѣ горячими губами
Прильнула милая,—на что имъ твой костеръ!
Ихъ поцѣлуй обвѣянъ полуснами,
Ихъ кони мчатъ, минуя косогоръ,
Кибитка ихъ въ сугробѣ не увязнетъ, —
Дорога лоснится, полозьевъ слѣдъ визжитъ, —
За ними эхо по лѣсу летитъ,—
То издали имъ жалобно звенитъ,
То звонкимъ лепетомъ ихъ колокольчикъ дразнитъ...
Такъ и къ тебѣ, задумчивый поэтъ,

Къ огню, что̀ ты сберегъ на склонѣ бурныхъ лѣтъ,
Счастливецъ не придетъ. Огонь подъ сѣдинами
Не грѣетъ юности, летящей съ бубенцами
На тройкѣ ухарской въ тотъ теплый уголокъ,
Гдѣ ждетъ ее къ столу кутилъ живой кружокъ
Иль пологъ, затканный цвѣтами.
Но я,—я бѣдный пѣшеходъ,—
Одинъ шагаю я, никто меня не ждетъ...
Глухая ночь меня застигла, —
Морозной мглы сверкающія иглы
Открытое лицо мое язвятъ,
Гдѣ бъ ни горѣлъ огонь, иду къ нему, и радъ, —
Радъ вѣрить, что моя пустыня не безлюдна,
Когда по ней кой-гдѣ огни еще горятъ...

. . . . . .

Я. Полонскій.

1861.

II.

ПАМЯТИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Оттого ль, что въ Божьемъ мірѣ
Красота вѣчна̀;
У него въ душѣ витала
Вѣчная весна,
Освѣжала зной грозою
И, сквозь капли слезъ,
Въ тучахъ радугой мелькала, —
Отраженьемъ грезъ!..
Оттого ль, что отъ бездушья,
Иль отъ злобы дня,
Ярче въ немъ сверкали искры
Божьяго огня, —
Съ раннихъ лѣтъ и до преклонныхъ,
Безотрадныхъ лѣтъ,
Былъ къ нему неравнодушенъ
Равнодушный свѣтъ!
Оттого ль, что не отъ свѣта
Онъ спасенья ждалъ,
Выше всѣхъ земныхъ кумировъ
Ставилъ идеалъ...
Пѣснь его глубокой скорбью

Западала въ грудь
И, какъ звѣздный лучъ, тянула
Въ безконечный путь!..
Оттого ль, что онъ въ народъ свой
Вѣрилъ и—страдалъ,
И ему на цѣпи братьевъ
Издали казалъ,—
Чую,—духъ его то вѣритъ,
То страдаетъ вновь,
Ибо льется кровь за братьевъ,
Льется наша кровь...

Я. Полонскій.

1873.

III.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Мой обожаемый поэтъ,
Къ тебѣ я съ просьбой и поклономъ:
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что̀ нарисованъ Аполлономъ!

Давно мечты твоей полетъ
Меня увлекъ волшебной силой,
Давно въ груди моей живетъ
Твое чело, твой обликъ милый.

Твоей Каменѣ, повторять
Прося стихи, я докучаю,—
А все завѣтную тетрадь
Изъ жадныхъ рукъ не выпускаю.

Поклонникъ вѣчной красоты,
Давно смиренный предъ судьбою,
Я одного прошу: чтобъ ты
Во всѣхъ былъ ви̇дахъ предо мною.

Вотъ почему спѣшу, поэтъ,
Къ тебѣ я съ просьбой и поклономъ:
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что̀ нарисованъ Аполлономъ!

А. Фетъ.

1861.

IV.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Прошла весна, темнѣетъ лѣсъ,
Скуднѣй ручьи, грустнѣе ивы,
И солнце съ высоты небесъ
Томитъ безвѣтреныя нивы.

На плугъ знакомый налегли
Всѣ, кѣмъ владѣетъ трудъ упорный:
Опять сухую грудь земли
Взрѣзаетъ конь и волъ проворный.

Но въ свѣжемъ тайникѣ куста
Одинъ пѣвецъ проснулся вешній,
И такъ же пѣснь его чиста
И дышитъ полночью нездѣшней...

Какъ сладко труженикъ смущенъ,
Весны заслыша зовъ единый!
Какъ улыбнулся онъ сквозь сонъ
Подъ яркій посвистъ соловьиный!

А. Фетъ.

1865.

НА КНИЖКѢ СТИХОТВОРЕНІЙ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Вотъ нашъ патентъ на благородство,—
Его вручаетъ намъ поэтъ:
Здѣсь—духа мощнаго господство,
Здѣсь—утонченной жизни цвѣтъ.

Въ Сыртахъ не встрѣтишь Геликона,
На льдинахъ лавръ не расцвѣтетъ,
У чукчей нѣтъ Анакреона,
Къ зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

Но муза, правду соблюдая,
Глядитъ,—а на вѣсахъ у ней
Вотъ эта книжка небольшая
Томовъ премногихъ тяжелѣй.

А. Фетъ.

1883.

VI.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы,
Стоятъ передъ тобой своей идеи полны,
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,
Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы
Окаменѣвшіе атлеты...
Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,
И ясенъ для тебя и настоящій мигъ,
И тайные грядущаго обѣты...
Но грустно зрячему бродить между слѣпыхъ,
«*Поймите лишь*—твердить—и будетъ вамъ прозрѣнье!
Поймите лишь, какихъ носители вы силъ,—
И путь освѣтится, и всѣ падутъ сомнѣнья,
И дастся вамъ само, что жребій намъ судилъ!»

А. Майковъ.

1873.

VII.

ПАМЯТИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Ни у домашняго, простого камелька,
Ни въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной
Намъ не забыть его, сѣдого старика,
Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной!

Лѣнивой поступью прошелъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ все, что̀ на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ могильнымъ отдохнуть,
Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтелъ.

Искусства, знанія, событья нашихъ дней,—
Все откликъ вѣрный въ немъ будило неизбѣжно,
И словомъ, брошеннымъ на факты и людей,
Онъ клейма вѣчныя накладывалъ небрежно...

Вы помните его въ кругу его друзей?
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые!

Въ немъ злобы не было. Когда жъ онъ говорилъ,
Язвительно смѣясь надъ жизнью или вѣкомъ,
То самый смѣхъ его насъ съ жизнію мирилъ,
А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ!

А. Апухтинъ.

1873.

ПРИМѢЧАНІЯ И ВАРІАНТЫ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ (1820—1873).

Посланіе къ Пушкину (по поводу его „Оды на вольность". Огнемъ свободы пламенѣя). Въ 1820 г. стала особенно распространяться въ обществѣ „Ода на вольность" Пушкина. Тютчевъ принялъ ее очень близко къ сердцу и тогда же написалъ отвѣтные стихи: „Огнемъ свободы пламенѣя", не включенные, по цензурнымъ условіямъ прежняго времени, ни въ одно изъ изданій стихотвореній Тютчева. Поэтъ вписалъ ихъ въ альбомъ извѣстнаго библіофила и библіографа Серг. Дмитр. Полторацкаго, откуда стихотвореніе извлечено Екатер. Степ. Некрасовой и помѣщено впервые въ „Русской Старинѣ" 1887 г. (кн. X). Въ настоящемъ изданіи печатается по этой рукописи, съ небольшимъ измѣненіемъ 11-го стиха, который читается въ рукописи Румянцевскаго музея—„Вѣщать тиранамъ закоснѣлымъ", а въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты" (1903, стр. 190 — 191), гдѣ стихотвореніе это напечатано по другому старинному списку,—„Вѣщать сердцамъ оцѣпенѣлымъ" и гдѣ въ 6-мъ стихѣ поставлено—„вседержащею" вм. „вседрожащею".

Уранія (Открылось! — Не мечта ль? Свѣтъ новый! Нова сила). Читано на торжественномъ собраніи московскаго университета 6 іюля 1820 г. и напечатано среди рѣчей и отчетовъ его. Не вошло ни въ одно изъ изданій стихотвореній Тютчева и нигдѣ не упоминается. Здѣсь печатается впервые. Очевидно, поэтъ написалъ „Уранію" въ лжеклассическомъ духѣ, придерживаясь старой формы произведеній Хераскова, Василія Майкова, Мерзлякова и др., и умышленно, примѣняясь къ торжественному случаю, для котораго эти стихи написаны. Что Тютчевъ могъ и тогда писать иначе, на это указываютъ его стихотворенія „Посланіе къ Пушкину" по поводу его „Оды на вольность" и „Невѣрныя преодолѣвъ пучины", написанныя въ томъ же 1820 году и своей формой рознящіяся совершенно отъ „Ураніи". Ив. Сергѣев. Аксаковъ въ своей біографіи Тютчева (М. 1886 г., стр. 87), характеризуя творчество поэта, замѣчаетъ, что въ пьесахъ его, относящихся къ ранней молодости и напечатанныхъ въ двадцатыхъ годахъ, „встрѣчаются условные пріемы, обороты и выраженія тогдашней псевдо-классической школы... однимъ словомъ, что-то тяжелое, принужденное, совершенно чуждое позднѣйшимъ свойствамъ его поэзіи. Вѣроятно, Тютчевъ еще находился тогда подъ нѣкоторымъ вліяніемъ или подражалъ пріемамъ своихъ недавнихъ учителей, Раича и Мерзлякова. Но черезъ нѣсколько лѣтъ по переѣздѣ за границу онъ какъ будто стряхнулъ съ себя путы русской эстетики того времени".

Невѣрныя преодолѣвъ пучины. Юноша-поэтъ привѣтствовалъ этимъ стихотвореніемъ своего воспитателя Семена Егоровича Раича (1792 — 1855), поэта и извѣстнаго переводчика „Освобожденнаго Іерусалима“ Тассо, по случаю окончанія Раичемъ, къ концу 1820 года, перевода Виргиліевыхъ „Георгикъ“. Въ оригиналѣ дата: 14 сентября 1820 г. Москва, и озаглавлено другою рукою: „Къ Ра...“ (т.-е. Раичу). Впервые напечатано въ „Сочиненіяхъ Ѳ. И. Тютчева“, изд. 1900 г.; въ подлинникѣ имѣются поправки этого воспитателя юнаго поэта.

А. Н. Муравьеву (Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ). Впервые приведено (только первая и вторая строфы) въ „Сѣверной Лирѣ“ (1827) въ статьѣ Делибюрадера (Дм. Петр. Ознобишина) „Отрывки изъ сочиненія объ искусствахъ“, съ выноской, въ которой сказано, что это стихотвореніе принадлежитъ Тютчеву. Въ „Русскомъ Зрителѣ“ (1828 г.) перепечатано, съ посвященіемъ А. Н. М., т.-е. Андрею Николаевичу Муравьеву (сыну Никол. Никол. Муравьева, основателя Училища Колонновожатыхъ, и тоже воспитаннику С. Е. Раича), сверстнику Тютчева, впослѣдствіи автору „Путешествія по святымъ мѣстамъ“ и прочихъ книгъ духовнаго содержанія. Въ „Русскомъ Зрителѣ“ вторая строфа стихотворенія рознится отъ напечатанной въ „Сѣверной Лирѣ“ и изд. 1900 г. и читалась такъ:

Гдѣ вы, о, древніе народы!
Вашъ міръ былъ храмомъ всѣхъ боговъ,
Вы книгу матери-природы
Читали ясно, безъ очковъ!..
Нѣтъ, мы не древніе народы!
Нашъ вѣкъ, о, други, не таковъ.

Въ „Сѣверной Лирѣ“ и изд. 1900 г. въ 1-мъ стихѣ третьей строфы— „родъ“ вмѣсто „рабъ“, какъ въ „Русскомъ Зрителѣ“, въ 6-мъ — „волшебныхъ“ вмѣсто „волшебный“, какъ въ „Русскомъ Зрителѣ“, гдѣ имѣется дата: 13 декабря 1821 г. Впервые включено въ собраніе стихотвореній Тютчева изд. 1900 г.

Слезы (Люблю, друзья, ласкать очами). Въ „Сѣверной Лирѣ“ и при перепечаткѣ этого же стихотворенія въ „Литер. Прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“ — гдѣ напечатаны лишь три строфы — имѣется дата: Іюля 21, 1823. Мюнхенъ. Въ обоихъ изданіяхъ незначительные варіанты: въ 1-мъ стихѣ второй строфы—„созданья“ вмѣсто „созданье“, во 2-мъ—„погружены“ вмѣсто „погружено“ и во 2-мъ стихѣ третьей строфы—„зефиръ“ вм. „весенній“, въ 3-мъ — „шелкъ кудрей“ вмѣсто „кудрей шелкъ“; кромѣ того въ „Литер. Приб. къ „Русск. Инв.“ четвертой—шестой строфъ нѣтъ.

Къ Н. (Твой милый взоръ, невинной страсти полный). Впервые напечатано въ „Сѣверной Лирѣ“, гдѣ имѣетъ дату: 23 ноября 1824 г. Несмотря на то, что приведено у Аксакова въ біографіи Тютчева (М. 1886, стр. 320—321), не вошло въ изданія 1883, 1886 и 1899 гг. и включено лишь въ изданіе 1900 г. Здѣсь противъ первоначальнаго текста имѣются незначительныя разночтенія: въ 3-й строкѣ третьей строфы: „живитъ“ вмѣсто „живетъ“; въ 1-й строкѣ четвертой строфы: „горе“ вмѣсто „горѣ“. У Аксакова въ 1-мъ стихѣ четвертой строфы — „небесныхъ“ вмѣсто „блаженныхъ“ и во 2-мъ стихѣ четвертой строфы— „даётся“ вм. „сіяетъ“. Эта прекрасная пьеса — по его словамъ — обез-

ображена „неправильною риѳмою въ духѣ тогдашнихъ нашихъ „классиковъ“ (свѣтъ и жжетъ). Въ „Сѣверной Лирѣ“ во 2-мъ стихѣ первой строфы—„разсвѣтъ“ вмѣсто „расцвѣтъ“.

Вечеръ (Какъ тихо вѣетъ надъ долиной). Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. (въ числѣ 30 новонайденныхъ (?) стихотвореній съ предисловіемъ И С. Аксакова) дата: 1825 г., а въ біографіи Тютчева (М. 1886) Аксаковъ относитъ эту пьесу къ 1826 г. Въ „Галатеѣ“ 1830 г. варіанты: 3-й стихъ читался: „Какъ шумъ отъ стаи журавлиной“ вмѣсто „Какъ шорохъ стаи журавлиной“, а въ 4-мъ — „И въ звучныхъ листьяхъ“ вмѣсто „И въ шумѣ листьевъ“, и въ 6-мъ—„не колыхнетъ“ вмѣсто „не колышетъ“.

Проблескъ (Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ). Въ „Ураніи“, альманахѣ М. П. Погодина, въ 12-мъ стихѣ—„*по* небесахъ“ вмѣсто „*на* небесахъ“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г. Въ біографіи Тютчева у Аксакова въ приведенной только первой строфѣ, во 2-мъ стихѣ — „стонъ“ вмѣсто „звонъ“. „Въ этой пьесѣ, — говоритъ Аксаковъ (стр. 320): — встрѣчаются уже нѣкоторыя достоинства и особенности тютчевскаго стиха“.

Посланіе къ А. В. Шереметеву (Насилу добрый геній твой). По указанію Аксакова написано въ 1826 г. Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ, къ которому относится это посланіе, былъ сынъ Надежды Николаевны Шереметевой, родной сестры Ивана Николаевича Тютчева, отца поэта, слѣдовательно тетки послѣдняго. Это, кстати сказать, та самая Шереметева, которая, встрѣтившись съ Гоголемъ уже старухою, сумѣла его оцѣнить и понять и, несмотря на разницу лѣтъ, до самой его смерти вела съ нимъ дѣятельную переписку. По свидѣтельству Петра Ивановича Бартенева, упоминаемый въ 22-мъ стихѣ этой пьесы („Оставь на время плугъ Толстого“) Толстой есть не кто иной, какъ членъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и радѣтель его, графъ Петръ Александровичъ Толстой, привлекшій въ свое Общество и А. В. Шереметева. Помѣщенное въ изд. 1868 г., это стихотвореніе въ остальныя изданія, до 1900 г., не включалось. Здѣсь въ 26-мъ стихѣ стоитъ „предайся“, вмѣсто „предамся“.

Весна (Любовь земли и прелесть года). Первоначально называлось „Весеннее привѣтствіе стихотворцамъ“ и, подъ такимъ заглавіемъ, было впервые напечатано въ „Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности“ 1822 г. (за подписью: „Н. Тютчевъ“). Послѣ третьей строфы слѣдующихъ 8 строкъ, отдѣленныхъ чертою, въ изд. 1900 г. нѣтъ.

Затѣмъ послѣдующая строфа въ изд. 1900 г. читается:

Какъ въ полномъ пламенномъ расцвѣтѣ,
При первомъ утра юномъ свѣтѣ,
Блистаютъ розы и горятъ,
Какъ зефиръ въ радостномъ полетѣ
Ихъ разливаетъ ароматъ.

Въ 3-й строкѣ пятой строфы въ изд. 1900 г. вмѣсто „ваша“ стоитъ „наша“; 1-й стихъ второй строфы читается: „Духъ жизни, силы и свободы“; шестой строфы въ „Трудахъ“ нѣтъ. Не включалось ни въ одно изъ собраній стихотвореній Тютчева и впервые помѣщено въ изд. 1900 года.

Я помню время золотое. По мнѣнію И. С. Аксакова („Ѳ. И. Тютчевъ. Біографическій очеркъ". М. 1874 и 1886), стихотвореніе это написано въ періодъ времени между 1822 — 1829 гг. Оно относится къ графинѣ Амаліи Максимиліановнѣ Лерхенфельдъ, дочери княгини Турнъ-и-Таксисъ. Ей, великосвѣтской красавицѣ, тогда было около 16 лѣтъ. Позднѣе она вышла замужъ за барона Крюднера и одно время была очень дружна съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ, и, благодаря своему вліянію на этого всесильнаго при императорѣ Николаѣ Павловичѣ человѣка, оказала Тютчеву значительную услугу. Когда Тютчевъ, въ качествѣ старшаго секретаря русскаго посольства въ Туринѣ, отлучился безъ разрѣшенія съ мѣста службы, его лишили чиновъ и званія камергера (1839); года черезъ четыре баронесса Крюднеръ хлопотала за него; кромѣ того она возила стихи Тютчева (1836) въ Петербургъ изъ Мюнхена къ князю Гагарину, только благодаря которому уцѣлѣли многія стихотворенія поэта. У Аксакова („Біогр. Тютчева", М. 1886, стр. 88) эта пьеса приведена безъ четвертой строфы.

Еще земли печаленъ видъ. Въ изданіи 1900 г. въ 7-мъ стихѣ стояло: „Весну послышала" (можетъ-быть, простая опечатка) вмѣсто „прослышала", какъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1879 г. (кн. 2, столб. 126).

Къ друзьямъ (Что̀ пѣлъ божественный, друзья). Этой пьесой поэтъ сопровождалъ свой переводъ „Пѣсни радости" Шиллера, посылая его въ февралѣ 1823 года въ Россію.

На камень жизни роковой. По свидѣтельству Аксакова („Русскій Архивъ" 1879), стихи эти относятся къ С. Е. Раичу, которому посвящена и пьеса „Невѣрныя преодолѣвъ пучины". Здѣсь кстати будетъ привести еще одно стихотвореніе, посвященное ему же и помѣщенное въ „Русскомъ Зрителѣ" 1828 г. (№ 1—2, двойной) подъ двумя звѣздочками, помѣченное 25 декабря 1827 г.:

Какимъ вѣнкомъ намъ увѣнчать
Питомца Русскаго Парнаса,
На коемъ возлегла печать
Могучихъ вдохновеній Тасса?
Ты лавровъ не захочешь, нѣтъ,—
Они душѣ твоей постыли
Съ тѣхъ поръ, какъ дивный твой Поэтъ—
Твой Тассъ—и на краю могилы.
Не могъ ихъ дань ты взять съ земли,
Но дѣвы павшаго Сіона
Другой вѣнокъ тебѣ сплели
Изъ сельскихъ кринъ и розъ Сарона.

Покойный Леонидъ Николаевичъ Майковъ говорилъ составителю этихъ примѣчаній, что, по его мнѣнію, это стихи Тютчева. Въ „Атенеѣ" и въ „Русскомъ Инвалидѣ" къ стихотворенію „На камень жизни роковой" есть нѣсколько варіантовъ; въ 5-мъ стихѣ—„юнаго" вмѣсто „сираго"; въ 10-мъ—„согрѣли" вмѣсто „созрѣли"; въ 21-мъ—„стрѣлку" вмѣсто „стрѣлу" (то же и въ „Русскомъ Архивѣ"). Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду" этотъ стихъ читался: „Стрѣлу ему на память далъ", какъ въ нашемъ изданіи, а въ первомъ собраніи сочиненій и въ изд. 1899 г.—„Ему стрѣлу на память далъ".

Вчера, въ мечтахъ обвороженныхъ. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1879 г.,

въ первомъ собраніи сочиненій Тютчева и въ изд. 1886 г., незначительный варіантъ въ третьей строфѣ: въ 3-мъ стихѣ—„взвѣвая“ вмѣсто „взвѣваясь“.

Какъ птичка раннею зарей. Въ „Современникѣ“ 1836 г. два варіанта: въ 3-мъ стихѣ второй строфы—„крики“ вмѣсто „клики“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г., и 7-й стихъ той же строфы:—„О, ночь, ночь, гдѣ твои покровы“ вмѣсто „Ночь, ночь, о, гдѣ твои покровы“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.

Люблю глаза твои, мой другъ. Въ изд. 1883 и 1886 гг. нелѣпый варіантъ (вѣрнѣе опечатка?); во 2-мъ стихѣ второй строфы—„лицъ“ вмѣсто „ницъ“.

Къ *** (Уста съ улыбкою привѣтной). Въ настоящемъ изданіи печатается впервые. Извлечено изъ альманаха „Пантеонъ Дружбы“ (1834), гдѣ подъ стихами подписано: *Т—въ*. Принадлежность Тютчеву этой пьесы указана составителю этихъ примѣчаній Н. В. Гербелемъ, который, предполагая составить библіографическій указатель сочиненій Тютчева, сносился съ поэтомъ по поводу этого стихотворенія въ 1865 году.

Конь морской (О, рьяный конь, о, конь морской). Впервые въ „Русск. Архивѣ“ 1879 г. въ числѣ 30 стихотвореній, опубликованныхъ И. С. Аксаковымъ. Въ изд. 1900 г. включено въ число переводовъ.

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья. См. предыдущее примѣчаніе.

Странникъ (Угоденъ Зевсу бѣдный странникъ). См. предыдущее примѣчаніе. Проф. Романъ Ѳедоровичъ Брандтъ справедливо замѣчаетъ, что въ послѣднемъ стихѣ слово „Богъ“ слѣдовало бы писать со строчной буквы.

Полдень (Лѣниво дышитъ полдень мглистый). Въ „Современникѣ“ 1836 г. въ послѣдней строкѣ—„покойно“ вмѣсто „спокойно“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.

Сонъ на морѣ (И море и буря качали нашъ челнъ). Въ „Современникѣ“ 1836 г. текстъ рознится отъ напечатаннаго въ изданіи 1854 г. и дальнѣйшихъ. 3-й стихъ (такъ же и въ „Галатеѣ“ 1839) читался: „Двѣ безпредѣльности были во мнѣ“, 5-я и 6-я строки (такъ же и въ „Галатеѣ“):

Вкругъ меня, какъ кимвалы, звучали скалы,
Окликалися вѣтры и пѣли валы.

8-я строка: *Но* надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ.
13-я и 14-я: Сады, лавиринѳы, чертоги, столпы...
И сонмы кипѣли безмолвной толпы.
17-я: По высямъ творенья, *какъ Богъ, я* шагалъ.

Въ „Современникѣ“: „Какъ духъ я леталъ“; въ „Галатеѣ“: въ стихѣ 18-мъ—„недвижный“ („Современникъ“) и „безмолвный“ („Галатея“); въ стихѣ 19-мъ—„Я спалъ и сквозь сонъ“ („Галатея“); въ 20-мъ—„Мнѣ слышался“ и въ 22-мъ—„вторгалася“ („Галатея“) вмѣсто „врывалася“.
19-я: *Но всѣ грезы насквозь*, какъ волшебника вой.

Весенняя гроза (Люблю грозу въ началѣ мая). Въ „Галатеѣ“ 1829 г. 2-я и 3-я строки первой строфы читались:

Какъ весело весенній громъ
Изъ края до другого края.

Второй строфы совсѣмъ не было. Въ 1-й строкѣ третьей строфы вмѣсто „потокъ“ стояло „ручей“, а 3-я и 4-я строки той же строфы читались:

И говоръ птицъ и ключъ нагорный,
Все вторитъ *радостно* громамъ.

Могила Наполеона (Душой весны природа ожила). Въ изданіи 1900 г. 9—10-я строки читались:

Еще гремитъ твоихъ побѣдъ
Отзывный гулъ въ колеблящемся мірѣ...

Въ „Галатеѣ“ 1829 г. и „Современникѣ“ 1854 г. (кн. 5) стихотвореніе раздѣлено на двѣ строфы. Въ изд. 1900 г., послѣ двухъ строчекъ точекъ, въ 3-й строкѣ второй строфы стояло вмѣсто „великой“ — „твоею“; 4-я строка вмѣсто „А тѣнь его, одна, на брегѣ дикомъ“ читается: „А тѣнь твоя, скитаясь въ краѣ дикомъ“; въ 5-й строкѣ стояло „внимая“ вмѣсто „внимаетъ“.

Cache-cache (Вотъ арфа ея въ обычайномъ углу). Эти „Прятки“ (Cache-cache, по-французски) не имѣютъ никакого отношенія къ Раичу, какъ это предполагаетъ г. Брюсовъ. Написаны стихи въ Мюнхенѣ въ первый годъ женитьбы поэта (1826) на г-жѣ Петерсонъ (урожд. графинѣ Ботмеръ) и, вѣроятнѣе всего, къ ней и относятся. Въ „Галатеѣ“ въ 7-й строкѣ „*бы*“ опущено.

Лѣтній вечеръ (Ужъ солнца раскаленный шаръ). Въ первомъ собраніи сочиненій и въ изд. 1899 г. въ 1-мъ стихѣ — „жаръ“ вмѣсто „шаръ“— очевидная опечатка.

Средство и цѣль (Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу). Въ предыдущихъ изданіяхъ не было, въ настоящемъ появляется впервые, извлеченное изъ „Галатеи“ (1829), гдѣ помѣщено за подписью: *Т . . . ъ*.

Видѣніе (Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья). 1-я строка въ изд. 1900 г. читается: „Есть нѣкій часъ *въ ночи* всемірнаго молчанья“. Въ 4-й строкѣ стоитъ „въ святилище“, вмѣсто „въ святилищѣ“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г. и впервые въ „Галатеѣ“.

Какое дикое ущелье и **Съ поляны коршунъ поднялся**. Оба стихотворенія, приведенныя Аксаковымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1879, стр. 125), соединены въ одно; такъ же и въ изд. 1899 г.

Безсонница (Часовъ однообразный бой). Въ „Галатеѣ“ въ 11-мъ стихѣ опущенъ предлогъ *съ*.

Утро въ горахъ (Лазурь небесная смѣется). Въ „Галатеѣ“ (1830) подъ заглавіемъ „Въ горахъ“ и съ датой: „Сальцбургъ“. Напечатано слитно съ пьесой „Снѣжныя горы“, а въ „Современникѣ“ (1836) отдѣльно.

Снѣжныя горы (Уже полдневная пора). Въ „Современникѣ“ 1836 и 1854 гг. въ 4-й строкѣ первой строфы напечатано: „лѣсами“, въ рукописи и въ изд. 1900 г. — „тѣнями“; во 2-й строкѣ послѣдней строфы — „усыпленною“, въ рукописи и въ изд. 1900 г. — „издыхающей“. Въ послѣднемъ стихѣ третьей строфы — „полдневной опочилъ“ („Галатея“), вм. „во мглѣ полуденной почилъ“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г. Кромѣ того въ изд. 1900 г. имѣется послѣ первой строфы слѣдующая:

Едва въ трепещущихъ листахъ
Перебирается прохлада,

Звонокъ пасущагося стада
Почти замолкъ на высотàхъ.

Ты любишь, ты притворствовать умѣешь. Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1879) и въ изд. 1900 г. озаглавлено: „Къ N. N.“.

Альпы (Сквозь лазурный сумракъ ночи). Въ рукописи и въ изд. 1900 г. дата: 1830 г. В. Я. Брюсовъ относитъ пьесу къ 1831 г., ко времени поѣздки поэта въ Италію черезъ Грецію или обратно.

Листья (Пусть сосны и ели) и **Сей день я помню, для меня.** Оба имѣютъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. даты: 1830. См. примѣчаніе къ стих. „Альпы“.

Mal'aria (Люблю сей Божій гнѣвъ). По указанію Аксакова („Русскій Архивъ“ 1879), относится къ 1830 году.

Песокъ сыпучій по колѣни. Въ „Современникѣ“ (1837 г., въ числѣ стихотвореній, присланныхъ изъ Германіи и за подписью *Ѳ. Т.*) имѣетъ дату: 1830 (дорòгой). Аксаковъ въ біогр. Тютчева (М. 1886, стр. 94—95) говоритъ: „Одинъ изъ критиковъ поэзіи Тютчева, поэтъ Некрасовъ, въ статьѣ, напечатанной еще въ 1850 г., любуясь простотой и краткостью слѣдующаго стихотворенія, сравниваетъ его съ однороднымъ стихотвореніемъ Лермонтова. Вотъ стихи Тютчева... у Лермонтова:

И милліономъ темныхъ (черныхъ) глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста.

„Кто не согласится, — говоритъ Некрасовъ, и мы съ нимъ совершенно согласны, — что эти похожія строки Лермонтова (на тютчевскія — „Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій, глядитъ изъ каждаго куста“) значительно теряютъ въ своей оригинальности и выразительности“. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что стихотвореніе Тютчева напечатано въ 1837 году, а поэма Лермонтова „Мцыри“, изъ XV главы которой приведены выше эти три строки, написана въ 1839 г. и впервые напечатана въ „Стихотвореніяхъ“ изд. 1840 г. Н. О. Лернеръ, извѣстный знатокъ литературы, внимательный библіографъ, по поводу приведенныхъ стиховъ Тютчева „Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій“, говоритъ: „Гораздо вѣрнѣе предположить здѣсь у Тютчева реминисценцію (т.-е. заимствованіе) не изъ Лермонтова, а изъ Гёте („Willkommen und Abschied): Wo Finsterniss aus dem Gesträuche mit Hundert schwarzen Augen sah“ (см. „Русскій Библіофилъ“, 1812, № 5, стр. 9).

Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля. Въ „Современникѣ“ 1837 г. съ датой: 1830. Въ 13-й строкѣ стояло „однимъ“ вмѣсто „однѣмъ“.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной. Въ „Галатеѣ“ 1830 г. озаглавлено: „Сны“.

Ты зналъ его въ кругу большого свѣта. Въ „Гражданинѣ“ 1875 г. имѣетъ дату: „Въ первой половинѣ 30-хъ годовъ“. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. помѣщено, какъ неизданное (?) стихотвореніе.

На древѣ человѣчества высокомъ. Аксаковъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г., гдѣ стихи эти помѣщены впервые, дѣлаетъ примѣчаніе: „Вѣроятно, по поводу смерти Гёте“. Великій поэтъ скончался 10 (22) марта 1832 года, и этотъ годъ вполнѣ соотвѣтствуетъ датѣ подъ стихотвореніемъ (1832). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 1827 г., довольно

фантастическая. Въ 1-мъ стихѣ послѣдней строфы въ „Русскомъ Архивѣ“ вмѣсто „буйный“, какъ въ изд. 1900 г., поставлено, — „бурный“. Съ Гёте Тютчевъ познакомился еще въ ранней молодости и былъ имъ нѣжно обласканъ.

Весеннія воды (Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ). Помѣщено впервые въ „Телескопѣ“ (1832) и повторено въ „Современникѣ“ (1836). Варіанты: 2-й стихъ первой строфы читался: „А воды съ горъ уже шумятъ“ (въ „Телескопѣ“) вмѣсто „А воды ужъ весной шумятъ“ („Современникъ“ 1836 и 1854 гг.); 2-й стихъ второй строфы — „Весна пришла, весна идетъ“ (тамъ же) вмѣсто „Весна идетъ, весна идетъ“ („Современникъ“). Это замѣчательное стихотвореніе, вошедшее во всѣ хрестоматіи. поэтическіе сборники и книги для чтенія, положено на музыку С. Рахманиновымъ и другими.

Ночные голоса (Какъ сладко дремлетъ садъ темно-зеленый). Въ подлинникѣ и въ изд. 1900 г., въ 3-й строкѣ второй строфы стояло „дальной“ вмѣсто „бальной“, какъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Цицеронъ (Ораторъ римскій говорилъ). Въ изд. 1900 г., въ 8-й строкѣ первой строфы поставлено „ея“ вмѣсто „его“, какъ стояло въ „Денницѣ“ и „Современникѣ“ 1836 и 1854 гг. Въ 1-мъ стихѣ второй строфы — „Блаженъ“ („Денница“) вмѣсто „Счастливъ“.

Успокоеніе (Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ). Въ изд. 1900 г. стихотвореніе не имѣетъ заглавія. Озаглавлено оно въ „Денницѣ“ и „Современникѣ“ 1854 г.

Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. имѣется дата: 1833. Янв. 17; въ изд. 1900 г. — 15 (27) января 1833.

Послѣдній катаклизмъ (Когда пробьетъ послѣдній часъ природы). Впервые въ „Денницѣ“ 1831 г., съ заглавіемъ и съ варіантомъ во 2-мъ стихѣ („Составъ частей разрушится земныхъ“ вмѣсто „Разрушится составъ частей земныхъ“, какъ въ подлинникѣ и въ изд. 1900 г.). Въ изд. 1899 г. дата: 17 января 1833 г. и соединено со стихотвореніемъ „Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ“. Катаклизмъ — греческое слово, означаетъ: наводненіе, потопъ, разрушеніе, переворотъ.

Безуміе (Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой). Впервые въ альманахѣ М. А. Максимовича „Денница“ (1834), позднѣе напечатано Аксаковымъ, какъ новонайденное (?), въ „Русскомъ Архивѣ“ (1879 г., кн. 2).

Я лютеранъ люблю богослуженье. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. съ датой: Тегернзе, 15 сентября 1834; во второмъ собр. сочин. — 16 (28) сентября.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ. Въ изд. 1900 г. во 2-й строкѣ шестой строфы стояло: „Этотъ мраченъ часъ“ вмѣсто „Мраченъ этотъ часъ“, какъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г.

Двумъ сестрамъ (Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ). Въ изд. 1900 г. въ 3-мъ стихѣ первой строфы — „Та жъ взоровъ тихость“ („Современникъ“ 1836 г.), въ 4-й строкѣ первой строфы стояло „свѣжесть“ вмѣсто „прелесть“, какъ напечатано въ „Современникѣ“ 1836 и 1854 гг.

Востокъ бѣлѣлъ... Ладья катилась. Въ „Москвитянинѣ“ (1850) варіанты: въ 4-мъ стихѣ—„подъ ними“ вмѣсто „подъ нами“, какъ въ „Современникѣ“ 1836 и 1854 гг.; въ 6-мъ — „съ чела“ вмѣсто „съ кудрей“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной. Въ „Современникѣ“ 1836 г. ва-

ріанты: въ 7-мъ стихѣ — „И роешь“ вмѣсто „И ноешь“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.; въ 14-мъ — „Онъ съ безпредѣльнымъ“ вмѣсто „И съ безпредѣльнымъ“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г. Въ изд. 1886 г. въ 7-й строкѣ второй строфы напечатано „уснувшихъ“ вмѣсто „заснувшихъ“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.

Въ душномъ воздухѣ молчанье. Въ изд. 1900 г. двѣ первыя строки второй строфы напечатаны, вѣроятно, по подлиннику (въ первоначальной редакціи), въ такомъ видѣ:

Чу! за бѣлой *дымной* тучей
Глухо прокатился громъ.

1-я строка третьей строфы читается:

Нѣкій жизни преизбытокъ.

Во 2-й строкѣ четвертой строфы стоитъ „думку“ вмѣсто напечатаннаго во всѣхъ предыдущихъ изданіяхъ „дымку“. „Стихи эти,—говоритъ Аксаковъ: — можно бы назвать „Передъ грозою“ („Біогр. Тютчева“. М. 1886, стр. 98). Въ нашемъ изд. стихи напечатаны по тексту „Современника“ 1854 г.

Silentium (Молчи, скрывайся и таи). Въ „Молвѣ“ 1833 г. заглавіе напечатано съ ! (восклицательнымъ) знакомъ. Во 2-й строкѣ первой строфы напечатано „мысли“ вмѣсто „чувства“; 4-я и 5-я строки той же строфы читаются такъ:

Встаютъ и кроются онѣ,
Какъ звѣзды *мирныя* въ ночи.

4-я и 5-я строки третьей строфы напечатаны въ такомъ видѣ:

Ихъ заглушитъ *житейскій* шумъ,
Разгонитъ дневные лучи!..

Въ „Современникѣ“ 1836 г. 4-я и 5-я строки первой строфы читаются:

Встаютъ и заходятъ онѣ
Безмолвно, какъ звѣзды въ ночи.

И гробъ опущенъ ужъ въ могилу. По всей вѣроятности, эта пьеса навѣяна стихотвореніемъ Ленау „У могилы“ („An einem Grabe“). По крайней мѣрѣ между обоими стихотвореніями много общаго. Въ „Современникѣ“ 1836 г. въ 7-мъ стихѣ стояло—„пастырь“ вмѣсто „пасторъ“, какъ въ рукописи и въ изд. 1900 г.

Не то, что мните вы, природа. Въ „Современникѣ“ 1836 г. незначительные варіанты: въ 3-мъ стихѣ третьей строфы — „солнца“ вмѣсто „солнцы“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.; въ 1-мъ стихѣ послѣдней строфы — „можешь“ (очевидная опечатка) вмѣсто „можетъ“, какъ въ „Современникѣ“ и во всѣхъ изданіяхъ; въ 3-мъ стихѣ послѣдней строфы—„Души его, ахъ“ вмѣсто „Увы, души въ немъ“.

На кончину Пушкина (Изъ чьей руки свинецъ смертельный). Въ подлинникѣ и въ изд. 1900 г. озаглавлено: „29 января—1837“. Въ 5-мъ стихѣ третьей строфы стоитъ: „Тотъ“ вмѣсто „Богъ“, какъ напечатано въ изд. 1886 г. и друг. Въ 1-мъ стихѣ второй строфы стоитъ „Но“ вмѣсто „А“. Въ „Гражданинѣ“ (1875) помѣта „Мюнхенъ“.

Надъ виноградными холмами. Въ рукописи и въ изд. 1900 г.

въ 13-мъ стихѣ стоитъ „духъ“ вмѣсто „звукъ“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г., гдѣ и имѣется дата: Ротенбургъ (Ротенбургъ—городъ въ западной Баваріи). Въ изд. 1900 г. прибавленъ годъ—1837.

Тамъ, гдѣ горы, убѣгая. Въ „Современникѣ“ (1837) варіанты: въ 1-мъ стихѣ второй строфы—„баютъ“ вмѣсто „молвятъ“; въ 1-мъ стихѣ седьмой строфы—„и лишь“ вмѣсто „чуть“; въ 4-мъ послѣдней строфы—„ходятъ“ вмѣсто „рыщутъ“. Въ подлинникѣ и въ изд. 1900 г. въ 3-мъ стихѣ шестой строфы поставлено „слушалъ“ вмѣсто „слышалъ“, какъ напечатано въ „Современникѣ“ (1854) и во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ изд. 1900 г.

Такъ здѣсь-то суждено намъ было. Въ „Современникѣ“ 1838 г. есть дата: 1 декабря 1827, а въ изд. 1854 г. поставлено: Генуя. Варіанты въ „Современникѣ“: въ 4-мъ стихѣ первой строфы между словами—„жизнь“ и „убивъ“ поставлено „твою“, чего нѣтъ въ изд. 1854 г.; въ 4-мъ стихѣ второй строфы—„долгій“ вмѣсто „ранній“. По свидѣтельству Аксакова, „въ нѣкоторыхъ рукописныхъ спискахъ (этой пьесы) стоитъ помѣта 1 декабря 1837 г.“.

Давно ль, давно ль, о, югъ блаженный. Въ „Современникѣ“ (1838) есть разночтенія: 7-я и 8-я строки второй строфы читались:

По ихъ *лазуревой* равнинѣ
Святые призраки скользятъ;

8-й стихъ третьей строфы читался:

Одинъ здѣсь царствуетъ вполнѣ.

Въ изд. 1900 г. въ 7-мъ стихѣ первой строфы стоитъ „И я“, вмѣсто „Я тамъ“, какъ напечатано во всѣхъ остальныхъ изданіяхъ.

Итальянская вилла (И, распростясь съ тревогою житейской). Въ оригиналѣ и въ изд. 1900 г. 1-я строка второй строфы читается: „И вотъ ужъ вѣка два тому иль болѣ“ вмѣсто „тому ужъ вѣка два“, какъ въ изданіяхъ 1854 г. и слѣдующихъ до 1900 г.; въ 3-й строкѣ третьей строфы въ рукописи стояло „полусонно“ вмѣсто „полусонной“, какъ во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ 1900 г. Въ „Современникѣ“ (1838) въ 1-мъ стихѣ четвертой строфы—„въ углу фонтанъ“ вмѣсто „фонтанъ въ углу“.

Смотри, какъ западъ разгорѣлся. Въ рукописи и въ изданіяхъ 1886 и 1900 гг. въ 1-й строкѣ первой строфы поставлено „загорѣлся“ вмѣсто „разгорѣлся“, какъ во всѣхъ остальныхъ изданіяхъ и „Современникѣ“ 1854 г.

Арфа скальда (О, арфа скальда, долго ты спала). Въ „Современникѣ“ (1838) въ послѣднемъ стихѣ — „скользилъ“ вмѣсто „скользитъ“, какъ во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ 1883 и 1886 гг., гдѣ пьесы этой нѣтъ.

Весна (Какъ ни гнететъ рука судьбины). Въ „Современникѣ“ (1839) въ 6-мъ стихѣ второй строфы — „къ вамъ“ вмѣсто „къ намъ“, какъ въ изд. 1854 г. и проч.

День и ночь (На міръ таинственный духовъ). Въ рукописи и въ изданіи 1900 г. въ 4-й строкѣ второй строфы поставлено „собравъ“ вмѣсто „сорвавъ“, какъ во всѣхъ остальныхъ (кромѣ 1886 г.) изданіяхъ, гдѣ послѣднее стоитъ совершенно правильно по смыслу. Въ изд. 1899 г. дата: 1839 г., очевидно, по году „Современника“, гдѣ стихи эти появились впервые, а въ первомъ собраніи сочиненій почему-то помѣчено 1847 г., можетъ-быть, опечатка, вмѣсто 1837 г.

Не вѣрь, не вѣрь поэту! (Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!). Въ „Современникѣ“ (1839) во 2-мъ стихѣ четвертой строфы — „Его безсмысленный народъ“ вмѣсто „Поэта суетный народъ“, какъ въ изд. 1854 г.

Осенній вечеръ (Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ). Въ „Современникѣ“ (1840) и въ рукописи 7-я строка читается: ...„предвѣстье близящихся бурь“ вмѣсто „предчувствіе сходящихъ бурь“, какъ во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ 1854 г., кромѣ изданія 1900 г. Въ „Современникѣ“ (1840) въ послѣднемъ стихѣ стояло: „Божественной стыдливости“ вмѣсто „Возвышенной стыдливостью“, какъ въ „Соврем.“ 1854 г.

Живымъ сочувствіемъ привѣта. Въ рукописи и въ изданіи 1900 г. дата: Мюнхенъ, 1840. Въ „Русской Бесѣдѣ“ 1858 г. варіанты: въ 4-мъ стихѣ четвертой строфы — „блеснетъ“ вмѣсто „мелькнетъ“, какъ въ изд. 1854 г.; во 2-мъ стихѣ послѣдней строфы—„восторгомъ умиленъ“ вмѣсто „восторженъ, умиленъ“ (тамъ же). По мнѣнію В. Я. Брюсова, стихотвореніе это относится къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный. Въ рукописи и въ изданіи 1900 г. въ 1-й строкѣ поставлено: „влюбленной“; въ 3-й строкѣ — „безсмысленно-нѣмой, нѣмой“; въ 9-й строкѣ—„и на руку“. Въ „Современникѣ“ (1840) и въ изд. 1854 г. въ этихъ строкахъ:—„влюбленный“, „безсмысленно-нѣма, нѣма“, „и на руки“.

12 ноября 1844 года (Глядѣлъ я, стоя надъ Невой). Въ изд. 1900 г.—дата: 21 ноября 1844 года. С.-Петербургъ. Въ изд. 1854 г. поставлены число, мѣсяцъ и годъ въ видѣ заголовка: 12 ноября 1844 года,— что сохранено и въ нашемъ изданіи—т.-е. время, около котораго поэтъ пріѣхалъ въ Петербургъ на окончательное водвореніе. Въ „Современникѣ“ 1854 г. въ 12-мъ стихѣ „роскошный“ вмѣсто „роскошной“, какъ въ изд. 1900 г.

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами. Во 2-й строкѣ первой строфы въ рукописи и изд. 1900 г. поставлено: „немилыя“ вмѣсто „печальныя“, какъ въ изд. 1854 г. Аксаковъ относитъ это стихотвореніе къ 1846 г., „когда, послѣ смерти отца, онъ (поэтъ) посѣтилъ свое родное село Овстугъ“. У Аксакова („Біогр. Тютчева“. М. 1886, стр. 52—53) въ 3-мъ стихѣ третьей строфы — „прошелъ“ вмѣсто „расцвѣлъ“, какъ въ „Соврем.“ 1854 г. Въ первомъ собр. сочин. дата болѣе точная: сентябрь 1846 г.

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ. Въ первомъ собр. сочин. дата: 1848.

О Ламартинѣ (Какъ онъ любилъ родныя ели). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 1848.

Еще томлюсь тоской желаній. Относится — по указанію И. С. Аксакова—къ первой супругѣ поэта, урожденной графинѣ Ботмеръ, Эмиліи-Элеонорѣ, въ первомъ бракѣ Петерсонъ (см. біогр. очеркъ В. Я. Брюсова, гл. II, стр. XIV). Стихотвореніе помѣчено 1848 годомъ.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ. Въ изд. 1883, 1899 и 1900 гг. дата: 23 іюля 1849; въ первомъ собр. соч. выставленъ только годъ. Въ „Москвитянинѣ“ 5-я строка читалась: „Усыпительно, безмолвно“.

Гроза дорогой (Неохотно и несмѣло). Въ „Кіевлянинѣ“ М. А. Максимовича, гдѣ стихотвореніе напечатано впервые, вмѣсто имени подъ * * *, озаглавлено „Гроза“. Въ рукописи и въ „Кіевлянинѣ“ (1850) въ 3-й строкѣ третьей строфы стоитъ „бѣлый“ вмѣсто „бѣглый“, какъ въ изд.

1854 г. Въ послѣдней строкѣ пятой строфы въ „Кіевлянинѣ“ — „смущенная“ вмѣсто „смятенная“, какъ въ „Современникѣ“ (1854).

Близнецы (Есть близнецы — для земнородныхъ). Въ оригиналѣ (гдѣ имѣетъ дату 1849 г.) и первомъ собраніи стихотвореній во 2-й строкѣ послѣдней строфы вмѣсто „стынетъ“ стояло „стонетъ“. Въ рукописномъ (неизданномъ) альбомѣ Николая Васильевича Гербеля (род. 1827 — ум. 1883) (стр. 192) вторая—четвертая строфы читаются такъ:

Есть два другіе близнеца,
Двѣ тѣ же демонскія власти—
И нѣтъ неодолимой страсти,
Имъ покоряющей сердца...
Одолѣваютъ насъ они
Своей неразрѣшимой тайной—
Союзъ ихъ кровный—неслучайный,
Даны имъ роковые дни...
И кто жъ—когда бунтуетъ кровь
Въ порѣ всесильныхъ увлеченій,
Не *вѣдалъ* вашихъ искушеній,
Самоубійство и Любовь!..,

Стихотвореніе это, вмѣстѣ съ остальными двумя—„Изъ Шиллера (Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ)“ и „Problème (Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ)“, въ альбомѣ помѣчено 1857 годомъ.

Плаваніе (На равнинѣ водъ лазурной). Въ „Москвитянинѣ“ дата: 29 ноября (11 декабря) 1849. Въ первомъ собр. сочин. указанъ 1852 г.

Поэзія (Среди громовъ, среди огней). Въ первомъ собраніи сочиненій помѣта: 1848 г. Въ „Москвитянинѣ“ во 2-й строкѣ вмѣсто „зыбей“ („Современникъ“ 1854 г.) стояло „страстей“. То же и въ оригиналѣ и въ изд. 1900 г. При чемъ первыя 4 строки читались такъ:

Она съ небесъ слетаетъ къ намъ,
Небесная къ земнымъ сынамъ,
Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ страстей.

Вновь твои я вижу очи. Въ подлинникѣ въ 4-й строкѣ первой строфы стояло „разсѣялъ“ вмѣсто „развѣялъ“, какъ въ изданіи 1854 г., а 5-я строка второй строфы читается: „Цѣлый день на солнцѣ зрѣетъ“. У Аксакова, въ біогр. Тютчева (М. 1886, стр. 56), во 2-мъ стихѣ первой строфы—„нѣжный“ вмѣсто „южный“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г. Въ первомъ собраніи сочиненій помѣта: 1848 г.

Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ. Въ первомъ собраніи сочиненій поставленъ 1849 г.

Когда въ кругу убійственныхъ заботъ. Въ „Москвитянинѣ“ слѣдующія разночтенія противъ „Современника“ 1854 г.: въ первой строкѣ вмѣсто „заботъ“ стояло „работъ“; въ 6-й — вмѣсто „приподниметъ“ читаемъ „приподыметъ“; въ 10-й вмѣсто „сырой“ — „сухой“ и въ 12-й вмѣсто „намъ“ — „вамъ“. Въ первомъ собраніи сочиненій поставленъ 1862 г.—явная опечатка.

Вдали отъ солнца и природы. Первоначально появилось въ „Кіевлянинѣ“ М. А. Максимовича“ (1850) подъ заглавіемъ: „Моей землячкѣ“ и подъ * * *. Въ 1-мъ стихѣ второй строфы стояло: „незримо“

вмѣсто „незрима“, какъ въ „Современникѣ“ (1854) и въ изд. 1900 г. Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 1849 г.

Слезы (Слезы людскія, о, слезы людскія). По свидѣтельству И. С. Аксакова („Русскій Архивъ“ 1874, вып. X, столб. 105 и отд. біогр. Тютчева. М. 1886, стр. 84) и князя Вл. Петров. Мещерскаго („Воспоминанія“, ч. I, стр. 325—326), это стихотвореніе написано экспромптомъ. „Однажды, — повѣствуетъ біографъ поэта:—въ осенній дождливый вечеръ, возвратясь домой на извозчичьихъ дрожкахъ, почти весь промокшій, онъ сказалъ встрѣтившей его дочери: „j'ai fait quelgues rimes“, и, пока его раздѣвали, продиктовалъ ей это прелестное стихотвореніе... Здѣсь,— прибавляетъ Аксаковъ:—почти нагляденъ для насъ тотъ истинно-поэтическій процессъ, которымъ внѣшнее ощущеніе капель частаго осенняго дождя, лившаго на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяется въ ощущеніе слезъ и облекается въ звуки, которые, сколько словами, столько же самою музыкальностью своею, воспроизводятъ въ насъ и впечатлѣніе дождливой осени и образъ плачущаго людского горя... И все это въ шести строчкахъ!“. Въ „Москвитянинѣ“ послѣдній стихъ оканчивается словами „ночною порой“ вмѣсто „порою ночной“. Заглавіе сохранено въ настоящемъ изданіи, такъ какъ оно находится въ изданіи 1854 г. и въ дальнѣйшихъ, кромѣ 1900 г.

Святая ночь на небосклонъ взошла. Въ рукописи сперва было озаглавлено „Самосознанье“ и помѣщено при письмѣ къ неизвѣстному лицу. Здѣсь находится послѣ 8-й строки еще строфа, не вошедшая ни въ одно изданіе; въ нашемъ она возстановлена. По поводу этой строфы въ запискѣ къ неизвѣстному лицу поэтъ говоритъ: „Въ числѣ сообщенныхъ вамъ пьесъ была одна съ пропускомъ четырехъ стиховъ. Вотъ вамъ она сполна“. Очевидно, названному пропуску онъ придавалъ нѣкоторое значеніе. Въ рукописи въ 3-й строкѣ вмѣсто „коверъ“ поставлено „покровъ“, а въ 8-й вмѣсто „Предъ этой бездной темной“ стояло: „Предъ пропастію темной“. Въ первомъ собраніи сочиненій, въ послѣдней строкѣ слово „родовое“ измѣнено почему-то на—„роковое“.

Венеція (Дожъ Венеціи свободной). Подъ такимъ же заглавіемъ (По зеркалу зыбкаго дола) напечатана была еще одна пьеса въ „Собраніи сочиненій Ѳ. И. Тютчева“ изд. 1900 г. (стр. 202). Она включена по ошибкѣ, такъ какъ принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому. См. „Ночь въ Венеціи“ (По зеркалу зыбкаго дола). („Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1887. Т. XI (1853—1862), стр. 76—78, подъ № CCCCXXVIII).

Конченъ пиръ, умолкли хоры. Стихотвореніе несомнѣнно навѣяно римскими впечатлѣніями и написано вскорѣ послѣ стихотворенія „Римъ ночью“. Въ „Москвитянинѣ“ противъ „Современника“ 1854 г. есть незначительные варіанты. Въ строкѣ 6-й вмѣсто „курились“ стояло „курятся“; въ 15-й — вмѣсто „безумными“ поставлено „безсонными“; въ 16-й—вмѣсто „дольнимъ“ — „дольнымъ“; въ 17-й — вмѣсто „черномъ“— „горнемъ“.

Не разсуждай, не хлопочи... Въ „Москвитянинѣ“ озаглавлено: „Совѣтъ“, и есть разночтенія. Въ строкѣ 4-й вмѣсто „быть *тому*, что будетъ“, напечатано: „быть *чему*, *то* будетъ“; въ 6-й вмѣсто „печаль“ поставлено „несчастье“.

Какъ ни дышетъ полдень знойный. Въ первомъ собр. сочиненій поставленъ подъ стихами 1850 г.

На Невѣ (И опять звѣзда ныряетъ). Въ „Современникѣ“ и въ изд. 1854 г. варіанты: въ 1-й строкѣ вмѣсто „играетъ“, какъ въ изд. 1900 г., напечатано: „ныряетъ“; въ послѣдней строфѣ, во 2-й строкѣ вмѣсто „дивно-пышная“, какъ въ изд. 1900 г., стояло „пышно-струйная“. Въ оригиналѣ дата: іюль 1850 г.

Въ іюлѣ 1850 г. (Пошли, Господь, свою отраду). Сохраненное въ настоящемъ изданіи заглавіе пьеса имѣетъ въ изданіи 1854 г. и въ „Современникѣ“. Въ рукописи и изд. 1900 г. въ четвертомъ стихѣ поставлено „жесткой“ вмѣсто „жаркой“, какъ стоитъ въ означенномъ изданіи. Вся эта строка: „Бредетъ по жаркой мостовой“ напоминаетъ подобный же стихъ „Тащусь по жаркой мостовой“ въ анонимномъ стихотвореніи „Характеристика“, напечатанномъ въ „Литературной Газетѣ“ 1831 г., т. III, № 16, стр. 129.

Бумаги дѣловымъ мараньемъ
Лишенный жизни остальной,
Въ душѣ съ тоской, въ чертахъ съ страданьемъ,
Тащусь по жаркой мостовой.
На утомительной дорогѣ
Мнѣ попадаются порой
Иль гордый шутъ въ мишурной тогѣ,
Или товарищъ разгульной.
И наблюдатель безъ ошибки
Во мнѣ давно замѣтить могъ
И Беранжера полъ-улыбки
И тягостный Жильбера вздохъ.

Августъ 1850 года (Подъ дыханьемъ непогоды). Въ изд. 1900 г. безъ заглавія, въ „Современникѣ“ и въ изд. 1854 г. имѣетъ заглавіе: „Августъ 1850 года“. Въ оригиналѣ дата: 12 августа 1850.

Обвѣянъ вѣщею дремотой. Въ изд. 1900 г. нѣтъ заглавія, въ „Современникѣ“, но не въ изд. 1854 г., какъ заглавіе, поставлена дата: „15 сентября 1850 года“.

Графинѣ Ростопчиной 1850 года (Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни). Здѣсь сохранено заглавіе, имѣющееся въ „Современникѣ“ и въ изд. 1854 г. Помѣщенное впервые въ „Раутѣ на 1852 годъ“, сборникѣ Ник. Вас. Сушкова, дяди Евдокіи Петровны Ростопчиной (1811—1858), имѣетъ варіанты: 2-я строка шестой строфы читается: „Онъ для меня ихъ уловилъ“ (тоже и въ изд. 1900 г.); въ 3-й строкѣ седьмой строфы поставлено: „феи-нелюдимки“ вмѣсто „феи-невидимки“. И кромѣ того имѣется еще одна, девятая строфа:

И страстно пѣснь ея звучала,
Плѣняя души и сердца.
Она Бетховена играла,
И... доиграла до конца.

Въ „Раутѣ“ поставлена дата: 1850. С.-Петербургъ. Графиня Ростопчина любила, уважала и цѣнила Тютчева, какъ поэта и человѣка. Она дала такую характеристику его внѣшняго облика:

...Тощій, престарѣлый,
Жизнью сломленный поэтъ,
Въ комъ душа убила тѣло
И горитъ духовный свѣтъ.

На лицѣ умно-прекрасномъ,
На измученныхъ чертахъ
Есть разсказъ о горѣ страстномъ,
О мучительныхъ борьбахъ.

Первый листъ (Лѣсъ зеленѣетъ молодой). Въ „Раутѣ“ на 1852 г. обозначена дата: Май 1851. Въ „Современникѣ“ 1854 г. въ первомъ словѣ первой строки явная опечатка, повторенная во всѣхъ изданіяхъ („Листъ“ вмѣсто „Лѣсъ“), которая и исправляется въ нашемъ изданіи.

Предопредѣленіе (Любовь, любовь — гласитъ преданье). Въ первомъ собр. сочиненій помѣта: 1853 г.

Недаромъ милосердымъ Богомъ. Въ изд. 1900 г. 3-я строка третьей строфы читается: „Взлелѣяла ее, взростила“ вмѣсто „Взлелѣяла и возрастила“, какъ въ „Современникѣ“ и въ изд. 1854 г.; въ послѣдней строфѣ пятая строка оканчивалась: „*отъ руки* твоей“ взамѣнъ „подъ ногой твоей“.

Сіяетъ солнце, воды блещутъ. Въ первомъ изд. сочиненій помѣта: 1851 г. Начало второй строфы этой пьесы — „Поютъ деревья“ возбуждало недоумѣніе критиковъ, но чуткій Фетъ, разбирая стихотвореніе Тютчева („Русское Слово“ 1859, кн. 2), разъяснилъ, что деревья „поютъ, должно-быть, своими мелодическими весенними формами“. Да, наконецъ, прибавимъ мы, это можно понимать и такъ, что здѣсь подразумѣваются птицы, поющія на деревьяхъ.

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь. Въ изд. 1900 г. въ 3-мъ стихѣ поставлено „нахлынувшею тучей“ вмѣсто „нахлынувшая тучей“, какъ въ изд. 1854 г. и въ „Современникѣ“. Въ первомъ собраніи сочиненій помѣчено 1851 годомъ. Во всѣхъ остальныхъ изданіяхъ, начиная отъ 1868 и кончая 1899 г., оставлено также „нахлынувшая“ вмѣсто „нахлынувшей“.

14 іюля 1851 г. (Дума за думой, волна за волной). Въ „Раутѣ на 1852 годъ“ имѣется дата: 14 іюля 1851. Москва. Въ „Современникѣ“ 1854 г. этой датой пьеса озаглавлена безъ слова „Москва“, тогда какъ въ „Раутѣ“ она имѣетъ заглавіе: „Волна и дума“.

14 іюля, въ ночь (Не остывшая отъ зною). Въ томъ же „Раутѣ“, какъ и предыдущее стихотвореніе, пьеса имѣетъ заглавіе: „Ночь въ дорогѣ“ и дату: 14 іюля, въ ночь. Этой датой въ „Современникѣ“ и изд. 1854 г. пьеса озаглавлена. Въ изд. 1900 г. 7-й стихъ читается: „Подымались надъ землею“ вмѣсто „Разверзалися порою“, какъ въ „Современникѣ“ и изд. 1854 г., а 10-й стихъ—„Загоралися порою“ вмѣсто „Загорались надъ землею“, какъ тамъ же. Въ „Раутѣ“ послѣдній стихъ первой строфы читался: „Все въ зарницахъ трепетало“ вмѣсто „Отъ зарницъ все трепетало“, какъ въ „Современникѣ“ и изд. 1854 г., а 1-й стихъ второй строфы читался: „Неба сонныя рѣсницы“ вмѣсто „Словно тяжкія рѣсницы“.

Въ разлукѣ есть высокое значенье. Помѣщено впервые въ изд. 1900 г. Въ 4-й строкѣ несомнѣнно сдѣланъ пропускъ слова „будетъ“, которое въ нашемъ изданіи возстановлено.

День вечерѣетъ, ночь близка. Въ „Современникѣ“ 1854 г. и въ изд. того же года помѣчено 1 ноября 1851 г., а въ первомъ собр. соч. поставлено 1850 г.

Чему молилась ты съ любовью, О, не тревожь меня укорой справедли-

вой, Не говори: меня онъ какъ и прежде любитъ и О, какъ убійственно мы любимъ. Всѣ эти четыре пьесы въ первомъ собраніи сочиненій имѣютъ дату: 1852 г. Всѣ относятся къ одной и той же особѣ, которою былъ увлеченъ поэтъ. Въ первомъ стихотвореніи 3-я строка второй строфы оканчивается въ первомъ собр. сочиненій словомъ „*устыдилась*", вмѣсто „постыдилась", какъ въ изд. 1854 г. Въ третьей пьесѣ, во 2-мъ стихѣ первой строфы небольшой варіантъ: „Мной, какъ и прежде, дорожитъ" (въ изд. 1900 г.) вмѣсто „Какъ прежде, мною дорожитъ", какъ въ „Современникѣ" и въ изд. 1854 г.

Mobile comme l'onde (Ты, волна моя морская). Въ „Современникѣ" и въ изд. 1854 г. сохранено это заглавіе, изъ котораго въ изд. 1900 г. сдѣланъ эпиграфъ. Въ этомъ же изданіи 2-й стихъ четвертой строфы читается: „Будь угрюма, иль свѣтла", тогда какъ въ изд. 1854 г. стоитъ: „То угрюма, то свѣтла". Здѣсь имѣется, такъ же, какъ въ „Современникѣ", дата: апрѣль 1852 г.

На смерть В. А. Жуковскаго (Я видѣлъ вечеръ твой. Онъ былъ прекрасенъ). Въ изд. 1900 г. озаглавлено: „На кончину В. А. Жуковскаго" и поставлена дата: 1852; въ изд. 1854 г.—„На смерть Жуковскаго".

Чародѣйкою зимою. Въ изд. 1900 г. помѣчено 31 декабря 1852 г.

Я очи зналъ,—о, эти очи! Въ изд. 1899 г. дата: 1853.

Нашъ вѣкъ (Не плоть, а духъ растлился въ наши дни). Въ „Современникѣ" 1854 г. и въ изданіи того же года послѣ заглавія стоитъ дата: Москва, 30 іюля 1853 года.

Послѣдняя любовь (О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ). Стихотвореніе относится къ г-жѣ Денисьевой (по сообщенію Петра Ивановича Бартенева, издателя „Русскаго Архива"), такъ же, какъ и двѣ пьесы: „Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ" и „Такъ въ жизни есть мгновенія". Поэтъ питалъ серьезное чувство къ этой особѣ, и въ этомъ отношеніи это была, пожалуй, послѣдняя любовь, но, по свидѣтельству Я. П. Полонскаго, А. Н. Апухтина, А. А. Фета и друг., Тютчевъ увлекался и гораздо позднѣе. Въ московскомъ изд. 1886 г. во 2-мъ стихѣ второй строфы стояло: „брежжитъ" вмѣсто „бродитъ", какъ въ „Современникѣ" (1854), а послѣдняя строка читалась: „Блаженство ты и безнадежность" вмѣсто „Ты и блаженство и безнадежность", какъ въ „Современникѣ".

А. С. Норову (Тому, кто съ вѣрой и любовью). Впервые появилось въ „Русскомъ Архивѣ" 1907 г., извлеченное проф. Романомъ Ѳедоровичемъ Брандтомъ—большимъ знатокомъ поэзіи Тютчева, много поработавшимъ надъ изученіемъ ея—изъ библіотеки Абрама Сергѣевича Норова, поступившей по смерти его въ Румянцевскій музей въ Москвѣ. Стихотвореніе написано Тютчевымъ собственноручно на отдѣльномъ листкѣ, вклеенномъ въ началѣ книжки „Стихотворенія Ѳ. Тютчева" (Спб. 1854), подаренной Норову поэтомъ въ 1856 году. Стихотвореніе подписано полнымъ его именемъ и помѣчено: С.-Петербургъ, 4 января 1856. Къ строкамъ 3-й и 8-й Р. Ѳ. Брандтъ сдѣлалъ примѣчанія, объясняющія эти строки („Служилъ ей мыслію и кровью" и „Въ благонадежные вожди"), а именно, что Норовъ участвовалъ въ Бородинской битвѣ, гдѣ былъ раненъ въ ногу, которую затѣмъ ампутировали, и что въ 1854—1858 гг. онъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Добавимъ къ этому, что А. С. Норовъ былъ причастенъ къ литературѣ, напечаталъ книгу „Путешествіе ко св. мѣстамъ" и друг., а также помѣщалъ стихи въ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ.

Еще шумѣлъ веселый день. Впервые въ „Москвитянинѣ“ 1851 г. ч. III, гдѣ это стихотвореніе раздѣлено на два. Въ изд. 1900 г. въ послѣднемъ стихѣ шестой строфы — „незримый“ вмѣсто „незримо“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.

Какое лѣто, что за лѣто! Впервые въ изд. 1868 г. Въ этомъ изданіи имѣется дата: Августъ 1854 г. и слѣдующіе варіанты: 4-я строка первой строфы оканчивалась: „и ни съ чего“, а въ 12-мъ стихѣ стояло „смущаетъ“ вмѣсто „тревожитъ“.

Увы, что нашего незнанья. Впервые въ изд. 1868 г. Написано въ 1855 г.

Такъ въ жизни есть мгновенія и Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ. См. примѣчаніе къ стих. „Послѣдняя любовь“. Второе стихотвореніе имѣетъ дату: 10 іюля 1855.

Эти бѣдныя селенья. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ по задушевности и силѣ стихотвореній Тютчева. Въ предпосланныхъ этому стихотворенію нѣсколькихъ строкахъ Аксаковъ („Біогр. Тютчева“ М. 1886, стр. 71) говоритъ слѣдующее: „Западники, даже и демократы, съ презрѣніемъ и глумленіемъ относились къ русскому простому народу; а Тютчевъ—самъ, несомнѣнно, питомецъ гордаго и красиваго Запада, вотъ что̀ способенъ былъ говорить про этотъ русскій народъ“. Въ первомъ собраніи сочиненій, въ изд. 1868 и 1886 гг., но не въ „Русскомъ Архивѣ“ (въ біограф. очеркѣ Аксакова), послѣднее слово второй строфы было: „не оцѣнитъ“. Варіантъ крайне неудачный, такъ какъ это слово не риѳмуется со словомъ „не замѣтитъ“.

Вотъ отъ моря и до моря. Въ „Русской Бесѣдѣ“ дата: 13 августа 1855 г. и варіанты: во 2-мъ стихѣ первой строфы „скользитъ“ вмѣсто „бѣжитъ“ и въ 4-мъ той же строфы — „гласитъ“ вмѣсто „вѣститъ“, какъ въ изд. 1900 г. Въ нашемъ изданіи помѣщено по тексту „Русской Бесѣды“.

Графинѣ Ростопчиной (О, въ эти дни, дни роковые). Помѣщено впервые въ изд. 1868. Имѣется дата: 16 октября 1855. Написано извѣстной поэтессѣ Евдокіи Петровнѣ Ростопчиной (род. 1811, ум. 1858).

О, вѣщая душа моя. Въ „Русской Бесѣдѣ“ въ 1-мъ стихѣ второй строфы поставлено: „жилица“ вмѣсто „жилище“, какъ во всѣхъ изданіяхъ. Въ изд. 1868 г. имѣется дата: 1855.

Н. Ѳ. Щербинѣ (Вполнѣ понятно мнѣ значенье). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ дата: Петербургъ, 4 февраля 1857. Валерій Яковлевичъ Брюсовъ сообщилъ эту пьесу въ „Русскій Архивъ“ 1899 г., извлекши ее изъ „Полнаго собранія стихотвореній Николая Ѳедоровича Щербины“ (род. 1821, ум. 1869), какъ новую, и, очевидно, не зная о первоначальномъ появленіи ея въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Смотри, какъ роща зеленѣетъ. Въ изд. 1900 г. дата въ скобкахъ— 1857. Въ „Русской Бесѣдѣ“ послѣдняя строка читалась: „Къ намъ долетаетъ съ вышины“ вмѣсто „До насъ доходитъ съ вышины“, какъ въ изд. 1900 г. Въ настоящемъ изд. сохраненъ текстъ „Русск. Бесѣды“.

1857 (Надъ этой темною толпой). Въ изд. 1868 г. озаглавлено: „Народный праздникъ“. Въ „Русской Бесѣдѣ“ — „1857 г.“ Дата въ изд. 1900 г.—15 августа 1857.

Есть въ осени первоначальной. Въ „Русской Бесѣдѣ“ помѣчено 22 августа 1857 г., 3-я строка читалась: „Прозрачный воздухъ, день хрустальный“ вмѣсто „Весь день стоитъ какъ бы хрустальный“, какъ

въ изданіяхъ 1868 г. и друг. Въ этомъ изданіи дата: Овстугъ, 1857 г. Наше изд. имѣетъ редакцію „Русск. Бесѣды“.

Въ часы, когда бываетъ. Въ „Русской Бесѣдѣ“ есть варіанты: въ 11-й строкѣ—„искрометный“ вмѣсто „огнецвѣтный“; въ 14-й строкѣ—„лазуревыхъ“ вмѣсто „лазоревыхъ“; въ 25-й строкѣ — „много-благодатна“ вмѣсто „мило-благодатна“. Къ изд. 1868 г. и друг. дата: 1858.

Осенней позднею порою. Въ „Русской Бесѣдѣ“ дата: Царское Село, 22 октября 1858. Въ изд. 1900 г. варіанты: 7-я и 8-я строки читались:

Безгласны, тихи, безъ движенья
Бѣлѣютъ въ этой полумглѣ...

вмѣсто „Въ какой-то нѣгѣ онѣмѣнья, коснѣютъ“ и проч., какъ въ „Русской Бесѣдѣ“; въ изд. 1900 г., въ 1-й строкѣ второй строфы „широкія“ вмѣсто „порфирныя“, какъ въ „Русской Бесѣдѣ“; въ 5-й строкѣ той же строфы—„И въ тайнѣ сумрака нѣмого“ вмѣсто „И садъ желтѣетъ, какъ дуброва“, какъ въ изданіяхъ 1883, 1886 и 1889 гг. и „Сады темнѣютъ, какъ дубровы“ (какъ въ „Русск. Бесѣдѣ“); 6-я — 8-я строки второй строфы въ изд. 1900 г. читались:

Лишь слабо свѣтитъ, подъ звѣздой,
Какъ отблескъ славнаго былого,
Пустынный куполъ золотой—

Вмѣсто:

И при звѣздахъ изъ тьмы ночной,
Какъ память дальняго былого,
Выходитъ куполъ золотой —

какъ въ изд. 1883 — 1889 гг. и въ „Русской Бесѣдѣ“. Текстъ нашего изданія взятъ съ текста „Русской Бесѣды“.

Е. Н. Анненковой (И въ нашей жизни повседневной). Въ первомъ собраніи сочиненій помѣчено 1859 г. и есть разночтенія: въ 1-й строкѣ третьей строфы—„свѣтила“ вмѣсто „свѣтлѣе“. 4-я и 5-я строки четвертой строфы читались:

Отдаться общему теченью,
И жизнь обхватитъ насъ опять,

вмѣсто: „Вновь обреченныхъ заключенью жизнь обхватила насъ опять“.

Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ (Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ). Впервые въ еженедѣльной газетѣ „Наше Время“ (1860, № 1), издававшейся Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ, извѣстнымъ беллетристомъ, критикомъ и журналистомъ (род. 1803, ум. 1864). Начиная съ изд. 1868 г. и кончая всѣми послѣдующими, это стихотвореніе озаглавливалось „Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ“, въ изд. 1900 — „На возвратномъ пути“. Въ изданіяхъ предыдущихъ и въ „Нашемъ Времени“ второе стихотвореніе „Родной ландшафтъ“ стояло впереди перваго „Грустный видъ“. Помѣчено 1859 г. во всѣхъ изданіяхъ. Въ „Нашемъ Времени“ небольшіе варіанты: въ 3-мъ стихѣ второй строфы „проглядываютъ“ вмѣсто „просвѣчиваютъ“; въ 1-мъ стихѣ третьей строфы — „здѣсь“ вмѣсто „нѣтъ“; въ 3-мъ той же строфы — „забытьи“ вмѣсто „забытьѣ“. Текстъ настоящаго изданія согласованъ съ текстомъ „Нашего Времени“.

Декабрьское утро (На небѣ мѣсяцъ, и ночная). Въ „Гражданинѣ“

дата: Декабрь, 8 ч. утра, 1859 г. Въ первомъ собраніи сочиненій безъ заглавія. Первая строка первой строфы читалась:

Не двинулась ночная тѣнь,

вмѣсто „Не движется ночная тѣнь“.

N. N. (при полученіи отъ него въ подарокъ очковъ) (Есть много мелкихъ безымянныхъ). Въ изд. 1868 г. дата: 1859. 2-я строка первой строфы читалась: „Свѣтилъ съ небесной глубины“; 3—4-я строки второй строфы читались:

Есть много въ небѣ звѣздной пыли,
Но намъ ея не различить.

Послѣ второй строфы слѣдовало:

Такимъ загадочнымъ свѣтиламъ
И вѣримъ и не вѣримъ мы:
Лишь телескопа дивнымъ силамъ
Дано ихъ вызывать изъ тьмы.

Строфъ четвертой и пятой нѣтъ. Въ изд. 1900 г. помѣчено: 20 декабря 1859.

И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ. Впервые напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. въ числѣ 30-ти „новонайденныхъ“ стихотвореній съ предисловіемъ И. С. Аксакова. Указаніе въ изд. 1900 г., что пьеса эта появилась въ первый разъ въ изд. 1886 г., невѣрно. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, стихотвореніе написано къ Акинфіевой.

Memento (Императрицы Александры Θеодоровны) (Ея послѣдніе я помню взоры). Относится къ супругѣ императора Николая I, императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, которую поэтъ особенно чтилъ. Въ первомъ собраніи сочиненій дата: Женева, сентябрь 1860.

На юбилей князя П. А. Вяземскаго (У музы есть различныя пристрастья). Впервые въ газетѣ „Наше Время“ (1861, въ статейкѣ „Юбилей князя П. А. Вяземскаго“). Читано 2 марта 1861 г. Кромѣ незначительныхъ варіантовъ въ изд. 1868 г. („досужая“ вмѣсто „досужная“), во 2-мъ стихѣ девятой строфы стояло „сотворимъ“ вмѣсто „совершимъ“. Въ „Нашемъ Времени“ варіанты гораздо значительнѣе. Пятая строфа, послѣ 1-го стиха въ изд. 1900 г., читается:

Пеклась о васъ, ласкала, берегла,
Ростила вашъ талантъ, и съ каждымъ годомъ
Любовь ея нѣжнѣе все была

вмѣсто напечатаннаго въ „Нашемъ Времени“:

О васъ пеклась, ласкала, берегла,
Учила васъ, и съ каждымъ годомъ
Любовь ея все крѣпла и росла.

Шестая строфа имѣла совершенно другую редакцію:

И какъ съ годами крѣпнетъ, пламенѣя,
Сокъ благодатный виноградныхъ лозъ,
И въ кубокъ вашъ все жарче и свѣтлѣе
Такъ вдохновеніе лилось

вмѣсто строкъ „Нашего Времени“:

И какъ, старѣя, пламенный напитокъ
Все пламеннѣй, и чище, и сильнѣй,

Такъ и на васъ даровъ ея избытокъ
Все съ каждымъ годомъ нисходилъ полнѣй.

Въ изд. 1900 г., въ 3-мъ стихѣ седьмой строфы—„богини“ вмѣсто „богинѣ“; во 2-мъ и 3-мъ стихѣ девятой строфы—вмѣсто „сотворимъ“—„совершимъ“; въ 4-мъ одиннадцатой строфы—„освящаютъ“ вмѣсто „освѣщаютъ“.

Я зналъ ее еще тогда. Въ изд. 1900 г. дата: 27 марта 1861 г. Въ послѣдней строкѣ читалось: „И скрылась въ небѣ“ вмѣсто „А не погибла“.

А. А. Фету (Тебѣ сердечный мой поклонъ). Написано въ отвѣтъ на письмо и стихи А. А. Фета: „Мой обожаемый поэтъ“.

Князю П. А. Вяземскому (Теперь не то, что̀ за полгода). Въ газетѣ „День“ помѣчено: Петергофъ, 12 іюня; слѣдуетъ: 12 іюля.

При посылкѣ Новаго Завѣта (Не легкій жребій, не отрадный). По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, относится къ дочери поэта Аннѣ Ѳедоровнѣ, въ замужествѣ Аксаковой.

Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ. Въ изд. 1868 г. и нѣкоторыхъ другихъ помѣчено 10 октября 1861 г.

Играй, покуда надъ тобою. Въ „Русскомъ Архивѣ“ дата вверху стихотворенія: Mardi 25 Juillet. 1861. Въ 4-й строкѣ (изд. 1900 г.) „ужъ призванная“ вмѣсто „назначенная“; также 2-й стихъ третьей строфы: „И первый, милый лепетъ дня“ вмѣсто „Лишь пробудившагося дня“; въ 1-мъ стихѣ четвертой строфы — „Въ разгарѣ лѣта“ вмѣсто „Подъ зноемъ лѣта“; во 2-мъ стихѣ: „вздохнешь ты“ вмѣсто „ты вспомнишь“; въ 3-мъ—„и вспомнишь“ вмѣсто „о, вспомни“; въ 4-мъ—„Какъ про забытый“ вмѣсто „Какъ о забытомъ“, и 5-й стихъ читался такъ: „Мелькнувшій призракъ въ первомъ снѣ“.

Святыя горы (Тихо, мягко надъ Украйной). Въ прежнія изданія, до 1900 г., не входило. Впервые въ газетѣ И. С. Аксакова „День“ (1862).

Н. С. Акинфіевой (1. Какъ лѣтней иногда порою). Помѣчено въ нѣкоторыхъ изданіяхъ 1863 г. Нигдѣ полной фамиліи не поставлено, въ послѣднихъ изданіяхъ (до 1900 г.) стояло: „*N. N — ой*“, „*Къ Н. С. А—ой*“ и проч. (2. И самый домъ нашъ будто ожилъ). Въ изд. 1900 г. и предыдущихъ въ 1-мъ стихѣ стояло: „какъ“ вмѣсто „нашъ“. Писано также въ 1863 г. (3. Какъ ни бѣсилося злорѣчье). Въ „Русскомъ Архивѣ“ безъ обозначенія, кому написаны стихи, и лишь въ „Росписи“ журнала (1863—1882) поставлено: „Н. С. Акинфіевой“.

Сентябрь холодный бушевалъ. По сообщенію, сдѣланному намъ Яковомъ Петровичемъ Полонскимъ, стихи написаны женщинѣ (едва ли не той же Акинфіевой) по поводу ея канарейки, пѣвшей въ присутствіи поэта.

На смерть графа Д. Н. Блудова (И тихими послѣдними шагами). Въ изд. 1868 г. поставлено: „На смерть“ вмѣсто „На кончину“. Въ изд. 1900 г. почему-то стоитъ дата: 19 февраля 1864 г., С.-Петербургъ,—быть-можетъ, списанная съ оригинала.

Весь день она лежала въ забытьи. Впервые появилось въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1865 г. вмѣстѣ съ остальными тремя стихотвореніями: „Утихла буря... легче дышитъ“, „О, этотъ югъ! О, эта Ницца“ и „Какъ хорошо ты, о, море ночное“. Подъ стихами одна только буква *Т*. Всѣ они относятся ко времени пребыванія Тютчева и любимой имъ женщины, г-жи Денисьевой, въ Ниццѣ.

Женева, 11 (23) октября 1864 г. (Утихла буря, легче дышетъ). См. предыдущее примѣч. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ вмѣсто заглавія дата сверху: Женева, 11 (23) октября 1864 г.—помѣтка самого Тютчева. Въ изд. 1900 г. 8-й стихъ читается: „Ихъ ветхость пышную лелѣетъ“ вмѣсто „Ихъ пышность ветхую...“ Здѣсь кромѣ того стихотвореніе имѣетъ всего три строфы, безъ четвертой, впервые помѣщенной въ нашемъ изданіи и взятой изъ „Русскаго Вѣстника“. Въ изд. 1868 г. озаглавлено „Женева“ съ датой: 11 октября 1863 г. Стихотвореніе несомнѣнно навѣяно кончиной г-жи Денисьевой, на что намекаетъ явственно послѣдняя строфа:

Здѣсь сердце такъ бы все забыло,
Забыло бъ муку всю свою,—
Когда бы тамъ, въ родномъ краю,
Одной могилой меньше было...

Императрицѣ Маріи Александровнѣ (1. Кто бъ ни былъ ты, но, встрѣтясь съ ней). Какъ видно изъ записки издателя „Руси“, помѣщенной по поводу полугодовой годовщины кончины императрицы, куда вошло и это четверостишіе, впервые тамъ помѣщенное, стихи написаны Тютчевымъ послѣ разговора, которымъ онъ былъ удостоенъ однажды покойной государыней. Въ первомъ собраніи сочиненій поставлена дата: Ницца, 1864 г. (2. Какъ неразгаданная тайна). Въ изд. 1868 г. помѣчено: „Ницца, 3 ноября 1864 г.“.

Ницца, декабрь (О, этотъ югъ! О, эта Ницца!). См. примѣч. къ стих. „Весь день она лежала въ забытьи“. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ озаглавлено датой вверху: „Ницца, декабрь“ (безъ года). Въ изд. 1868 г. и въ послѣдующихъ до 1900 г. включительно помѣчено: 21 ноября 1864 г. Ницца, и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые варіанты: въ 3-мъ стихѣ „мысль“ вмѣсто „жизнь“, какъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, а двѣ послѣднія строки читаются:

И вся дрожитъ, прижавшись къ праху,
Въ сознаньи грустнаго безсилья...

Ницца, 2 (14) января 1865 г. (Какъ хорошо ты, о, море ночное). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ вмѣсто заглавія дата вверху: „Ницца, 2 (14) января 1865 г. Та же дата и въ „Днѣ“ 1865 г., гдѣ стихотвореніе появилось раньше, — но безъ года. Варіанты: въ „Днѣ“ въ 1-мъ стихѣ: „сизо-черно“ вмѣсто „сизо-темно“, какъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; 4-й стихъ въ „Днѣ“: „Искра въ ночи, золотое пятно“ вмѣсто „Ходитъ, и дышетъ, и блещетъ оно“, какъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и нѣкоторыхъ изданіяхъ; въ 3-й строкѣ строфы третьей: „Волны морскія“ вмѣсто „Волны несутся“, какъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Наконецъ 2-я и 3-я строки послѣдней строфы въ „Днѣ“ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ до 1900 г. включительно читаются:

Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою—
И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи

вмѣсто „Весь, какъ во снѣ, я потерянъ стою“, какъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Въ 3-й строкѣ вмѣсто *И* поставлено *О*.

Дочери Д. Ѳ. Тютчевой (Когда на то нѣтъ Божьяго согласья). Въ изд. 1868 г. и другихъ безъ заглавія и тамъ же помѣта: 12 (вмѣсто 18) февраля 1865 г. Написано въ Ниццѣ. Относится къ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, дочери поэта отъ перваго брака.

На кончину Государя Наслѣдника Николая Александровича (Все рѣшено, и онъ спокоенъ). Въ изд. 1868 г. имѣется дата: 12 апрѣля 1865 г., т.-е. день смерти Наслѣдника.

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ. Эпиграфъ взятъ Тютчевымъ изъ произведенія мало извѣстнаго римскаго поэта Авзонія (род. около 310 г., ум. около 394). Въ изд. 1900 г. четвертой строфы, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ", нѣтъ. Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 11 мая 1865 г.

Я. П. Полонскому (Нѣтъ болѣ искръ живыхъ на голосъ твой привѣтный). Написано въ отвѣтъ на стихотвореніе Якова Петровича Полонскаго (род. 1819 ум., 1898) Ѳ. И. Тютчеву (Ночной костеръ зимой у перелѣска) („Полное собраніе стихотвореній" въ 5 томахъ. СПБ. 1896. Изд. А. Ф. Маркса. Т. I. Стр. 404—405). Впервые помѣщено въ стихотвореніяхъ Полонскаго (изд. 1869 г.) съ датой: 30 мая 1865 г., въ выноскѣ. Чтобы дать понятіе объ этомъ стихотвореніи, вызвавшемъ коротенькій отвѣтъ Тютчева, полный неизъяснимой скорби, приводимъ здѣсь нѣкоторыя мѣста этого посланія Полонскаго:

Ночной костеръ зимой у перелѣска,
Богъ вѣсть кѣмъ запаленъ, пылаетъ на бугрѣ;
Вокругъ него, полны таинственнаго блеска,
Деревья въ хрусталяхъ и бѣломъ серебрѣ;
Къ нему въ глухую ночь и запоздалый пѣшій
Подсядетъ, и съ сумой приляжетъ нищій братъ,
И богомолецъ, и, быть-можетъ, даже лѣшій,—
Но мимо пролетитъ, кто счастіемъ богатъ...
... Такъ и къ тебѣ, задумчивый поэтъ,
Къ огню, что̀ ты сберегъ на склонѣ бурныхъ лѣтъ,
Счастливецъ не придетъ. Огонь подъ сѣдинами
Не грѣетъ юности, летящей съ бубенцами
На тройкѣ ухарской въ тотъ теплый уголокъ,
Гдѣ ждетъ ее къ столу кутилъ живой кружокъ,
Иль пологъ, затканный цвѣтами...

Телеграмма въ Петергофъ П. А. Вяземскому (Безпомо̀щный и убогій). Написана ко дню именинъ кн. Вяземскаго, 29 іюня (1865 г.). Таковая дата имѣется и въ изд. 1869 г.

15 іюля 1865 г. (Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло). Это воспоминаніе о первыхъ дняхъ союза съ г-жей Денисьевой имѣетъ въ оригиналѣ дату: 15 іюля 1865 г. Сообщено сыномъ поэта Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Тютчевымъ въ „Историческій Вѣстникъ" и помѣщено въ концѣ матеріаловъ для біографіи его отца.

Наканунѣ годовщины 4 августа 1865 г. (Вотъ бреду я вдоль большой дороги). Въ оригиналѣ озаглавлено: „Наканунѣ годовщины 4 августа 1864 г.", т.-е. смерти г-жи Денисьевой, и слѣдовательно написано 3 августа 1865 г.

23 ноября 1865 г. (Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла). Впервые въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (см. два предыдущихъ примѣчанія), гдѣ озаглавлено сверху: „23 ноября 1865 г." Также относится къ г-жѣ Денисьевой.

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ. Въ изд. 1900 г. напечатано безъ заглавія и въ скобкахъ поставлено: „отрывокъ". Нѣтъ пятой, шестой и седьмой строфъ и 4-го стиха третьей строфы. Въ та-

комъ видѣ появилось впервые въ біографическомъ очеркѣ Тютчева, написанномъ Аксаковымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (и отдѣльно). Въ газетѣ В. В. Комарова „Свѣтъ“ напечатано полнѣе (прибавлена пятая строфа) и включено въ романъ Ѳ. Ѳ. Тютчева (сына) „На границѣ“. Здѣсь приводится какъ бы въ подтвержденіе мысли героя романа Чуева, „хорошо выраженной“ въ стихотвореніи Тютчева, неизданномъ. Полностью напечатано, въ числѣ другихъ, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Въ изд. 1900 г. въ 4-мъ стихѣ второй строфы стояло: „Лежитъ, какъ трупъ“ вмѣсто „Какъ трупъ, лежитъ“, какъ въ „Русскомъ Архивѣ“ и „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ (1903). Въ „Свѣтѣ“ также есть разночтенія: въ 1-мъ стихѣ стояло: „Часы одни“ вмѣсто „Часы и дни“; въ 4-мъ стихѣ второй строфы—„Какъ трупъ погребено“ вмѣсто „Лежитъ, какъ трупъ, оно“, и въ 1-мъ стихѣ третьей строфы—„И вотъ“ вмѣсто „Ахъ“. Относящееся къ г-жѣ Денисьевой стихотвореніе проникнуто глубокой скорбью. Тютчевъ умѣлъ любить и выражать свое чувство любви.

Какъ неожиданно и ярко. Въ оригиналѣ и въ изд. 1900 г. дата: „Рославль, 5 августа 1865 г.“. Здѣсь незначительные варіанты: 2-я строка „на“ вмѣсто „по“; въ 7-й строкѣ „обхватила“ вмѣсто „охватила“, какъ въ газетѣ „День“. У Аксакова въ біографіи Тютчева (М. 1886, стр. 96) носитъ заглавіе „Радуга“ и напечатано, какъ отрывокъ, безъ второй строфы.

18 августа 1865 г. Дорогой (Ночное небо такъ угрюмо). Въ оригиналѣ и въ изд. 1900 г. дата: Овстугъ, 18 августа 1865 г. Дорогой. Въ „Днѣ“ помѣта, безъ Овстуга, стоитъ вверху и представляетъ собою какъ бы заглавіе.

Графинѣ А. Д. Блудовой (Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе). Въ изд. 1868 г. дата: „С.-Петербургъ, 1 марта 1866 года“. Написано дочери извѣстнаго государственнаго дѣятеля, любителя русской литературы, друга Жуковскаго, Карамзина, Плетнева и проч., гр. Дмитрія Николаевича Блудова († 1864)—Антонинѣ Дмитріевнѣ (1812—1891), напечатавшей свои „Воспоминанія и записки“, много трудовъ и писавшей иногда подъ псевдонимомъ *Н. Ребровскій* и др.

Къ портрету (Два разнородныя стремленья). Въ изд. 1868 г. дата: Апрѣль, 1866 г.

И въ Божьемъ мірѣ то жъ бываетъ. Въ изд. 1900 г. и въ оригиналѣ помѣта: 11 мая, среда, 1866 г.

Тихо въ озерѣ струится. Относится ко времени пребыванія поэта въ Царскомъ Селѣ. Мѣсто это и указано въ изд. 1868 г. съ обозначеніемъ 1866 года.

Сентябрь 1866 г. (Небо блѣдно-голубое). Написано по поводу въѣзда въ Петербургъ нынѣ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ то время (17 сентября 1866 г.) невѣсты наслѣдника, въ дѣвичествѣ принцессы Дагмары (род. 14 ноября 1847 г.), дочери датскаго короля. Въ изд. 1900 г. безъ заглавія, въ „Литературной Библіотекѣ“ Юрія Михайловича Богушевича (1835 — 1901) озаглавлено: „Сентябрь 1866 г.“: въ изд. 1900 г. имѣемъ значительные варіанты. Въ 3-мъ стихѣ второй строфы: вмѣсто „привѣтственные“—„торжественные“; въ 4-мъ стихѣ тамъ же: вмѣсто „тихою“—„легкою“. Послѣ этой строфы слѣдуетъ:

Чистымъ пламенемъ, спокойно,
По ночамъ горятъ огни...

Очарованныя ночи,
Очарованные дни!

Строфы четвертой нѣтъ; вмѣсто нея идетъ 6-я строфа, гдѣ, послѣ стиха: „Словно строгій чинъ природы“, стоитъ: „Преданъ былъ на эти дни“.

Послѣ 1-й строки восьмой строфы остальныя строки въ такой редакціи:

Въ этомъ воздухѣ живомъ
Чье-то чудится дыханье,
Чей-то слышится пріемъ.

Въ девятой строфѣ вначалѣ „живое“ вмѣсто „нѣмое“, а въ 3-мъ стихѣ послѣдней строфы — вмѣсто „Дагмарина недѣля“—„Дагмарова недѣля“. По свидѣтельству лицъ, помнящихъ это событіе, день (17 сентября, суббота) тогда былъ теплый, чисто-лѣтній, о чемъ говоритъ и А. В. Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“

Еще князю П. А. Вяземскому (Когда дряхлѣющія силы). Въ изд. 1900 г. озаглавлено: „Князю П. А. Вяземскому“ и помѣчено сентябремъ 1866 г., какъ въ изд. 1868 г. Во 2-мъ стихѣ третьей строфы — вмѣсто „новый современный“—„обновляющійся“, какъ въ оригиналѣ и въ изд. 1900 г.; кромѣ того, предпослѣдняя строфа сдѣлана послѣднею, а послѣдняя наоборотъ.

Графинѣ А. Д. Блудовой (При полученіи отъ нея книги съ замѣтками ея отца) (Какъ этого посмертнаго альбома). Въ изд. 1868 г. помѣта: 1 марта 1867 г.

Дымъ (романъ И. С. Тургенева) (Здѣсь нѣкогда, могучій и прекрасный). Въ изд. 1868 г. помѣчено: май 1867 г., въ другихъ изданіяхъ только годъ, а въ оригиналѣ и въ изд. 1900 г. точная дата: 26 апрѣля 1867 г. Есть значительные варіанты въ изд. 1900 г.: въ подзаглавіи—вмѣсто „повѣсть“—„романъ“; во 2-мъ стихѣ третьей строфы имѣется опущенный въ изд. 1868 г. предлогъ „къ“; въ 3-мъ стихѣ — вмѣсто „обвѣянный“—„обвѣянныхъ“; въ послѣднемъ стихѣ четвертой строфы—вмѣсто „дивный“—„чудный“; 1-я и 2-я строки пятой строфы читаются вмѣсто —

И вотъ опять *къ таинственному* лѣсу
Мы съ прежнею любовью подошли

„мы къ сказочному“ и „съ привычною любовью“. Послѣдній стихъ шестой строфы читается: вмѣсто „Дымъ безотрадный, безконечный дымъ“ — „Лѣнивый, вялый, безконечный дымъ“; въ 1-мъ стихѣ послѣдней строфы— вмѣсто „нѣтъ“—„вотъ“, въ 3-мъ стихѣ вмѣсто „Вашъ лѣсъ зазеленѣетъ“— „Стоитъ и зеленѣетъ“, и въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто „Все тотъ же лѣсъ“—„Нашъ прежній лѣсъ“, какъ въ изд. 1900 г.

Въ небѣ таютъ облака. Въ первомъ собраніи сочиненій и въ изд. 1900 г. дата: 2 августа 1868. Гостиловка. Обозначенная здѣсь мѣстность находится около Петергофа.

Іюнь 1868 г. (Опять стою я надъ Невой). Помѣщенное впервые въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1903), съ оригинала, при статьѣ Ѳ. Ѳ. Тютчева, имѣетъ дату: Іюнь 1868 г. Относится къ той же г-жѣ Денисьевой, которой посвященъ рядъ посмертныхъ стихотвореній въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и раньше въ собраніяхъ сочиненій.

Пожары (Широко, необозримо). Пропущено во всѣхъ собраніяхъ

стихотвореній Тютчева. Въ нашемъ изданіи, взятое изъ газеты Михаила Петровича Погодина „Русскій“ (1868), появляется впервые. Напечатано во главѣ номера, въ видѣ передовой статьи, съ датой: Іюля 16.

М. П. Погодину (Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный). Впервые появилось въ газетѣ М. П. Погодина „Русскій“ (1869) въ отдѣлѣ „Петербургскія замѣтки“. Стихотворенію предпосланы слѣдующія строки издателя-редактора: „Ѳ. И. Тютчевъ, старый мой университетскій товарищъ, прислалъ мнѣ новую свою книгу со слѣдующими стихами на обверткѣ, которые я и сообщу здѣсь, какъ нигдѣ не напечатанные (онъ прислалъ мнѣ послѣ ихъ въ другомъ, измѣненномъ видѣ, но этого варіанта, видно проникнутаго его духомъ, я никакъ теперь отыскать не могу)“. Вторично стихи напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ (1874, тетр. X) съ примѣчаніемъ И. С. Аксакова. Въ изд. 1900 г. помѣщено со слѣдующими незначительными варіантами: 2-я строка читалась: „Не заглянувъ въ него, дарю имъ васъ“, вмѣсто „Но все равно, дарю теперь имъ васъ“, какъ у Аксакова, въ „Русскомъ Архивѣ“; 7-я строка—„Такъ что̀ жъ тутъ хлопотать? Рука забвенья“ вмѣсто „Чего жъ тутъ толковать? Рука забвенья“, какъ въ „Русскомъ Архивѣ“, а послѣдняя — „Исправить все чрезъ нѣсколько минутъ“, вмѣсто „Свершитъ и здѣсь свой корректурный трудъ“, какъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Въ первомъ собраніи сочиненій—„Исправитъ ихъ“ вмѣсто „Исправитъ все“.

Намъ не дано предугадать. Напечатано впервые въ альманахѣ „Новый Путь“ (1903, ноябрь) и повторено въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ (1903) подъ заглавіемъ „Четыре стиха“, съ автографомъ. Оно найдено въ бумагахъ княгини Варвары Ѳедоровны Шаховской (†) и помѣщено съ разрѣшенія ея внучки Е. И. Свѣчиной. Подъ стихами дата: С.-Петербургъ, 27 февраля 1869 г.

А. Н. Муравьеву (Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва). Впервые помѣщено въ „Зарѣ“ (1869, кн. 9), издававшейся В. В. Кашпиревымъ. Въ изд. 1883 г. дата: Августъ 1869. Написано въ Кіевѣ и въ оригиналѣ помѣчено 7 августа. Стихи посвящены Андрею Николаевичу Муравьеву, извѣстному писателю, автору книги „Путешествіе ко святымъ мѣстамъ“ и др. Въ изд. 1900 г. многіе варіанты: во 2-мъ стихѣ вмѣсто „воздушно-свѣтозарный“ стоитъ „воздушный, свѣтозарный“, въ 8-мъ — вмѣсто „этихъ“—„здѣшнихъ“, 1-я и 2-я строки второй строфы читались такъ:

У ногъ его, свою обитель
Его покровомъ осѣня.

Въ 3-мъ стихѣ той же строфы вмѣсто „тамъ“—„въ ней“; въ 7-мъ ея стихѣ вмѣсто „единство“—„единства“. Послѣдняя строфа послѣ третьей строки читалась такъ:

Тобой свершенныхъ добрыхъ дѣлъ;
Живи и бодрствуй для примѣра,—
Намъ заявляющаго вновь,
Что̀ могутъ дѣйственная вѣра
И непреклонная любовь.

Въ деревнѣ (Нападеніе собаки, друга дома, на стаю гусей). (Что̀ за отчаянные крики). Написано въ деревнѣ Овстугъ. Въ первомъ изданіи сочиненій дата: 10 августа 1869, во второмъ 16 августа 1869, Овстугъ.

Природа — сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй. Въ первомъ собраніи

сочиненій и въ изданіи 1899 г. дата: 1870 г. Во второе собраніе сочиненій не включено.

Корабль въ густомъ, сыромъ туманѣ. Впервые появилось въ „Зарѣ" 1870 г. подъ тремя звѣздочками. Не включено ни въ одно изъ изданій и здѣсь помѣщается (впервые) единственно потому, что принадлежность этого стихотворенія Тютчеву сообщена намъ двумя лицами: самимъ издателемъ „Зари" Владиміромъ Васильевичемъ Кашпиревымъ и Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ (1828—1896).

Ю. Ѳ. Абазѣ (Такъ гармоническихъ орудій). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 1869, въ изд. 1900 г. болѣе подробная—22 декабря 1869. Написано вдовѣ бывшаго министра финансовъ Александра Аггеевича Абазы—Юліи Ѳедоровнѣ.

К. Б. (Я встрѣтилъ васъ, и все былое). Впервые помѣщено въ журналѣ Кашпирева „Заря" (1870, декабрь) подъ буквою Т. Спустя 22 года перепечатано, какъ будто новое, въ „Русскомъ Архивѣ" подъ заглавіемъ: „Три новыя стихотворенія Ѳ. И. Тютчева", съ датой: „Карлсбадъ, 26 іюня 1870"; въ „Зарѣ" помѣта только „Карлсбадъ". Въ изд. 1900 г. варіанты: въ 4-мъ стихѣ вмѣсто „тепло"—„легко", въ 6-мъ стихѣ вмѣсто „бываютъ дни"—„бываетъ день", въ 9-мъ вмѣсто „обвѣянъ"—„проникнутъ" и въ 10-мъ вмѣсто „лѣтъ"—дней", какъ въ „Русскомъ Архивѣ". Буквы *К. Б.*, по сообщенію, сдѣланному намъ Я. П. Полонскимъ (утверждавшимъ это), обозначаютъ сокращеніе переставленныхъ словъ „Баронессѣ Крюднеръ".

Надъ русской Вильной стародавной. Въ первомъ собраніи сочиненій имѣется дата: 1870, съ незначительнымъ варіантомъ: въ послѣдней строкѣ первой строфы стояло „вышины" вмѣсто „высоты".

На кончину брата (Н. И. Тютчева). (Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ). Впервые напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" (1874) въ статьѣ И. С. Аксакова „Ѳ. И. Тютчевъ" (въ отд. изд. 1886, стр. 308). Эти стихи, не предназначавшіеся для печати и тщательно скрываемые Тютчевымъ даже отъ родныхъ, написаны имъ на пути изъ Москвы въ Петербургъ, въ концѣ 1870 г., по возвращеніи съ похоронъ брата. „Николай Ивановичъ Тютчевъ, — говоритъ Аксаковъ: — единственный братъ и, можно сказать, единственный другъ Ѳедора Ивановича, у котораго внѣ семьи было великое множество „друзей", но между ними ни одного, съ кѣмъ бы, преимущественно передъ прочими, дѣлился онъ всѣми тайнами мысли и сердца, съ кѣмъ бы состоялъ въ отношеніяхъ исключительно тѣсной, задушевной дружбы. Николай Ивановичъ Тютчевъ любилъ брата не только съ братскою, но съ отцовскою нѣжностью, и ни съ кѣмъ не былъ Ѳедоръ Ивановичъ такъ коротокъ, такъ близко связанъ всею своею личною судьбою съ самаго дѣтства. Немногіе понимали, что̀ значила для Тютчева эта потеря". Въ изд. 1900 г. эта пьеса имѣетъ варіанты: 7-й и 8-й стихи читались такъ:

Гдѣ я стою теперь—гляжу во тьму,
И что̀ со мной, не понимаю самъ,

тогда какъ въ статьѣ Аксакова, по другой рукописи, имѣютъ слѣдующую редакцію:

Гдѣ я теперь стою—смотрю въ ночную тьму,
Но что̀ со мной, не сознаю я самъ.

Даты этой пьесы разнятся: у Аксакова указанъ конецъ 1870 г., въ

первомъ собраніи сочиненій—1870 г. и въ изд. 1900 г. (взятой изъ рукописи) помѣта: 11 декабря 1870.

А. В. Плетневой (Чему бы жизнь насъ ни учила). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ заглавіе въ скобкахъ (А. В. Пл—вой), и подписана пьеса буквами **Ѳ. Т.** Написано Александрѣ Васильевнѣ Плетневой, вдовѣ извѣстнаго поэта, журналиста, историка литературы, друга Пушкина и проч., академика Петра Александровича Плетнева (род. 1792, ум. 1865 г.), урожденной княжнѣ Щетининой. Въ изд. 1900 г. напечатано въ рукописи, и противъ „Русскаго Вѣстника“ есть значительные варіанты: имѣется вторая строфа, которой въ „Русск. Вѣстн.“ нѣтъ, именно:

Нѣтъ, то не призрачныя тѣни,
Не міръ, лишь видимый во снѣ,
Онѣ превыше всѣхъ сомнѣній,
Ужъ потому, что то—онѣ.

Въ 1-мъ стихѣ третьей строфы вмѣсто „и“—„нѣтъ“; въ пятой строфѣ строки 1-я — 3-я имѣютъ такую редакцію:

Но эта вѣра для немногихъ
Ея доступна благодать
Лишь тѣмъ, кто въ искушеньяхъ строгихъ...

Во 2-мъ стихѣ шестой строфы вмѣсто „своимъ страданіемъ“ - „страданьемъ собственнымъ“.

По дорогѣ во Вщижъ (Отъ жизни той, что̀ бушевала здѣсь). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 17 августа 1871. Прежде городъ, нынѣ Вщижъ—село Брянскаго уѣзда Орловской губерніи, сохранившее много остатковъ старины.

На юбилей М. П. Погодина (Врагъ отрицательности узкой). Въ изд. 1900 г. дата (очевидно, по рукописи) 29 декабря 1871 года.

Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ. Эти шесть строкъ найдены гр. Петромъ Ивановичемъ Капнистомъ, сослуживцемъ Тютчева по цензурному вѣдомству, по уходѣ поэта изъ засѣданія Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Во время этого засѣданія, происходившаго въ октябрѣ 1867 года, гр. Капнистъ „замѣтилъ, что Тютчевъ былъ особенно разсѣянъ и что-то писалъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги. Послѣ засѣданія онъ ушелъ въ раздумьѣ, оставивъ эту бумагу на столѣ“. Невольно приходятъ на память стихи Тютчева: „Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ“, имѣющіе нѣкоторую связь по настроенію своему со стихотвореніемъ, найденнымъ гр. Капнистомъ. Оно помѣщено впервые въ біографическомъ очеркѣ гр. Капниста, составленномъ графиней Инной Петровной Капнистъ, также писательницей, беллетристкой, и приложенномъ при собраніи сочиненій отца ея (М. 1901. Стр. CXXXIV).

Свѣтлое Христово Воскресенье (День православнаго Востока). Впервые появилось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1883 г. подъ заглавіемъ: „Свѣтлое Христово Воскресенье“. Относится къ Маріи Ѳедоровнѣ Бирюлёвой, младшей дочери поэта (она род. въ 1840 г.), который, какъ сказано въ примѣчаніи редакціи къ этому посмертному стихотворенію, послалъ ей, умиравшей въ Меранѣ, въ Австріи, это пасхальное привѣтствіе. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣчено только годомъ—1872; въ изд. 1900 г. озаглавлено „Дочери“ и имѣется дата: 16 апрѣля. Въ изд. 1899 г. и

предыдущихъ во 2-мъ стихѣ послѣдней строфы стояло „повѣй“ вмѣсто „полей“. Въ этой строфѣ поэтъ говоритъ:

О, дай болящей исцѣленье,
Отрадой въ душу ей полей,
Чтобы въ Христово Воскресенье
Всецѣло жизнь воскресла въ ней...

Пожеланіе это не осуществилось: 2 іюня 1872 г. М. Ѳ. Бирюлёва скончалась.

Памяти М. К. Политковской (Многозначительное слово). Въ „Гражданинѣ“ въ 1-мъ стихѣ пятой строфы стояло: „И ты — смиренна и послушна“ вмѣсто „Смиренно и послушно“, какъ въ изд. 1900 г. М. К. Политковская писала стихи и, помнится, перевела „Освобожденный Іерусалимъ“ Тассо.

Шеншиной (Тебѣ, болящая въ далекой сторонѣ). Относится къ Евгеніи Сергѣевнѣ Шеншиной, урожденной Арсеньевой. Во второмъ собраніи сочиненій дата: январь 1873 г.

17 апрѣля 1818 года (На ранней дней моихъ зарѣ). Въ изд. 1900 г. дата: 17 апрѣля 1873 года. Написано въ воспоминанье дня рожденія императора Александра II, въ 55-ю годовщину этого событія. О происхожденіи этого стихотворенія И. С. Аксаковъ въ своей біографіи Тютчева (отд. изд., М. 1886, стр. 14—16) говоритъ слѣдующее: „Въ Москву (въ 1818 г.) пріѣхало царское семейство и съ нимъ въ званіи наставника въ русскомъ языкѣ при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ— Жуковскій. Онъ былъ знакомъ и Раичу и родителямъ Тютчева. Иванъ Николаевичъ (отецъ Ѳедора Ивановича) захотѣлъ представить ему своего сына и 17 апрѣля рано утромъ повелъ Тютчева въ Кремль. Но тамъ колокола и пушки возвѣстили имъ о рожденіи въ тотъ самый часъ младенца—будущаго царя, государя Александра Николаевича. Это обстоятельство произвело на молодого Тютчева сильное впечатлѣніе... Въ 55-ю годовщину этого дня поэтъ вспомнилъ день 17 апрѣля 1818 года и попытался продиктовать своей женѣ стихи,—уже пораженный параличомъ, за три мѣсяца до кончины. Но стихъ уже слабо повиновался больному поэту; измѣняла то риѳма, то размѣръ; иногда, среди диктовки, онъ засыпалъ отъ утомленія, такъ что на всѣ стихотворенія, диктованныя въ это время, слѣдуетъ смотрѣть почти какъ на поэтическій бредъ, какъ на неясные отголоски прежней поэтической силы“. Аксаковъ оговаривается, что помѣщаетъ это стихотвореніе „съ опущеніемъ стиховъ совершенно непонятныхъ или лишенныхъ всякой мѣры“. Въ изд. 1900 г. стихотвореніе однако появилось въ исправленномъ видѣ. У Аксакова 2-й стихъ читался (совершенно прозаическій): „Въ Кремлѣ, рано утромъ, въ Чудовомъ монастырѣ“ вмѣсто:

То было рано поутру, въ Кремлѣ,
То было въ Чудовомъ монастырѣ.

Въ 19-мъ стихѣ—„всегда“ вмѣсто „всю жизнь“. Послѣ 33-го стиха „Подъ этимъ кроткимъ благостнымъ вліяньемъ“ далѣе у Аксакова восемь послѣднихъ стиховъ не приведено. Очевидно, редакція изд. 1900 г. пользовалась нѣсколько позднѣйшимъ спискомъ стихотворенія, исправленнымъ по указанію больного поэта.

Безсонница (Ночной моментъ). (Ночной порой въ пустынѣ го-

родской). Во второмъ собраніи сочиненій дата: апрѣль 1873 г. Продиктовано поэтомъ также на одрѣ болѣзни. Однако оно написано гораздо глаже предыдущей пьесы.

А. В. Никитенко (Бываютъ роковые дни). Впервые помѣщено въ „Русской Старинѣ“ (1873 г.) въ некрологической замѣткѣ А. В. Никитенко „Ѳ. И. Тютчевъ“ съ такимъ примѣчаніемъ редакціи: „Приведенные здѣсь стихи присланы Тютчевымъ Никитенкѣ „начертанные дрожащей рукою“; за стихотвореніемъ слѣдовала приписка: „Другъ мой, когда я васъ увижу? Мнѣ страшно тяжело и грустно“. Академикъ Никитенко былъ большимъ другомъ поэта. Въ изд. 1900 г. 13-й стихъ читался: „И сдвинетъ съ насъ ужаснаго кошмара“ вмѣсто „И сдвинетъ съ насъ ужасный кошемаръ“, какъ въ „Русской Старинѣ“ 1873 г. (кн. 12).

Э. Ѳ. Тютчевой (1. Все, что̀ сберечь мнѣ удалось, 2. Все отнялъ у меня казнящій Богъ, и 3. Не знаю я, коснется ль благодать, съ помѣтой наверху, въ скобкахъ: „Pour vous à déchiffrer toute seule“ (Для васъ, чтобы прочесть совсѣмъ одной). 1-е стихотвореніе, помѣченное въ изд. 1900 г. гадательно 1856 г., слѣдуетъ отнести къ 1850 г., ко времени сближенія поэта съ женщиной, которой онъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Въ статьѣ своей „Ѳ. И. Тютчевъ. Матеріалы къ его біографіи“ („Историческій Вѣстникъ“ 1903, іюль) сынъ поэта Ѳедоръ Ѳедоровичъ Тютчевъ пишетъ: „Ѳ. И. всю жизнь свою до послѣднихъ дней (?) увлекался женщинами; имѣвшій среди нихъ почти сказочный успѣхъ, онъ никогда не былъ тѣмъ, что̀ мы называемъ развратникомъ, Донъ-Жуаномъ, ловеласомъ... Въ его отношеніяхъ не было и тѣни какой-либо грязи, чего-нибудь низменнаго, недостойнаго... даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба сталкивала его съ женщинами пошлыми и недостойными, онъ самъ оставался нравственно чистъ и свѣтелъ духомъ. Въ свои отношенія къ женщинамъ онъ вносилъ такую массу поэзіи, такую тонкую деликатность чувствъ, такую мягкость, что... походилъ больше на жреца, преклоняющагося передъ своимъ кумиромъ, чѣмъ на счастливаго обладателя. Лучшія его стихотворенія посвящены женщинамъ, но ни въ одномъ изъ нихъ вы не отыщете и тѣни чего-либо не только циничнаго, сладострастнаго... но даже игриваго, легкаго, необдуманнаго. Всѣ его стихотворенія, относящіяся къ женщинамъ, одинаково дышатъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ въ высшей мѣрѣ скромнаго, но глубокаго обожателя“. Въ этомъ 1-мъ стихотвореніи (Все, что̀ сберечь мнѣ удалось) поэтъ какъ бы проситъ снисхожденія у жены... 2-е стихотвореніе (Все отнялъ у меня казнящій Богъ) въ изд. 1900 г. имѣетъ дату: февраль 1873 г. и 3-е (Не знаю я, коснется ль благодать) помѣчено тѣмъ же 1873 г. Кромѣ этихъ трехъ, имѣются еще три стихотворенія, писанныя на французскомъ языкѣ. Всѣ эти шесть пьесъ посвящены второй супругѣ поэта Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ, пережившей мужа (ум. 17 апрѣля 1894 г.), урожденной баронессѣ Пфеффель (Pfeffel), по первому браку баронессѣ Дорнгеймъ (Dornheim), одной изъ первыхъ красавицъ того времени, замѣчательно умной женщинѣ. „Бракъ этотъ, — по свидѣтельству сына поэта Ѳедора Ѳедоровича, — не былъ особенно счастливъ, и у молодой жены очень скоро появилась соперница, а черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ свадьбы Ѳ. И. совершенно охладѣлъ къ ней, отдавъ всего себя, всю свою душу и сердце новой привязанности, почти порвавъ съ семьей“.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ (1829—1873).

Олеговъ щитъ. Въ „Галатеѣ“ помѣщено безъ заглавія и безъ словъ: „Молитва магометанъ“ и „Молитва славянъ“ передъ 1-мъ и 5-мъ стихами. То же и въ „Раутѣ“ 1854 г., гдѣ появилось вторично. Въ „Галатеѣ“ были напечатаны сперва вторая и третья строфы, затѣмъ первая, т.-е. „Молитва славянъ“ раньше „Молитвы магометанъ“. Въ „Раутѣ“ 2-й и 3-й стихи читались:

Краса и сила православныхъ,
Богъ истинный, тебѣ нѣтъ равныхъ.

Въ „Галатеѣ“ въ 10-мъ стихѣ — „сверкнула“ вмѣсто „блеснула“; въ 11-мъ — „И надъ вратами Истамбула“ вмѣсто „И надъ воротами Стамбула“; въ 12-мъ — „Зажгла Олеговъ щитъ“ вмѣсто „Олеговъ озарила щитъ“. Кромѣ того 1-й стихъ начинался словомъ („Молитва магометанъ“) „Алла“ вмѣсто „Аллахъ“.

Декабристамъ (Васъ развратило самовластье). Въ „Русскомъ Архивѣ“ дата: Мюнхенъ, 1827 г. Въ изд. 1900 г. и въ предыдущихъ собраніяхъ сочиненій ошибочно поставлено 1826 г. Когда декабристы проѣзжали черезъ Ярославль, народъ почему-то кидалъ въ несчастныхъ мерзлою грязью. Это обстоятельство и внушило Тютчеву мысль стихотворенія, появившагося въ печати лишь въ 1881 г. (См. „Русскій Архивъ“, 1896, VII, стр. 10). („Изъ дневныхъ записокъ“ В. А. Муранова).

На взятіе Варшавы (Какъ дочь родную на закланье). Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. напечатано безъ второй строфы, съ примѣчаніемъ редактора П. И. Бартенева, гдѣ сказано, что стихи эти написаны Тютчевымъ въ Мюнхенѣ, и что въ нихъ высказаны тѣ же чувства, которыя одушевляли и императора Николая Павловича, начертавшаго на рукописи стихотворенія Хомякова на ту же тему: „Прошу васъ поляковъ не ненавидѣть“. Въ изд. стих. 1886 г. дата: 26 августа 1831 г., т.-е. день взятія Варшавы,—повидимому, произвольная. Въ „Русскомъ Архивѣ“ въ 13-мъ стихѣ стояло „къ бою“ вмѣсто „въ боѣ“, какъ въ рукописи и въ изд. 1900 г.

Наполеонъ (Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной). Состоитъ изъ трехъ какъ бы отдѣльныхъ пьесъ: 1) Сынъ революціи, 2) Два демона ему служили и 3) И ты стоялъ, — передъ тобой Россія. У Аксакова („Біогр. Тютчева“. М. 1886 г., стр. 67—68) во второмъ стихотвореніи, въ 14-мъ стихѣ—„Смиритель волнъ“ вмѣсто „Презритель волнъ“, какъ въ рукописи и изд. 1900 г., въ 11-мъ—„Его души“ вмѣсто „Души его“. Въ изд. 1900 г. даты нѣтъ, но, очевидно, стихи написаны ранѣе 1836 г., такъ какъ въ 1836 г. состоялось постановленіе цензурнаго комитета, который „призналъ справедливѣе не допустить сего стихотворенія, за неясностью мысли автора, которая можетъ повести къ толкамъ весьма неопредѣленнымъ“ и проч. Въ біогр. Тютчева Аксаковъ, неправильно относя стихотвореніе это къ 1841 г., замѣчаетъ, что оно написано въ Мюнхенѣ „по случаю перенесенія праха Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ“. Аксаковъ дѣлаетъ очень интересныя сопоставленія стиховъ Тютчева со стихотвореніемъ А. С. Хомякова, у котораго нѣкоторые стихи какъ будто соотвѣтствуютъ стихамъ Тютчева, напр.:

И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,

Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной...

Или далѣе, прочитавъ послѣднія строки стиховъ Тютчева, невольно напрашиваются на сравненіе эти хомяковскіе стихи:

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!..
Скажите, *не утро ль съ Востока встаетъ?*
Не новая ль жатва надъ прахомъ растетъ?

Въ своемъ предположенномъ сочиненіи „Россія и Западъ", въ главѣ „Россія и Наполеонъ" (разумѣется, I-й), Тютчевъ въ концѣ ея говоритъ: „Онъ самъ, наподобіе древнимъ (à la manière antique), пророчествовалъ о ней: „она увлекаема рокомъ; да свершатся же ея судьбы"—вслѣдъ за тѣмъ приводитъ изъ третьей части своего стихотворенія „Наполеонъ" („И ты стоялъ—передъ тобой Россія") восемь строкъ, передѣланныхъ такъ:

Онъ самъ на рубежѣ Россіи,
Проникнутъ весь предчувствіемъ борьбы,
Слова промолвилъ роковыя:
„Да сбудутся ея судьбы!!!"
И не напрасно было заклинанье:
Судьба откликнулась на голосъ твой;
И самъ же ты потомъ, въ твоемъ изгнаньи,
Ты пояснилъ отвѣтъ имъ роковой...

(Аксаковъ. „Біографія Ѳ. И. Тютчева". М. 1886, стр. 222).

Къ Ганкѣ (Вѣковать ли намъ въ разлукѣ). Написано знаменитому чешскому патріоту, ученому и поэту Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ (1791—1861) въ альбомъ съ помѣтою: „Прага, 24 августа, 16 сентября 1841 г.", во время пребыванія Тютчева въ этомъ городѣ. Тютчевъ при этомъ сдѣлалъ описку: вмѣсто 25, по старому стилю, августа поставилъ—24. Стихотвореніе долго ходило по рукамъ въ рукописи, иногда въ довольно искаженныхъ спискахъ. Александръ Ивановичъ Тургеневъ писалъ 16 января 1843 г. князю П. А. Вяземскому: „Пришли стишки Тютчева въ album прежняго славянофила Ганки", какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ В. Я. Брюсовъ въ „Русскомъ Архивѣ" (1903 г., кн. III). Впервые въ печати стихи появились въ „Русской Бесѣдѣ" 1858 г. подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ В. В. Ганки". Здѣсь пятой строфы нѣтъ совсѣмъ. Во 2-мъ стихѣ восьмой строфы стояло „облисталъ" вмѣсто „осіялъ". Въ 4-мъ стихѣ—„по Уралъ" вмѣсто „за Уралъ". 1-й стихъ десятой строфы читался: „И родного слова звуки" вмѣсто „И нарѣчій братскихъ звуки". Въ альбомѣ Ганки въ 3-мъ стихѣ „И простертъ другъ къ другу" вмѣсто „И подать другъ другу". Въ 4-мъ—„Къ нашимъ" вмѣсто „Нашимъ", у „Аксакова (въ „Біогр. Тютчева") въ томъ же стихѣ—„Нашимъ братьямъ" вмѣсто „Нашимъ кровнымъ"; третья строфа отсутствуетъ; во 2-мъ стихѣ седьмой строфы—„освѣтились" вмѣсто „озарились"; восьмая строфа опущена. Во время перваго славянскаго съѣзда въ Россіи, въ 1867 г., Тютчевъ сдѣлалъ приписку изъ трехъ строфъ, начинающуюся стихомъ: „Такъ взывалъ я, такъ гласилъ я". У Аксакова („Біогр. Тютчева", М. 1886, стр. 219—220) есть варіанты: 3-й и 4-й стихъ читались такъ:

Все упорнѣе насилье,
Все назойливѣе зло.

Этой редакціи держимся и мы въ настоящемъ изданіи.

Море и утесъ 1848 года (И бунтуетъ, и клокочетъ). Написано послѣ дней 1848 г. и въ „Современникѣ“ имѣетъ заглавіе „Море и утесъ 1848 г.“ (стр. 42). Въ „Біографіи Тютчева“ Аксаковъ по поводу этого стихотворенія говоритъ: „Пьеса написана въ 1848 г., послѣ февральской революціи, и, очевидно, изображаетъ Россію, ея твердыню, среди разъяренныхъ волнъ западно-европейскихъ народовъ, которые, вмѣстѣ съ всеобщимъ мятежомъ, были внезапно объяты и неистовою злобой на Россію. Ничто такъ не раздражало Тютчева, какъ угрозы на Русь со стороны иностранцевъ. Не знаю, обратили ли эти слухи вниманіе на себя въ свое время и были ли поняты въ смыслѣ нами объясненномъ, но трудно сомнѣваться въ ихъ настоящемъ значеніи, особенно въ виду статьи „Россія и революція“ (см. эту статью Тютчева). Приведя цѣликомъ всю названную пьесу, Аксаковъ прибавляетъ: „Относительно стремительности, силы, *красивости* стиха и богатства созвучій, у Тютчева нѣтъ другого подобнаго стихотворенія. Оно превосходно, но не въ тютчевскомъ родѣ“. Въ изд. 1900 г. во 2-мъ стихѣ стоитъ: „хлещетъ“ вмѣсто „плещетъ“, какъ у Аксакова и въ „Современникѣ“ 1854 г., а въ 7-мъ очевидная опечатка — „гіенскій“ вмѣсто „геенскій“; въ стихѣ 26-мъ— „И струится“ вмѣсто „И клубится“, какъ у Аксакова и въ „Современникѣ“ 1854. Въ „Русск. Инвалидѣ“ (1848) напечатано въ качествѣ „экспромта“ и заключаетъ въ себѣ лишь конецъ стихотворенія, начинающагося стихомъ „Стой же ты, утесъ могучій!“ Здѣсь есть незначительные варіанты: во 2-й строкѣ „потерпи“ вмѣсто „обожди“; въ 3-й— „не всегда жъ“ вмѣсто „надоѣстъ“; въ 6-й — „волна“ вмѣсто „она“. 7-я строка читается: „И безъ пѣны и безъ вою“; въ 9-й строкѣ— „она“ вмѣсто „волна“.

Русская географія (Москва и градъ Петровъ и Константиновъ градъ). Въ первомъ изданіи сочиненій значится дата: 1848 г. Послѣдній стихъ: „Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ“, очевидно, относится къ слѣдующимъ словамъ въ книгѣ пророка Даніила: „Царство же и власть и величество царей, иже подъ всѣмъ небесемъ“ дастся святымъ Вышняго: и Царство его—Царство вѣчное“.

Разсвѣтъ (Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ). Приводя въ біографіи Тютчева это стихотвореніе (М. 1886, стр. 235—236), Аксаковъ пишетъ: „Восторженныя надежды Тютчева на скорое исполненіе его завѣтныхъ мечтаній смѣнились, какъ и слѣдовало ожидать, съ теченіемъ войны (севастопольской), горькимъ чувствомъ скорби, негодованія, даже унынія. Онъ многое понялъ и увидѣлъ яснѣе и прежде другихъ, но не переставалъ однакоже вѣрить въ окончательное торжество Россіи. Такъ какъ вся эта война тѣсно связана съ существеннѣйшими задачами, занимавшими его въ теченіе всей жизни, то мы считаемъ необходимымъ, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, раскрыть ближе его отношеніе къ этой исторической эпохѣ. Еще въ самомъ началѣ, какъ только-что стала заниматься заря грядущихъ событій и государь Николай Павловичъ обратился мыслью къ положенію дѣлъ на Востокѣ, Тютчевъ уже писалъ свой „Разсвѣтъ“. По отзыву гр. Петра Ивановича Капниста, „основной смыслъ этой пьесы не утратилъ своего значенія, и она совершенно свѣжа теперь, спустя 15 лѣтъ“ (писано въ 1865 г.). (См. „Сочиненія графа П. И. Капниста“. М. 1901, томъ II, стр. 348). Въ первомъ собраніи сочиненій Тютчева помѣчено 1849 г., а въ изд. стихотвореній 1868 г.—1850 г.

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ. Въ изд. 1900 г. озаглавлено, очевидно, по рукописи, „Пророчество". Въ „Современникѣ" 1854 г. безъ заглавія, съ датой 1 марта 1850 г. Въ первомъ собраніи сочиненій помѣчено только однимъ годомъ (1850).

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ. До изд. 1868 г. не включалось; въ этомъ изд. помѣчено 1850 годомъ. По мнѣнію Аксакова („Біогр. Тютчева", изд. 1886 г., стр. 281—282), здѣсь ярко выраженъ „съ такою постоянною любовью лелѣянный образъ историческаго будущаго Россіи, или вѣрнѣе всего православно-славянскаго міра. Задѣвается здѣсь и вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ. Это, конечно, не стихи, а риѳмованная политическая замѣтка, какихъ у Тютчева много, не прибавляющая ничего къ славѣ вдохновеннаго пѣвца".

Ужъ третій годъ бѣснуются языки. Въ „Современникѣ" 1854 г. дата: 1850 г. Въ изд. 1868 г. („Русскаго Архива") сдѣлано примѣчаніе, объясняющее въ 13-мъ стихѣ слова: „да не будетъ тако", что это подлинное выраженіе въ манифестѣ императора Николая I.

Два голоса (Мужайтесь, о, други, боритесь прилежно). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 1850 г.

На графа Нессельроде (Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный). Озаглавлено: „На графа Нессельроде" единственно въ изданіи 1868 г. Въ оригиналѣ и въ изд. 1900 г. дата: май (1850). Въ этомъ стихотвореніи Тютчевъ выразилъ тѣ крайнія антипатіи, которыя питало большинство русскаго общества къ министру, столь же бездарному, сколько и самонадѣянному, надѣлавшему немало зла нашей родинѣ, къ которой этотъ чужеземецъ былъ болѣе чѣмъ равнодушенъ.

Проѣзжая черезъ Ковно (1853). (Ты ль это, Нѣманъ величавый?) Въ „Современникѣ" 1854 г. послѣ заглавія стоитъ въ скобкахъ дата—1853. Въ „Раутѣ" (кн. III) озаглавлено „Проѣздъ черезъ Ковно", 1-й стихъ пятой строфы начинается словами „А какъ" вмѣсто „Итакъ", стоящаго въ „Современникѣ". Въ изд. 1900 г. помѣчено сентябремъ 1853.

Теперь тебѣ не до стиховъ. Написано по поводу событій, предшествовавшихъ осадѣ Севастополя. Впервые помѣщено въ изд. 1868 г. и имѣетъ дату: декабрь 1854.

На новый 1855 годъ (Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою). Помѣщенная въ „Русскомъ Архивѣ" (1867) впервые, пьеса эта снабжена примѣчаніемъ издателя, Петра Ивановича Бартенева, который сообщаетъ, что записалъ ее съ дозволенія самого поэта, послѣ того, когда слышалъ въ одномъ обществѣ въ началѣ 1855 г. Кромѣ незначительныхъ варіантовъ въ первой и третьей строфахъ, есть разночтенія: въ „Русскомъ Архивѣ", противъ дальнѣйшихъ изданій, въ 4-мъ стихѣ третьей строфы стояло „міру" вмѣсто „людямъ", а во 2-й и 3-й строкахъ четвертой строфы стояло: „тяжкихъ" вмѣсто „Божьихъ" и „обдуманный" вмѣсто „задуманный", наконецъ въ 4-й строкѣ послѣдней строфы стояло „стонъ" вмѣсто „сонъ", какъ въ изд. 1900 г. Въ 1-мъ собр. соч. было сказано, что эта пьеса написана въ альбомъ Григорія Петровича Данилевскаго.

По случаю пріѣзда австрійскаго эрцгерцога на похороны императора Николая Павловича (Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью). Такъ озаглавлено въ изд. 1868 г.; въ изд. 1900 г. имѣло заглавіе: „На пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога на похороны императора Николая Павловича". Во 2-мъ стихѣ первой строфы стояло вмѣсто „безстыдству"—„безумству". Въ изд. 1900 г. дата: 1855.

Императору Александру II (Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка). Въ изд. 1868 г. дата: 19 февраля 1861 г., въ изд. 1900 г. — мартъ 1861 г.

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами. Въ газетѣ „День" (1863) дата: Москва, августъ 1863 г. Въ изд. 1886 г. озаглавлено: „Польскій мятежъ". Аксаковъ („Біогр. Тютчева". М. 1886, стр. 281—282) предпосылаетъ этому стихотворенію слѣдующія строки: „Зная Тютчева, можно себѣ представить, что̀ перечувствовалъ, что̀ испыталъ Тютчевъ въ виду того остервенѣнія, съ какимъ оспаривалось Западомъ и шляхтою историческое призваніе Россіи". Этими стихами Тютчевъ характеризуетъ польское возстаніе и всю эту тревожную эпоху.

Князю А. А. Суворову (Гуманный внукъ воинственнаго дѣда). Въ изд. 1900 г. помѣта: 12 ноября 1863 г. Написано князю Александру Аркадьевичу Суворову, бывшему генералъ-губернатору Прибалтійскаго края, котораго консервативная русская партія обвиняла въ излишнемъ сочувствіи нѣмцамъ. Упоминаемый въ 3-мъ стихѣ „людоѣдъ" (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ) есть не кто иной, какъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, слишкомъ извѣстный своими *мѣрами* въ прискорбную эпоху 1863 г.

Князю Горчакову (Вамъ выпало призванье роковое). Въ изд. 1868 г., гдѣ стихи появились впервые, дата: 1864 г. Аксаковъ („Біогр. Тютчева". М. 1886, стр. 281) дѣлаетъ догадку, что это восьмистишіе, посвященное князю Александру Михайловичу Горчакову, написано „по поводу грозившихъ русской печати новыхъ стѣсненій". Ср. стихотворенія тому же лицу: „Когда свершится искушенье" и „Да, вы сдержали ваше слово".

Encyclica (Былъ день, когда Господней правды молотъ). Какъ извѣстно, Тютчевъ чрезвычайно чутко отзывался на современныя ему явленія жизни, а потому и знаменитая папская энциклика 1864 года внушила ему названные здѣсь стихи. Аксаковъ („Біогр. Тютчева", изд, 1886 г., стр. 184) считаетъ умѣстнымъ указать на это и другія стихотворенія политическаго характера, „чтобъ читатель иногда могъ видѣть весь кругъ, пройденный его (Тютчева) мыслью, и обнять его церковно-историческое, христіанское міросозерцаніе во всей полнотѣ". Въ изд. 1868 г. и въ дальнѣйшихъ дата: Ницца, 21 декабря 1864 г. Пресловутая энциклика издана 8 декабря (26 ноября) 1864 г. съ приложеніемъ нелѣпаго списка грѣховъ современности всякаго рода.

Издателю газеты „Вѣсть" (Вы не родились полякомъ). Появившееся впервые въ „Русскомъ Архивѣ" (1884) стихотвореніе вызвано статьей Николая Николаевича Юматова „Нація-плебей въ польскомъ вопросѣ", посвященной князю Петру Никитичу Трубецкому и помѣщенной въ крѣпостнической газетѣ Владим. Дмитріев. Скарятина „Вѣсть", а затѣмъ изданной отдѣльно (Спб. 1864). Крѣпостническія тенденціи, ляганье славянофиловъ Юматовъ проявляетъ въ этой статьѣ очень ярко, но въ подслуживаніи польской шляхтѣ обвинять его было бы несправедливо, какъ сдѣлалъ это поэтъ.

Москвичамъ (Куда себя морочите вы грубо). Въ „Русскомъ Архивѣ" дата: 1865 г.; тѣмъ же годомъ помѣчено и въ изд. 1886 г., гдѣ озаглавлено: „На затѣи москвичей". Объ этомъ четверостишіи у А. В. Никитенко въ его „Запискахъ и Дневникѣ" говорится: „Апрѣля 18. Воскресенье. Ѳ. И. Тютчевъ послѣ извѣстнаго адреса московскаго дворянства о созваніи земской думы написалъ подъ заглавіемъ „Москви-

чамъ“ слѣдующее четверостишіе и послалъ въ Москву“. Послѣ четверостишія приводится и отвѣтъ москвичей. Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1885 г.) четверостишію предшествуетъ слѣдующая замѣтка издателя: „Адресъ московскаго дворянства, представленный правительству 11 января 1865 года, былъ послѣднимъ по времени ходатайствомъ *дворянства* о созывѣ народныхъ представителей; адресъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ—270 противъ 36. Придворный остроумецъ и поэтъ Тютчевъ привѣтствовалъ дворянъ, подписавшихъ адресъ, слѣдующимъ четверостишіемъ“. Затѣмъ приведенъ отвѣтъ москвичей:

Вы ошибаетеся грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили, вѣрно, вмѣстѣ съ шубой,
И память о странѣ родной.
Въ раю терпѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ,
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчный свѣтъ...
Но какъ же быть въ странѣ унылой,
Гдѣ произволъ царитъ одинъ,
И гдѣ слились въ одно свѣтило
Валуевъ, Рейтернъ, Головнинъ.
Нѣтъ, намъ парламента не нужно,
Но почему жъ насъ проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко «караулъ» кричать!

Въ приведенномъ стихотвореніи Тютчева въ „Русск. Архивѣ“ въ 3-й строкѣ поставлено вмѣсто „Куда вамъ“—„И гдѣ вамъ“, а въ 4-й строкѣ опущено слово „просто“.

Восходъ солнца (Молчитъ сомнительно Востокъ). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1865 г. дата: Москва. 25 іюля 1865 г. Въ рукописи (въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ) предпослѣдній и послѣдній стихи поправлены карандашомъ на—„Раздастся радостно всемірный Воскресный благовѣстъ лучей“. Аллегорическій характеръ этого стихотворенія Аксаковъ („Біогр. Тютчева“, изд. 1886 г., стр. 118—119) разъясняетъ такъ: „Здѣсь,—говоритъ онъ:—подъ образомъ восходящаго солнца подразумѣвается пробужденіе Востока, — чего Тютчевъ именно чаялъ въ 1866 г., по случаю возстанія кандіотовъ“.

Императору Александру II (Такъ! Онъ спасенъ! Иначе быть не можетъ). Стихотвореніе, внушенное прискорбнымъ событіемъ 4 апрѣля 1866 года, съ этой датой, впервые помѣщено въ изд. 1900 г.

На смерть графа М. Н. Муравьева (На гробовой его покровъ). Въ изд. 1868 г. помѣчено: 2 сентября 1866 г. Написано долго спустя послѣ смерти этого дѣятеля, идеализированнаго поэтомъ не по заслугамъ.

Умомъ Россію не понять. Въ изд. 1900 г. дата: 28 ноября 1866 г. 1-й стихъ читается: „Умомъ Россіи не понять“ вмѣсто „Россію“, какъ въ изд. 1868 г.

На юбилей Н. М. Карамзина (Великій день Карамзина). Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 г. строфы четвертая и пятая выпущены; послѣдній стихъ читался: „И до конца служить Россіи“ вмѣсто „И вѣрноподдан-

нымъ Россіи", какъ въ изд. 1900. По замѣчанію Аксакова, „въ извращенномъ сознаніи нашихъ высшихъ общественныхъ круговъ, интересы власти, какимъ-то особеннымъ процессомъ мышленія, отдѣлялись отъ интересовъ русской земли, и не только отдѣлялись, но даже перевѣшивали ихъ въ случаѣ ихъ взаимнаго противорѣчія. На эти странныя понятія нашихъ высокопоставленныхъ европеистовъ, переходящія даже и въ область практики, напримѣръ, по польскому и балтійскому вопросамъ, и намекаетъ Тютчевъ въ своихъ стихахъ „На юбилей Карамзина". „Эти стихи, — говоритъ ранѣе Аксаковъ: — достойны примѣчанія по той мысли, которая слышится и чувствуется въ самой похвалѣ Карамзину, и которую выразить, по мнѣнію Тютчева, особенно было полезно въ тѣ годы въ отпоръ разнымъ страннымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ нѣкоторыхъ высшихъ сферахъ петербургскаго общества". Въ 1873 г. въ „Вѣстникѣ Европы" (августъ) стихи напечатаны съ добавленіемъ. Въ изд. 1900 г. дата: 1866; въ изд. 1868 г. добавлено: 1 декабря.

Два единства (Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши). Впервые появилось въ „Зарѣ" Кашпирева (1870 г., октябрь) безъ даты и тогда же перепечатано въ „Православномъ Обозрѣніи". Стихи были прочитаны поэтомъ на празднествѣ, устроенномъ членами Славянскаго Благотворительнаго Общества послѣ присоединенія тринадцати молодыхъ чеховъ къ православію 1 октября 1870 г. въ Александро-Невской лаврѣ самимъ митрополитомъ Исидоромъ. Въ изд. 1900 г. фантастическая дата: 1866 г., такъ какъ стихи относятся ко днямъ франко-прусской войны и написаны по поводу объединенія Германіи. „Тютчевъ,— говоритъ въ его біографіи Аксаковъ (М. 1886, стр. 142):—видѣлъ въ современномъ единствѣ Германіи только гегемонію Пруссіи, а потому и не отказывался отъ общихъ основаній своего взгляда на Германію". Въ изд. 1900 г. два варіанта: 3-й стихъ читался:

Кровь хлынетъ и на васъ, друзья и братья наши!

Въ послѣднемъ стихѣ стояло вмѣсто „посмотримъ"—„увидимъ".

Ты долго ль будешь за туманомъ. Написано по поводу критскаго возстанія 1867 г. Въ изд. 1868 г. дата 20 декабря, въ изд. 1900 г.—та же.

Хотя бъ она сошла съ лица земного. См. примѣчаніе къ предыдущему стихотворенію. Относится также къ возстанію кандіотовъ. „Состраданіе бѣдствующимъ на Критѣ православнымъ грекамъ, открыто и прямо высказанное съ высоты русскаго престола, заступничество Россіи за христіанскія племена, подвластныя исламу, однимъ словомъ, весь образъ дѣйствій русскаго кабинета преисполнилъ Тютчева самою искреннею, радостною благодарностью, вылившеюся въ стихахъ" („Біографія Ѳ. И. Тютчева", соч. И. С. Аксакова. М. 1886 г., стр. 282—283). Въ изд. 1900 г. во 2-мъ стихѣ второй строфы — вмѣсто „призритъ"—„приметъ"; въ изд. 1900 г. помѣчено 31 декабря 1866 г.

Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь. Впервые въ изд, 1868 г. съ датой: С.-Петербургъ. Май 1867 г.

Славянамъ (Привѣтъ вамъ задушевный, братья). Помѣщено впервые въ сборникѣ „Братьямъ Славянамъ" (М. 1867), въ числѣ стихотвореній К. С. Аксакова, Н. В. Берга, князя П. А. Вяземскаго, В. Ѳ. Одоевскаго, гр. А. К. Толстого, кн. Н. А. Цертелева и С. П. Шевырева. Имѣются варіанты. Во 2-мъ стихѣ шестой строфы—вмѣсто „Не оскудѣло"—„Не истощилось", въ 1-мъ стихѣ слѣдующей строфы—„А между насъ" вмѣсто „А между тѣмъ"; въ 5-мъ стихѣ восьмой строфы—„кличъ" вмѣсто „крикъ",

какъ въ изд. 1900 г. Въ изд. 1868 г.—„кликъ“, такъ же и у Аксакова, („Біогр. Тютчева“. М. 1886, стр. 218—219), гдѣ стих. помѣщено лишь въ выдержкахъ: безъ первыхъ 4-хъ строкъ, безъ четвертой, шестой и седьмой строфъ. Приведя это стихотвореніе, Аксаковъ говоритъ: „Въ этихъ строфахъ выражена задушевная дума всей жизни Тютчева...“ Пьеса написана по случаю славянскаго съѣзда въ Россіи въ 1867 году. Седьмая строфа намекаетъ на измѣнниковъ славянства, поляковъ, о чемъ говоритъ и г. Ив. (Германъ) Ѳедоровичъ Аммонъ (род. 1822, ум. 1874) въ своей статьѣ „Нѣсколько мыслей о поэзіи Тютчева“ („Журн. Министерства Народн. Просвѣщ.“ 1899 г., іюнь). Нѣкоторые критики, по поводу этого и прочихъ политическихъ стихотвореній Тютчева, упрекали его въ крайностяхъ славянофильства. Здѣсь кстати будетъ привести мнѣніе В. Г. Авсѣенко. Онъ говоритъ: „Политическое міросозерцаніе Тютчева во многомъ существенномъ совпадало съ идеями славянофильства, но были и не менѣе важные пункты полнаго разногласія. Тютчевъ, напримѣръ, нисколько не идеализировалъ до-петровской Руси, не считалъ тогдашнія государственныя и бытовыя формы совершенными даже для своего времени и нигдѣ не выражалъ того отрицательнаго взгляда на великаго преобразователя, какой высказывали славянофилы. Европу признавалъ онъ въ состояніи разлада, тѣмъ не менѣе былъ преисполненъ величайшаго уваженія и даже поклоненія европейской культурѣ, имъ самимъ вполнѣ воспринятой“.

Славянамъ (Они кричатъ, они грозятся). Въ сборникѣ „Братьямъ Славянамъ“, гдѣ напечатано впервые, помѣчено 6-мъ мая 1867 г. Имѣются варіанты въ послѣднемъ стихѣ первой строфы—„въ задорномъ“ вмѣсто „отважномъ“; въ 4-мъ стихѣ второй строфы — „угадать“ вмѣсто „разгадать“; 1-я строка шестой строфы читалась: „Такъ пусть же бѣшенымъ напоромъ“ вмѣсто „Пускай же съ бѣшенымъ задоромъ“. Въ первомъ собраніи сочиненій и въ изд. 1868 г. и послѣдующихъ во 2-мъ стихѣ четвертой строфы стояло „срывали“ вмѣсто „сорвали“, какъ въ изд. 1900 г. Поставленное въ видѣ эпиграфа задорно-хвастливое изреченіе австрійскаго министра (саксонца родомъ), приснопамятнаго фонъ-Бейста „Man muss die Slaven an die Wand drücken“ („Славянъ должно прижать къ стѣнѣ“) — поставлено, какъ заглавіе, въ первомъ собраніи сочиненій, въ изд. 1868 г. и дальнѣйшихъ.

На юбилей князя А. М. Горчакова (Въ тѣ дни кроваво-роковые). Въ изд. 1868 г. дата: іюнь 1867 г. Аксаковъ („Біогр. Тютчева“. 1886, стр. 284) признаётъ въ этомъ стихотвореніи особенно важной послѣднюю строфу, „которая выражаетъ и самого Тютчева, т.-е. обычное направленіе его мысли, и показываетъ намъ, чѣмъ онъ особенно дорожилъ въ дѣятельности русскаго канцлера“. „Въ этихъ стихахъ,—говоритъ въ заключеніе біографъ поэта:—подразумѣваются, между прочимъ, дипломатическія побѣды нашего кабинета, которыя были одержаны именно потому, что русская политика рѣшилась открыто и смѣло опереться на общественное мнѣніе Россіи, что̀ было въ то время новостью или забытою бывальщиною, и чѣмъ по преимуществу было ознаменовано уже минувшее двадцатилѣтіе, воспѣтое Тютчевымъ“. Ср. стихи къ тому же лицу: „Вамъ выпало призванье роковое“, „Когда свершится искупленье“, „Да, вы сдержали ваше слово“.

Свершается заслуженная кара. Въ газетѣ Аксакова „Москва“ (1867, отъ 29 октября), гдѣ стихи появились впервые, дата: 26 октября 1867 г.

Написано, по словамъ Аксакова, „едва ли не по поводу кровавой схватки французскихъ и папскихъ солдатъ съ гарибальдійцами“.

Князю А. М. Горчакову. По прочтеніи депешъ Императорскаго Кабинета, напечатанныхъ въ „Journal de St.-Pétersbourg“ (Когда свершится искупленье). Впервые въ газетѣ Погодина — „Русскій“ (1868, листы 1 и 2; 1 января). Въ изд. 1868 г. подзаглавіе сдѣлано заглавіемъ. Во 2-мъ собраніи сочиненій дата: декабрь 1867 г.; въ изд. 1900 г. — 5 декабря 1867.

Памяти Егора Петровича Ковалевскаго (И вотъ въ рядахъ отечественной рати). Въ газетѣ Аксакова „Москва“ (1868, отъ 23 сентября) имя и отчество обозначены полностью. Перепечатано въ „Русскомъ“ Погодина (№ 67, 30 сентября) въ некрологической замѣткѣ. Егоръ Петровичъ Ковалевскій (1811—1868) — личность замѣчательная. Студентъ-словесникъ въ Харьковѣ, горный инженеръ на золотыхъ пріискахъ и заводахъ Сибири, дипломатическій агентъ въ Китаѣ, Черногоріи, Нубіи и Египтѣ; директоръ азіатскаго департамента, даровитый литераторъ-путешественникъ, историческій писатель, наконецъ главный дѣятель въ Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Беллетристическія произведенія печаталъ подъ псевдонимами *„Егоревъ, Нилъ Безымянный“* и друг. Отдѣльно издалъ: „Марѳа, посадница новгородская“, трагедія въ стихахъ (1832), „Думы о Сибири“ (1832), „Четыре мѣсяца въ Черногоріи“, „Странствователь по сушѣ и морямъ“, „Графъ Блудовъ и его время“, „Бомбардированіе Севастополя“, „Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами“. Собраніе сочиненій Е. П. Ковалевскаго, далеко не полное, вышло въ 1871 году въ 2-хъ томахъ.

Насъ всѣхъ, собравшихся на общій праздникъ снова. Написано по поводу празднованія дня свв. Кирилла и Меѳодія въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ. Въ изд. 1900 г. дата: 11 мая 1868 г., 4-й и 5-й стихи въ кавычкахъ.

Не утаится градъ отъ зрѣнія людского,
Стоя на горной высотѣ,—

есть переложеніе словъ изъ св. Евангелія отъ Матѳея: „Не можетъ градъ укрыться верху горы стоя“.

Какъ насажденія Петрова. Впервые въ неофиціальной части „Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ (1869, № 51, отъ 25 іюня) со слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора Павла Никитича Тиханова: „Преобразованіе „Эстляндскихъ Вѣдомостей“ вызвало сочувствіе въ одномъ изъ даровитѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей русской литературы. Съ особеннымъ поэтому удовольствіемъ редакція помѣщаетъ у себя доставленное ей Ѳедоромъ Ивановичемъ Тютчевымъ стихотвореніе его, за которое и приноситъ здѣсь свою искреннюю и живѣйшую признательность“. Во 2-мъ собраніи сочиненій дата: „Май 1869 г., Ревель“, въ изд. 1883 г. и слѣдующихъ значится—іюнь, и озаглавлено: „Михаилу Николаевичу Галкину-Врасскому“ (въ то время эстляндскому губернатору); въ изд. 1899 г. поставлено нелѣпое заглавіе: „На основаніе первой русской газеты въ Ревелѣ“. Спустя четыре года перепечатано въ „Русской Старинѣ“ (1873 г., декабрь) съ заглавіемъ: „Русское слово въ Прибалтійской окраинѣ“.

Чехамъ, въ годовщину Гуса (На ваши, братья, празднества). Въ „Православномъ Обозрѣніи“ (1869 г., № 9. Извѣстія и замѣтки) озагла-

влено: „Чехамъ отъ московскихъ славянъ“ и сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Читано Тютчевымъ въ чрезвычайномъ публичномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго Комитета по поводу юбилея Гуса 24 августа 1869 г. въ Москвѣ, при чемъ Комитетъ послалъ въ Прагу золотую чашу работы Сазикова на деньги (1.000 руб.), пожертвованныя друзьями славянства въ Москвѣ, сдѣланную по образцу чашъ, употребляемыхъ въ православныхъ церквахъ“. Въ первомъ собраніи сочиненій дата: Москва, 1869; есть варіантъ: во 2-мъ стихѣ девятой строфы стоитъ вмѣсто „тончайшій“—„тягчайшій“, какъ въ изд. 1900 г.

Современное (Флаги вѣютъ на Босфорѣ). Въ „Голосѣ“ (1869, отъ 15 октября), гдѣ стихотвореніе помѣщено впервые, сдѣлано слѣдующее предисловіе: „Готовящееся торжество открытія Суэцкаго канала (помимо важности самого предпріятія) начинаетъ понемногу открывать свою комическую сторону, о которой говорятъ и наши корреспонденты и извѣстія иностранныхъ газетъ. Но въ обстоятельствахъ, сопровождающихъ это событіе, есть и другая сторона, такъ сказать, трагическая, о которой мы будемъ еще говорить въ свое время, и которая внушила одному изъ наиболѣе симпатичныхъ нашихъ поэтовъ стихотвореніе подъ заглавіемъ—„Современное“. Въ изд. 1886, 1899 гг. и въ первомъ собраніи сочиненій подзаголовокъ: „Императрица Евгенія на торжествѣ открытія Суэцкаго канала“ является заглавіемъ. Въ изд. 1900 г. дата: Октябрь 1869 г. Послѣдняя строфа стихотворенія краснорѣчиво говоритъ о сострадательности Тютчева, его тонкомъ чувствѣ, о великой душѣ поэта.

А. Ѳ. Гильфердингу (Спѣшу поздравить съ неудачей). Стихотвореніе внушено Тютчеву тенденціознымъ поступкомъ нашей Академіи Наукъ, забаллотировавшей знаменитаго русскаго ученаго Александра Ѳедоровича Гильфердинга за его беззавѣтную преданность славянству. „Нѣмецкая“ партія, въ то время еще главенствовавшая въ Академіи и „браковавшая“ и не такихъ еще ученыхъ, иначе и не могла поступить... Впервые помѣщено въ „Голосѣ“ (1869 г. отъ 28 декабря), въ „Листкѣ“ (фельетонѣ) Нила Адмирари (Льва Константиновича Панютина). Статейка, посвященная прискорбному событію, называлась „Транснаровская Германія“, въ которой сказано слѣдующее: „Говорятъ, одинъ изъ нѣмецкихъ академиковъ сочинилъ по случаю этой побѣды даже побѣдный гимнъ на голосъ: „Heil dir im Sieges-Kranz“ (первый стихъ прусскаго гимна), приводящій въ восторгъ всю транснаровскую Германію. Вѣроятно, въ отвѣтъ на это одинъ изъ нашихъ ветерановъ-поэтовъ написалъ... поздравленіе“. Въ изд. 1900 г. имѣются варіанты: первая строфа напечатана въ такой редакціи:

Спѣшимъ поздравить съ неудачей:
Она—блистательный успѣхъ,
Для васъ почетна наипаче
И назидательна для всѣхъ.

Въ 1-мъ стихѣ третьей строфы—вмѣсто „Ахъ, нѣтъ“—„Охъ, нѣтъ!“ Въ 4-мъ стихѣ той же строфы:—„Все имъ извѣстно, inde irae“ вмѣсто „Все вѣдаютъ, et inde irae“. Аксаковъ („Біогр. Тютчева“, 1886, стр. 289) помѣчаетъ стихи эти 17 дек. 1869 г. Въ изд. 1900 г. въ примѣчаніяхъ къ этой пьесѣ сказано: „Никитенко по поводу забаллотированія Гильфердинга пишетъ въ своемъ дневникѣ подъ 28 дек. 1869 г., между про-

чимъ: „Старикъ Тютчевъ разразился стихами, которые напечатаны въ „Голосѣ“ (А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1893 г., т. III, стр. 226). Но въ „Голосѣ“ стиховъ этихъ нѣтъ“. Однако стихи оказались.

Гусъ на кострѣ (По поводу живой картины). (Костеръ сооруженъ, и роковое). Первоначально въ журналѣ „Заря“ (1870 г., май). Затѣмъ вошло въ брошюру: „Стихотворенія, какъ текстъ къ живымъ картинамъ“ (Спб. 1870 г., стр. 19—21). Въ „Зарѣ“, въ выноскѣ сказано: „Эти три стихотворенія“ („Гусъ на кострѣ“, „Сонъ королевича Марка“ и „Симеонъ“) были читаны на вечерѣ съ живыми картинами, данномъ въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Комитета 1 апрѣля 1870 года. Ранѣе этого они были читаны у Тютчева“. Въ „Дневникѣ“ А. В. Никитенко отъ 26 апрѣля 1870 г. упоминается о вечерѣ у поэта въ этотъ день и говорится: „На вечерѣ были читаны славянофильскія стихотворенія Тютчева („Гусъ“), Майкова и Полонскаго („Симеонъ Болгарскій“), приготовленныя ими къ живымъ картинамъ на Пасху“ (Записки и дневникъ А. В. Никитенко. Т. III, стр. 234—235). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 17 марта 1870 г. Въ „Зарѣ“ одинъ варіантъ: во 2-мъ стихѣ третьей строфы стояло: вмѣсто „державныхъ“—„духовныхъ“.

Въ альбомъ П. А. Вакара (Велѣнью высшему покорны) написано въ альбомъ Платона Алексѣевича Вакара, члена комитета иностранной цензуры, въ бытность Тютчева предсѣдателемъ этого комитета. Впервые въ газетѣ И. С. Аксакова „Русь“ (1880 г., № 2), гдѣ въ 4-мъ стихѣ стояло: вмѣсто „Хоть и со штуцеромъ“—„Хотя и съ штуцеромъ“. Озаглавлено: „Въ альбомъ П. А. Вакара“. Въ изд. 1899 г. и въ первомъ собраніи сочиненій дата: октябрь 1870 г. Въ изд. 1900 г. озаглавлено „Экспромптъ“.

Черное море (Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло). Впервые въ „Стихотвореніяхъ къ живымъ картинамъ“ (1871 г.). Позднѣе помѣщено, какъ новое, которое „оставалось даже совсѣмъ неизвѣстнымъ до самой кончины Тютчева“, въ біографіи поэта, составл. Аксаковымъ (1886 г., стр. 260—261). „Тютчеву довелось,—говоритъ его біографъ:—дожить до послѣдняго эпилога Восточной войны. Лучъ лелѣяннаго имъ будущаго снова сверкнулъ для него въ настоящемъ. Мы разумѣемъ возвращеніе себѣ Россіею свободы на Черномъ морѣ, т.-е. ту декларацію, которою русскій кабинетъ въ концѣ 1870 г. возвѣстилъ Европѣ, что перестаетъ считать для себя обязательными въ отношеніи къ Черному морю ограниченія въ правахъ, наложенныя на Россію Парижскимъ трактатомъ. Не могъ не встрепенуться душою уже почти 70-лѣтній, „не обманувшійся въ своей вѣрѣ“ поэтъ и отозвался двумя стихотвореніями: „Черное море“ и князю А. М. Горчакову („Да, вы сдержали ваше слово“). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 2 марта 1871 г. и варіантъ: въ 3-мъ стихѣ первой строфы—„Но сердце насъ не обмануло“ вмѣсто „И вѣра насъ не обманула“.

Князю А. М. Горчакову (Да, вы сдержали ваше слово). Это посланіе къ нашему знаменитому дипломату, князю Александру Михайловичу Горчакову, написано по поводу рѣшенія возсоздать нашъ черноморскій флотъ и относится къ 1871 г. У Аксакова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 (стр. 322 — 323 и въ отд. изд. біогр. Тютчева. М. 1886, стр. 261) есть варіанты: въ 3-мъ стихѣ первой строфы—„вступить готова“ вмѣсто „вступаетъ снова“, а четвертой строфы совсѣмъ нѣтъ, въ 4-мъ стихѣ предыдущей (третьей) строфы—„найти“ вмѣсто „сыскать“.

Ватиканская годовщина (Былъ день суда и осужденья). Написано лѣ-

томъ 1871 г., по случаю годовщины провозглашенія папской непогрѣшимости 6 (18) іюля 1870 г.

Наполеонъ III (И ты свершилъ свой подвигъ роковой). Относится къ послѣднимъ числамъ декабря 1872 г. Вотъ что̀ говорится у Аксакова въ его біографіи Тютчева (М. 1886 г., стр. 309) по поводу этой пьесы: „Эти стихи, сколько мы знаемъ, были уже послѣдними стихами Тютчева, — ошибочно замѣчаетъ его біографъ. — Сильнѣе сгустился мракъ около него, тревожнѣе онъ искалъ себѣ просвѣта и разсѣянія... Нервное волненіе возрастало, — доктора, по обычаю, совѣтывали ему тишину, спокойствіе, рекомендовали поменьше читать и думать... Но Тютчевъ раздражался, не уступалъ, упорно пытался жить, какъ жилось ему прежде... Несмотря на нѣсколько случаевъ подозрительной дурноты, испытанной имъ въ гостяхъ у знакомыхъ, несмотря на мучительныя боли въ головѣ, онъ не хотѣлъ признавать власти недуга надъ своимъ умомъ и дарованіями, и наканунѣ новаго 1873 г., получивъ вѣсть о смерти Наполеона III, сталъ-было слагать стихи по поводу этого событія... Но, къ его смущенію и ужасу, стихи не выходили, не повиновались ни звуки, ни риѳмы. Страшно напряглись его силы; онъ одолѣлъ-таки добровольно заданную себѣ работу, но стихотвореніе вышло тяжелое, темное, неправильное... Онъ самъ отнесъ его въ редакцію журнала“. („Гражданинъ“, редакціи Ѳ. М. Достоевскаго).

Британскій леопардъ. Во второмъ собраніи сочиненій дата: мартъ 1873. Акад. Романъ Ѳедоровичъ Брандтъ, авторъ замѣчательной статьи „Матеріалы для изслѣдованія. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ и его поэзія“, справедливо замѣчаетъ по поводу 1-й строки этого стихотворенія слѣдующее: „Такъ какъ въ стихѣ 19-мъ (Вотъ этимъ леопардъ и былъ такъ разсерженъ) стоитъ обыкновенная форма „леопардъ“ и во всемъ стихотвореніи преобладаютъ мужскія окончанія (таковы въ частности стихи 2—6), я былъ бы склоненъ читать вм. „леопардо“ — „леопардъ“. Присоединяясь къ изданію почтеннаго ученаго, мы эту поправку внесли въ настоящее изданіе стихотвореній Тютчева.

Императору Александру II (Царь благодушный, царь съ евангельской душою). Во второмъ собраніи сочиненій дата: мартъ 1873.

Памяти А. Ѳ. Гильфердинга (Онъ родомъ былъ не славянинъ). Въ первомъ собраніи сочиненій дата: 1873 и напечатано въ томъ видѣ, какъ въ нашемъ изданіи. Въ изд. 1900 г. имѣются еще послѣ второго стиха еще три строки:

И честно онъ всю жизнь ему служилъ,
Такъ много дѣйствовалъ, такъ мало жилъ,
И многаго ему принадлежитъ починъ.

Эти строки, довольно натянутыя, совершенно излишни.

ФРАНЦУЗСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э. Ѳ. Тютчевой. 1. Un rêve (Quel don lui faire au déclin de l'année?). Въ изд. 1900 г. дата, вѣроятно, по рукописи: 17 (29) octobre 1847. 2. Promenade avec ma femme (Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées). Въ томъ же изданіи дата: 23 août 1850.

Вотъ переводъ перваго стихотворенія, сдѣланный для настоящаго изданія г-жей Зинаидою Ц., извѣстной поэтессой, переводившей въ стихахъ произведенія Мольера, Мопассана, Мюссе, Верлена, Бодлера, Верхарна, Сюлли-Прюдома, Леконта де-Лиля, Коппе, Эредіа, Теннисона, Шиллера и другихъ:

ГРЕЗА.

На склонѣ дней умчавшагося года
Что̀ въ даръ моей желанной принести?
Поблекнулъ дернъ и замерла природа...
Цвѣты въ поляхъ успѣли отцвѣсти.

Когда, мой другъ, своей рукою милой
Раскрыла ты забытую тетрадь
Сухихъ цвѣтовъ,—съ неодолимой силой
Былые сны нахлынули опять.

Былые сны,—дни юности прекрасной...
Они живутъ и теплятся во мглѣ,
И въ тѣхъ цвѣтахъ таинственно и властно
Горятъ, какъ жаръ, мерцающій въ золѣ.

Сухихъ цвѣтовъ завѣтная тетрадка...
На ней лежитъ печать минувшихъ лѣтъ...
Но къ двумъ цвѣтамъ, волшебною загадкой,
Въ моей рукѣ вернулись блескъ и цвѣтъ.

Ласкаютъ взоръ у розы и гвоздики,
Какъ свѣтъ зари, спокойные тона...
Алѣютъ ихъ пурпуровые блики,
Плыветъ отъ нихъ душистая волна...

А ты глядишь въ глаза мои пытливо,
Дивясь цвѣтовъ таинственной судьбѣ:
Мой ангелъ, смыслъ свершившагося дива
Я бъ не хотѣлъ разгадывать тебѣ.

Когда цвѣтка уже пропали краски
И блескъ потухъ, согрѣй его огнемъ,—
И предъ тобой, какъ чудомъ старой сказки,
Опять краса зажжется ярко въ немъ.

И въ жизни такъ: пройдетъ очарованье,
Потухнетъ блескъ далекихъ, юныхъ сновъ,
Но часъ пробьетъ—и вмигъ воспоминанье
Заблещетъ вновь красой живыхъ цвѣтовъ.

Слѣдующій переводъ второй пьесы, сдѣланный Валеріемъ Яковлевичемъ Брюсовымъ (род. 1875-г.), помѣщенъ въ журналѣ „Новый Путь" (1903):

Огни блестящіе во глуби свѣтло-синей,
О, непорочный блескъ небеснаго вѣнца!
О, звѣзды! Слава вамъ! Божественной святыней
Зажглись вы надъ землей,—и длитесь безъ конца!
А люди, жалкій родъ, несчастный и мгновенный,
Которому дано единый мигъ дышать,
Въ лазурь глаза вперивъ, поетъ вамъ гимнъ священный—
Торжественный привѣтъ идущимъ умирать.

3. (Des premiers ans de votre vie). Въ изд. 1900 г. дата: 12 avril 1851. Переводъ этого стихотворенія сдѣланъ А. А. Фетомъ („Полное собраніе стихотвореній". СПБ. 1901, изд. А. Ф. Маркса, т. II, стр. 551):

О, какъ люблю я возвращаться
Къ истоку первыхъ дней твоихъ
И, внемля сердцемъ, восхищаться
Разсказомъ—тѣмъ же все—о нихъ!
Какъ много свѣжести и тайны
На тѣхъ встрѣчаю берегахъ!
Что̀ за разсвѣтъ необычайный
Сквозилъ въ тѣхъ дымныхъ облакахъ!
Въ какихъ цвѣтахъ былъ лугъ прибрежный,
Ручья какъ чисто было дно,
Какъ много думъ съ улыбкой нѣжной
Лазурью той отражено!
О дѣтствѣ, понятомъ такъ мало,
Чуть упомянешь ты порой,—
И мнилось мнѣ, что овѣвало
Меня незримою весной.

Въ „Русскомъ Архивѣ" 1892 г. (Кн. 1, тетрадь 4, стр. 537) переводъ этотъ имѣетъ нѣкоторые варіанты: 2-я строка читалась: „Къ истоку первыхъ твоихъ дней"; 4-я: „Все той же прелестью рѣчей" и 14—15-я:

Чуть поминала ты, порой,—
Казалось мнѣ, что овѣвало.

Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège. Въ изд. 1900 г. дата: 6 novembre 1848. St.-Pétersbourg. Стихотвореніе переведено В. Я. Брюсовымъ и помѣщено въ журналѣ „Новый Путь" (1903):

Безвременная ночь восходитъ безнадежно
На небо низкое; рѣка, померкнувъ, спитъ,
Какъ груда мертвыхъ льдовъ; и нити пыли снѣжной
Кружатся и звѣздятъ береговой гранитъ.
Нѣтъ выхода! Весь міръ исчезъ въ туманѣ этомъ,
Тотъ міръ, гдѣ мѣсто есть живымъ, грозѣ, борьбѣ!
И, убаюканный тѣмъ смутнымъ полусвѣтомъ,
О, полюсъ!—городъ твой влечется вновь къ тебѣ!

Е. Н. Анненковой (D'une fille du Nord, chétive et languissante). Въ изд. 1900 г., гдѣ появилось впервые, нѣтъ даты. Очевидно, относится ко времени, когда поэтъ написалъ той же особѣ русскіе стихи (И въ нашей жизни повседневной), т.-е. къ 1859 году. Помѣщаемый переводъ сдѣланъ для нашего изданія г-жей Зинаидой Ц.

У дѣвы Сѣвера, задумчивой и хилой,—
Родныхъ лѣсовъ ее укрыла сѣнь,—
Ужели взяли бъ вы черты красы унылой,
Вы, яркая и свѣтлая, какъ день?

Простите мнѣ, но развѣ все едино:
Залитое лучами деревцо
Цвѣтущаго на югѣ апельсина
Или березы томное лицо?

Lorsqu'un noble prince, en ces jours de démence. Ни въ одно изъ прежнихъ изданій не вошло. Въ нашемъ появляется впервые, извлеченное изъ аксаковской біографіи Тютчева (М. 1886, стр. 288). По свидѣтельству Аксакова стихи эти написаны по поводу пожалованія англійской королевой Викторіей ордена Подвязки турецкому султану; четверостишіе это (анонимное) долго ходило по рукамъ въ большомъ свѣтѣ. Вотъ нашъ посильный переводъ этого четверостишія:

Когда, во дни безумствъ, король предъ цѣлымъ свѣтомъ
Самъ орденъ палачу надѣлъ рукой своей,—
Возможно ль повторить слова далекихъ дней:
«Позоръ тому, кто мнитъ дурное видѣть въ этомъ».

Послѣдняя строка („Honny soit qui mal y pense») есть девизъ ордена Подвязки.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ (1819—1869).

Посланіе Горація къ Меценату, въ которомъ приглашаетъ его къ сельскому обѣду (Приди, желанный гость, краса моя и радость). Это первое стихотвореніе Тютчева, появившееся въ печати, при содѣйствіи его воспитателя Семена Егоровича Раича, отличнаго знатока классической древней и иностранной словесности, извѣстнаго своими переводами въ стихахъ Тассова „Освобожденнаго Іерусалима", Аріостовой поэмы „Неистовый Орландъ" и Виргиліевыхъ „Георгикъ". „Раичъ,—говоритъ Аксаковъ („Біогр. Тютчева", 1886, стр. 13):—имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное сложеніе своего питомца и утвердилъ въ немъ литературное направленіе. Подъ его руководствомъ Тютчевъ превосходно овладѣлъ классиками и сохранилъ это знаніе на всю жизнь... Ученикъ скоро сталъ гордостью учителя и уже 14-ти лѣтъ перевелъ очень порядочными стихами посланіе Горація къ Меценату. Раичъ, какъ членъ основаннаго въ 1811 году, въ Москвѣ, Общества Любителей Россійской Словесности, не замедлилъ представить этотъ переводъ Обществу, гдѣ, на одномъ изъ обыкновенныхъ засѣданій, онъ былъ одобренъ и прочтенъ вслухъ славнѣйшимъ въ то время московскимъ критическимъ авторитетомъ—Мерзляковымъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ чрезвычайномъ засѣданіи 30-го марта 1818 года, Общество почтило 14-лѣтняго переводчика званіемъ „сотрудника", самый же переводъ напечатало въ XIV части своихъ „Трудовъ". Это было великимъ торжествомъ для семейства Тютчевыхъ и для самого юнаго поэта". Подлинникъ перевода есть 29-я ода третьей книги „Tyrrhena regum progenies". Въ изданіи 1900 г. имѣются варіанты: въ 13-мъ стихѣ стояло — „столбы" вмѣсто „столпы"—слово, совершенно не риѳмующее со словомъ „толпы" въ 15 строкѣ; въ 69-мъ—„розою" вмѣсто „ризою", какъ въ изд. 1900 г.

Изъ Шекспира. I. Любовники, безумцы и поэты. II. Пѣсня (Заревѣлъ голодный левъ). Оба эти перевода помѣщены впервые въ „Молвѣ" (1833 г.), II-е перепеч. въ „Современникѣ" 1854 г. „Пѣсня" въ „Молвѣ" имѣетъ незначительные варіанты: въ 12-мъ стихѣ—„выпускаютъ" вмѣсто „высылаютъ", какъ въ изд. 1854 и 1900 гг. „Пѣсня" взята изъ комедіи „Сонъ въ лѣтнюю ночь" („Midsummer-Night's Dream"). Ее поетъ въ V актѣ эльфъ Пукъ. Первое стихотвореніе оттуда же; это реплика Тезея.

Изъ Байрона. Въ альбомъ друзьямъ (Какъ медлитъ путника вниманье). Это переводъ извѣстнаго стихотворенія: „Lines written in an Album at Malta“, надъ которымъ трудились многіе русскіе поэты: Ив. Ив. Козловъ (1822), кн. П. А. Вяземскій (1823), М. Ю. Лермонтовъ („Какъ одинокая гробница“) (1836). Переводъ Тютчева, слабѣе другихъ, появился впервые въ московскомъ альманахѣ „Сѣверная Лира“ на 1827 г., изданномъ С. Е. Раичемъ; перепечатанъ въ „Современникѣ“ 1854 г. Въ „Сѣверной Лирѣ“ въ 7-й строкѣ стояло: „Его нѣтъ болѣ“ вмѣсто „Его ужъ нѣту“, какъ въ оригиналѣ, въ „Современникѣ“ 1854 и изд. 1900 г.

Изъ Гете. I. **Саконтала** (Что̀ юный годъ даетъ цвѣтамъ). Впервые также въ „Сѣверной Лирѣ“ на 1827 г. и повторено въ „Современникѣ“ 1854 г. Это не переводъ, а переложеніе четырехстишія „Willst du die Blüthen des frühen“.

II. **Перемѣна** (Лежу я въ потокѣ на камняхъ... Какъ радъ я!). Въ подлинникѣ „Wechsel“. Не включалось ни въ одно изъ изданій и въ нашемъ появляется впервые. Раньше напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1838 г., ч. XVIII, кн. 9) за подписью *Т—ъ*. Перепечатано Н. В. Гербелемъ въ его „Собраніи сочиненій Гёте въ переводахъ русскихъ писателей“, т. I. (1878 г.) и въ другомъ изданіи (подъ ред. П. И. Вейнберга. СПБ. 1892, стр. 59). Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ въ послѣднемъ стихѣ—„грустить“, въ изд. Гербеля—„тужить“; въ 7-мъ стихѣ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ имѣется предлогъ *въ*; въ изд. Гербеля его нѣтъ.

III. **Фаустъ.** (Три отрывка: „Кто звалъ меня?“, „Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ“, и „Былъ царь, какъ мало нынѣ“). Второй отрывокъ помѣщенъ въ „Галатеѣ (1830), гдѣ стихи 18 и 21 кончаются словами „мощь“ и „нощь“ вмѣсто „мочь“ и „ночь“; въ 23-мъ—„прелестный сонъ“ вмѣсто „прекрасный“; въ 26-мъ—старинное (à la Тредьяковскій)—„ввысирь“ вмѣсто „вверхъ“, а въ предпослѣднемъ стихѣ читаемъ: „Иль степи чистой“ вмѣсто „Изъ степи чистой“, какъ въ изд. 1900 г. Въ этомъ изданіи 2-й отрывокъ появился впервые. Оба отрывка взяты: 2-й изъ сцены „Vor dem Thor“ („У воротъ“); это монологъ Фауста во второй сценѣ; 1-й изъ первой картины, въ которой появляется Духъ Земли. Третій—„Завѣтный кубокъ“ (Былъ царь, какъ мало нынѣ), переводъ извѣстнѣйшей пѣсни Маргариты, пѣсни, имѣющей въ отрывкѣ заглавіе „König von Thule“ („Ѳульскій царь“), впервые въ изд. 1886 г. Здѣсь въ 1-мъ стихѣ послѣдней строфы была опечатка, лишающая этотъ стихъ размѣра, которую исправили мы по рукописи, имѣвшейся у Н. В. Гербеля.

IV. **Западъ, Нордъ и Югъ въ крушеньи.** Впервые также въ изд. 1886 г. Взято изъ сочин. „West-östlicher Divan“ („Диванъ Западно-восточный“).

V. **Привѣтствіе духа** (На старой башнѣ у рѣки). Переводъ „Geistesgruss“, замѣчательно передающій духъ и настроеніе подлинника. Впервые въ „Галатеѣ“ (1830); вторично—въ „Современникѣ“ 1854 г. (кн. 5).

VI. **Пѣвецъ** (Что̀ тамъ за звуки предъ крыльцомъ!). Впервые въ „Галатеѣ“ (1830) безъ подписи.

VII. **Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ.** Это—баллада „Миньона“ („Mignon“) или „Пѣсня Миньоны“ изъ соч. „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера“ („Wilhelm Meisters Lehrjahre“, ч. 3-я). Впервые въ сборникѣ „Раутъ“ (1852). Повторено въ „Современникѣ“ 1854 г., гдѣ есть варіанты (также и въ „Раутѣ“). Въ изд. 1900 г. въ 5-мъ стихѣ (въ припѣвѣ),—„Ты былъ ли тамъ?“ вмѣсто „Ты знаешь край“, какъ

въ „Современникѣ“; въ 8-мъ стихѣ—„по снѣгамъ“ вмѣсто „по скалàмъ“; 11-й и 12-й стихи читаются:

Ты былъ ли тамъ?.. Туда, туда съ тобой
Лежитъ нашъ путь: уйдемъ, властитель мой!

вмѣсто:

Ты знаешь путь?.. Туда и намъ съ тобой
Слѣдъ проложёнъ: уйдемъ, властитель мой!

Въ предпослѣднемъ стихѣ — „Ты былъ ли тамъ“ вмѣсто „Ты знаешь домъ“, какъ въ „Современникѣ“. Въ „Раутѣ“ второй и третій стихи читаются:

И цѣлый годъ, въ зеленыхъ листьяхъ скрытъ,
Цвѣтетъ лимонъ и апельсинъ горитъ!

Въ 12-мъ стихѣ — „Намъ путь лежитъ“; въ 13-мъ — „на мраморныхъ столпахъ“ вмѣсто „столбахъ“; въ 14-мъ—„Сіяетъ даль“ вмѣсто „Сіяетъ залъ“; 17-й—какъ въ „Современникѣ“.

VIII. **Изъ „Вильгельма Мейстера“.** 1. Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ. 2. Кто хочетъ міру чуждымъ быть. 3. Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ. Это третья и первая пѣсни арфиста („Harfenspieler“) изъ „Ученическихъ годовъ Вильгельма Мейстера“. Впервые въ альманахѣ „Сиротка“ (1831), позднѣе въ „Современникѣ“ 1854 г. Въ изд. 1900 г. заглавіе стоитъ по-нѣмецки: „Wilhelm Meister“ и въ подзаголовкѣ 1-го и 2-го стих. первыя строки оригинала: „Wer nie sein Brod mit Thränen ass“ и „Wer sich der Einsamkeit ergibt“, а второе стих. „Кто хочетъ міру чуждымъ быть“ напечатано слитно съ стих. „Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ“. Въ изд. 1900 г., въ стих. „Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ“, 3-й стихъ читается: „На ложѣ, плача, не сидѣлъ“ вмѣсто „Стеня, на ложѣ не сидѣлъ“. Въ этомъ стихотвореніи въ „Современникѣ“ 1854 г. (V) и „Сироткѣ“ послѣ 4-го стиха пропущены три строки и поставлены точки; въ изд. 1900 г. строки возстановлены.

IX. **Ночныя мысли** (Вы мнѣ жалки, звѣзды-горемыки). Ни въ одно изъ изданій до 1900 г. не включалось. Впервые въ „Телескопѣ“ (1832).

X. **Egmont** (Радость и горе въ живомъ упоеньи). Впервые въ изд. 1886. Это—„Отрада любви“ („Wonne der Liebe“) или пѣсенка Кларочки во 2-й сценѣ 3-го акта (Klärchens Wohnung). Въ первомъ собр. соч. дата: 1870 г.

Изъ Шиллера. I. **Пѣснь радости** (Радость, первенецъ творенья). Собственно „Къ радости“ („An die Freude“). Въ „Сѣверной Лирѣ“ (1827) дата: Мюнхенъ, 1823. Февраль. Съ той же помѣтой перепечатано въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“. Въ „Сѣверн. Лирѣ“ варіанты: въ 28 стихѣ „влечётъ“ (такъ и у Гербеля въ „Нѣмецкихъ поэтахъ“); въ 53-мъ — „образъ“ (такъ и въ „Нѣмецк. поэтахъ“ Гербеля) и въ 63-мъ „сыщемъ“ (такъ и у Гербеля) вмѣсто „ведетъ“, „облакъ“ и „сыщетъ“, какъ въ изд. 1900 г. Въ нашемъ изданіи текстъ „Сѣверной Лиры“.

II. **Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга.** Въ „Современникѣ“ 1854 г. въ 7-мъ стихѣ стояло—„весь“ вмѣсто „вотъ“, какъ въ изд. 1900 г. Въ настоящемъ изданіи напечатано по тексту „Современника“.

III. **Поминки** (Пала царственная Троя). Это собственно — „Торжество

побѣды", „Торжество побѣдителей" (Жуковскій) — „Das Siegesfest", извѣстная баллада Шиллера. Впервые въ „Раутѣ" (1851), повторено въ „Современникѣ" 1854 г. Въ изд. 1900 г. есть варіанты, согласно оригиналу. Въ 3-мъ стихѣ второй строфы—„дѣти" вмѣсто „дѣвы"; 1-й стихъ третьей строфы читается: „И предсталъ передъ святыней" вмѣсто „И вознесся жертвы ради" („воздвигся" у Гербеля въ его изд. переводовъ Шиллера); въ 3-мъ той же строфы—„Аѳинѣ" вмѣсто „Палладѣ"; 5-й и 6-й стихи четвертой строфы читаются:

И поникъ онъ головою,
Грустной думой одержимъ

вмѣсто:

И внезапною тоскою
Омрачился царскій взглядъ.

8-й стихъ той же строфы читается: „Мало ихъ вернется съ нимъ" вмѣсто „Мало ихъ пойдетъ назадъ"; во 2-мъ стихѣ пятой строфы — „мирно-радостный" вмѣсто „мирный, радостный", въ 10-мъ стихѣ — „твердъ" вмѣсто „святъ"; 1-й стихъ шестой строфы читается: „И супругой возвращенной" вмѣсто „И супругой, взятой съ бою"; тамъ же 3-й стихъ—„Красотой ея священной" вмѣсто „Пышный станъ обвивъ рукою"; 6-й стихъ—„За нечестьемъ" вмѣсто „За несчастьемъ"; въ 5-мъ стихѣ седьмой строфы—„вышней" вмѣсто „высшей"; въ 9-мъ—„жеребіи" вмѣсто „жеребія"; въ 6-мъ стихѣ десятой строфы—„Тезеевъ" (такъ и въ „Раутѣ") вмѣсто „Тидеевъ"; въ 1-мъ стихѣ одиннадцатой строфы—„днесь" вмѣсто „здѣсь"; тамъ же въ 5-мъ стихѣ—„мать, вкуси" вмѣсто „выпей, мать"; въ 10-мъ стихѣ двѣнадцатой—„всемогучее" вмѣсто „всемогущее"; въ 1-мъ стихѣ послѣдней строфы—„на прощаньѣ" вмѣсто „на прощанье" и въ 3-мъ — „восполнилась" вмѣсто „исполнилась". Въ „Раутѣ" въ четвертой строфѣ 2-й и 3-й стихи читались:

Агамемнонъ, царь царей,
Уцѣлѣвшія отъ прей.

Во 2-мъ стихѣ одиннадцатой строфы—„брашникъ".

IV. **Фортуна и Мудрость** (Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ). Въ подлинникѣ—„Счастье и Мудрость" („Das Glück und die Weisheit"). Впервые въ изданіи Николая Васильевича Гербеля: „Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ" (Спб. 1857), переводъ, сдѣланный спеціально для этого изданія. Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ не повторялся.

V. **Колумбъ** (Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ). Стихотвореніе это помѣщено на стр. 703. Случайно, при версткѣ, оно выпало изъ соотвѣтствующаго мѣста, и его пришлось включить въ концѣ книги, послѣ алфавитнаго указателя. Въ „Современникѣ" 1854 г. не обозначено, что это вольный переводъ изъ Шиллера, еще вѣрнѣе, подражаніе его шестистишію, между прочимъ, переведенному Михаиломъ Ларіоновичемъ Михайловымъ (1829 — 1865). („Полное собраніе сочиненій", подъ редакціей П. В. Быкова. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Т. I, стр. 119). Вотъ этотъ переводъ:

Далѣе, смѣлый пловецъ! И пусть невѣжды смѣются,
Пусть, утомившися, руль выпуститъ кормчій изъ рукъ—
Далѣе, далѣе къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться:
Ясно видится онъ мысли твоей вдалекѣ.

Вѣруй вожатаю-разуму! Бодро плыви океаномъ!
Если земли тамъ и нѣтъ—выйдетъ она изъ пучинъ.
Въ тѣсномъ союзѣ и были и будутъ природа и геній:
Что̀ обѣщаетъ намъ онъ—вѣрно исполнитъ она!

У Тютчева въ его передѣлкѣ шиллеровскаго стихотворенія достаточно близки послѣднія строки къ заключительнымъ подлинника:

Mit dem Genius steht die Natur in ewigem Bunde,
Was der eine verspricht, leistet die andre gewiss.

Въ изд. 1900 г. стихотвореніе помѣщено въ числѣ оригинальныхъ и имѣетъ дату — 1844 г. (едва ли вѣрную), какъ и въ первомъ собраніи сочиненій. Имѣется варіантъ: въ 4-мъ стихѣ — „міросозданія" вмѣсто „судебъ", какъ въ „Современникѣ" 1854 г.

Изъ Уланда. Весеннее успокоеніе (О, не кладите меня). Впервые въ „Телескопѣ" (1832) безъ обозначенія, что это переводъ. Повторено безъ измѣненій въ „Современникѣ" 1854 г.

Изъ Ленау. Успокоеніе (Когда, что̀ звали мы своимъ). Впервые въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1858) подъ заглавіемъ „Успокоеніе" и безъ обозначенія, что это подражаніе Ленау (Blick in den Strom; 25 сентября 1844). То же въ первомъ собраніи сочиненій и въ изданіяхъ 1868 г. и слѣдующихъ. Начиная со второй строфы стихотвореніе, въ изд. 1900 г., гдѣ помѣщено среди оригинальныхъ пьесъ, имѣетъ слѣдующую, различную отъ текста въ „Русскомъ Вѣстникѣ", редакцію:

Пойдемъ и бросимъ бѣглый взглядъ
Туда, по склону водъ,
Куда, стремглавъ, струи спѣшатъ,
Куда потокъ несетъ.
Одна другой наперерывъ
Спѣшатъ, бѣгутъ струи,
На чей-то роковой призывъ,
Имъ слышимый вдали...
За ними тщетно мы слѣдимъ:
Имъ не вернуться вспять;
Но чѣмъ мы долѣе глядимъ,
Тѣмъ легче намъ дышать...
И слезы брызнули изъ глазъ,
И видимъ мы сквозь слезъ,
Какъ все, волнуясь и клубясь,
Быстрѣе понеслось...

Въ послѣдней строфѣ въ 3-й строкѣ стоитъ — „уноситъ" вмѣсто „умчала", а въ 4-й — „всесильная" вмѣсто „великая". Въ изд. 1868 г. помѣчено гадательно 1858 г. Въ изд. 1900 г. безъ даты.

Изъ Гейне. I. Съ чужой стороны (На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ). Изъ „Лирической Интермедіи" („Lyrisches Intermezzo") „Ein Fichtenbaum steht einsam" переведено Лермонтовымъ подъ заглавіемъ „Сосна"; его переводъ красивѣе, сильнѣе оригинала. Переводили эту пьесу также Майковъ, Фетъ, М. Л. Михайловъ, Мей, Вейнбергъ, Быковъ и мн. другіе. Въ „Сѣверной Лирѣ" (1827) помѣщено безъ обозначенія, что это переводъ изъ Гейне, и съ датой „Мюнхенъ". Повторено въ „Современникѣ" 1854 г. Въ „Сѣверной Лирѣ" варіанты: во 2-мъ стихѣ стояло: „подъемлясь" вмѣсто „подъ снѣгомъ"; въ 4-мъ — „буря" вмѣсто „вьюга"; въ 5-мъ—

нѣтъ слова „все“; въ 6-мъ — „въ краю отдаленномъ“ вмѣсто „въ дальнихъ предѣлахъ Востока“, и 7-й стихъ читался такъ: „Подъ мирной лазурью, на свѣтломъ холму“ вмѣсто „Подъ пламеннымъ небомъ на знойномъ холму“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.

II. **Вопросы** (Надъ моремъ, дикимъ полуночнымъ моремъ). Въ „Галатеѣ“ (1830) безъ подписи. Въ изд. 1900 г. имѣются незначительные варіанты: въ 3-мъ стихѣ — „въ душѣ сомнѣнье“ вмѣсто „въ умѣ сомнѣнье“; въ 7-мъ—„сотенъ тысячи головъ“ вмѣсто „сотни тысячъ головъ“. Переводъ оканчивается страннымъ четверостишіемъ:

За нашимъ вѣкомъ мы идемъ,
Какъ шла Креуза за Энеемъ,
Пройдемъ немного—ослабѣемъ,
Убавимъ шагу—отстаемъ.

Въ подлинникѣ — „Die Nordsee. Zweiter Cyklus. Fragen“ („Сѣверное море. Циклъ второй. Вопросы“)—этихъ четырехъ строкъ нѣтъ. Очевидно, онѣ попали сюда по ошибкѣ, по недосмотру редактора Раича. Можетъ-быть, это оригинальное стихотвореньице, можетъ-быть, вовсе и не Тютчева.

III. **Кораблекрушеніе** (Надежда и любовь, все, все погибло!). Также изъ 2-го цикла стихотвореній „Сѣверное море“. Называется въ подлинникѣ— „Schiffbrüchige“ (т.-е. Потерпѣвшіе крушеніе). Впервые въ изд. 1868 г.

IV. **Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ.** Впервые въ „Галатеѣ“ 1830 г., повторено въ альманахѣ „Весенніе Цвѣты“ (1835) безъ обозначенія, что это переводъ изъ Гейне. Изъ „Buch der Lieder“, изъ отдѣла „Heimkehr“ („Опять на родинѣ“). Въ подлинникѣ: „Wie der Mond sich leuchtend dränget“.

V. **Другъ, откройся предо мною.** Впервые въ „Галатеѣ“ (1830). Повторено въ „Современникѣ“ 1854 г. Въ подлинникѣ — „Liebste, sollst mir heute sagen“, изъ „Lyrisches Intermezzo“. Въ „Галатеѣ“ два варіанта, впрочемъ, пустыхъ: въ 10-мъ стихѣ „змій“ и въ послѣднемъ—„сего“ вмѣсто „змѣй“ и „никакъ“, какъ въ „Современникѣ“ 1854 г.

VI. **Въ которую изъ двухъ влюбиться.** „In welche soll ich mich verlieben“. Изъ отдѣла „Разныя: Іоланта и Марія“ въ „Новыхъ стихотвореніяхъ“ („Neue Gedichte. Verschiedene. Iolante und Marie“). Въ изд. 1900 г. сказано: „Печатается въ первый разъ. Оригиналъ написанъ на одномъ листѣ со стихомъ „На взятіе Варшавы“. — Изъ-за этого, пожалуй, слѣдуетъ отнести стихотвореніе къ 1831 году.

VII. **Если смерть есть ночь, если жизнь есть день.** Въ изд. 1900 г. озаглавлено въ скобкахъ „На мотивъ Гейне“ и сказано: „Печатается въ первый разъ“. Это невѣрно, такъ какъ впервые появилось въ журналѣ Кашпирева „Заря“ (1869, февраль) подъ заглавіемъ „Мотивъ Гейне“ съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи. Изъ „Книги пѣсенъ“, въ отдѣлѣ „Опять на родинѣ“ („Buch der Lieder. Die Heimkehr“).

Изъ Расина (Едва мы вышли изъ Трезенскихъ вратъ). Въ изд. 1900 г. примѣчаніе говоритъ: „Печатается впервые“. Переводъ весьма вольный, со значительными отступленіями отъ подлинника и съ ошибкой, быть-можетъ, опечаткой въ 1-мъ стихѣ: „изъ Троянскихъ вратъ“ вмѣсто „Трезенскихъ“ („A peine nous sortions des portes de Trézène“), т.-е. изъ воротъ Трезена, города въ Арголидѣ. Взято изъ трагедіи „Федра“ (Phèdre), 6-я сцена пятаго акта, заключающая въ себѣ повѣствованіе Терамена о смерти Ипполита.

Изъ Ламартина. Одиночество (Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вершины). До изд. 1900 г. ни въ одно не включалось. Впервые въ

„Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности“ („Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“ 1822 г.) и повторено въ альманахѣ „Новыя Аониды“ (1823) безъ обозначенія, что это переводъ. Въ подлинникѣ—„L'Isolement“; изъ книги стихотвореній „Premières méditations poétiques“ („Первыя поэтическія созерцанія“). Въ „Новыхъ Аонидахъ“ варіанты: во 2-мъ стихѣ — „деревъ“ вмѣсто „древесъ“, какъ въ „Трудахъ“; въ 3-мъ—„раскрываются предъ мной“ вмѣсто „развиваются передо мной“, въ 5-мъ—„тамъ дола красота“ вмѣсто „долины красота“; 6-я и 7-я строки читаются:

Тамъ дремлетъ озеро, разлитое широко,
И мирно свѣтитъ въ немъ вечерняя звѣзда!

вмѣсто:

Тамъ дремлющая зыбь лазурнаго пруда
Свѣтлѣетъ въ тишинѣ глубокой.

Стихи 9 — 10 читаются:

Зари послѣдній лучъ по сумракѣ блуждаетъ
По темной зелени луговъ

вмѣсто:

По темной зелени деревъ
Зари послѣдній лучъ еще примѣтно бродитъ.

Въ 11-мъ стихѣ — „по небу востекаетъ“ вмѣсто „съ полуночи восходитъ“; 13-я и 14-я строки читаются:

Все тихо, все мертво, лишь колоколъ священный
Протяжно раздался въ окрестности нѣмой

вмѣсто:

И съ колокольни одинокой
Разнесся благовѣстъ протяжный и глухой.

Въ 15-мъ стихѣ — „и звукъ его смиренный“ вмѣсто „и колоколъ далекій“; въ 17-мъ — „Прелестный край“ вмѣсто „Прекрасный міръ“; въ 21-мъ — „влачится взоръ унылый“ вмѣсто „скользитъ мой взоръ унылый“; въ 23-мъ—„Увы! гдѣ встрѣчу“ вмѣсто „Но, ахъ, гдѣ встрѣчу“; въ 24-мъ—„Весь міръ передо мной, но счастіе—нигдѣ!“ вмѣсто „И счастья нѣтъ при всей природы красотѣ!“; въ 25-мъ — „жизни духъ отъ всѣхъ насъ улетѣлъ“ вмѣсто „И отъ васъ духъ жизни улетѣлъ“; въ 27-мъ — „И что̀ вы всѣ теперь“ вмѣсто „И что̀ мнѣ въ васъ теперь“; въ 29-мъ— „ночныя“ вмѣсто „нощныя“; въ 30-мъ — „И свѣтъ, и мракъ“ вмѣсто „И мракъ и свѣтъ“; въ 32-мъ — „И горесть вѣчная“ вмѣсто „Вся вѣчность горести“; въ 33-мъ — „И“ вмѣсто „Но“; въ 34-мъ—„покину дольній прахъ“ вмѣсто „смѣню я дольній прахъ“; въ 38-мъ — „Надеждъ спасательныхъ таинственный предметъ“ вмѣсто „Надеждъ таинственныхъ спасительный предметъ“; въ 40-мъ—„Но токмо тамъ въ своей отчизнѣ“ вмѣсто „И токмо тамъ въ отчизнѣ“; въ 45-мъ — „встаютъ“ и „крутятъ“ вмѣсто „встаетъ“ и „крутитъ“, какъ въ „Трудахъ“, гдѣ 41, 42, 43 и 44 стиховъ („Какъ свѣтло сонмы звѣздъ пылаютъ надо мною“ и проч.) совсѣмъ нѣтъ. Нашъ текстъ соотвѣтствуетъ тексту изд. 1900 г.

Изъ Виктора Гюго. Великій Карлъ, прости. „Hernani“. Act. IV, sc. II. Въ изд. 1900 сказано: „Печатается впервые“. Изъ драмы „Эрнани“—монологъ Карла наканунѣ избранія его королемъ.

Изъ Манцони. Наполеонъ (Высокаго предчувствія). Въ первомъ собраніи сочиненій озаглавлено: „О Наполеонѣ“ съ датой—1824 г.; въ изд. 1886

и 1899 гг., гдѣ помѣщено пять стихотвореній, касающихся Наполеона имѣется общее заглавіе „Наполеонъ“. Авторъ стихотворенія Александръ Манцони (1785—1873), итальянскій поэтъ и романистъ, извѣстенъ своимъ романомъ „Обрученные“ (I promessi sposi). Стихотвореніе, между прочимъ, переведено и Гёте („Der fünfte Mai“), сохранившимъ заглавіе подлинника: „Il cinque maggio“. Послѣдняя строфа этого стихотворенія относится къ благочестію, которое обнаружилось въ Наполеонѣ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни: свою столовую въ Лонгвудѣ (на островѣ св. Елены) обратилъ онъ въ молельню, гдѣ еженедѣльно служилась обѣдня. Когда, незадолго до смерти, онъ передавалъ аббату подробности относительно своихъ похоронъ, находившійся тутъ же молодой медикъ Антонарки позволилъ себѣ улыбнуться. Наполеонъ строго замѣтилъ ему неприличіе этой улыбки и высказалъ свою вѣру въ Бога. См. Тьеръ „Исторія Консульства и Имперіи“ („Русск. Архивъ“ 1885, тетр. 6, стр. 321. Примѣч. П. Б. (Бартенева, Петра Ивановича).

Микель-Анджело. Сонетъ (Молчи, прошу, не смѣй меня будить). Микель-Анджело, по фамиліи Буонаротти, геніальный итальянскій живописецъ, ваятель, зодчій (1475—1564), былъ также и поэтомъ. Сонетъ великаго художника написанъ къ знаменитой группѣ, изваянной имъ для гробницы Лаврентія Великолѣпнаго во Флоренціи. По другимъ свѣдѣніямъ, это четверостишіе есть отвѣтъ на стихотвореніе Джовано-Батиста Строцци, по поводу его статуи „Ночь“. Въ изд. 1868 года дата: 1855 и варіантъ во 2-мъ стихѣ — „распутный“ (вслѣдствіе чего нѣтъ риѳмы къ слову „завидный“) вмѣсто „постыдный“, какъ въ изд. 1900 г.

Изъ неизвѣстныхъ авторовъ I. Къ Нисѣ (Ниса, Ниса, Богъ съ тобою). Впервые въ альманахѣ „Уранія“ (1826), повторено въ альманахѣ „Роза грацій“ (1831), перепечатано въ „Современникѣ“ 1854 г.

II. Пѣснь скандинавскихъ воиновъ (Хладенъ, свѣтелъ). Впервые въ „Ураніи“ 1826 г. Перепечатано въ „Современникѣ“ 1854 г. Варіантъ въ 4-мъ стихѣ съ конца: „кровавая“ вмѣсто „кровавыя“, какъ въ изд. 1900 г. Послѣ этого стихотворенія слѣдовало бы поставить „Подражаніе арабскому“, впервые появившееся въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ Дельвига (1827), повторенное у Аксакова („Біогр. Тютчева“, 1886 г., стр. 321) и помѣщенное въ изд. 1900 г. Но, хотя стихотвореніе и было подписано: Ѳ. Тютчевъ, оно, по заявленію барона А. А. Дельвига въ печати тогда же, т.-е. въ 1827 г., принадлежитъ А. Г. Ротчеву, небезызвѣстному поэту, между прочимъ, переводчику Шекспира.

III. Въ Римѣ. Въ альбомъ княгини Т....ой. (Съ французскаго). (Когда средь Рима древняго сооружалось зданье). Въ изд. 1868 г. дата: „Декабрь 1866 г.“ Въ изд. 1900 г. имѣетъ заглавіе: „Въ Римѣ. Въ альбомъ княгини Т...ой. (Вѣроятнѣе всего — Трубецкой) (съ французскаго)“. 1-й и 2-й стихи читаются:

Когда громадное здѣсь воздвигалось зданье
(То Нерона царя дворецъ былъ золотой).

Въ 3-мъ стихѣ—„его“ вмѣсто „дворца“; въ 5-мъ—„богъ“ вмѣсто „царь“ и въ послѣднемъ — „слуга“ вмѣсто „слугой“.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ (1844—1857).

I. **Россія и Германія.** Въ подлинникѣ, написанномъ по-французски въ Мюнхенѣ въ 1844 г., статья эта озаглавлена „Lettre à M. le Dr. Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle". Поводомъ къ этой статьѣ Ѳ. И. Тютчева послужили бѣшеныя нападки на Россію публицистовъ самой Германіи. Въ то время политика петербургскаго кабинета управляла политикою всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ, сдерживала status quo, созданный Священнымъ Союзомъ, и императоръ Николай Павловичъ, когда посѣщалъ Германію и появлялся въ сонмѣ нѣмецкихъ властителей, казался верховнымъ надъ ними повелителемъ,—comme un souverain parmi ses vassaux, по выраженію Тютчева въ его устномъ разговорѣ. Тѣмъ обиднѣе и несноснѣе было такое тяготѣніе къ Россіи для самого германскаго общества; оно видѣло въ Россіи помѣху какъ своимъ либеральнымъ стремленіямъ, такъ и еще болѣе стремленіямъ къ политическому единству. Тютчевъ доказываетъ въ своей статьѣ, что „самая разумная политика для Германіи — это держаться Россіи, что Германія только Россіи обязана своимъ освобожденіемъ отъ Франціи, равно и самымъ своимъ тридцатилѣтнимъ мирнымъ національнымъ развитіемъ", и т. д. (Аксаковъ, „Ѳ. И. Тютчевъ, біографическій очеркъ", Москва, 1874). Статья эта была читана и государемъ, который, по прочтеніи ея, сказалъ, что „тутъ выражены всѣ его мысли, и полюбопытствовалъ узнать, кто ея авторъ" (тамъ же, стр. 40).

II. **Россія и революція.** Эта статья есть записка, поданная Ѳ. И. Тютчевымъ императору Николаю Павловичу о положеніи Европы послѣ февральской революціи; она была написана въ апрѣлѣ 1848 г. и напечатана въ Парижѣ въ 1849 году.

III. **Папство и римскій вопросъ.** Статья эта „La papauté et la question romaine", появившаяся въ первый разъ (цѣликомъ) въ русскомъ переводѣ въ изданіи „Сочиненія Ѳ. И. Тютчева" 1886 г., была напечатана въ 1850 г. въ „Revue des Deux Mondes". Событія, послужившія къ ней поводомъ, были слѣдующія. Въ 1847 году, съ восшествіемъ на папскій престолъ Пія IX, введены имъ были въ Римѣ разныя либеральныя преобразованія. Вспыхнувшая затѣмъ въ Парижѣ февральская революція перекинула свое революціонное пламя и въ Римъ; папа бѣжалъ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ войска французской республики, по повелѣнію президента Людовика-Наполеона, осадили вѣчный городъ, чуть-чуть не разрушили его бомбами, наконецъ, послѣ долгой осады, овладѣли имъ, раздавили новосозданную римскую республику и водворили папу снова въ Ватиканѣ. Часть статьи, или, вѣрнѣе, тема о соотношеніи католицизма или романтизма съ протестантизмомъ, послужила впослѣдствіи поводомъ и темою для извѣстныхъ французскихъ брошюръ Хомякова.

IV. **О цензурѣ въ Россіи.** Писано въ 1857 г., также по-французски, въ отвѣтъ на присланный Тютчеву кн. М. Д. Горчаковымъ его проектъ. Ср. примѣчаніе наше къ „Политич. стихотвореніямъ" къ пьесѣ „Князю Горчакову" (стр. 646).

П. Б.

Библіографія произведеній Ѳ. И. Тютчева.

Составилъ П. В. Быковъ.

Труды Общества Любителей Россійской словесности (Москва).

1819.

Посланіе Горація къ Меценату, въ которомъ приглашаетъ его къ сельскому обѣду (Приди, желанный гость, краса моя и радость). (Ч. XIV. Кн. 22. Стр. 32 — 36).

1822.

Весеннее привѣтствіе стихотворцамъ (Любовь земли и прелесть года). (Ч. I. Кн. 2. Отд. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ". Стр. 164 — 165). Подписано: *Н. Тютчевъ*. Перепечатано въ „Русскомъ Зрителѣ" 1828 г. съ перемѣнами, подъ заглавіемъ „Весна" и за полной подписью.

Одиночество (Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вершины). (Ч. II. Кн. 4. Отд. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ". Стр. 231—232). Подписано (Изъ Ламартина) *Тютчевъ*. Перепечатано въ „Новыхъ Аонидахъ" 1823 г. съ небольшими перемѣнами (см.).

Рѣчи и отчеты Имп. Московскаго Университета.

1820.

Уранія (Открылось!—Не мечта ль? Свѣтъ новый! Нова сила). (Стр. 1—6). Подписано: *Федоръ Тютчевъ*. Дата: 1820.

Новыя Аониды.

1823.

Одиночество (Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вершины). (Стр. 90 — 95). Подписано: *Ѳ. Тчвъ*. (Въ оглавленіи обозначена фамилія полностью). Безъ обозначенія, что это переводъ изъ Ламартина.

Уранія.

1826.

Къ Нисѣ (Ниса, Ниса, Богъ съ тобою!). (Стр. 47 — 48). Подписано: *Тютчевъ*.

Пѣснь скандинавскихъ воиновъ (Хладенъ, свѣтелъ). (Стр. 70 — 72). Подписано: *Тютчевъ*.

Проблескъ (Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ). (Стр. 147 — 148). Подписано: *Тютчевъ*.

Сѣверная Лира.

1827.

Пѣснь радости (Изъ Шиллера). (Радость, первенецъ творенья). (Стр. 30—36). Дата: Мюнхенъ. 1823. Февраль.

Къ Н... (Твой милый взоръ, невинной страсти полный). (Стр. 87—88). Дата: 23 ноября 1824 г. Подписано: *Т.*

Слезы (Люблю, друзья, ласкать очами). (Стр. 182 — 183). Дата: іюля 21, 1823. Мюнхенъ. Эпиграфъ: O lacrymarum fons... Gray. Повторено въ „Литерат. Прибавл. къ „Русскому Инвалиду" 1834 г. (см.).

Съ чужой стороны (На Сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ). (Стр. 338). Дата: Мюнхенъ. Безъ означенія, что это переводъ изъ Гейне.

Саконтала (Изъ Гёте). (Что̀ юный годъ даетъ цвѣтамъ?). (Стр. 430).

Въ альбомъ друзьямъ (Изъ Л. Байрона). (Какъ медлитъ путника вниманье). 1 — 2. (Стр. 441).

Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ. (Стр. 358 — 359, въ статьѣ Делибюрадера (Дмитр. Петров. Ознобишина) „Отрывокъ изъ сочиненія объ искусствахъ". (Въ выноскѣ обозначено, что это стихотвореніе принадлежитъ Тютчеву).

Сѣверные Цвѣты.

1827.

Подражаніе арабскому (Клянусь коня волнистой гривой). (Стр. 333 334). Подписано: *Тютчевъ.* Въ этомъ же году издатель этого альманаха, поэтъ баронъ А. А. Дельвигъ печатно заявляетъ, что стихотвореніе ошибочно подписано именемъ Тютчева, и что оно принадлежитъ А. Г. Ротчеву.

Русскій Зритель.

1828.

Весна (Посвящается друзьямъ). (Любовь земли и прелесть года). (Ч. III. № 11 — 12. Стр. 195).

А. Н. М. (Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ). (Ч. IV. № 14. Стр. 70 — 71). Дата: 13 декабря 1821.

Атеней.

1829.

Къ N. N. (На камень жизни роковой). (Ч. 1. Январь. Стр. 61 — 62). Подписано: *Тютчевъ.*

Галатея.

1829.

Весенняя гроза (Люблю грозу въ началѣ мая). (Ч. I. № 3. Стр. 151).

Могила Наполеона (Душой весны природа ожила). (Ч. II. № 8. Стр. 86).

Cache-cache (Вотъ арфа ея въ обычайномъ углу). (Ч. IV. № 17. Стр. 50 — 51).

Лѣтній вечеръ (Ужъ солнца раскаленный шаръ). (Ч. V. № 24. Стр. 150).

Къ друзьямъ (При посылкѣ „Пѣсни радости" изъ Шиллера). (Что̀ пѣлъ Божественный, друзья). (Ч. VI. № 29. Стр. 153 — 154). Подписано: *Ѳ. Т.*

О, наша крѣпость и оплотъ! (Ч. VII. № 34. Стр. 144). Слитно со сти-

хотвореніемъ „Видѣніе“, служа ему какъ бы вступленіемъ. Перепечатано подъ заглавіемъ „Олеговъ щитъ“ въ сборникѣ Н. В. Сушкова „Раутъ“ 1854 (см.).

Видѣніе (Есть нѣкій часъ, въ ночи, всемірнаго молчанія). (Ч. VII. № 34. Стр. 144).

Средство и цѣль (Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу). (Ч. IX. № 44. Стр. 262). Подписано: *Т. . . . ъ*. Повторено въ журналѣ „Новый Путь“ 1903 (см.) и ранѣе въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898, тетр. 3, въ ст. В. Я. Брюсова.

1830.

Безсонница (Часовъ однообразный бой). (Ч. XI. № 1. Стр. 47—48).

Изъ Гейне (Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ). (Ч. XII. № 8. Стр. 76—77).

Изъ Фауста (Фаустъ... Зачѣмъ губить въ унынiи пустомъ). (Ч. XI. № 5. Стр. 283—284).

Въ горахъ (Лазурь небесная смѣется). (Ч. XIII. № 13. Стр. 90 — 91). Дата: Сальцбургъ.

Вечеръ (Какъ тихо вѣетъ надъ долиной). (Ч. XIV. № 22. Стр. 41).

Сны (Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной). (Ч. XVI. № 27. Стр. 57).

Привѣтствіе духа (Изъ Гёте). (На старой башнѣ у рѣки). (Ч. XIX. № 38. Стр. 39).

Вопросы (Изъ Гейне). (Надъ моремъ, дикимъ полуночнымъ моремъ). (Ч. XIX. № 40. Стр. 133—134). *Безъ подписи.*

Изъ Гейне (Другъ, откройся предо мною). (Ч. XIX. № 41. Стр. 196)

Пѣвецъ (Изъ Гёте). (Что̀ тамъ за звуки предъ крыльцомъ). (Ч. XIX № 42. Стр. 226—228). *Безъ подписи.*

1839.

Изъ Гейне (Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ). (Ч. III. № 21. Стр. 253).

Сонъ на морѣ (И море и буря качали нашъ челнъ). (Ч. II. № 11. Стр. 185).

Сиротка.

1831.

Изъ Вильгельма Мейстера (Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ). (Стр. 198—199).

Денница.

1831.

Цицеронъ (Ораторъ римскій говорилъ). (Стр. 40).

Успокоеніе (Гроза прошла. Еще, курясь, лежалъ). (Стр 51).

Послѣдній катаклизмъ (Когда пробьетъ послѣдній часъ природы). (Стр. 89).

1834.

Безуміе (Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой). (Стр. 185).

Роза Грацій.

1831.

Лѣтній вечеръ (Ужъ солнца раскаленный шаръ). (Стр. 56—57).

Къ Нисѣ (Ниса, Ниса, Богъ съ тобою). (Стр. 44).

Телескопъ.

1832.

Ночныя мысли (Изъ Гёте). (Вы мнѣ жалки, звѣзды-горемыки). (Ч. IX. № 10. Стр. 154).

Весеннія воды (Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ). (Ч. X. № 13. Стр. 22—23).

Весеннее успокоеніе (О, не кладите меня). (Ч. X. № 15. Стр. 297—298). Безъ означенія, что это подражаніе Уланду.

Молва.

1833.

Изъ Шекспира. 1. Любовники, безумцы и поэты. 2. Пѣсня (Заревѣлъ голодный левъ). (№ 8. Января 1. Стр. 29—30).

Silentium! (Молчи, скрывайся и таи). (№ 32. Марта 16. Стр. 125).

Литературныя прибавленія къ „Русскому Инвалиду".

1833.

Къ N. N. (На камень жизни роковой). (Ч. IX (I). № 23. Марта 22-го. Стр. 182). Подписано: *Тютчевъ.*

1834.

Слезы (Люблю, друзья, ласкать очами). (Ч. XVI (IV). № 102. Декабря 23-го. Стр. 810). Дата: Іюля 21, 1823. Мюнхенъ. Съ эпиграфомъ: O lacrymarum fons... Gray.

1835.

Пѣснь радости (Изъ Шиллера). (Радость, первенецъ творенья). (Ч. XVIII (I). № 9. Января 30. Стр. 69—70). Дата: Мюнхенъ. 1823. Февраль.

Пантеонъ Дружбы.

1834.

Къ *** (Уста съ улыбкою привѣтной). (Стр. 246). Подписано: *Т—въ.*

Весенніе Цвѣты.

1835.

Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ. (Стр. 209—210). (Безъ означенія, что это переводъ изъ Гейне).

Современникъ.

1836.

Стихотворенія, присланныя изъ Германіи. I. Утро въ горахъ (Лазурь небесная смѣется). (Т. III. № 3. Стр. 5). II. Весеннія воды (Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ). (Ib. ib. Стр. 6). III. Снѣжныя горы (Уже полдневная пора). (Ib. ib. Стр. 7). IV. Цицеронъ (Ораторъ римскій говорилъ). (Ib. ib. Стр. 8). V. Фонтанъ (Смотри, какъ облакомъ живымъ). (Ib. ib. Стр. 9). VI. Полдень (Лѣниво дышитъ полдень мглистый). (Ib. ib. Стр. 10). VII. Я помню время золотое. (Ib. ib. Стр. 11—12). VIII. Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной. (Ib. ib. Стр. 13). IX. Душа хотѣла бъ быть звѣздой. (Ib. ib. Стр. 14). X. Какъ надъ горячею золой. (Ib. ib. Стр. 15). XI. Silentium. (Ib. ib. Стр. 16). XII. Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ. (Ib. ib. Стр. 17). XIII. О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной. (Ib. ib. Стр. 18). XIV. Потокъ сгустился и тускнѣетъ. (Ib. ib. Стр. 19). XV. Сонъ на морѣ (И буря и море качали нашъ челнъ). (Ib. ib. Стр. 20). XVI. Не то, что̀ мните вы, природа. (Ib. ib. Стр. 21—22).

Подъ этими 16-ю стихотвореніями подписано: *Ѳ. Т.* Дата: Мюнхенъ.

Стихотворенія, присланныя изъ Германіи. XVII. Въ душномъ воздухѣ молчанье. (Т. IV. № 4. Стр. 32 — 33). XVIII. Что̀ ты клонишь надъ водами. (Ib. ib. Стр. 34). XIX. Вечеръ мглистый и ненастный. (Ib. ib. Стр. 35). XX. И гробъ опущенъ ужъ въ могилу. (Ib. ib. Стр. 36). XXI. Востокъ бѣлѣлъ... Ладья катилась. (Ib. ib. Стр. 37). XXII. Какъ птичка раннею зарей. (Ib. ib. Стр. 39). XXIII. Двумъ сестрамъ (Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ). (Ib. ib. Стр. 40). XXIV. Душа моя, элизіумъ тѣней. (Ib. ib. Стр. 41). Подъ всѣми этими восемью стихотвореніями подписано: *Ѳ. Т.* Дата: Мюнхенъ.

1837.

Стихотворенія, присланныя изъ Германіи. XXIV. Тамъ, гдѣ горы, убѣгая. (Т. VI. № 2. Стр. 393 — 394). XXV. Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля. (Ib. ib. Стр. 395—396). Дата: 1830. XXVI. Надъ виноградными холмами. (Ib. ib. Стр. 398). XXVII. Песокъ сыпучій по колѣни. (Ib. ib. Стр. 397). Дата: 1830 (дорогой). Подписано: *Ѳ. Т.*

1838.

Давно ль, давно ль, о, югъ блаженный. (Ч. IX. Стр. 131 — 132). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Такъ здѣсь-то суждено намъ было. (Ч. IX. Стр. 138). Дата: 1 декабря 1827 г. Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Итальянская Willa (И, распростясь съ тревогою житейской). (Ч. X. Стр. 184—185). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Смотри, какъ западъ загорѣлся. (Ч. XI. № 3. Стр. 181). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Арфа Скальда (О, арфа Скальда, долго ты спала). (Ч. XII. Стр. 91). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

1839.

Весна (Какъ ни гнететъ рука судьбины). (Ч. XIII. Стр. 169 — 170). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

День и ночь (На міръ таинственный духовъ). (Ч. XIV. Стр. 145). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Не вѣрь, не вѣрь поэту (Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва). (Ч. XIV. Стр. 154—155). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Лебедь (Пускай орелъ за облаками). (Ч. XV. Стр. 139). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

1840.

Осенній вечеръ (Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ). (Ч. XIX. Стр. 187). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Съ какою нѣгою (Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленной). (Ч. XX. Стр. 299). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

1854.

Стихотворенія Ѳ. Тютчева. (Т. XLIV. № 3. Мартъ. Приложеніе въ концѣ книги съ титуломъ и отдѣльной нумераціей. 58 стр. и оглавленіе). I. Утро въ горахъ (Лазурь небесная смѣется) (стр. 3). II. Снѣжныя горы (Уже полдневная пора) (стр. 3). III. Полдень (Лѣниво дышитъ полдень мглистый) (стр. 4). IV. Песокъ сыпучій по колѣни... (стр. 4). V. Весеннія воды (Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ) (стр. 5). VI. Осенній вечеръ (Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ) (стр. 5). VII. (Что̀ ты клонишь надъ

водами) (стр. 5). VIII. Весна (Какъ ни гнететъ рука судьбины) (стр. 6). IX. Давно ль, давно ль, о, югъ блаженный (стр. 7). X. Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной (стр. 8). XI. Я помню время золотое (стр. 8). XII. Не то, что̀ мните вы, природа (стр. 9). XIII. Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный (стр. 10). XIV. И гробъ опущенъ ужъ въ могилу (стр. 10). XV. Итальянская вилла (И, распростясь съ тревогою житейской) (стр. 11). XVI. Silentium (Молчи, скрывайся и таи) (стр. 12). XVII. Какъ птичка раннею зарей (стр. 12). XVIII. Какъ надъ горячею золой (стр. 13). XIX. Въ душномъ воздухѣ молчанье (стр. 14). XX. Душа моя — элизіумъ тѣней (стр. 14). XXI. Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля (стр. 15). XXII. О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной (стр. 15). XXIII. Душа хотѣла бъ быть звѣздой (стр. 16). XXIV. Такъ здѣсь-то суждено намъ было (стр. 16). Дата: Генуя. XXV. Еще шумѣлъ веселый день (стр. 16). XXVI. Цицеронъ (Ораторъ римскій говорилъ) (стр. 17). XXVII. Фонтанъ (Смотри, какъ облакомъ живымъ) (стр. 18). XXVIII. Двумъ сестрамъ (Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ) (стр. 18). XXIX. Востокъ бѣлѣлъ... ладья катилась (стр. 19). XXX. Потокъ сгустился и тускнѣетъ (стр. 19). XXXI. Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ (стр. 20). XXXII. Тамъ, гдѣ горы, убѣгая (стр. 20). XXXIII. Надъ виноградными холмами (стр. 21). Дата: Ротенбургъ. XXXIV. Смотри, какъ западъ загорѣлся (стр. 21). XXXV. Арфа Скальда (О, арфа Скальда, долго ты спала) (стр. 22). XXXVI. Лебедь (Пускай орелъ за облаками) (стр. 22). XXXVII. День и ночь (На міръ таинственный духовъ) (стр. 23). XXXVIII. Не вѣрь, не вѣрь поэту! (Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва) (стр. 23). XXXIX. Весенняя гроза (Люблю грозу въ началѣ мая) (стр. 24). XL. Сонъ на морѣ (И море и буря качали нашъ челнъ) (стр. 24). XLI. Видѣніе (Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья) (стр. 25). XLII. Вечеръ мглистый и ненастный... (стр. 25). XLIII. Итакъ, опять увидѣлся я съ вами (стр. 26). XLIV. 12 ноября 1844 года (Глядѣлъ я, стоя надъ Невой) (стр. 26). XLV. Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ (стр. 27). XLVI. Еще томлюсь тоской желаній (стр. 27). XLVII. Когда въ кругу убійственныхъ заботъ (стр. 28). XLVIII. Вдали отъ солнца и природы (стр. 28). XLIX. Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ (стр. 29). L. Слезы (Слезы людскія, о, слезы людскія) (стр. 29). LI. Плаваніе (На равнинѣ водъ лазурной) (стр. 29). LII. Венеція (Дожъ Венеціи свободный) (стр. 30). LIII. Римъ ночью (Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ) (стр. 30). LIV. Августъ 1850 года (Подъ дыханьемъ непогоды) (стр. 31). LV. Первый листъ (Листъ зеленѣетъ молодой) (стр. 31). LVI. Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь (стр. 32). LVII. Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ (стр. 32). LVIII. Гроза дорогой (Неохотно и несмѣло) (стр. 33). LIX. Въ іюлѣ 1850 года (Пошли, Господь, свою отраду) (стр. 33). LX. Какъ ни дышитъ полдень знойный (стр. 34). LXI. Я очи зналъ,—о, эти очи (стр. 35). LXII. Вновь твои я вижу очи (стр. 35). LXIII. Не говори: меня онъ какъ и прежде любитъ (стр. 36). LXIV. О, не тревожь меня укорой справедливой (стр. 36). LXV. Чему молилась ты съ любовью (стр. 37). LXVI. О, какъ убійственно мы любимъ (стр. 37). LXVII. Послѣдняя любовь (О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ) (стр. 38). LXVIII. Поэзія (Среди громовъ, среди огней) (стр. 39). LXIX. Колумбъ (Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ) (стр. 39). LXX. 15 сентября 1850 года (Обвѣянъ вѣщею дремотой) (стр. 40). LXXI. Предопредѣленіе (Любовь, любовь — гласитъ преданье) (стр. 40). LXXII. Графинѣ Р. 1850 года (Въ отвѣтъ на ея письмо) (Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ

лѣни) (стр. 41). LXXIII. Море и утесъ 1848 года (И бунтуетъ и клокочетъ) (стр. 42). LXXIV. Наполеонъ. 1—3. (Сынъ революціи, ты съ матерью ужасной) (стр. 43). LXXV. Проѣзжая черезъ Ковно (1853) (Ты ль это, Нѣманъ величавый) (стр. 44). LXXVI. Нашъ вѣкъ. Москва, 30 іюля 1853 года (Не плоть, а духъ растлился въ наши дни) (стр. 45). LXXVII. На смерть Жуковскаго (Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасенъ) (стр. 46). LXXVIII. Конченъ пиръ, умолкли хоры (стр. 47). LXXIX. Mobile comme l'onde (Ты волна моя морская) (стр. 47). Дата: Апрѣля 1852 г. (стр. 48). LXXX. Сіяетъ солнце, воды блещутъ (стр. 48). LXXXI. 14 іюля, въ ночь (Не остывшая отъ зною) (стр. 48). LXXXII. Святая ночь на небосклонъ взошла (стр. 49). LXXXIII. Изъ Гёте (Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ) (стр. 49). LXXXIV. Изъ Шиллера (Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга) (стр. 50). LXXXV. Поминки. Изъ Шиллера (Пала царственная Троя) (стр. 50—54). LXXXVI. Не даромъ милосерднымъ Богомъ (стр. 55). LXXXVII Два голоса (Мужайтесь, о, други, боритесь прилежно) (стр. 55). LXXXVIII. 14 іюля 1851 года (Дума за думой, волна за волной) (стр. 56). LXXXIX. Не разсуждай, не хлопочи... (стр. 56). XC. Ужъ третій годъ бѣснуются языки (стр. 56). Дата: 1850. XCI. Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ (стр. 57). XCII. Разсвѣтъ (Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ) (стр. 57—58). (92 пьесы).—Оглавленіе.

Стихотворенія (служащія дополненіемъ къ напечатаннымъ въ № 3 „Современника"). (Т. XLV. № 5. Май. Стр. 1—14). (Девятнадцать пьесъ). XCIII. Сакунтала. Изъ Гёте (Что юный годъ даетъ цвѣтамъ) (стр. 1). XCIV. Изъ Фауста (Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ) (стр. 2). XCV. Привѣтствіе духа (Изъ Гёте). (На старой башнѣ у рѣки) (стр. 3). XCVI. Изъ Шекспира (Любовники, безумцы и поэты) (стр. 3). XCVII. Пѣсня (Изъ Шекспира). (Заревѣлъ голодный левъ) (стр. 4). XCVIII. Изъ Гейне (Другъ, откройся предо мною) (стр. 4). XCIX. Cache-cache (Вотъ арфа ея въ обычайномъ углу) (стр. 5). C. Могила Наполеона (Душой весны природа ожила) (стр. 6). CI. Въ альбомъ друзьямъ. (Изъ Байрона. Какъ медлитъ путника вниманье) (стр. 6). CII. Съ чужой стороны. (Изъ Гейне. На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ) (стр. 7). CIII. Слезы (Люблю, друзья, ласкать очами) (стр. 7). CIV. Весеннее успокоеніе (О, не кладите меня) (стр. 8). CV. Къ Нисѣ (Ниса, Ниса, Богъ съ тобою) (стр. 8). CVI. Пѣснь скандинавскихъ воиновъ (Хладенъ, свѣтелъ) (стр. 10). CVII. Проблескъ (Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ) (стр. 10). CVIII. Успокоеніе (Гроза прошла—еще курясь, лежалъ) (стр. 11). CIX. Изъ Вильгельма Мейстера (Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ. — Кто хочетъ міру чуждымъ быть. — Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ). (стр. 12). CX. На Невѣ (И опять звѣзда ныряетъ) (стр. 13). Дата: Іюль 1850. CXI. День вечерѣетъ, ночь близка (стр. 13). Дата: 1 Ноября 1851.

Московскій Наблюдатель.

1838.

Перемѣна (Изъ Гёте. Лежу я въ потокѣ на камняхъ... Какъ радъ я!). (Ч. XVIII. Кн. 9. Іюль—первая книжка. Стр. 55). Подписано: *Т—ъ*. Перепечатано въ изданіи Н. В. Гербеля: „Собраніе сочиненій Гёте въ переводахъ русскихъ писателей". Т. I. (1878). Стр. 7).

Русскій Инвалидъ.

1848.

Стой же ты, утесъ могучій. (№ 197. 7 сентября. Стр. 786. Фельетонъ).

Напечатано вслѣдъ за стихотвореніемъ Жуковскаго: „Не тревожься великанъ“ и сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи: „Чтеніе этихъ стиховъ (т.-е. Жуковскаго) воодушевило одного изъ нашихъ поэтовъ, того, чьи прекрасныя стихотворенія, печатавшіяся въ „Современникѣ“ при жизни Пушкина, конечно, памятны читающей публикѣ русской. Вотъ экспромптъ, набросанный поэтомъ“. Этотъ „экспромптъ“ не болѣе, какъ конецъ стихотворенія „Море и утесъ“.

Кіевлянинъ (М. А. Максимовича).

1850.

Моей землячкѣ (Вдали отъ солнца и природы). (Кн. III. Стр. 191). Подписано: ***.

Гроза (Неохотно и несмѣло). (Кн. III. Стр. 192). Подписано: ***.

Москвитянинъ.

1850.

Наполеонъ. I—III. (Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной). (Ч. II. № 7. Кн. I. Апрѣль. Стр. 162—163). Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію сказано: „Мы получили всѣ эти стихотворенія (вмѣстѣ съ десятью, которыя будутъ помѣщены въ слѣдующемъ нумерѣ) отъ поэта, слишкомъ извѣстнаго всѣмъ любителямъ русской словесности. Пусть читатели порадуются вмѣстѣ съ нами этимъ звукамъ и отгадаютъ имя“. Ред.

Поэзія (Среди громовъ, среди огней). (Ч. II. № 7. Кн. I. Апрѣль. Стр. 163).

Плаваніе (На равнинѣ водъ лазурной). (Ч. II. № 7. Кн. I. Апрѣль. Стр. 164). Дата: 29 ноября (11 дек.) (1849).

Восемь стихотвореній, обѣщанныхъ въ 7-й книгѣ „Москвитянина“: I. Итакъ, опять увидѣлся я съ вами (стр. 288). II. Еще томлюсь тоской желаній (стр. 288). III. Вновь твои я вижу очи (стр. 289). IV. Когда въ кругу убійственныхъ заботъ (стр. 289). V. Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ (стр. 290). VI. Слезы людскія, о, слезы людскія (стр. 290). VII. Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ (стр. 290). VIII. Святая ночь на небосклонъ взошла (стр. 290). (Ч. II. № 8. Апрѣль. Кн. 2. Стр. 288—290). Всѣ эти стихотворенія подписаны: ***.

Римъ ночью (Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ). (Ч. IV. № 13. Іюль. Кн. 1. Стр. 3). *Безъ подписи.*

I. Конченъ пиръ—умолкли хоры. II. Востокъ бѣлѣлъ—ладья катилась. (Ч. IV. № 13. Іюль. Кн. 1. Стр. 4—5). Подписано *Ѳ. Т.* (въ оглавленіи имя полностью).

1851.

Нашъ вѣкъ (Не плоть, а духъ растлился въ наши дни). (Ч. IV. № 16. Августъ. Кн. 2. Стр. 379). Дата: Москва. 30 іюня. 1851.

Стихотворенія: 1. Еще шумѣлъ веселый день. 2. Затихъ повсюду шумъ и гамъ. 3. Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ. 4. Море и утесъ. Въ 1848 году. (Ч. III. № 11. Іюнь. Кн. 1. Стр. 237—239). Подписано: *Ѳ. Т—въ.*

Совѣтъ (Не разсуждай, не хлопочи). (Ч. VI. № 22. Ноябрь. Кн. 2. Стр. 220). Подписано: *Ѳ. Т.*

Раутъ.

1851.

Поминки (Изъ Шиллера). (Пала царственная Троя). (Ч. I. Стр. 75—80). Подписано: *Ѳ. Т....въ.* Къ переводу сдѣлано слѣдующее примѣчаніе редакціи (т.-е. Н. В. Сушкова): „Мы имѣемъ два прекрасныхъ перевода этой пьесы: одинъ Мансурова, другой Жуковскаго, подъ заглавіемъ „Торжество побѣдителей". Знатоки нѣмецкой литературы удостовѣряли насъ, что этотъ новый переводъ самый близкій къ подлиннику. „Поминки" случайно попались намъ,—и мы рѣшились помѣстить ихъ въ нашемъ „Сборникѣ" безъ вѣдома автора, да ужъ, видно, такова участь его: князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ собралъ стихотворенія Тютчева и напечаталъ ихъ въ „Современникѣ" Пушкина, а Тютчевъ, живя тогда въ Баваріи, и не подозрѣвалъ, что Петербургъ читаетъ его произведенія".

1852.

Стихотворенія. 1. Ночь въ дорогѣ (Не остывшая отъ зною). 2. Kennst du das Land (Изъ Гёте) (Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ). 3. Первый листъ (Листъ зеленѣетъ молодой). Дата: Май. 1851. 4. Волна и дума (Дума за думой, волна за волной). Дата: 14 іюля. 1851. Москва. 5. Графинѣ Ростопчиной (Въ отвѣтъ на ея письмо). (Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни). Дата: 1850. С.-Петербургъ. (Ч. II. Стр. 201—204).

1854.

Проѣздъ черезъ Ковно (Ты ль это, Нѣманъ величавый?). (Ч. III. Стр. 130).

Олеговъ щитъ (Аллахъ, пролей на насъ твой свѣтъ). (Ч. III. Стр. 163—164).

Съ нами Богъ! Впередъ!.. Ура!.. (Москва).

1854.

Разсвѣтъ (Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ). (Стр. 45—46).

Русскій Вѣстникъ.

1857.

Н. Ѳ. Щербинѣ (Вполнѣ понятно мнѣ значенье). (Т. VII. № 4. Февраль. Книжка 2. Стр. 837). Дата: Петербургъ. 4 февраля. 1857.

1858.

Успокоеніе (Когда, что̀ звали мы своимъ). (Т. XVI. № 16. Августъ. Книжка 2. Стр. 719—720). Безъ обозначенія, что это переложеніе изъ Ленау.

1865.

I. Весь день она лежала въ забытьи. II. Женева 11-го (23-го) октября 1864 г. (Утихла буря... легче дышитъ). III. Ницца. Декабрь. (О, этотъ югъ, о, эта Ницца!). IV. Ницца. 2-го (14-го) января 1865 г. (Какъ хорошо ты, о, море ночное). (Т. LV. № 2. Февраль. Стр. 685—687). Подписано: *Т....*

Молчитъ сомнительно Востокъ. (Т. LVIII. № 7. Іюль. Стр. 111). Дата, Москва. 25 іюля 1865.

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ. (Т. LVIII. № 8. Августъ. Стр. 432). Эпиграфъ: „Est in arundineis modulatio musica ripis".

1871.

(А. В. Пл—вой) (Чему бы жизнь насъ ни учила). (Т. XCI. № 1. Январь. Стр. 118). Подписано: *Ѳ. Т.*

Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ.

1857.

Пѣснь рыбака (Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга). (Т. I. Стр. 124).—Колумбъ (Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ). (Т. I. Стр. 321, въ отдѣлѣ: „Списокъ русскихъ переводовъ изъ Шиллера“). — Пѣснь радости (Радость, первенецъ творенья). (Т. II. Стр. 8—12).—Поминки (Пала царственная Троя). (Т. II. Стр. 102—108).

Фортуна и Мудрость (Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ). (Т. II. Стр. 247—248. Приложеніе).

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ.

1875.

Пѣснь радости (Радость, первенецъ творенья). (Т. I. Стр. 623).

Фортуна и Мудрость (Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ). (Т. I. Стр. 623).

Поминки (Пала царственная Троя). (Т. I. Стр. 636—637).

Колумбъ (Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ). (Т. I. Стр. 653).

Русская Бесѣда.

1857.

Стихотворенія. I. Эти бѣдныя селенья. (Стр. 143). II. Вотъ отъ моря и до моря. (Стр. 143). Дата: 13 августа 1855. III. О, вѣщая душа моя! (Стр. 144). (Т. II. Кн. VI. Стр. 143—144).

1858.

Шесть стихотвореній. I. Она сидѣла на полу. (Стр. 2). II. 1857. Надъ этой темною толпой. (Стр. 3). III. Есть въ осени первоначальной. (Стр. 3). Дата: 22 августа 1857. IV. Въ часы, когда бываетъ. (Стр. 4). V. Смотри, какъ роща зеленѣетъ. (Стр. 5). VI. Живымъ сочувствіемъ привѣта. (Стр. 5—6). (Т. II. Кн. 10. Стр. 2—6).

1859.

Осенней позднею порою. (Часть I. Кн. 13. Стр. 2—3). Дата: Царское Село. 22-го октября 1858.

Въ альбомъ В. В. Ганкѣ (Вѣковать ли намъ въ разлукѣ). (Часть IV. Кн. 12. Стр. 1—2).

Наше Время.

1860.

На возвратномъ пути. I. Родной ландшафтъ—подъ дымчатымъ навѣсомъ. II. Грустный видъ и грустный часъ. (№ 1; 17 января. Стр. 12).

1861.

У музы есть различныя пристрастья. (№ 8; 6 марта. Стр. 141—142, въ концѣ замѣтки „Юбилей князя П. А. Вяземскаго“).

День.

1861.

Князю П. А. Вяземскому (Теперь не то, что̀ за полгода). (Петергофъ. 12 іюня). (№ 2. Октябрь 21. Стр. 2). Подписано: *Тютчевъ.*

При посылкѣ Новаго Завѣта (Не легкій жребій, не отрадный). (№ 3. Октябрь 28. Стр. 31). Подписано: *Тютчевъ.*

Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ. (№ 10. 16 декабря. Стр. 3). Подписано: *Тютчевъ.*

1862.

Святыя горы (Тихо, мягко надъ Украйной). (№ 37. Сентябрь 15. Стр. 3).

1863.

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами. (№ 32. 10 августа. Стр. 3—4).

1865.

Encyclica (Былъ день, когда Господней правды молотъ). (№ 2. 8-го января. Стр. 32).

Какъ хорошо ты, о, море ночное (№ 4. 22 января. Стр. 76). Дата: Ницца. 2 (14) января 1865.

Стихотворенія. 1. Какъ неожиданно и ярко. 2. 18 августа 1865. Дорогой (Ночное небо такъ угрюмо). (№ 33. 13 августа. Стр. 780—781).

Литературная Библіотека.

1866.

Сентябрь 1866 (Небо блѣдно-голубое). (Т. I. Окт. Кн. 1. Стр. 1 — 2). Подписано: *Ѳ. Т.* Дата: С.-Петербургъ.

Вѣстникъ Европы.

1866.

Торжество юбилея Н. М. Карамзина въ С.-Петербургѣ. (Здѣсь стихи „Великій день Карамзина“). (Т. IV. № 6. Декабрь. Стр. LXII).

Братьямъ славянамъ.

1867.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ? (Стр. 5—7). Привѣтъ вамъ задушевный, братья. (Стр. 45—48). Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ. (Стр. 49—50). Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ. (Стр. 50). Австрійскимъ славянамъ (Они кричатъ, они грозятся). (Стр. 60—62). Дата: 16 мая 1867 года.

Москва.

1867.

Свершается заслуженная кара. (№ 166. 29 Октября. Стр. 4). Дата: 27 Октября 1867 г.

1868.

Памяти Е. П. Ковалевскаго (И вотъ, въ рядахъ отечественной рати). (№ 139. 25 Сентября. Стр. 2). Перепечатано въ газетѣ „Русскій“ 1868. № 67. 30 Сентября. Стр. 2 (въ некрологической замѣткѣ „Егоръ Петровичъ Ковалевскій“).

1867.

На новый 1855 годъ (Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою). (Книга третья. Тетр. 12. Столб. 1638). Съ примѣчаніемъ П. И. Бартенева.

1873.

О цензурѣ въ Россіи. Письмо къ одному изъ членовъ Государственнаго Совѣта (1857). (Книга первая. Тетр. 4. Столб. 607—620). Дата: Novembre 1857). Переводъ—столб. 620—632). Переводъ принадлежитъ *Ѳ. И. Тимирязеву.*

Россія и революція. Записка (1848). (Книга вторая. Тетр. 5. Столб. 895—912). Дата: 12 Avril 1848). Переводъ—столб. 912—930). Переводъ принадлежитъ *Ѳ. И. Тимирязеву.*

Россія и Германія. 1844. Письмо къ издателю „Всеобщей Аугсбургской Газеты", Г. Кольбу. (Книга третья. Тетрадь 10. Столб. 1993—2019). Подлинникъ письма (на французскомъ языкѣ) къ Густаву Кольбу—столбцы 2019—2042). Переводъ принадлежитъ *Ѳ. И. Тимирязеву.*

1874.

Неизданное стихотвореніе. Играй, покуда надъ тобою. (Книга вторая. Тетр. 7. Столб. 221 — 223). (Сообщено съ подлинника Павломъ Дмитріевичемъ Голохвастовымъ). Дата вверху стихотворенія: Mardi. 25 Juillet. 1861.

Неизданные стихи Ѳ. И. Тютчева. Какъ ни бѣсилося злорѣчье. (Книга третья. Тетр. 12. Столб. 1124). Въ росписи содержанія „Русскаго Архива" 1863 — 1882 г. указано, что это стихотвореніе относится къ Н. С. Акинфіевой.

1876.

Острословія Тютчева. (Кн. первая. Тетр. 2. Стр. 200 и кн. третья. Тетр. 10. Стр. 155. Изъ старой записной книжки). То же. (Кн. третья. Тетрадь 5. Стр. 100, въ ст. кн. П. А. Вяземскаго „Жуковскій въ Парижѣ").

1879.

Стихотворенія. Съ предисловіемъ И. С. Аксакова. I. На камень жизни роковой. II. Какъ тихо вѣетъ надъ долиной. 1825. III. Весна (Зима не даромъ злится). IV. Сумерки (Тѣни сизыя смѣсились). V. Какое дикое ущелье! VI. Люблю глаза твои, мой другъ. VII. И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ. VIII. Еще земли печаленъ видъ. IX. Въ дорогѣ (Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный). X. Странникъ (Угоденъ Зевсу бѣдный странникъ). XI. Безуміе (Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой). XII. Ты зналъ его въ кругу большого свѣта. XIII. Въ толпѣ людей въ нескромномъ шумѣ дня. XIV. Когда пробьетъ послѣдній часъ природы. XV. Листья (Пусть сосны и ели). 1830. XVI. Безсонница (Часовъ однообразный бой). XVII. Альпы (Сквозь лазурный сумракъ ночи). XVIII. Сей день, я помню, для меня. 1830. XIX. Mal'Aria (Люблю сей Божій гнѣвъ. Люблю сіе незримо). 1830 г. XIX. Сижу задумчивъ и одинъ. XXI. На древѣ человѣчества высокомъ (1832). Выноска: „Вѣроятно, по поводу смерти Гёте". XXII. Вчера въ мечтахъ обвороженныхъ. XXIII. Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ. 1833 г. Январь 17. XXIV. Ночные голоса (Какъ сладко дремлетъ садъ темно-зеленый). XXV. Нѣтъ моего

къ тебѣ пристрастья. XXVI. Я лютеранъ люблю богослуженье. Дата: Тегернзе, 15 Сентябрь 1834. XXVII. Изъ края въ край, изъ града въ градъ. XXVIII. Конь морской (О, рьяный конь, о, конь морской). XXIX. Къ N. N. (Ты любишь, ты притворствовать умѣешь). XXX. На смерть Пушкина (29 января 1837). (Изъ чьей руки свинецъ смертельный). (Книга вторая. Тетр. 9. Стр. 118—138). Здѣсь также помѣщены на французскомъ языкѣ (съ переводомъ) и два письма Тютчева къ князю Ив. Серг. Гагарину отъ 2—3 Мая и 7 (19) Іюля 1836 г. изъ Мюнхена.

На взятіе Варшавы (1831) (Какъ дочь родную на закланье). (Кн. первая. Тетр. 3. Стр. 385—386). Съ предисловіемъ П. Б. (П. И. Бартенева).

1881.

Неизданное стихотвореніе. Васъ развратило самовластье. (Книга первая. Тетр. 3. Стр. 340). Дата: Мюнхенъ. 1827. Въ оглавленіи книжки сказано: неизданное стихотвореніе Тютчева о Декабристахъ.

1882.

Андрею Николаевичу Муравьеву (Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва). (Книга первая. Тетр. 6. Стр. 214). Дата сверху: Кіевъ. 7 Августа 1869. *— Сообщено, какъ неизданное, Владиміромъ Сергѣевичемъ Муравьевымъ, хотя раньше напечатано въ „Зарѣ“ 1869 г. (см.).

1884.

Издателю „Вѣсти“ (Вы не родились полякомъ). (Книга первая. Тетр. 1. Столб. 243, подъ общей рубрикой „Изъ забытыхъ стихотвореній“).

1885.

Неизданное стихотвореніе. Изъ Манцони (Высокаго предчувствія). (Книга вторая. Тетр. 6. Стр. 320—321). (Сообщено И. С. Аксаковымъ). Съ примѣчаніемъ.

1886.

Папство и римскій вопросъ съ русской точки зрѣнія. (Книга вторая. Тетр. 5. Стр. 33—51). Дата: С.-Петербургъ, 1 (13) октября 1849. Перевелъ съ французскаго *В. Н. Лясковскій;* первыя страницы исправлены И. С. Аксаковымъ. Оригиналъ помѣщенъ въ „Revue des Deux Mondes“ 1850. № 1 подъ заглавіемъ: „La Papauté et la question romaine au point de vue de Saint-Pétersbourg“ (безъ подписи).

Острословіе Ѳ. И. Тютчева (по поводу легкомыслія гр. Бейста). (Кн. вторая. Тетр. 11. Стр. 432. Мелочи).

1890.

Острословіе Ѳ. И. Тютчева. (Кн. третья, Тетр. 9. Стр. 111).

1892.

Три новыя стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. I. Я встрѣтилъ васъ и все былое. II. Не знаю я, коснется ль благодать. III. Des premiers ans de votre vie (съ переводомъ этого стихотворенія — А. А. Фета (О, какъ люблю я возвращаться). (Книга первая. Тетр. 4. Стр. 536—537). Дата вверху: Карлсбадъ, 26 іюня 1870. Первое стихотвореніе ранѣе помѣщено въ „Зарѣ“ 1870 г. подъ заглавіемъ *К. Б.*

Острословіе Тютчева. (Кн. первая. Тетр. 1. Стр. 90.)

1897.

Острословіе Тютчева. (Кн. первая. Тетр. 1. Стр. 54).

1898.

Изъ писемъ Ѳ. И. Тютчева. (Книга третья. Тетрадь 12. Стр. 556—568). Писаны ко второй супругѣ поэта Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ, урожденной баронессѣ Пфеффель († 17 апр. 1894 г.) и относятся къ 1846—1847 и 1853 гг. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями П. И. Бартенева).

1899.

Н. Ѳ. Щербинѣ (Вполнѣ понятно мнѣ значенье). 1857. Сообщено В. Я. Брюсовымъ, какъ новое, не вошедшее ни въ одно изъ изданій стихотвореній Тютчева и извлеченное г. Брюсовымъ изъ „Полнаго собранія стихотвореній Н. Ѳ. Щербины", изд. 1873 г. (Книга третья. Тетр. 11. Стр. 436). Однако ранѣе помѣщено въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1857 г. (см.)

1900.

Письма Ѳ. И. Тютчева къ П. Я. Чаадаеву. 1—4. Французскій текстъ и переводъ. Съ предисловіемъ В. Б. (В. Я. Брюсова). (Книга третья. Тетр. 11. Стр. 410—420).

„Silentium", стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. (Книга третья. Тетр. 11. Стр. 420—421). Замѣтка В. Я. Брюсова о первоначальномъ мѣстѣ напечатанія стихотворенія и о варіантахъ его.

Русскій.

1868.

По прочтеніи депешъ Императорскаго Кабинета, напечатанныхъ въ „Journal de St.-Pétersbourg" (Когда свершится искупленье). (Листы 1 и 2. Января 1. Стр. 10). Въ оглавленіи названо: „По прочтеніи депешъ кн. Горчакова".

Пожары (Широко, необозримо). (№ 16. 19 іюля). (На мѣстѣ передовой статьи). Дата: Іюля 16.

1869.

Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный. (№ 37. Январь 31, за 31-е декабря 1868 г. Петербургскія Замѣтки. Стр. 4).

Эстляндскія Губернскія Вѣдомости.

1869.

Какъ насажденія Петрова. (№ 51, среда 25 іюня). (Стр. 425 въ 3-мъ столбцѣ). Съ вступительнымъ примѣчаніемъ редакціи (редакторъ неофиціальн. части П. Тихановъ). Перепечатано въ „Русской Старинѣ" 1873 г. Т. VIII. № 12 (см.).

Заря.

1869.

Мотивъ Гейне (Если смерть есть ночь, если жизнь есть день). (№ 2. Февраль. Стр. 118). Подписано ***.

Андрею Николаевичу Муравьеву (Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва). (№ 9. Сентябрь. Стр. 1—2).

Корабль въ густомъ, сыромъ туманѣ. (№ 11. Ноябрь. Стр. 108) Подписано *⁂*

1870.

Гусъ на кострѣ (Костеръ сооруженъ, и роковое). (№ 5. Май. Стр. 3—4).

Два единства (Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши). (№ 10. Октябрь. Стр. 3).

К. Б. (Я встрѣтилъ васъ — и все былое). (№ 12. Декабрь. Стр. 26). Подписано: *Т.* Дата: Карлсбадъ.

Православное Обозрѣніе.

1869.

Чехамъ отъ московскихъ славянъ (На ваши, братья, празднества). (Т. III. № 9. Сентябрь. Извѣстія и замѣтки. Стр. 341—342). (Въ статейкѣ „Пятидесятилѣтній юбилей Іоанна Гуса").

1870.

Два единства (Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши). (Т. III. № 11. Ноябрь. Извѣстія и замѣтки. Стр. 396).

Голосъ.

1869.

Современное (Флаги вѣютъ на Босфорѣ). (№ 285. Среда, 15 октября. Стр. 2). (Съ предисловіемъ отъ редакціи).

Спѣшимъ поздравить. Мы охотно. (№ 357. 28 декабря, въ фельетонѣ „Транснаровская Германія"—„Листокъ" Нила Адмирари (Льва Константиновича Панютина).

Стихотворенія, какъ текстъ къ живымъ картинамъ.

1870.

Гусъ на кострѣ (Костеръ сооруженъ—и роковое). (Стр. 19—21).

Стихотворенія къ живымъ картинамъ.

1871.

Черное море (Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло). (Стр. 43—44). Это—къ живымъ картинамъ, даннымъ въ пользу Славянскаго Благотворительнаго комитета, 29 марта 1871 года.

50-лѣтіе гражданской и ученой службы Погодина.

1872.

Врагъ отрицательности узкой. (Стр. 88).

Гражданинъ.

1872.

Декабрьское утро (На небѣ мѣсяцъ—и ночная). (№ 1. 3 Января. (Стр. 9).

Ватиканская годовщина (Былъ день суда и осужденья). (№ 3. 17 Января. Стр. 79).

На смерть М. К. Политковской. Elle a été douce devant la mort (Многозначительное слово). (№ 10. 6 Марта. Стр. 338).

1873.

Наполеонъ III (И ты свершилъ свой подвигъ роковой). (№ 2. 8 Января. Стр. 37).

1875.

Два неизданныя стихотворенія. I. Ты зналъ его въ кругу большого

свѣта. (Дата: въ первой половинѣ 30-хъ годовъ). II. 29 января 1837 г. (На смерть Пушкина). (Изъ чьей руки свинецъ смертельный). Дата: Мюнхенъ. (№ 2. 13 Января. Стр. 38).

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ.

1873.

Ѳ. И. Тютчевъ. (Стр. 345—348). — I. Весеннія воды. (348). — II. Не остывшая отъ зною. (348).—III. Дума за думой, волна за волной. (348).—IV. Не то, что̀ мните вы, природа. (348).—V. Итакъ, опять увидѣлся я съ вами. (348). — VI. Покинутая вилла. (349). — VII. Осенній вечеръ. (349).—VIII. Весенняя гроза. (349).—IX. Обвѣянъ вѣщею дремотой. (349). X. Я помню время золотое. (350).—XI. Какъ птичка раннею зарей. (350).—XII. Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной. (350).—XIII. Песокъ сыпучій по колѣни. (351).—XIV. День и ночь. (351).—XV. Нѣманъ. (351).

1879.

Ѳ. И. Тютчевъ. (Стр. 3 36—340).—I. Весеннія воды. (340). II. Не остывшая отъ зною. (340). — III. Дума за думой, волна за волной. (340). — IV. Не то, что̀ мните вы, природа. (340).—V. Итакъ, опять увидѣлся я съ вами. (340).—VI. Покинутая вилла. (341).—VII. Осенній вечеръ. (341).—VIII. Весенняя гроза. (341).—IX. Обвѣянъ вѣщею дремотой. (341).—X. Я помню время золотое. (342).—XI. Пошли, Господь, свою отраду. (342).—XII. Какъ птичка раннею зарей. (342).—XIII. Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной. (342).—XIV. Песокъ сыпучій по колѣни. (343).—XV. День и ночь. (343).—XIV. Флаги вѣютъ на Босфорѣ. (343).—XVII. Нѣманъ. (344).

1888.

Ѳ. И. Тютчевъ (282—285).—Сюда вошли стихотворенія, напечатанныя въ 1 и 2 изданіяхъ, кромѣ пьесъ: „Не то, что̀ мните вы, природа“, „Я помню время золотое“, „Флаги вѣютъ на Босфорѣ“, и „Нѣманъ“ и вставлено стихотвореніе: „Конченъ пиръ, умолкли хоры“. (Стр. 285).

Русская Старина.

1873.

Какъ насажденія Петрова. (Т. VIII. № 12. Декабрь. Стр. 999). Перепечатка изъ „Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1869. № 51. Въ оглавленіи дано заглавіе: „Русское слово въ Прибалтійской окраинѣ“.

Бываютъ роковые дни. (Т. VIII. № 12. Декабрь. Стр. III—IV въ статьѣ А. В. Никитенко. „Ѳ. И. Тютчевъ“). Приведенные здѣсь стихи присланы Тютчевымъ Никитенкѣ, „начертанные дрожащей рукою“; за стихотвореніемъ слѣдовала приписка: „Другъ мой, когда я васъ увижу? Мнѣ страшно тяжело и грустно“.

1883.

Князю Италійскому, графу А. А. Суворову-Рымникскому (Гуманный внукъ воинственнаго дѣда). (Т. XXXVIII. № 4. Апрѣль. Стр. 208—209). Дата: 12 ноября. 1863. С.-Петербургъ. Сообщилъ Помпей Николаевичъ Батюшковъ.—Написано по поводу посылки Батюшковымъ иконы св. Архистратига Михаила графу М. Н. Муравьеву 8 ноября 1863 г.

1885.

I. Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ. II. Такъ въ жизни есть мгновенія. (Т. XLV. № 2. Февраль. Стр. 433—439). Доставлены черезъ посредство Я. П. Полонскаго г. Денисьевымъ, и оба относятся къ г-жѣ Д*** (Денисьевой). Дата: 10 іюля 1855 г.

1886.

Какъ дочь родную на закланье. (1831). (Т. LI. № 8. Августъ. Стр. 355—356). Сообщено 13 января 1883 г. отцомъ Мартыновымъ съ автографа, сохранившагося въ числѣ прочихъ бумагъ Тютчева у покойнаго іезуита кн. И. С. Гагарина.

Поправка. М. (Т. LII. № 10. Октябрь. Стр. 234). О пропускѣ въ предыдущихъ стихахъ на страницѣ 359 строки: „И наша общая свобода" и на страницѣ 355 въ 11 стихѣ слова „самодержавья".

1887.

Къ одѣ Пушкина: „На вольность" (Огнемъ свободы пламенѣя). (Т. LVI. № 10. Октябрь. Стр. 129. Въ статьѣ Екатерины Степановны Некрасовой: „Альбомъ С. Д. Полтарацкаго. 1820—1852 гг.").

Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ.

1877.

Гёте: Саконтала. (Стр. 148).—Шиллеръ: Пѣснь радости. (Стр. 233—234).

Собр. сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей.

1878.

Перемѣна (Лежу я въ потокѣ на камняхъ). (Т. I. Стр. 7). Привѣтствіе духа (На старой башнѣ, у рѣки). (Стр. 35). Саконтала (Что южный годъ даетъ цвѣтамъ). (Стр. 105).

Русь.

1880.

Въ альбомъ П. А. Вакара (Велѣнью высшему покорны). (№ 2. Стр. 17).

Сборникъ стихотвореній изъ 54 русскихъ поэтовъ.

1881.

I. Весеннія воды. (Т. I. Стр. 338).—II. Что ты клонишь надъ водами. (339).—III. Весна. (339).—IV. Я помню время золотое. (341).—V. Душа моя — элизіумъ тѣней. (342).—VI. Востокъ бѣлѣлъ... ладья катилась. (343).—VII. День и ночь. (343).—VIII. Не вѣрь, не вѣрь поэту. (344).—IX. Весенняя гроза. (345).—X. Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь. (346).—XI. Слезы. (347).—XII. Я очи зналъ,—о, эти очи. (347).—XIII. Нашъ вѣкъ. (348).—XIV. Теперь тебѣ не до стиховъ. (349).—XV. На новый 1855 годъ. (350).—XVI. Эти бѣдныя селенья. (351).—XVI. Народный праздникъ. (352)—XVIII. Императору Александру II. (353).—XIX. При посылкѣ Новаго Завѣта. (353).—XX. Ницца. (354).—XXI. На кончину Е. И. В. Государя Наслѣдника Николая Александровича. (355).—XXIII. На смерть графа М. Н. Муравьева. (356).—XXV. На юбилей Н. М. Карамзина. (356).—XXV. Славянамъ. (358).—XXVI. Вечеръ. (361).—XXVII. Весна. (361).—XXVIII. Сумерки. (362).—XXIX. Еще земли печаленъ видъ. (363).—XXX. Листья. (364).—XXXI. Я лютеранъ люблю богослуженье. 366).—XXXII. На смерть Пушкина. (366—367).

Album de madame Olga Kozlow.

1883.

Осенней, позднею порой. (Стр. 167—168).

Московскія Вѣдомости.

1883.

Свѣтлое Христово Воскресенье (День православнаго Востока). (№ 107. 19 апрѣля. Стр. 3). Дата: 1872.

Книга любви.

1888.

О, какъ убійственно мы любимъ. (Стр. 97).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1891.

Фонтанъ (Смотри, какъ облакомъ живымъ). Переводъ на латинскій языкъ (Nimbosa versans usque volumina). *G. S.* (Ч. CCLXXV. № 6. Іюнь. Отд. V. Стр. 80).

Свѣтъ.

1893.

Неизданное стихотвореніе. Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ. (№ 175. 5 Августа. Стр. 2, въ романѣ Ѳ. Ѳ. Тютчева (сына поэта) „На границѣ", гл. XXVI).

Русская Лира.

1893.

Дума за думой, волна за волной (Т. I. Стр. 20).—Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ (Т. I. Стр. 20—21).

Волна.

1893.

Слезы (Слезы людскія) (Стр. 15).—Пошли, Господь, свою отраду. (52).—Въ душномъ воздухѣ молчанье. (94).—Какъ неразгаданная тайна. (96).—Чему молилась ты съ любовью. (107).—Еще томлюсь тоской желаній. (164).—О, какъ убійственно мы любимъ. (167).—Эти бѣдныя селенья. (202).—Ты долго ль будешь за туманомъ. (205).—Умомъ Россіи не понять. (210).—Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ. (216).—Не то, что̀ мните вы, природа. (221).—Восходъ солнца. (232—233).—Весеннія воды. (234).—Весенняя гроза. (237—238).—Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ. (257).—Песокъ сыпучій по колѣни... (264).—Не остывшая отъ зною. (268).—Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ. (274).—Осенній вечеръ. (280).—И гробъ опущенъ ужъ въ могилу. (302).—Нашъ вѣкъ. (323).

Лирика и антологія русскихъ поэтовъ.

1895.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ. (Стр. 3—4).—Люблю грозу въ началѣ мая. (37).—Что̀ ты клонишь надъ водами. (68).—Люблю глаза твои, мой другъ. (79).—Не остывшая отъ зною. (89).—О, этотъ югъ, о, эта Ницца! (96).—Еще томлюсь тоской желаній. (106).—Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ. (114).—Пошли, Господь, свою отраду. (120).—Конченъ пиръ, умолкли хоры. (135).—Подъ дыханьемъ непогоды. (168).—Дума за думой, волна

за волной (173).—Есть въ осени первоначальной. (178).—Слезы людскія, о, слезы людскія! (185).—Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ. (194).—Эти бѣдныя селенья. (202).—Обвѣянъ вѣщею дремотой. (209).—Я очи зналъ,—о, эти очи! (258).—Послѣдняя любовь. (278).—Чему молилась ты съ любовью. (294).

Философскія теченія русской поэзіи.

1896.

Святая ночь. (197).—Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной. (197).—Ночные голоса. (198).—Безумье. (198).—Дума за думой, волна за волной. (199).—Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ. (199).—Сумерки. (199).—Весна (Какъ ни гнететъ рука судьбины). (200). — Такъ въ жизни есть мгновенія. (201).—О, не кладите меня. (202).—Листья. (202).—Когда что̀ звали мы своимъ (203).—Mal'aria. (204).—Est in arundineis modulatio musica ripis. (204).—Итальянская вилла. (205).—О, какъ убійственно мы любимъ. (205—206).—Она сидѣла на полу. (207). — Послѣдняя любовь. (207). — Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ. (208). — Эти бѣдныя селенья. (208).

1899.

То же. Безъ измѣненій.

Домашняя Библіотека.

1896.

Весна идетъ (Молчитъ сомнительно Востокъ). (№ 2. Февраль. Стр. 244).

Росинки съ цвѣтовъ всемірной поэзіи.

1897.

Чему молилась ты съ любовью. (Стр. 30).—Эти бѣдныя селенья. (Стр. 33).—Я очи зналъ,—о, эти очи! (Стр. 133).—Послѣдняя любовь. (Стр. 206).

Русскіе романсы.

1898.

Какъ неразгаданная тайна. (Стр. 11).

Русскіе поэты за сто лѣтъ.

1901.

I. Осенній вечеръ. (114).—II. Когда въ кругу убійственныхъ заботъ. (115).—III. Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь. (115).—IV. Поэзія. (115).—V. Еще томлюсь тоской желаній. (116).—VI. Слезы (Слезы людскія, о, слезы людскія). (116).—VII. Дума за думой, волна за волной. (116).—VIII. Эти бѣдныя селенья. (116).—IX. Пѣвучесть есть въ волнахъ морскихъ. (117).

Библіотека великихъ писателей. Шиллеръ.

1901.

Фортуна и Мудрость. (Стр. 14).—Пѣснь радости. (Стр. 29—30).

Puschikiniana (Кіевъ).

1902.

Посланіе Пушкину по поводу „Оды на вольность“ (Огнемъ свободы пламенѣя“). (Стр. 44—45).

Сѣверные Цвѣты.

1903.

Самосознанье (Святая ночь на небосклонъ взошла). (Стр. 1). Выноска: Стихотвореніе это печатается по автографу Ѳ. И. Тютчева, съ новой, впервые появляющейся въ печати, строфой.

(Четыре стиха). Намъ не дано предугадать. (Стр. 182). Дата: С.-Петербургъ, 27 февраля 1869.

Автографъ 1-го четверостишія (Святая ночь...). (Стр. 185).

Автографъ четверостишія (Намъ не дано). (Стр. 187).

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ. (Стр. 189—190. Примѣчанія къ стихамъ Ѳ. И. Тютчева на стр. 1 и 182 В. Ѳ. Саводника).

Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ. (Стр. 190. Примѣчаніе В. Ѳ. Саводника).

Огнемъ свободы пламенѣя. (Стр. 190—191. Примѣчанія В. Ѳ. Саводника).

Новый Путь.

1903.

Поэзія (Среди громовъ, среди огней). Автографъ.—Стихи Ѳ. Тютчева (стихотворенія, не вошедшія въ послѣднее изданіе сочиненій). I. Изъ „Весенняго привѣтствія стихотворцамъ" (О, вы, чей взоръ столь часто освященъ). II. Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу. Дата: 1820. III. Безвременная ночь восходитъ безнадежно. 6 ноября 1848. (Переводъ Валерія Брюсова французскаго стихотворенія Тютчева, изд. 1900, стр. 445 (Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège). IV. (Огни блестящіе во глуби свѣтло-синей). 23 августа 1850. (Переводъ Валерія Брюсова французскаго стихотворенія Тютчева. Соч. 1900 г. Стр. 5 (Vous, dont on voit briller dans les nuits azurées). V. О, какъ люблю я возвращаться. 12 апрѣля 1851. Переводъ А. А. Фета французскаго стихотворенія Тютчева. Соч. изд. 1900 г. Стр. 3. (Un rêve. Quel don lui faire au déclin de l'année?). VI. 15 іюля 1865 г. (Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло). VII. Наканунѣ годовщины 4 августа (Вотъ бреду я вдоль большой дороги). 3 августа 1865. VIII. Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла. 23 ноября 1865. IX. По возвращеніи изъ Ниццы (Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ). 1865. X. Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ. Октябрь 1867. XI. Опять стою я надъ Невой. Іюнь 1868. XII. Намъ не дано предугадать. 27 февраля 1869. (Стр. 1—13).

Записочки Ѳ. И. Тютчева. I — III. А. Н. Майкову. IV. Неизвѣстному. (Стр. 13—14).

Историческій Вѣстникъ.

1903.

Стихотворенія: Іюнь 1868 г. (Опять стою я надъ Невою — 15 іюля 1865 г. (Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло). — 23 ноября 1865 г. (Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла). — Наканунѣ годовщины 4 августа 1864 г. (Вотъ бреду я вдоль большой дороги). — По возвращеніи изъ Ниццы въ 1865 г. (Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ). (Т. XCIII. № 7. Іюль. Стр. 201—203, въ концѣ статьи Ѳ. Т. (Ѳ. Ѳ. Тютчевъ, сынъ поэта) „Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ" (Матеріалы къ его біографіи).

Россія.

1906.

Ѳ. И. Тютчевъ. (Стр. 447—448).—Осенній вечеръ. (449).—Когда въ кругу убійственныхъ заботъ. (449).—Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь. (449).—Поэзія. (450).—Еще томлюсь тоской желаній. (450).—Слезы людскія, о слезы людскія. (450).—Дума за думой, волна за волной. (451).—Эти бѣдныя селенья. (451). — Est in arundineis modulatio musica ripis. (451—452). (Приложеніе на отдѣльныхъ листахъ „Русскіе поэты").

ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Уранія. Безъ означенія мѣста и года печати. (М. 1820). 4 д. л. Унив. тип. 6 стр. (Это не болѣе, какъ оттискъ изъ отчетовъ и рѣчей Имп. Моск. Унив.).

Стихотворенія Ѳ. Тютчева. СПБ. 1854. Тип. Эдуарда Праца, 16 д. л. 2 ненум., 139 и 2 ненум. стр. Печатать позволяется. СПБ. Мая 30 дня 1854. Цензоръ В. Бекетовъ.

Помѣщено CXI пьесъ. Предисловіе: „Получивъ отъ Ѳ. И. Тютчева право на изданіе его стихотвореній, редакція „Современника" помѣстила въ этомъ собраніи и тѣ стихотворенія, которыя принадлежатъ къ самой ранней эпохѣ дѣятельности поэта и теперь были бы, вѣроятно, имъ самимъ отвергнуты. Но мы сочли за лучшее дать публикѣ изданіе по возможности полное. Такимъ образомъ въ настоящемъ собраніи представляется публикѣ вся поэтическая дѣятельность поэта за исключеніемъ нѣсколькихъ пьесъ, совершенно незначительныхъ". СПБ. Май 1854.

Стихотворенія Тютчева (на цвѣтной обложкѣ: Ѳ. Тютчева). М. 1868. Тип. А. И. Мамонтова. 8 д. л. 250 и V стр. Помѣщено CLXXXV пьесъ. (Изданіе И. С. Аксакова, напечатанное подъ наблюденіемъ П. И. Бартенева, написавшаго нѣсколько вступительныхъ словъ, съ помѣтой: мартъ 1868 г.). Выпущено въ двухъ видахъ: полномъ и съ исключеніями.

Новонайденныя стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. М. 1879. 8 д. л. Въ Университетской тип. 21 стр. со вступленіемъ И. С. Аксакова. (Это не болѣе, какъ оттискъ изъ „Русскаго Архива" 1879 г., заключенный въ обложку). Помѣщено 30 стихотвореній.

Стихотворенія Ѳедора Ивановича Тютчева. Новое изданіе, значительно дополненное. Въ Университетской тип. (М. Каткова). М. 1883. 16 д. л. Изд. „Русскаго Архива". X и 226 стр. Съ предисловіемъ (на обложкѣ, на 2-й стр.) П. Б. (т.-е. П. И. Бартенева). Помѣщено CLXXIII стихотворенія. Вопреки указаніямъ на титулѣ, что это „значительно дополненное" изданіе, въ немъ исключены переводы и другія пьесы. Стихотворенія расположены по отдѣламъ: I) „Природа", II) „Любовь", III) „Жизнь, исторія, политика".

Стихотворенія Ѳедора Ивановича Тютчева. Новое изданіе. М. 1886. Въ Университетской тип. (М. Каткова). Дозволено цензурою. М. 19 ноября 1885 г. Изд. „Русскаго Архива". 16 д. л. XII и 210 стр. Вошло 188 пьесъ, подобно изданію 1883 г., расположенныхъ по тѣмъ же отдѣламъ. Съ предисловіемъ.

Стихотворенія Ѳедора Ивановича Тютчева. М. 1899 г. Университетская тип. Изд. „Русскаго Архива". М. Дозволено цензурой 30 сентября 1898 г. 16 д. л. XIV и 272 стр. Со вступленіемъ П. Б. (т.-е. П. И. Бартенева). Помѣщено CCV стихотвореній, расположенныхъ по отдѣламъ, какъ въ двухъ предыдущихъ изданіяхъ.

Сочиненія Ѳ. И. Тютчева. Стихотворенія и политическія статьи. СПБ. Тип. Тренке и Фюсно. 1886. 8 д. л. Стр. XIV и 584. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали, и двумя автографами. Печаталось при участіи А. Н. Майкова. Раздѣлено на два отдѣла: оригинальныя и переводныя стихотворенія, при чемъ первыя подраздѣлены на пьесы, написанныя въ 1820—1836 гг. и съ 1837 по 1873 г. Политическія статьи въ подлинникѣ и переводѣ помѣщены въ концѣ. Всего вошло CCLXII стихотворенія.

Сочиненія Ѳ. И. Тютчева. Стихотворенія и политическія статьи. Съ портретомъ (фототипія В. Классенъ) и снимкомъ съ рукописи автора. Изданіе второе, исправленное и дополненное. СПБ. 1900. Тип. А. С. Суворина. 8 д. л. 2 ненум., 622 и X стр. Вошло CCLI оригинальныхъ стихотвореній, XXXVII переводныхъ и II на французскомъ языкѣ, — всего CCXC. Выдѣлены подъ особой нумераціей шесть стихотвореній, посвященныхъ Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой. Далѣе слѣдуютъ: 1) Стихотворенія 1820—1873, 2) Переводы, 3) Стихотворенія на французскомъ языкѣ, 4) Политическія статьи, 5) Краткія примѣчанія къ стихотвореніямъ и 6) Оглавленіе (въ алфавитномъ порядкѣ). Предисловіе подписано: Иванъ, Дарья Тютчевы. Октябрь 1899 г. Изъ него узнаёмъ, что это изданіе „пересмотрѣнное и дополненное нѣсколькими стихотвореніями, до сего времени еще нигдѣ не напечатанными, составлено при просвѣщенномъ содѣйствіи библіографа А(лександра) А(лександровича) Флоридова (одного изъ почтенныхъ библіотекарей Императорской Публичной Библіотеки), по рукописямъ, тщательно собраннымъ и приведеннымъ въ порядокъ женой поэта, Эрнестиной Ѳедоровной Тютчевой, рожденной баронессой Пфеффель († 17 апрѣля 1894 г)“.

Ѳ. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями и варіантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. Редакція изданія П. В. Быкова. Изданіе и типогр. Т—ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1912. 8 д. л. XLVII съ 694 стр. Ц. 3р. Вошло CCCXXV стихотвореній, изъ которыхъ впервые помѣщено XV пьесъ, не вошедшихъ ни въ одно изъ прежнихъ изданій. Въ приложеніи напечатаны: I. Изъ „Тютчевіаны“. II. Примѣчанія и варіанты. III. Библіографія произведеній Ѳ. И. Тютчева, составл. П. В. Быковымъ, и IV. Подробный алфавитный указатель.

Полное собраніе сочиненій Ѳ. И. Тютчева. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями и варіантами, факсимиле и портретомъ. Подъ редакціей П. В. Быкова. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1913. Тип. артистическ. заведенія Т—ва А. Ф. Марксъ. 16 д. л. 468 стр. Приложеніе къ журналу „Нива“ 1913 г. Перепечатка предыдущаго изданія съ исправленіями и дополненіями. Къ приложенію добавлены стихотворенія, посвященныя Тютчеву.

F. J. Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmassen des Originals, em Russischen nachgebildet von H. Noé. München. 1861.

Алфавитный указатель.

стр.

Абазѣ, Ю. Ѳ. (Такъ гармоническихъ орудій) 253
Августъ 1850 года (Подъ дыханьемъ непогоды). 143
Акинфіевой, Н. С. 1. Какъ лѣтней иногда порою. 206
2. И самый домъ нашъ будто ожилъ 207
3. Какъ ни бѣсилося злорѣчье. 208
„Аллахъ! пролей на насъ твой свѣтъ!“ („Олеговъ щитъ“). . . . 275
Альпы (Сквозь лазурный сумракъ ночи). 63
Анненковой, Е. Н. (D'une fille du Nord, chetive et languissante) . 360
Анненковой, Е. Н. (И въ нашей жизни повседневной). 188
Арфа скальда (О, арфа скальда, долго ты спала). 110

Байронъ. Въ альбомъ друзьямъ (Какъ медлитъ путника виманье). 371
Безпомощный и убогій („Телеграмма въ Петергофъ князю П. А. Вяземскому“) 221
Безсонница (Ночной порой въ пустынѣ городской) 268
Безсонница (Часовъ однообразный бой) 58
Безуміе (Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой) 79
Библіографія произведеній Ѳ. И. Тютчева 665
Близнецы (Есть близнецы—для земнородныхъ). 127
Блудовой, графинѣ А. Д. (Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе) . . 229
Блудовой, графинѣ А. Д. (Какъ этого посмертнаго альбома) . . . 236
Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ („На кончину брата“) . 256
Британскій леопардъ 347
Бываютъ роковые дни („А. В. Никитенко“) 269
Былъ день, когда Господней правды молотъ („Encyclica“). . . . 304
Былъ день суда и осужденья („Ватиканская годовщина“). . . . 343
Былъ царь, какъ мало нынѣ („Фаустъ“. 3. Изъ Гёте) 378

Вамъ выпало призванье роковое („Князю Горчакову“). 303
Васъ развратило самовластье („Декабристамъ“) 276
Ватиканская годовщина (Былъ день суда и осужденья) 343
Вдали отъ солнца и природы 133
Велѣнью высшему покорны („Въ альбомъ П. А. Вакара“) . . . 339
Великій день Карамзина („На юбилей Н. М. Карамзина“) . . . 312

Великій Карлъ, прости!—Великій, незабвенный (Изъ В. Гюго) . 418
Венеція (Дожъ Венеціи свободной) 137
Весеннее успокоеніе (О, не кладите меня. Изъ Уланда) 403
Весеннія воды (Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ) 73
Весенняя гроза (Люблю грозу въ началѣ мая). 47
Весна (Зима недаромъ злится). 35
Весна (Какъ ни гнететъ рука судьбины) 111
Весна (Любовь земли и прелесть года) 22
Весь день она лежала въ забытьи 211
Вечеръ (Какъ тихо вѣетъ надъ долиной) 17
Вечеръ мглистый и ненастный 97
Видѣніе (Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья) 55
Викторъ Гюго (Великій Карлъ, прости!—Великій, незабвенный). . 418
Вновь твои я вижу очи 130
Вопросы (Надъ моремъ, дикимъ полуночнымъ моремъ. Изъ Гейне) 406
18 августа 1865 г. дорогой (Ночное небо такъ угрюмо) 228
Востокъ бѣлѣлъ... Ладья катилась... 87
Восходъ солнца (Молчитъ сомнительно Востокъ) 308
Вотъ арфа ея въ обычайномъ углу („Cache-cache“). 51
Вотъ бреду я вдоль большой дороги („Наканунѣ годовщины 4-го августа 1865 г.“) 223
Вотъ нашъ патентъ на благородство. („На книжкѣ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева“. Стих. А. Фета). 607
Вотъ отъ моря и до моря 177
Вполнѣ понятно мнѣ значенье („Н. Ѳ. Щербинѣ“) 180
Врагъ отрицательности узкой („На юбилей М. П. Погодина“) . . 259
Все отнялъ у меня казнящій Богъ („Э. Ѳ. Тютчевой“. II) 271
Все рѣшено, и онъ спокоенъ („На кончину Госуд. Насл. Николая Александровича“) 218
Все, что̀ сберечь мнѣ удалось („Э. Ѳ. Тютчевой“. I) 270
Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées („Э. Ѳ. Тютчевой“ 2). 357
Вчера, въ мечтахъ обворожённыхъ 33
Въ альбомъ П. А. Вакара (Велѣнью высшему покорны) 339
Въ альбомъ друзьямъ (Какъ медлитъ путника вниманье). (Изъ Байрона) 371
Въ деревнѣ (Что̀ за отчаянные крики). 249
Въ дорогѣ (Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный) 44
Въ душномъ воздухѣ молчанье 89
Въ іюлѣ 1850 года (Пошли, Господь, свою отраду) 142
Въ которую изъ двухъ влюбиться (Изъ Гейне). 411
Въ небѣ таютъ облака 239
Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ („Римъ ночью“). 136
Въ разлукѣ есть высокое значенье. 154
Въ Римѣ (Когда средь Рима древняго сооружалось зданье). (Съ французскаго) 427
Въ толпѣ людей, въ нескромномъ шумѣ дня 27
Въ тѣ дни кроваво-роковые („На юбилей князя А. М. Горчакова“). 323
Въ часы, когда бываетъ. 184
Вы мнѣ жалки, звѣзды-горемыки! („Ночныя мысли“. Изъ Гёте) . 388
Вы не родились полякомъ („Издателю газеты „Вѣсть“). 305

стр.
Высокаго предчувствія („Наполеонъ". Изъ Манцони) 420
Вѣковать ли намъ въ разлукѣ („Къ Ганкѣ") 281
Вяземскому, князю П. А. (Теперь не то, что за полгода) 200

Ганкѣ (къ) (Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?) 281
Гёте.
I. Саконтала (Что̀ юный годъ даетъ цвѣтамъ?) 372
II. Перемѣна (Лежу я въ потокѣ на камняхъ... Какъ радъ я!). 373
III. Фаустъ. 1. Кто звалъ меня?—О, страшный видъ! . . . 374
2. Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ . . . 376
3. Былъ царь, какъ мало нынѣ 378
IV. Западъ, Нордъ и Югъ въ крушеньи 380
V. Привѣтствіе духа (На старой башнѣ у рѣки). . . . 382
VI. Пѣвецъ (Что̀ тамъ за звуки предъ крыльцомъ) . . . 383
VII. Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ. . . . 385
VIII. Изъ „Вильгельма Мейстера":
1. Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ. . . 386
2. Кто хочетъ міру чуждымъ быть. 387
3. Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ. —
IX. Ночныя мысли (Вы мнѣ жалки, звѣзды-горемыки) . . 388
X. Egmont (Радость и горе въ чужомъ упоеньи) 389
Гейне.
I. Съ чужой стороны (На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ). 405
II. Вопросы (Надъ моремъ, дикимъ полуночнымъ моремъ). 406
III. Кораблекрушеніе (Надежда и любовь, все, все погибло). 407
IV. Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ. 409
V. Другъ, откройся предо мною 410
VI. Въ которую изъ двухъ влюбиться 411
VII. Если смерть есть ночь, если жизнь есть день . . . 412
Гильфердингу, А. Ѳ. (Спѣшу поздравить. Мы охотно) 335
Глядѣлъ я, стоя надъ Невой (12 ноября 1844 года) 120
Горацій. Посланіе Горація къ Меценату (Приди, желанный гость, краса моя и радость!) 365
Горчакову, князю (Вамъ выпало призванье роковое) 303
Горчакову, князю А. М. (Да, вы сдержали ваше слово) 342
Горчакову, князю А. М. (Когда свершится искупленье) 325
Графинѣ А. Д. Блудовой (Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе) . . 229
Графинѣ А. Д. Блудовой (Какъ этого посмертнаго альбома) . . . 236
Графинѣ Ростопчиной. 1850 года (Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни) 145
Графинѣ Ростопчиной (О, въ эти дни, дни роковые) 178
Гроза дорогой (Неохотно и несмѣло) 126
Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ („Успокоеніе") 76
Грустный видъ и грустный часъ! („Дорога изъ Кёнигсберга въ Петербургъ". II) 191
Гуманный внукъ воинственнаго дѣда („Князю А. А. Суворову") . 302
Гусъ на кострѣ (Костеръ сооруженъ, и роковое) 337
Гюго. Великій Карлъ, прости!—Великій, незабвенный 418

Да, вы сдержали ваше слово („Князю А. М. Горчакову") . . . 342
Давно ль, давно ль, о, югъ блаженный 105

стр.
Два голоса (Мужайтесь, о, други, боритесь прилежно) 291
Два демона ему служили („Наполеонъ". 2) 279
23 ноября 1865 г. (Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла). 224
Два единства (Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши) . . 314
Два разнородныя стремленья („Къ портрету") 230
Двумъ сестрамъ (Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ) 85
12 ноября 1844 г. (Глядѣлъ я, стоя надъ Невой) 120
Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы 244
Декабристамъ (Васъ развратило самовластье) 276
Декабрьское утро (Не движется ночная тѣнь) 192
День вечерѣетъ, ночь близка 155
День и ночь (На міръ таинственный духовъ) 113
День православнаго Востока 261
Des premiers ans de votre vie („Э. Ѳ. Тютчевой". 3) 358
Дожъ Венеціи свободной („Венеція") 137
Дорога изъ Кёнигсберга въ Петербургъ.
I. Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ 190
II. Грустный видъ и грустный часъ! 191
Дочери Д. Ѳ. Тютчевой (Когда на то нѣтъ Божьяго согласья) . . 217
Другъ, откройся предо мною (Изъ Гейне) 410
Дума за думой, волна за волной („14 іюля 1851 года") 152
Душа моя—элизіумъ тѣней. 98
Душа хотѣла бъ быть звѣздой. 45
Душой весны природа ожила („Могила Наполеона") 48
Дымъ (Здѣсь нѣкогда, могучій и прекрасный) 237
D'une fille du Nord, chètive et languissante („Е. Н. Анненковой"). 360

Egmont („Радость и горе въ живомъ упоеньи" (Изъ Гёте) . . . 389
Едва мы вышли изъ Трезенскихъ вратъ (Изъ Расина). 413
Ея послѣдніе я помню взоры („Memento") 195
Encyclica (Былъ день, когда Господней правды молотъ) 304
Если смерть есть ночь, если жизнь есть день (Изъ Гейне) . . . 412
Есть близнецы—для земнородныхъ („Близнецы"). 127
Есть въ осени первоначальной 183
Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ („Осенній вечеръ") . . . 116
Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ. 225
Есть много мелкихъ безымянныхъ („N. N.") 193
Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья („Видѣніе") 55
Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ („Весеннія воды") 79
Еще земли печаленъ видъ 26
Еще князю П. А. Вяземскому (Когда дряхлѣющія силы) 235
Еще томлюсь тоской желаній 124
Еще шумѣлъ веселый день. 170

Женева 11 (23) октября 1864 г. 212
Живымъ сочувствіемъ привѣта 117

Западъ, Нордъ и Югъ въ крушеньи (Изъ Гёте) 380
Заревѣлъ голодный левъ („Пѣсня". Изъ Шекспира). 370
Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ („Фаустъ". 2. Изъ Гёте) . . . 376
Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный („Въ дорогѣ") 44

стр.
Здѣсь нѣкогда, могучій и прекрасный („Дымъ“) 237
Зима недаромъ злится („Весна“). 35

И бунтуетъ и клокочетъ („Море и утесъ“) 284
И вотъ въ рядахъ отечественной рати („Памяти Е. П. Ковалевскаго“). 326
И въ Божьемъ мірѣ то жъ бываетъ. 231
И въ нашей жизни повседневной („Е. Н. Анненковой“) 188
Играй, покуда надъ тобою 203
И гробъ опущенъ ужъ въ могилу 93
Издателю газеты „Вѣсть“ (Вы не родились полякомъ) 305
Изъ „Вильгельма Мейстера“. (Изъ Гёте).
1. Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ 386
2. Кто хочетъ міру чуждымъ быть. 387
3. Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ . . . . . —
Изъ края въ край, изъ града въ градъ 81
Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши („Два единства“) . 314
Изъ „Тютчевіаны“ 597
Изъ чьей руки свинецъ смертельный („На кончину Пушкина“) . 99
И море и буря качали нашъ челнъ („Сонъ на морѣ“). 46
Императору Александру II (Такъ! Онъ спасенъ! Иначе быть не можетъ!) 309
Императору Александру II (Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка) 300
Императору Александру II (Царь благодушный, Царь съ евангельской душою) 349
Императрицѣ Маріи Александровнѣ.
1. Кто бъ ни былъ ты, но, встрѣтясь съ ней. 213
2. Какъ неразгаданная тайна 214
И опять звѣзда ныряетъ („На Невѣ“). 141
И, распростясь съ тревогою житейской („Итальянская вилла“). . 107
И самый домъ нашъ будто ожилъ. („Н. С. Акинфіевой“. 2). . . 207
Итакъ, опять увидѣлся я съ вами 121
Итальянская вилла (И, распростясь съ тревогою житейской). . . 107
И тихими послѣдними шагами („На смерть графа Д. Н. Блудова“). 210
И ты свершилъ свой подвигъ роковой („Наполеонъ III“). . . . 345
И ты стоялъ, — передъ тобой Россія („Наполеонъ“. 3). 280
И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ 194
Іюнь 1868 г. (Опять стою я надъ Невой). 240

К. Б. (Я встрѣтилъ васъ, и все былое) 254
Какое дикое ущелье! 56
Какое лѣто, что̀ за лѣто! 172
Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь. 151
Какъ вѣрно здравый смыслъ народа 307
Какъ дочь родную на закланье („На взятіе Варшавы“) 277
Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ! 131
Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе („Графинѣ А. Д. Блудовой“) . 229
Какъ крадется къ милой любовникъ тайкомъ (Изъ „Вильгельма Мейстера“. Изъ Гёте) 387
Какъ лѣтней иногда порою („Н. С. Акинфіевой“. 1). 206

стр.
Какъ медлитъ путника вниманье („Въ альбомъ друзьямъ". Изъ Байрона) 371
Какъ надъ горячею золой 84
Какъ насажденія Петрова 328
Какъ неожиданно и ярко 257
Какъ неразгаданная тайна („Императрицѣ Маріи Александровнѣ". 2). 214
Какъ ни бѣсилося злорѣчье („Н. С. Акинфіевой". 3) 208
Какъ ни гнететъ рука судьбины („Весна") 111
Какъ ни дышетъ полдень знойный. 140
Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ. 260
Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной. 70
Какъ онъ любилъ родныя ели („О Ламартинѣ") 123
Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни („Графинѣ Ростопчиной"). 145
Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ (Изъ Гейне) 409
Какъ птичка раннею зарей. 36
Какъ сладко дремлетъ садъ темно-зеленый („Ночные голоса"). . 74
Какъ тихо вѣетъ надъ долиной („Вечеръ"). 17
Какъ хорошо ты, о, море ночное („Ницца, 2 (14) января 1865 г.") 216
Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вершины („Одиночество". Изъ Ламартина) 416
Какъ этого посмертнаго альбома („Графинѣ А. Д. Блудовой") . . 236
Cache-cache (Вотъ арфа ея въ обычайномъ углу). 51
Quel don lui faire au déclin de l'année? („Un rêve". Э. Ѳ. Тютчевой. 1). 355
(La) Question romaine (Политич. статья въ подлинникѣ. III) . . . 559
Когда въ кругу убійственныхъ заботъ. 132
Когда дряхлѣющія силы („Еще князю П. А. Вяземскому"). . . 235
Когда на то нѣтъ Божьяго согласья („Дочери Д. Ѳ. Тютчевой") . 217
Когда пробьетъ послѣдній часъ природы („Послѣдній катаклизмъ"). 78
Когда свершится искупленье („Князю А. М. Горчакову"). . . . 325
Когда средь Рима древняго сооружалось зданье („Въ Римѣ". Съ французскаго) 427
Когда, что̀ звали мы своимъ (Изъ Ленау) 404
Колумбъ. (Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ! Изъ Шиллера). 703
Конченъ пиръ, умолкли хоры. 138
Конь морской (О, рьяный конь, о, конь морской) 40
Кораблекрушеніе (Надежда и любовь, все, все погибло! Изъ Гейне.) . . 407
Корабль въ густомъ, сыромъ туманѣ 252
Костеръ сооруженъ, и роковое („Гусъ на кострѣ"). 337
Кто бъ ни былъ ты, но, встрѣтясь съ ней („Императрицѣ Маріи Александровнѣ". 1.). 213
Кто звалъ меня? — О, страшный видъ! („Фаустъ". 1. Изъ Гёте) . 374
Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ (Изъ „Вильгельма Мейстера." 1. Изъ Гёте) 386
Кто хочетъ міру чуждымъ быть (Изъ „Вильгельма Мейстера". 2. Изъ Гёте) 387
Куда себя морочите вы грубо! („Москвичамъ") 306
Къ *** (Уста съ улыбкою привѣтной). 39
Къ Ганкѣ (Вѣковать ли намъ въ разлукѣ). 281
Къ друзьямъ (Что̀ пѣлъ божественный, друзья) 28
Къ Н. (Твой милый взоръ, невинной страсти полный). 16
Къ Нисѣ (Ниса, Ниса, Богъ съ тобою! Изъ неизвѣстныхъ авторовъ). 424
Къ портрету (Два разнородныя стремленья). 230

стр.
Лазурь небесная смѣется („Утро въ горахъ“). 60
Ламартинъ. Одиночество (Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вершины) 416
Лебедь (Пускай орелъ за облаками). 115
Лежу я въ потокѣ на камняхъ... Какъ радъ я! („Перемѣна“. Изъ Гёте) . 373
Ленау. (Когда, что̀ звали мы своимъ) 404
Lettre à m. le docteur Gustave Kolb (Политич. статья въ подлин. I). 519
Lettre sur la censure en Russie (Политич. статья въ подлин. IV) . 583
Листья (Пусть сосны и ели) 64
Lorsqu'un noble prince, en ces jours de démence. 361
Лѣниво дышитъ полдень мглистый („Полдень“) 43
Лѣсъ зеленѣетъ молодой („Первый листъ“) 147
Лѣтній вечеръ (Ужъ солнца раскаленный шаръ). 53
Люблю глаза твои, мой другъ. 38
Люблю грозу въ началѣ мая („Весенняя гроза“). 47
Люблю, друзья, ласкать очами („Слезы“) 14
Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо („Mal'aria“) . . . 67
Любовники, безумцы и поэты (Изъ Шекспира) 369
Любовь, любовь — гласитъ преданье („Предопредѣленіе“). . . . 148
Любовь земли и прелесть года („Весна“). 22

Mal'aria (Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо). . . . 67
Манцони. Наполеонъ (Высокаго предчувствія). 420
Memento (Ея послѣдніе я помню взоры). 195
Микель Анджело. Сонетъ (Молчи, прошу, не смѣй меня будить!). 423
Многозначительное слово („Памяти М. К. Политковской“). . . . 262
Mobile comme l'onde (Ты, волна моя морская) 161
Могила Наполеона (Душой весны природа ожила) 48
Мой обожаемый поэтъ („Ѳ. И. Тютчеву“). Стих. А. А. Фета . . . 606
Молчи, прошу, не смѣй меня будить! („Сонетъ“. Изъ Микель Анджело) 423
Молчи, скрывайся и таи („Silentium!“) 92
Молчитъ сомнительно востокъ („Восходъ солнца“) 308
Море и утесъ (И бунтуетъ и клокочетъ) 284
Москва и градъ Петровъ, и Константиновъ градъ (Русская географія). 286
Москвичамъ (Куда себя морочите вы грубо!) 306
Мужайтесь, о, други, боритесь прилежно („Два голоса“). . . . 291
Муравьеву, А. Н. (Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ) . . . 12
Муравьеву, А. Н. (Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва). 247

На ваши, братья, празднества („Чехамъ, въ годовщину Гуса“) . 329
На взятіе Варшавы (Какъ дочь родную на закланье). 277
На графа Нессельроде (Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный). . 292
На гробовой его покровъ („На смерть гр. М. Н. Муравьева“) . . 310
Надежда и любовь, все, все погибло! („Кораблекрушеніе“. Изъ Гейне. 3). 407
На древѣ человѣчества высокомъ 72
Надъ виноградными холмами. 101
Надъ моремъ, дикимъ полуночнымъ моремъ („Вопросы“. Изъ Гейне). 406
Надъ русской Вильной стародавной. 255
Надъ этой темною толпой 182
На камень жизни роковой. 30

стр.
Наканунѣ годовщины 4 августа 1865 г. (Вотъ бреду я вдоль большой дороги) 223
На книжкѣ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева (Вотъ нашъ патентъ на благородство). Стих. А. А. Фета 607
На кончину брата (Н. И. Тютчева). (Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ). 256
На кончину Государя Наслѣдника Николая Александровича (Все рѣшено, и онъ спокоенъ) 218
На кончину Пушкина (Изъ чьей руки свинецъ смертельный) . . 99
На міръ таинственный духовъ („День и ночь") 113
Намъ не дано предугадать 246
На Невѣ (И опять звѣзда ныряетъ). 141
На новый 1855 годъ (Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою). . . . 297
Наполеонъ (Высокаго предчувствія. Изъ Манцони) 420
Наполеонъ. 1. (Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной) . . . 279
2. (Два демона ему служили). . . . . —
3. (И ты стоялъ,—передъ тобой Россія) 280
Наполеонъ III (И ты свершилъ свой подвигъ роковой) 345
Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь 317
На равнинѣ водъ лазурной („Плаваніе"). 128
На ранней дней моихъ зарѣ („17 апрѣля 1818 года"). 266
Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы („Ѳ. И. Тютчеву"). Стих. А. Н. Майкова 608
Насилу добрый геній твой („Посланіе къ А. В. Шереметеву"). . 20
На смерть графа Д. Н. Блудова (И тихими послѣдними шагами). 210
На смерть В. А. Жуковскаго (Я видѣлъ вечеръ твой) 163
На смерть графа М. Н. Муравьева (На гробовой его покровъ). . 310
На старой башнѣ, у рѣки („Привѣтствіе духа". Изъ Гёте). . . 382
Насъ всѣхъ, собравшихся на общій праздникъ снова. 327
На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ („Съ чужой стороны". Изъ Гейне) 405
Нашъ вѣкъ (Не плоть, а духъ растлился въ наши дни). . . . 167
На юбилей кн. П. А. Вяземскаго (У Музы есть различныя пристрастья). 196
На юбилей князя А. М. Горчакова (Въ тѣ дни кроваво-роковые). . 323
На юбилей Н. М. Карамзина (Великій день Карамзина). . . . 312
На юбилей М. П. Погодина (Врагъ отрицательности узкой). . . 259
Небо блѣдно-голубое (Сентябрь 1866). 233
Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ („Разсвѣтъ") 287
Невѣрныя преодолѣвъ пучины (С. Е. Раичу) 11
Не вѣрь, не вѣрь поэту! (Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!). . . . 114
Не говори: меня онъ, какъ и прежде, любитъ. 158
Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ. 288
Недаромъ милосердымъ Богомъ 149
Не движется ночная тѣнь (Декабрьское утро). 192
Не знаю я, коснется ль благодать („Э. Ѳ. Тютчевой". III). . . . 272
Неизвѣстные авторы:
I. Къ Нисѣ (Ниса, Ниса, Богъ съ тобою). 424
II. Пѣснь скандинавскихъ воиновъ (Хладенъ, свѣтелъ). . 425
III. Въ Римѣ (Когда средь Рима древняго). 427
Не легкій жребій, не отрадный („При посылкѣ Новаго Завѣта") . 201

стр.
Не остывшая отъ зною 153
Неохотно и несмѣло („Гроза дорогой“) 126
Не плоть, а духъ растлился въ наши дни („Нашъ вѣкъ“) . . . 167
Не разсуждай, не хлопочи. 139
Не то, что̀ мните вы, природа. 94
Никитенко, А. В. (Бываютъ роковые дни) 269
Ниса, Ниса, Богъ съ тобою! („Къ Нисѣ“. Изъ неизв. авторовъ). . 424
Ни у домашняго, простого камелька („Памяти Ѳ. И. Тютчева“). Стих. А. Н. Апухтина 609
Ницца, 2 (14) января 1865 г. (Какъ хорошо ты, о, море ночное!). 216
Ницца, декабрь (О, этотъ югъ, о, эта Ницца!..). 215
Норову А. С. (Тому, кто съ вѣрой и любовью) 169
Ночной костеръ зимой у перелѣска („Ѳ. И. Тютчеву“). Стих. Я. П. Полонскаго 601
Ночное небо такъ угрюмо („18 августа 1865 г. дорогой“) . . . 228
Ночной порой въ пустынѣ городской („Безсонница“) 268
Ночные голоса (Какъ сладко дремлетъ садъ темно-зеленый). . . 74
Ночныя мысли (Вы мнѣ жалки, звѣзды-горемыки). (Изъ Гёте). . 388
Нѣтъ болѣ искръ живыхъ на голосъ твой привѣтный („Я. П. Полонскому“) 220
Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ („А. Н. Муравьеву“). . . 12
Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла („23 ноября 1865 г.“) 224
Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный („На графа Нессельроде“). 292
Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья 41
Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью („По случаю пріѣзда австрійскаго эрцгерцога на похороны Императора Николая Павловича“) . 299
N. N. (Есть много мелкихъ безымянныхъ). 193

О, арфа скальда, долго ты спала („Арфа скальда“). 110
Обвѣянъ вѣщею дремотой 144
Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ („Двумъ сестрамъ“). 85
О, въ эти дни, дни роковые („Графинѣ Ростопчиной“). 178
О, вѣщая душа моя. 179
Огнемъ свободы пламенѣя („Посланіе къ Пушкину“). 3
Одиночество (Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вершины. Изъ Ламартина) 416
О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ („Послѣдняя любовь“) 168
О, какъ убійственно мы любимъ. 159
О Ламартинѣ (Какъ онъ любилъ родныя ели) 123
Олеговъ щитъ (Аллахъ! пролей на насъ свой свѣтъ!) 275
О, не кладите меня („Весеннее успокоеніе“. Изъ Уланда) . . . 403
Она сидѣла на полу 186
О, не тревожь меня укорой справедливой! 157
Они кричатъ, они грозятся („Славянамъ“) 321
Онъ родомъ былъ не славянинъ („Памяти А. Ѳ. Гильфердинга“) . 351
Опять стою я надъ Невой („Іюнь 1868 г.“) 240
Ораторъ римскій говорилъ („Цицеронъ“) 75
О, рьяный конь, о, конь морской („Конь морской“). 40
Осенней позднею порой 187
Осенній вечеръ (Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ) 116

стр.
Открылось!—Не мечта ль? Свѣтъ новый! Нова сила! („Уранія“) . 4
Оттого ль, что въ Божьемъ мірѣ („Памяти Ѳ. И. Тютчева“). Стих. Я. П. Полонскаго 603
Отъ жизни той, что̀ бушевала здѣсь („По дорогѣ во Вщижъ“) . . 258
О цензурѣ въ Россіи (Политическія статьи. IV.) 502
О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной. 88
О, этотъ югъ! о, эта Ницца! („Ницца, декабрь“) 215

Пала царственная Троя („Поминки“. Изъ Шиллера) 396
Памяти А. Ѳ. Гильфердинга (Онъ родомъ былъ не славянинъ) . . 351
Памяти Е. П. Ковалевскаго (И вотъ въ рядахъ отечественной рати). 326
Памяти М. К. Политковской (Многозначительное слово) 262
Памяти Ѳ. И. Тютчева (Оттого ль, что въ Божьемъ мірѣ). Стих. Я. П. Полонскаго 603
Памяти Ѳ. И. Тютчева (Ни у домашняго простого камелька). Стих. А. Н. Апухтина 609
Папство и римскій вопросъ (Политическія статьи. III.). 475
Первый листъ (Лѣсъ зеленѣетъ молодой). 147
Перемѣна (Лежу я въ потокѣ на камняхъ. Изъ Гёте) 373
Песокъ сыпучій по колѣни. 68
Плаваніе (На равнинѣ водъ лазурной). 128
Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ. 175
Плетневой, А. В. (Чему бы жизнь насъ ни учила) 257
По дорогѣ во Вщижъ (Отъ жизни той, что̀ бушевала здѣсь) . . 258
Погодину, М. П. (Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный). . . 243
Подъ дыханьемъ непогоды („Августъ 1850 года“). 143
Пожары (Широко, необозримо) 241
Полдень (Лѣниво дышитъ полдень мглистый) 43
Политическія статьи:
I. Россія и Германія 431
II. Россія и революція 456
III. Папство и римскій вопросъ 475
IV. О цензурѣ въ Россіи 502
Политическія статьи въ подлинникѣ:
I. Lettre à m. le docteur Gustave Kolb 519
II. La Russie et la révolution 542
III. La question romaine. 559
IV. Lettre sur la censure en Russie 583
Полонскому, Я. П. (Нѣтъ болѣ искръ живыхъ на голосъ твой привѣтный) 220
Поминки (Пала царственная Троя. Изъ Шиллера). 396
Посланіе Горація къ Меценату (Приди, желанный гость, краса моя и радость!) 365
Посланіе къ Пушкину (Огнемъ свободы пламенѣя) 3
Посланіе къ А. В. Шереметеву (Насилу добрый геній твой) . . . 20
По случаю пріѣзда австрійскаго эрцгерцога (Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью). 299
Послѣдній катаклизмъ (Когда пробьетъ послѣдній часъ природы) . 78
Послѣдняя любовь (О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ) 168
Потокъ сгустился и тускнѣетъ. 86

стр.
Пошли, Господь, свою отраду („Въ іюлѣ 1850 года“) 142
Поэзія (Среди громовъ, среди огней) 129
Предопредѣленіе (Любовь, любовь—гласитъ преданье) 148
Привѣтствіе духа (На старой башнѣ, у рѣки. Изъ Гёте) 382
Привѣтъ вамъ задушевный, братья („Славянамъ“) 318
Приди, желанный гость, краса моя и радость! (Посланіе Горація къ Меценату. Изъ Горація) 365
Примѣчанія и варіанты (къ стихотвореніямъ) 613
Примѣчанія къ политическимъ статьямъ 663
При посылкѣ Новаго Завѣта (Не легкій жребій, не отрадный) . . 201
Природа—сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй 251
Проблескъ (Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ) 18
Promenade avec ma femme (Vous, dont on voit briller. „Э. Ѳ. Тютчевой“. 2) 357
Прошла весна, темнѣетъ лѣсъ („Ѳ. И. Тютчеву“). Стих. А. А. Фета 606
Проѣзжая черезъ Ковно (Ты ль это, Нѣманъ величавый?) . . . 294
Пускай орелъ за облаками („Лебедь“) 115
Пусть сосны и ели („Листья“). 64
Пѣвецъ (Что̀ тамъ за звуки предъ крыльцомъ! Изъ Гёте). . . . 383
Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ 219
Пѣсня (Заревѣлъ голодный левъ. Изъ Шекспира) 238
Пѣснь радости (Радость, первенецъ творенья. Изъ Шиллера) . . 250
Пѣснь рыбака (Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга. Изъ Шиллера). 253
Пѣснь скандинавскихъ воиновъ (Хладенъ, свѣтелъ. Изъ неизв. авторовъ). 425
15-го іюля 1865 г. (Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло) . . 222
Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло („Черное море“) 340

Радость и горе въ живомъ упоеньи („Egmont“. Изъ Гёте) . . . 389
Радость, первенецъ творенья („Пѣснь радости“. Изъ Шиллера). . 390
Разсвѣтъ (Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ) 287
Раичу, С. Е. (Невѣрныя преодолѣвъ пучины) 11
Расинъ („Phèdre“. Acte 5, scène 6. Едва мы вышли изъ Трезенскихъ вратъ) 413
(Une) Rêve (Quel don lui faire au déclin de l'année) 355
Римъ ночью (Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ) 136
Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ („Дорога изъ Кёнигсберга въ Петербургъ“. I) 190
Россія и Германія. (Политическія статьи. I) 431
Россія и революція. (Политическія статьи. II) 456
Ростопчиной, графинѣ. 1850 года (Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни) 145
Ростопчиной, графинѣ (О, въ эти дни, дни роковые). 178
Русская географія (Москва и градъ Петровъ, и Константиновъ градъ) 286
(La) Russie et la révolution. (Политич. статья въ подлинникѣ. II) . 542

Саконтала (Что̀ юный годъ даетъ цвѣтамъ? Изъ Гёте) 372
Свершается заслуженная кара 324
Свѣтлое Христово Воскресенье (День православнаго Востока) . . 261
Святая ночь на небосклонъ взошла. 135
Святыя горы (Тихо, мягко надъ Украйной) 204

стр.
Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло („15-го іюля 1865 г.“). . 222
Сей день, я помню, для меня 66
17 апрѣля 1818 года. (На ранней дней моихъ зарѣ) 266
Сентябрь 1866. (Небо блѣдно-голубое). 233
Сентябрь холодный бушевалъ 209
Сижу задумчивъ и одинъ 49
Silentium! (Молчи, скрывайся и таи) 92
Сіяетъ солнце, воды блещутъ 150
Сквозь лазурный сумракъ ночи („Альпы“) 63
Славянамъ (Они кричатъ, они грозятся) 321
Славянамъ (Привѣтъ вамъ задушевный, братья) 318
Слезы (Люблю, друзья, ласкать очами). 14
Слезы людскія, о, слезы людскія („Слезы“). 134
Слезы (Слезы людскія, о, слезы людскія). . . . . —
Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ („Проблескъ“) 18
Смотри, какъ западъ разгорѣлся 109
Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ. 122
Смотри, какъ облакомъ живымъ („Фонтанъ“) 96
Смотри, какъ роща зеленѣетъ. 181
Снѣжныя горы (Уже полдневная пора) 61
Современное (Флаги вѣютъ на Босфорѣ) 332
Сонетъ (Молчи, прошу, не смѣй меня будить! Изъ Микель Анджело). 423
Сонъ на морѣ (И море и буря качали нашъ челнъ). 46
Спѣшу поздравить. Мы охотно („А. Ѳ. Гильфердингу“) 325
Среди громовъ, среди огней („Поэзія“) 129
Средство и цѣль (Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу) 54
Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный („М. П. Погодину“) . . 243
Стихотворенія Полонскаго, Фета, Майкова и Апухтина, посвященныя Ѳ. И. Тютчеву 601
Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою („На новый 1855 годъ“) . . . 297
Странникъ (Угоденъ Зевсу бѣдный странникъ). 42
Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу („Средство и цѣль“) 54
Суворову, князю А. А. (Гуманный внукъ воинственнаго дѣда) . . 302
Сумерки (Тѣни сизыя смѣсились) 32
Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ („Фортуна и Мудрость“. Изъ Шиллера). 402
Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ 77
Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный 119
Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга (Изъ Шиллера) 395
Съ поляны коршунъ поднялся. 57
Съ чужой стороны (На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ. Изъ Гейне. 1.). 405
Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной („Наполеонъ“. 1). . . 279

Такъ въ жизни есть мгновенія 174
Такъ гармоническихъ орудій („Ю. Ѳ. Абазѣ“) 253
Такъ здѣсь-то суждено намъ было 104
Такъ! Онъ спасенъ! Иначе быть не можетъ! („Императору Александру II“). 309
Тамъ, гдѣ горы, убѣгая 102

стр
Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва („А. Н. Муравьеву“) 247
Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой („Безуміе“). 79
Твой милый взоръ, невинной страсти полный („Къ Н.“) 16
Тебѣ, болящая въ далекой сторонѣ („Шеншиной“) 264
Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ! („Колумбъ“. Изъ Шиллера) 703
Тебѣ сердечный мой поклонъ („А. А. Фету“) 199
Телеграмма въ Петергофъ кн. П. А. Вяземскому (Безпомощный и убогій) 221
Теперь не то, что за полгода („Князю П. А. Вяземскому“) . . . 200
Теперь тебѣ не до стиховъ. 296
Тихо въ озерѣ струится 232
Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ 125
Тихо, мягко надъ Украйной („Святыя горы“) 204
Тогда лишь въ полномъ торжествѣ 289
Тому, кто съ вѣрой и любовью („А. С. Норову“). 169
Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка („Императору Александру II“). 300
Ты, волна моя морская („Mobile comme l'onde“) 161
Ты долго ль будешь за туманомъ 315
Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ (Изъ Гёте) 385
Ты зналъ его въ кругу большого свѣта 71
Ты ль это, Нѣманъ величавый? („Проѣзжая черезъ Ковно“) . . 294
Ты любишь, ты притворствовать умѣешь. 62
Тѣни сизыя смѣсились („Сумерки“). 32
1857 182
„Тютчевіана“ 597
Тютчевой, Д. Ѳ., дочери (Когда на то нѣтъ Божьяго согласья) . . 217
Тютчевой, Э. Ѳ.
I. Все, что сберечь мнѣ удалось 270
II. Все отнялъ у меня казнящій Богъ 271
III. Не знаю я, коснется ль благодать 272
IV. Un rêve (Quel don lui faire au déclin de l'année) . . . 355
V. Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées . . . 357
VI. Des premiers ans de votre vie 358
Тютчеву (Ночной костеръ зимой у перелѣска). Стих. Я. П. Полонскаго 601
Тютчеву (Мой обожаемый поэтъ). Стих. А. А. Фета 605
Тютчеву (Прошла весна, темнѣетъ лѣсъ). Стих. А. А. Фета . . . 606
Тютчеву (Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы). Стих. А. Н. Майкова 608

Увы, что нашего незнанья. 173
Угоденъ Зевсу бѣдный странникъ („Странникъ“) 42
Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами 301
Уже полдневная пора („Снѣжныя горы“). 61
Ужъ солнца раскаленный шаръ („Лѣтній вечеръ“) 53
Ужъ третій годъ бѣснуются языки 290
Уландъ. Весеннее успокоеніе (О, не кладите меня) 403
Умомъ Россію не понять. 311
У Музы есть различныя пристрастья („На юбилей князя П. А. Вяземскаго“) 196

стр.
Уранія (Открылось!—Не мечта ль? Свѣтъ новый! Нова сила) . . 4
Успокоеніе (Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ). 76
Уста съ улыбкою привѣтной („Къ ***“) 39
Утихла буря, легче дышетъ 212
Утро въ горахъ (Лазурь небесная смѣется) 60

Фаустъ. (Изъ Гёте).
1. Кто звалъ меня?—О, страшный видъ! 374
2. Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ 376
3. Былъ царь, какъ мало нынѣ 378
Фету, А. А. (Тебѣ сердечный мой поклонъ). 199
Флаги вѣютъ на Босфорѣ („Современное“) 332
Фонтанъ („Смотри, какъ облакомъ живымъ...“) 96
Фортуна и мудрость (Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ. Изъ Шиллера). 402

Хладенъ, свѣтелъ („Пѣснь скандинавскихъ воиновъ“. Изъ неизв. авторовъ). 425
Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ 202
Хотя бъ она сошла съ лица земного 316

Царь благодушный, Царь съ евангельской душою („Императору Александру II“) 349
Цицеронъ (Ораторъ римскій говорилъ). 75

Чародѣйкою-зимою. 165
Часовъ однообразный бой („Безсонница“) 58
Чему бы жизнь насъ ни учила („А. В. Плетневой“) 257
Чему молилась ты съ любовью. 156
Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля 69
Черное море (Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло) 340
14 іюля, въ ночь (Не остывшая отъ зною) 153
14 іюля 1851 года (Дума за думой, волна за волной) 152
Чехамъ, въ годовщину Гуса (На ваши, братья, празднества) . . 329
Что̀ за отчаянные крики („Въ деревнѣ“). 249
Что̀ пѣлъ божественный, друзья („Къ друзьямъ“). 28
Что̀ тамъ за звуки предъ крыльцомъ („Пѣвецъ“. Изъ Гёте) . . . 383
Что̀ ты клонишь надъ водами 91
Что̀ юный годъ даетъ цвѣтамъ? („Саконтала“. Изъ Гёте) 372

Шекспиръ.
I. Любовники, безумцы и поэты 369
II. Пѣсня (Заревѣлъ голодный левъ) 370
Шеншиной (Тебѣ, болящая въ далекой сторонѣ) 264
Шиллеръ.
I. Пѣснь радости (Радость, первенецъ творенья) 390
II. Поминки (Пала царственная Троя) 396
III. Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга. 395
IV. Фортуна и Мудрость (Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ). 402
V. Колумбъ (Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!) 703
Широко, необозримо („Пожары“). 241

стр.
Щербинѣ, Н. Ѳ. (Вполнѣ понятно мнѣ значенье). 180

Эти бѣдныя селенья 176
Un rêve (Quel don lui faire au déclin de l'année? — „Э. Ѳ. Тютчевой". IV). 355
Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège 359

Я видѣлъ вечеръ твой. Онъ былъ прекрасенъ (На смерть В. А. Жуковскаго) 163
Я встрѣтилъ васъ, и все былое („К. Б."). 254
Я зналъ ее еще тогда. 198
Я лютеранъ люблю богослуженье 80
Я очи зналъ,—о, эти очи! 166
Я помню время золотое 24
Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ 83

КОЛУМБЪ.

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло
И довершившій наконецъ
Судебъ неконченное дѣло!

Ты завѣсу расторгъ всесильною рукой,
И новый міръ, невѣдомый, нежданный,
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой.

Такъ связанъ, съединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства,
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.

Скажи завѣтное онъ слово —
И міромъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственный его.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе. V
Ѳ. И. Тютчевъ. Критико-біографическій очеркъ *В. Я. Брюсова* . . VII

Лирическія стихотворенія (1820—1873).

Посланіе къ Пушкину. 3
Уранія. 4
„Невѣрныя преодолѣвъ пучины..“ 11
А. Н. Муравьеву. 12
Слезы 14
Къ Н 16
Вечеръ 17
Проблескъ 18
Посланіе къ А. В. Шереметеву 20
Весна. 22
„Я помню время золотое...“ 24
„Еще земли печаленъ видъ...“ 26
„Въ толпѣ людей, въ нескромномъ шумѣ дня...“ 27
Къ друзьямъ 28
„На камень жизни роковой...“ 30
Сумерки. 32
„Вчера, въ мечтахъ обворожённыхъ...“ 33
Весна. 35
„Какъ птичка раннею зарей...“ 36
„Люблю глаза твои, мой другъ...“ 38
Къ *** 39
Конь морской 40
„Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья...“ 41
Странникъ 42
Полдень 43
Въ дорогѣ 44
„Душа хотѣла бъ быть звѣздой...“ 45
Сонъ на морѣ 46

стр.
Весенняя гроза 47
Могила Наполеона 48
„Сижу задумчивъ и одинъ...“ 49
Cache-cache 51
Лѣтній вечеръ. 53
Средство и цѣль 54
Видѣніе 55
„Какое дикое ущелье!..“ 56
„Съ поляны коршунъ поднялся...“ 57
Безсонница 58
Утро въ горахъ 60
Снѣжныя горы 61
„Ты любишь, ты притворствовать умѣешь...“ 62
Альпы 63
Листья 64
„Сей день, я помню, для меня...“ 66
Mal'aria 67
„Песокъ сыпучій по колѣни...“ 68
„Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля...“ 69
„Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной...“ 70
„Ты зналъ его въ кругу большого свѣта...“. 71
„На древѣ человѣчества высокомъ...“ 72
Весеннія воды 73
Ночные голоса 74
Цицеронъ 75
Успокоеніе 76
„Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ...“ 77
Послѣдній катаклизмъ. 78
Безуміе 79
„Я лютеранъ люблю богослуженье...“ 80
„Изъ края въ край, изъ града въ градъ...“ 81
„Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ...“ 83
„Какъ надъ горячею золой...“ 84
Двумъ сестрамъ 85
„Потокъ сгустился и тускнѣетъ...“ 86
„Востокъ бѣлѣлъ... Ладья катилась...“ 87
„О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной...“ 88
„Въ душномъ воздухѣ молчанье...“ 89
„Что̀ ты клонишь надъ вода̀ми...“ 91
Silentium! 92
„И гробъ опущенъ ужъ въ могилу...“ 93
„Не то, что̀ мните вы, природа...“ 94
Фонтанъ 96
„Вечеръ мглистый и ненастный...“ 97
„Душа моя—элизіумъ тѣней...“ 98
На кончину Пушкина. 99
„Надъ виноградными холмами...“ 101
„Тамъ, гдѣ горы, убѣгая...“. 102
„Такъ здѣсь-то суждено намъ было...“. 104
„Давно ль, давно ль, о, югъ блаженный...“ 105

стр.

Итальянская вилла 107
„Смотри, какъ западъ разгорѣлся...“ 109
Арфа скальда. 110
Весна. 111
День и ночь 113
Не вѣрь, не вѣрь поэту! 114
Лебедь. 115
Осенній вечеръ 116
„Живымъ сочувствіемъ привѣта...“ 117
„Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный...“ 119
12 ноября 1844 года 120
„Итакъ, опять увидѣлся я съ вами...“ 121
„Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ...“ 122
О Ламартинѣ 123
„Еще томлюсь тоской желаній...“ 124
„Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ...“ 125
Гроза дорогой. 126
Близнецы 127
Плаваніе 128
Поэзія 129
„Вновь твои я вижу очи...“ 130
„Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ!..“ 131
„Когда въ кругу убійственныхъ заботъ...“ 132
„Вдали отъ солнца и природы...“. 133
Слезы 134
„Святая ночь на небосклонъ взошла...“ 135
Римъ ночью 136
Венеція 137
„Конченъ пиръ, умолкли хоры...“ 138
„Не разсуждай, не хлопочи...“ 139
„Какъ ни дышитъ полдень знойный...“ 140
На Невѣ. 141
Въ іюлѣ 1850 года. 142
Августъ 1850 года 143
„Обвѣянъ вѣщею дремотой...“ 144
Графинѣ Ростопчиной. 1850 года. 145
Первый листъ. 147
Предопредѣленіе 148
„Недаромъ милосердымъ Богомъ...“ 149
„Сіяетъ солнце, воды блещутъ...“ 150
„Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь...“ 151
14 іюля 1851 года 152
14 іюля, въ ночь 153
„Въ разлукѣ есть высокое значенье...“ 154
„День вечерѣетъ, ночь близка...“. 155
„Чему молилась ты съ любовью...“ 156
„О, не тревожь меня укорой справедливой!..“ 157
„Не говори: меня онъ, какъ и прежде, любитъ...“ 158
„О, какъ убійственно мы любимъ...“ 159
Mobile comme l'onde 161

стр.
На смерть В. А. Жуковскаго 163
„Чародѣйкою-зимою...“. 165
„Я очи зналъ,—о эти очи!..“ 166
Нашъ вѣкъ. 167
Послѣдняя любовь 168
А. С. Норову 169
„Еще шумѣлъ веселый день...“ 170
„Какое лѣто, что̀ за лѣто!..“ 172
„Увы, что̀ нашего незнанья...“ 173
„Такъ въ жизни есть мгновенія...“ 174
„Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ...“ 175
„Эти бѣдныя селенья...“ 176
„Вотъ отъ моря и до моря...“ 177
Графинѣ Ростопчиной 178
„О, вѣщая душа моя...“ 179
Н. Ѳ. Щербинѣ 180
„Смотри, какъ роща зеленѣетъ...“ 181
1857 182
„Есть въ осени первоначальной...“ 183
„Въ часы, когда бываетъ...“ 184
„Она сидѣла на полу...“ 186
„Осенней позднею порою...“. 187
Е. Н. Анненковой 188
Дорога изъ Кёнигсберга въ Петербургъ. I, II. 190
Декабрьское утро 192
N. N. 193
„И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ...“ 194
Memento. 195
На юбилей князя П. А. Вяземскаго. 196
„Я зналъ ее еще тогда...“ 198
А. А. Фету 199
Князю П. А. Вяземскому. 200
При посылкѣ Новаго Завѣта 201
„Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ...“ 202
„Играй, покуда надъ тобою...“. 203
Святыя горы 204
Н. С. Акинфіевой. 1—3 206
„Сентябрь холодный бушевалъ...“ 209
На смерть графа Д. Н. Блудова 210
„Весь день она лежала въ забытьи...“. 211
Женева 11 (23) октября 1864 г. 212
Императрицѣ Маріи Александровнѣ. 1, 2. 213
Ницца, Декабрь 215
Ницца, 2 (14) января 1865 г. 216
Дочери Д. Ѳ. Тютчевой. 217
На кончину Государя Наслѣдника Николая Александровича. . . 218
„Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ...“ 219
Я. П. Полонскому 220
Телеграмма въ Петергофъ князю П. А. Вяземскому. 221
15 іюля 1865 г. 222

стр.
Наканунѣ годовщины 4 августа 1865 г. 223
23 ноября 1865 г. 224
„Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ...“ 225
„Какъ неожиданно и ярко...“ 227
18 августа 1865 г., дорогой. 228
Графинѣ А. Д. Блудовой 229
Къ портрету 230
„И въ Божьемъ мірѣ то жъ бываетъ...“ 231
„Тихо въ озерѣ струится...“. 232
Сентябрь 1866. 233
Еще князю П. А. Вяземскому. 235
Графинѣ А. Д. Блудовой. 236
Дымъ 237
„Въ небѣ таютъ облака...“ 239
Іюнь 1868 г. 240
Пожары. 241
М. П. Погодину 243
„Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы...“. 244
„Намъ не дано предугадать..“. 246
А. Н. Муравьеву. 247
Въ деревнѣ. 249
„Природа—сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй...“. 251
„Корабль въ густомъ, сыромъ туманѣ...“. 252
Ю. Ѳ. Абазѣ 253
К. Б. 254
„Надъ русской Вильной стародавной...“ 255
На кончину брата 256
А. В. Плетневой. 257
По дорогѣ во Вщижъ. 258
На юбилей М. П. Погодина. 259
„Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ...“ 260
Свѣтлое Христово Воскресенье. 261
Памяти М. К. Политковской. 262
Шеншиной 264
17 апрѣля 1818 года 266
Безсонница. 268
А. В. Никитенко. 269
Э. Ѳ. Тютчевой, I—III 270

Политическія стихотворенія (1829—1873).

Олеговъ щитъ. 275
Декабристамъ 276
На взятіе Варшавы. 277
Наполеонъ. 1—3. 279
Къ Ганкѣ 281
Море и утесъ. 284
Русская географія 286
Разсвѣтъ. 287
„Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ...“ 288
„Тогда лишь въ полномъ торжествѣ...“. 289

стр.
„Ужъ третій годъ бѣснуются языки...“ 290
Два голоса. 291
На графа Нессельроде. 292
Проѣзжая черезъ Ковно (1853) 294
„Теперь тебѣ не до стиховъ...“ 296
На новый 1855 годъ 297
По случаю пріѣзда австрійскаго эрцгерцога на похороны императора Николая Павловича. 299
Императору Александру II. 300
„Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами...“ 301
Князю А. А. Суворову. 302
Князю Горчакову 303
Encyclica 304
Издателю газеты „Вѣсть“. 305
Москвичамъ 306
„Какъ вѣрно здравый смыслъ народа...“ 307
Восходъ солнца 308
Императору Александру II. 309
На смерть графа М. Н. Муравьева 310
„Умомъ Россію не понять...“ 311
На юбилей Н. М. Карамзина 312
Два единства 314
„Ты долго ль будешь за туманомъ...“ 315
„Хотя бъ она сошла съ лица земного...“ 316
„Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь...“ 317
Славянамъ (Привѣтъ вамъ задушевный, братья) 318
Славянамъ (Они кричатъ, они грозятся) 321
На юбилей князя А. М. Горчакова. 323
„Свершается заслуженная кара...“ 324
Князю А. М. Горчакову 325
Памяти Егора Петровича Ковалевскаго. 326
„Насъ всѣхъ, собравшихся на общій праздникъ снова...“. . . . 327
„Какъ насажденія Петрова...“ 328
Чехамъ, въ годовщину Гуса. 329
Современное 332
А. Ѳ. Гильфердингу. 335
Гусъ на кострѣ 337
Въ альбомъ П. А. Вакара 339
Черное море 340
Князю А. М. Горчакову 342
Ватиканская годовщина 343
Наполеонъ III. 345
„Британскій леопардъ...“ 347
Императору Александру II. 349
Памяти А. Ѳ. Гильфердинга. 351

Французскія стихотворенія.

Э. Ѳ. Тютчевой I. (Un rêve). 355
„ II. (Vous, dont on voit briller...) 357
„ III. (Des premiers ans de votre vie) 358

стр.
„Un ciel lourd que la nuit...“ 359
Е. Н. Анненковой. 360
„Lorsqu' un noble prince...“ 361

Переводы и подражанія (1819—1869).

Горацій
Посланіе Горація къ Меценату 365
Шекспиръ
I. „Любовники, безумцы и поэты...“ 369
II. Пѣсня 370
Байронъ
Въ альбомъ друзьямъ 371
Гёте
Саконтала. 372
Перемѣна 373
Фаустъ. 1—3. 374
„Западъ, Нордъ и Югъ въ крушеньи...“ 380
Привѣтствіе духа 382
Пѣвецъ. 383
„Ты знаешь край, гдѣ миртъ...“. 385
Изъ „Вильгельма Мейстера“. 1—3 386
Ночныя мысли 388
Egmont 389
Шиллеръ
Пѣснь радости 390
„Съ озера вѣеть прохлада и нѣга...“ 395
Поминки 396
Фортуна и Мудрость 402
Колумбъ. 703
Уландъ
Весеннее успокоеніе 403
Ленау
„Когда, что̀ звали мы своимъ...“. 404
Гейне
Съ чужой стороны 405
Вопросы 406
Кораблекрушеніе 407
„Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ...“. 409
„Другъ, откройся предо мною...“ 410
„Въ которую изъ двухъ влюбиться...“. 411
„Если смерть есть ночь...“. 412
Расинъ
„Едва мы вышли изъ Трезенскихъ вратъ...“ 413
Ламартинъ.
Одиночество 416
Викторъ Гюго
„Великій Карлъ, прости!..“ 418
Манцони
Наполеонъ. 420

стр.

Микель Анджело
Сонетъ 423
Неизвѣстные авторы
Къ Нисѣ 424
Пѣснь скандинавскихъ воиновъ. 425
Въ Римѣ 427

Политическія статьи (1844—1857).

I. Россія и Германія. 431
II. Россія и революція. 456
III. Папство и римскій вопросъ 475
IV. О цензурѣ въ Россіи. 502

Политическія статьи въ подлинникѣ.

I. Lettre à m. le docteur Gustave Kolb 519
II. La Russie et la révolution. 542
III. La question romaine 559
IV. Lettre sur la censure en Russie 583

Приложенія.

I. Изъ „Тютчевіаны“ 597
II. Стихотворенія Я. П. Полонскаго, А. А. Фета, А. Н. Майкова и А. Н. Апухтина, посвященныя Ѳ. И. Тютчеву 601

Примѣчанія и варіанты.

Лирическія стихотворенія (1820—1873) 613
Политическія стихотворенія. 642
Французскія стихотворенія 653
Переводы и подражанія (1819—1869). 656
Политическія статьи 664
Библіографія произведеній Ѳ. И. Тютчева. Составилъ П. В. Быковъ . 665
Алфавитный указатель 687

Послѣ алфавитнаго указателя помѣщено случайно пропущенное стихотвореніе „Колумбъ“. Изъ Шиллера. 703

AUG 26 1988

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY